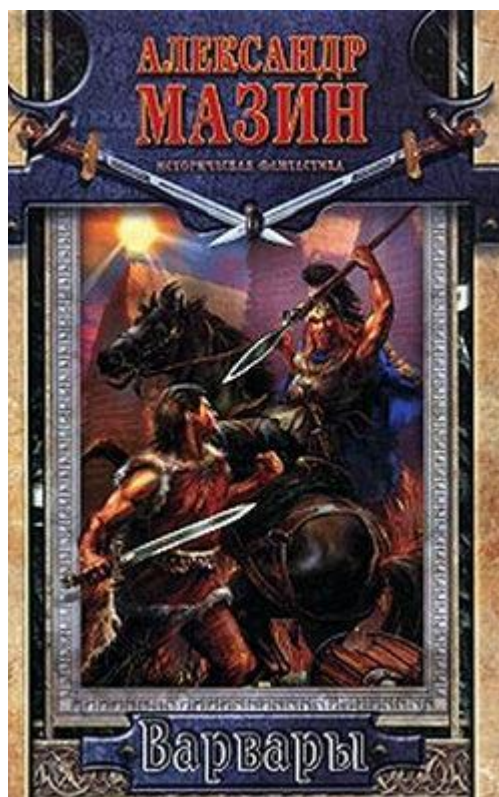

Александр Мазин Варвары

Варвары – 1

Римляне считали их кровожадными дикарями, но сами они называли себя Славными и превыше силы ценили в вождях удачливость. За ними – будущее. Их потомки будут править Европой. Но пока все они, готы, герулы, вандалы – варвары, и двум нашим космонавтам, оказавшимся в Приднестровье третьего века, будет не так просто уцелеть в жестоком мире воинственных варваров.

Часть первая Чужие боги

Пролог

19 июня 20... года. 9.12. ОРТ. «Новости»

«Вчера, в 23 часа 2 минуты по московскому времени, с космодрома Байконур успешно стартовал корабль „Союз ТМ-М-4“ с экипажем в составе командира корабля Геннадия Черепанова и космонавта-исследователя Алексея Коршунова. Как заявили нашему корреспонденту в Центре управления полетами, несмотря на то что запуск дважды откладывался, старт прошел, самочувствие космонавтов хорошее. Стыковка с Международной космической станцией должна произойти примерно через 49 часов после старта. В соответствии с программой полета Г. Черепанов проведет на станции около шести месяцев и вернется на Землю на корабле многоразового использования „Дискавери“ – вместе с американскими участниками основной экспедиции. А. Коршунов пробудет на МКС меньше и после запланированных исследовательских работ с микрогравитационной лабораторией „Спейсхаб“ через сорок два дня вернется на землю на „Союзе ТМ-М-4“,

вместе с космонавтом Николаем Белкиным, уже шесть месяцев находящимся на МКС».

20 июня 20... года. 14.23. РТР. «Вести»

«Как сообщили из Центра управления полетами, около шести часов назад была потеряна связь с кораблем „Союз ТМ-М-4“ с космонавтами Геннадием Черепановым и Алексеем Коршуновым на борту. На момент потери связи корабль находился над территорией Российской Федерации на высоте 324 километра. Примерно в это же время, как сообщает агентство „Рейтер“, потерял ориентацию научно-исследовательский спутник, находившийся в этот момент над кораблем на высоте около 600 километров, а на спутнике связи ИНТЕЛСАТ, также находившемся над кораблем на геостационарной орбите на высоте около сорока тысяч километров, был зарегистрирован кратковременный сбой работы бортовых систем...»

21 июня 20... года. 22.20. НТВ. «Сегодня»

«...так и не восстановлена связь с кораблем „Союз ТМ-М-4“. Более того, не удалось обнаружить ни сам корабль, ни признаки вхождения его в плотные слои атмосферы. К поискам корабля, помимо НАСА и ВМФ США, подключились к настоящему моменту военные обсерватории всего мира, однако пока безрезультатно. По утверждению специалистов, космический корабль „Союз ТМ-М“ – это очень надежный аппарат с многократным дублированием большинства бортовых систем. Так что будем надеяться...»

23 июня 20... года. 00.12. ОРТ. «Новости»

«...к настоящему моменту судьба „Союза ТМ-М-4“ остается неизвестной. Стыковка с МКС должна была произойти более девяти часов тому назад. Попытки обнаружить корабль в околоземном пространстве пока не дали никаких результатов. Не удалось также обнаружить и признаков падения корабля. По сообщениям военных специалистов, никаких испытаний противоспутниковых систем в это время на территории России – да и во всем мире – не проводилось. Это подтверждается и сообщениями западных агентств, в которых говорится, что характер нарушений в работе спутников, находившихся вблизи точки орбиты, в которой прервалась связь с „Союзом ТМ-М-4“, не позволяет говорить о применении какой-либо из известных систем уничтожения спутников.

По указанию Президента России В. В. Путина создана специальная комиссия по расследованию происшествия с „Союзом ТМ-М-4“. В комиссию входят представители Российского космического агентства, концерна „Энергия“, Министерства обороны и Российской Академии наук».

Глава первая Книва. О подвигах и славе

Ночь простерлась над миром. Под затянутым тучами небом притулилось село – полтора десятка низких мазанок. Дождь лениво шуршал в крытых почернелой соломой крышах. Село спало.

Спали и в доме Фретилы, когда неслышно откинулась бычья кожа, закрывающая вход, и в проеме возникла темная фигура. Мгновение пришелец помедлил, вдыхая запахи и вслушиваясь, затем уверенно двинулся вглубь, пробираясь между спящими. Наклонившись над одним, потряс за плечо. Тот замычал, попытался сбросить руку. Потом разом вскинулся.

– Нидада? – Голос у Книвы, сына Фретилы, был сиплым со сна.

– Тсс!

– Тебе чего...

– Идем?

И, не дожидаясь ответа, Нидада проскользнул к выходу.

Книва помедлил, приходя в себя. Затем встал с лавки. Рядом забормотал во сне Фретила, не то негодуя, не то жалуясь. Книва замер. Нет, все спокойно, отец снова захрапел.

Нидада ждал снаружи под навесом, где хранились нарубленные дрова для очага. Когда Книва приблизился, Нидада надменно оглядел его с головы до ног и презрительно хмыкнул.

Старый дворовый кобель, околавившийся поблизости на всякий случай (Нидада – знакомый, но мало ли...), при появлении Книвы потрусил прочь, на свое обычное место под навесом амбара.

– Чего надо? – Книва был недоволен.

– Дай поесть, – буркнул Нидада.

– Зачем будил? Ведь знаешь, где еда.

Нидада бросил взгляд на вход в дом.

– Все спят, – успокоил его Книва. – Ты что ночами бродишь?

Нидада не ответил. Хмурился, сопел, глядел в землю. Книва ждал. Нидада такой. Когда его отца медведь заломал, Нидада из дому сбег и сутки пропадал где-то. С тех пор диковатым сделался.

– В капище скоро отправляться, – выдал наконец Нидада. – Посвящение принимать...

Книва потрогал рысьи когти, что висели у него на шее. Душу этой рыси Книва взял с год назад. Рысь – могучий воин. Почетно ее душу взять. И в мужской избе когти не стыдно предъявить. Только не так-то просто посвящение пройти. Вдруг спросит Овида-жрец: отчего мнишь, что воин из тебя получится?

Подвиги нужны. Чтобы в дружину попасть, точно подвиги требуются. В дружину ведь всякий хочет. В селе что? Пахота да жатва. А в дружине весело, пиры, походы. Очень хочется Книве в дружину.

Нидада, как и Книва, в этом году свою четырнадцатую весну встретил. Нидада тоже хочет в дружину. Только в дружину попасть Нидаде еще труднее будет. В дружине брат его, Ахвизра. Потому-то и не находит Нидада себе места. Ведь как решат жрецы и воинский вождь Одохар, так тому и быть. А Одохар дружинников станет слушать. Когда молодых в воины принимают, из бурга на капище с военным вождем обязательно дружинники наезжают. Они-то и следят, кто как испытания прошел.

Ахвизра в селе прошлой осенью был. Припасов привез, чтобы кормился Нидада. Ахвизра так решил: пусть Нидада на земле сидит, хоть он и младший. Род хранит.

Это правильно. Род хранить надо. Человек без рода ничто. Только у Нидады весь род – Ахвизра. Остальные – кто помер, кто в великом походе сгинул.

А род – он ведь на земле сидит. И через то почет ему. Что за род без земли?

Оттого и решил Ахвизра Нидаду на земле силком удержать. Мол, свыкнется со временем. Ахвизра Нидаде клятвенно обещал на капище быть, когда Нидада воинское посвящение принимать станет. И всяческие препоны чинить. А все знают – Ахвизра слов на ветер не бросает.

Потому-то и нужно Нидаде что-то такое, особенное. Подвиги нужны. Но только где в селе их сыщешь? На охоте разве что. Но этого мало. Великое нужно. Чтобы всех проняло. Чтобы от зависти все почернели.

– Я на квеманском озере был, – сказал Нидада.

– Врешь!

– Не вру!

Видно, и впрямь не врал. Чем-то от Нидады таким веяло... беспокойным.

Книва невольно поежился.

Квеманы – страшный народ. Они с демонами знают. И живут средь болот. В самых нечистых местах.

– Не вру! Клянусь Вотаном!

Книва ошарашенно смотрел на него. Пусть Нидада не воин пока, но такими клятвами не бросаются.

И тут Нидаду будто прорвало. Путано, сбивчиво он начал рассказывать...

На самом-то деле Нидада сначала на охоту отправился. Думал птицы набить. Но охота была неважная. Тогда Нидада решил на лесное озеро идти: там птица всегда в изобилии. А

озеро это на землях квеманов стоит, хотя и далеко от их сел.

– Я возле озера на них и набрел,– продолжал Нидада.– Только они меня не видели. Повезло. Там орешника много...

В орешнике сидел Нидада, когда голоса услышал.

Квеманов было пятеро. Беззаботно себя вели, пересмеивались. Нидада решил за квеманами проследить. Что станут делать? А квеманы хворост собирали, таскали на берег озера. Тут Нидада смекнул: не иначе, затевают квемань свои нечистые игрища. Ведь солнцу на зиму пора поворачивать. Стало быть, будут квемань на озере костры жечь и безобразничать. Про их мерзкие обычаи в селе много чего рассказывали...

Следил Нидада за квеманами – и вдруг его осенило: вот он, подвиг великий!

В ночь на солнцеворот тайно на игрища квеманские прийти. Это и само по себе – подвиг, а если еще пару квеманских голов добыть, так выйдет не просто подвиг, а великий подвиг.

Прикинул Нидада: дело это нетрудное.

На игрищах, известное дело, обопьются квемань, начнут по лесу за девками своими гоняться, разбредутся в разные стороны. Так что можно одного-двух подкараулить и убить. Головы с убитых снять. А когда в воины посвящать станут, эти головы и предъявить. Такого подвига здесь отродясь никто не совершал. После такого сам Одохар, лично, в дружину позовет. Поэтому Нидада сразу о Книве подумал. Во-первых, Книва – друг. Во-вторых, Книве тоже к посвящению подвиг нужен. Опять-таки вдвоем и голов можно снять поболее.

– Весь лес квеманский кровью зальем. Всю избу завалим головами квеманскими,– возбужденно шептал Нидада.

– Там же духи болотные на игрищах будут, и боги квеманские.– Книва сложил пальцы защитным знаком.

– Ты их видел? – бросил Нидада презрительно.

– Я не видел. А Вутерих видел.

Вутерих в селе живет. Он прошлым летом болотного духа увидал. Потом болел долго.

– Вутерих говорит, он на тощего человечка похож. И нос у него острый и длинный.

Нидада фыркнул. Как болотный дух выглядит, все и без Вутериха знали. Старики о том не раз рассказывали. Фыркнул, но оглянулся украдкой и тоже сложил пальцы в защитный знак. Потом снова повернулся к Книве, зубами сверкнул в темноте:

– Трусишь? Тогда я один пойду.

Книва понял: он и в самом деле пойдет. И подвиг совершит, и станет дружинником. А он, Книва, так и останется в селе, на земле сидеть.

Книва коснулся рысьих когтей и заявил решительно:

– Я – с тобой!

– Завтра,– сказал Нидада с достоинством, и по голосу было слышно: обрадовался, что Книва с ним отправится.

– А сейчас я спать иду,– заявил Нидада, голосом подражая вождю Одохару.– И ты иди. Нам выспаться надо.

Глава вторая Книва. Охотники за головами

Той ночью Книве показалось: славно задумал Нидада. Может, потому показалось, что очень хотелось Книве великий подвиг свершить. А может, духи недобрые разум помutilи.

Утром он уж по-другому думал. Но отказаться не мог. Что он за воин будет, если слова не держит?

Утром Книва с Нидадой из села ушли. Как бы на охоту. Рогатины взяли, ножи, все, что требовалось.

Пока своими землями шли, Нидада болтал без умолку. То удалью хвастал, то принимался рассуждать, как лучше с квеманскими головами обойтись, чтоб сохраннее были. Засолить, закоптить или в медо спрятать. Склонялся к мысли, что лучше – закоптить. Тут

Книва был с ним согласен. Соль надобно еще у Фретины выпросить, а мед хоть и можно самим добыть, а потом как? Что за радость, если трофей в кувшине или в горшке лежит? Нет, такая добыча должна у всех на виду быть! Чтоб каждый доблесть Книвы увидеть мог.

Почти до полудня болтал Нидада, а после полудня они в дикий лес вошли, и Нидада умолк. И неудивительно. В диком лесу Ибба живет, волков пестует. Ибба раньше в селе жил, а потом в великий поход ушел. Сказывают, что до похода Ибба был как все. С прочими героями в богатырской избе жил, ярость тешил. Вернулся из похода только он один, остальные все полегли. А как вернулся – тут все и увидели: вутей¹ стал Ибба. Такую ярость Ибба в себе принес, что не смог больше среди людей жить. В лес ушел. Давно это было.

Из сельских Иббу никто не видел ни разу после того, как он в лес ушел. Зато следы примечали не раз.

Нидаду с Книвой Ибба через свой лес без помех пропустил, хотя дважды, среди буреломов, взгляд вутьи ощущался. Понял, видать, Ибба, зачем во владения его вторглись. Радовался небось, что кровь прольется.

Нидада все правильно рассчитал. К озеру вышли в срок, затаились. Что-что, а затаиться они умели. Охотники как-никак, дело привычное. И на время Книве даже казаться стало, что и впрямь дело привычное: что рысь на рогатину взять, что квемана дикого...

Квеманы появились, когда уж смеркаться стало.

Книва, завидев их, даже дышать перестал. За свои четырнадцать зим он прежде лишь одного живого квемана видел. Его охотники в лесу поймали, недалеко от села. Вынюхивал, должно быть. Тот квеман от рассвета до рассвета перед ликами богов смерть принимал.

Книва тогда мал еще был, сидел на плече у своего отца Фретины и смотрел, как умирал квеман. Долго умирал и кричал громко. В тот год засуха началась, если бы не жертва, зерно бы в полях сгорело. Но Тивас-бог принял квемана и дал дождь.

«Это оттого, – назидательно сказал потом Фретины, – что квеман был правильный».

– Правильный квеман, – пробормотал, сам того не замечая, Книва.

– Тихо ты! – яростно прошипел Нидада и толкнул Книву локтем.

Мошкары в прибрежных зарослях, где хоронились Книва с Нидадой, оказалось видимо-невидимо. А как стемнело, так и вовсе неведомо стало.

Не любят квеманы света дня. Оттого и веселятся всегда по ночам, когда злые духи по миру бродят. В селе говорят: квеманы со злыми духами заодно и под них рядятся. Когда в бой идут, черные одежды на себя надевают. У них и щиты черные, и лица они сажей вымазывают.

Однако нынче квеманы в белые одежды обрядились. И без оружия были. Шли не таясь. Знали: на своих землях. Духи ночные пронзительными голосами в чаще кричали – квеманов приветствовали.

Книва даже про мошкарку забыл. Сидел, потел, тискал древко рогатины. Страшно! Кажется: весь лес квеманами полон, вот сейчас раздвинутся кусты и встанут вокруг квеманы тесной толпой. И такая слабость навалилась вдруг на Книву, что возникни рядом квеманы – он дался бы им без всякого сопротивления.

Рядом судорожно вздохнул Нидада. Как всхлипнул.

«Небось тоже перетрусил», – подумал Книва, и от этой мысли ему сразу стало легче.

И злость пришла: на дурака Нидаду и на себя, что этого дурака послушался. А со злостью пришла ярость – холодная, как ключевая вода. Пришла – и вымыла все лишнее: мысли дурные, страхи. Тени перестали казаться личинами злых духов, а все звуки обрели правильный смысл, понятный охотнику. Книва даже усмехнулся, когда вспомнил свой

¹ Носитель священной ярости (вуг), посылаемой богами. Чаще всего вуг посылался человеку Вутаном (Вотаном) – богом войны и магии. Собственно, само имя Вутан и образовано от слова «вуг». У многих индоевропейских народов на этапе родоплеменных отношений священная ярость была объектом своеобразного религиозного почитания.

недавний страх, будто окружили их квеманы. Он потянул носом воздух: медленно, приплюхиваясь, как Фретила, отец, учил. Точно. Не было рядом квеманов. Далеко они были, не ближе полета стрелы. Огни жгли: от костров сырым дымом несло. Один только Нидада рядом сидел, пыхтел и потел. Трусил.

Хотел ему Книва обидное что-нибудь сказать, но передумал.

Дымом еще гуще потянуло. Книва слух напряг: что там квеманы затевают?

А они вдруг заголосили, завизжали на разные голоса, затопотали. Книва над кустарником осторожно приподнялся: интересно же. Нидада, снизу, зашипел злобно, но Книва только отмахнулся.

Ничего особенного он не разглядел, понял только, что квеманы от костров к озеру двинулись.

Над озером висел туман. Берега тонули в белесой мгле. Сквозь мглу мутно светили костры.

Внезапно кто-то жалобно закричал. Затем все стихло. И услышал Книва тонкий девичий плач. Звук по воде хорошо идет. Казалось, совсем рядом девочка плачет. Затем резкий голос раздался. Мужской. И глухой хрусткий удар. А затем – плеск. И сразу все вместе завопили квеманы. Заухали, завизжали, зарычали по-звериному.

Книве сразу ясно стало, что произошло. Принесли квеманы жертву озерному божеству. Рабыню или девку из своих. В селе говорят: они так всегда делают. А потом блуду предаются. Это они, нелюди, так солнцеворот празднуют. Не то что настоящие люди: днем ярким, с плясками да потехами воинскими.

Порадовав озерное божество, квеманы снова к кострам побрели. Чуть погода оттуда потянуло жаревом. Книва даже слюну сглотнул: проголодался.

Отложил рогатину, полез в сумку, достал кусок вяленой зайчатины, оторвал зубами кусок, спросил Нидаду:

– Хочешь?

– Не-ет...

Трусил Нидада. Может, правильно решил Ахвизра оставить Нидаду при земле. Какой из Нидады воин выйдет? Смех, а не воин.

От этой мысли Книва почувствовал гордость, а к трусливому Нидаде снисхождение.

– Ты чего трясешься? Далеко квеманы, не слышишь, что ли? – процедил он.

– Квеманы далеко... – протянул Нидада. – Я не о том.

– А о чем? – удивился Книва.

Нидада мотнул головой в сторону озера.

Вот дурачок! Это он, оказывается, из-за озерного духа трусливым поётом исходит.

– Ему ж только что девку кинули! – усмехнулся Книва.

– А верно! – Нидада сразу повеселел.

Квеманы у костров тоже веселились. Книва с Нидадой терпеливо ждали. От озера, принявшего жертву, тянуло сыростью. И еще иным чем-то – нехорошим. Будто из тумана над водой глядел кто-то.

Может, и впрямь озерное божество? Книву снова пробрал озноб. А у костров, слышно, веселье разгоралось. Доносилось нестройное пение, женские крики и взвизги. Из леса диким квеманам дикие духи вторили. Кричали, подражая голосам ночных птиц.

Книва ощутил, как в нем опять страх просыпается.

«Нет, – подумал он. – Так нельзя сидеть. Надо дело делать».

Он хлопнул Нидаду по спине:

– Пошли!

– Куда? – нервно дернулся Нидада.

– Туда, к этим. Забыл, за чем пришли? Комаров, что ли, кормить?

И первым полез из зарослей.

На полпути к квеманским кострам Книва остановился: вспомнил, что рогатину забыл. Вернуться?

В спину толкнулся Нидада. Тоже остановился, прошептал испуганно:

– Ты чего?

– Замри, – шепнул Книва. – Слушай.

И точно угадал: впереди хруст валежника послышался. Кто-то между елками бежал. Бежал-бежал – и вдруг остановился. Затаился. Слышалось только, как дышит часто-часто.

Книва мотнул головой, указывая в сторону спрятавшегося, показал Нидаде: будь начеку, сам медленно из чехла нож потянул и мягким шажком вперед двинулся. Таким сильным, легким и опасным чувствовал себя в этот миг Книва...

Здоровенный квеман выскочил из туманной мглы прямо на него. Огромный, как медведь. Как медведь растопырился, заревел – зубы блеснули в пасти – и Книву сверху руками облапил.

Книва даже удивиться не успел. Нож у него в руке сам собой повернулся плоской стороной к земле и квеману меж ребер вошел. Мягко так, легко, словно в теплый мед.

Квеман, наверное, тоже удивиться не успел. Булькнул тихонько – и умер. Только что он стискивал Книву с медвежьей силой и вдруг сразу ослабел, на ноже повис, едва из руки не вырвал. Книва руку наклонил, квеман мертвый с клинка сполз и на землю повалился...

И тут из-за дерева на Книву что-то белое бросилось. Книва опять ничего сообразить не успел, отмахнулся ножом, почувствовал, что попал, не клинком – рукоятью, но крепко. Враг, тот квеман, что за елками таился, назад отлетел и тоже упал.

А Нидада как стоял с рогатиной позади Книвы – так и замер. И рот приоткрыл.

Книва ко второму квеману подошел, присел рядом. Это баба оказалась. Раскинулась на спине, титьки кверху, ноги – врозь. Здоровущая. У, нелюдь!

Книва морду ее потрогал: липко, кровь. По лбу он ей рукоятью попал.

Тут рядом Нидада образовался, тоже на корточки присел.

Книва подумал: надо бы бабу квеманскую добить, но как-то... не хотелось.

«Пускай Нидада ее дорежет», – решил он, обтер ладонь о штаны и встал.

– Добей ее и жди тут, – сказал он.

– А ты куда? – спросил Нидада испуганно.

– Надо, – отрезал Книва.

И побежал за забытой рогатиной. Он особо не таился. Лес был полон разных звуков: визга, воплей, хихиканья. Веселились квеманы. Не чуяли, что среди них страшные убийцы дела геройские творят. Бежал Книва и великим воином себя чуял. Бесстрашным и могучим. Казалось: захочет он – и всех квеманов, глупых и беспечных, в одиночку перебьет.

Рогатина оказалась на месте. Книва подхватил ее и помчался обратно. На полпути ему квеман дорогу перебежал. Книва уже руку занес для удара, но квеман его и не заметил. Проломился сквозь кусты, как безумный лось, и дальше потопотал. Но у Книвы боевой задор как-то сразу угас.

Убитый квеман лежал на прежнем месте. И подбитая квеманка тоже. Только вот Нидада...

– Ты что надумал, сорочий сын? – прошипел в ярости Книва.

Нидада, паршивец, уже портки спустил, уд встопорщил кверху.

– Воину добытую бабу пользоваться – молодецкое дело! – заявил Нидада и на колени опустился, примериваясь, как поудобнее взобраться на квеманку.

– Какая это баба! – зашипел от ярости Книва. – Это ж нелюдь! Знаешь, кто от человека и нелюди родится? Болотный дух!

– Ниче... – пробормотал Нидада, – не родится. Мы ж ее – того.

Ухватил квеманку за титьки...

И тут квеманка открыла зенки.

Нидада аж подпрыгнул.

А квеманка вроде как и не испугалась. Зубами блеснула: оскалилась зазывно.

Нидада, сразу видно, обрадовался. Снова ее за титьки ухватил...

И тут она, извернувшись, горсть трухи с земли подхватила и прямо в глаза Нидаде

кинула.

Нидада взвизгнул совсем по-бабьи, с квеманки свалился. Она тут же на ноги подхватилась, заорала истошно... И осеклась, когда Книва рогатину ей точно в горло вогнал.

А Нидада на карачках по земле ползал, глаза тер и скулил.

– Заткнись! – Книва пнул его в бок. – Портки надень!

«Спешить нужно», – подумал Книва.

Подошел к убитому квеману, перехватил рогатину поудобнее. Для такого дела, конечно, топор сподручнее, но топора ведь нет. Недодумали они насчет топоров.

Наступив квеману на голову, Книва примерился и несколькими мощными ударами перерубил мертвецу хребет.

Потом ножом мягкое дорезал. На шее у квемана амулет был. Его Книва подальше в кусты забросил. Лучше бы унести да сжечь, но человеку амулет от квемана с собой носить опасно. От него вред приключиться может.

Голову квеманскую Книва в сумку спрятал.

Пока Книва делом занимался, Нидада успел порты натянуть и теперь ножом пытался квеманке голову откромсать. Пыхтел, весь в крови перепачкался, но кость крепкая, не поддавалась.

В воздухе смрад стоял. От крови и от мочи с калом, что из убитых изверглись. К запаху этому Книва был привычен, но ежели учует его кто из квеманов – сразу поймет, в чем дело.

– Брось ее, – велел он Нидаде. – Уходить надо.

– Еще чего! – прокряхтел тот, двумя руками нажимая на нож. – Мне... тоже... трофеем нужен!

Наконец Нидада кое-как откромсал голову квеманки, ухватил за волосы, ослабил. Доволен!

– Вот теперь уходим! – заявил он.

И оба припустили прочь вдоль длинного озерного берега.

Когда квеманские голоса растаяли вдаль и даже запах дыма больше не ощущался, приятели сделали передышку. Кровь с себя смыли, напились, головы добытые в воде ополоснули. Но медлить не стали. Надо было подальше уйти, пока квеманов своих убитых не обнаружили.

Теперь они через лес побежали. Лес же духами кишел: кричали они, угрожали, жаловались...

Книва с Нидадой сами не заметили, как с шага на бег перешли.

Владения Иббы миновали на рассвете. С другой стороны обошли, держась подальше. И снова бежали – пока сил хватило. Потом место приметили, где спрятаться можно. Лежали там, отдыхали. Обоим чудились голоса. Все казалось, что квеманов гонятся: вон топчут, перекликаются. А прислушаешься – нет никого. Лишь кровь стучит в ушах.

Солнце высоко уже стояло, светило сквозь кроны, когда Книва с Нидадой снова пустились в путь. Бежать было тяжело – парило в лесу, пот ел глаза, в голове будто молот бил. Но это уже своя земля была, не квеманская, не чужая.

Неподалеку от села еще озерцо было. Туда и свернули.

От деревьев уже протянулись тени – к закату дело.

У озерца остановились ненадолго. Сполоснулись, головы добытые омыли. От вида своей добычи Нидада совсем повеселел. Озвучив, стал играть головой квеманки.

И неожиданно Книве будто с другой стороны Нидада явился. На прыщавом лице глаза горят нехорошим блеском. На подбородке остром бородавка жидкая пробивается в три волоска, рот смехом распялен. Скалится, голову квеманки – которую, кстати, Книва убил – с руки на руку перебрасывает.

– Чего уставился? – вдруг спросил Нидада.

– Вижу, каким ты станешь, – мрачно объявил Книва.

– Воином! Великим воином! – Нидада запрокинул лицо вверх и закружился на месте.

Книва резко отвернулся. Взгляд упал на другую голову, лежащую в траве. Книву вдруг

вырвало желчью – не ел два дня. А Нидада, глядя на него, зашелся от хохота.

До села уже рукой подать было, когда ветер задул. Книва с Нидадой сперва не обращали на это внимания, Это даже приятно было – ветер нес прохладу разгоряченным лицам. Они уже не бежали, на своей земле все-таки, а брели спотыкаясь, лишь время от времени по привычке переходя на подобие бега.

А ветер все усиливался. Теперь он налетал порывами. Ветер дул сбоку. И оттуда же по небу напозлали, громоздясь, темно-серые горы туч. Донесся тяжелый раскат грома.

– Гроза идет, – пробормотал Нидада.

Книве уже тогда показалось, что неспроста все это.

Гроза застигла их в поле, что тянется от реки в сторону квеманских земель. Дождь то падал сплошной стеной, то вдруг бил в лицо колючими струями. Небо раскалывалось от молний, которые Доннар, ярясь, бросал на мир.

И они опять бежали. Бежали из последних сил.

Поверхность реки вздувалась пузырями. Книва с Нидадой добежали до брода, потом никак не могли выбраться на берег. Ноги скользили. Несколько раз они съезжали с глинистого откоса, пока наконец сумели выбраться наверх. Книва даже испугался, что унесет река. Время запретное, а они даже подарка водному богу не сделали... Однако ничего, выбрались.

В селе разделились. Нидада – в хибарку свою, Книва – домой. Добежал, ввалился в дом мокрый, весь перемазанный в глине.

– Ай! – вскрикнула Рагнасвинта, сестра Книвина. Остальные тоже уставились.

– Где был? – сердито спросил Фретила.

Книва без сил упал на чурбан перед очагом. Квеманскую голову за волосы вверх воздел, ухмыльнулся во весь рот...

Глава третья Книва. Нечистые

К ночи буря усилилась. Книва с Нидадой жались к огню, вслушиваясь в раскаты грома, то и дел оглядываясь на шкуру, прикрывавшую вход. Подбитый глаз Книвы заплыл, превратился в щелочку. И спина болела. Там, где приложился березовый сук.

Фретила, отец, как только квеманскую голову увидел, аж с лавки подскочил. И сразу – кулачищем Книве в морду. А потом за волосы хватить – и выкинул из дома прочь, во двор. И сам следом выскочил, сук прихватив. И суком этим так Книву отходил... А-а! Разве в этом дело!

В том дело, что Книва нечист. И Нидада нечист. И, хуже того, через них нечисть в село прийти может. Потому если ныне в селе случится что недоброе, то Книву с Нидадой убьют.

Вот тебе и подвиг. Эх, было б на Книве с Нидадой воинское посвящение, тогда и впрямь был бы подвиг. Тогда бы им почет оказали. Как героям. Воинское посвящение нечисть отваживает. А коли нет его...

Как они раньше об этом не подумали?!

О том, как и кого убили, Книва признался не сразу, а лишь у Хундилы-старейшины на подворье. Его туда отец Фретила с братом Сигисбарном приволокли. И Нидаду туда притащили.

И били там Книву с Нидадой нещадно. Только буря не стихала.

И сказал Хундила, что теперь вся нечисть, что на квеманском озере собиралась, в село придет. Потому что Книва с Нидадой ей путь показали.

Отныне они не могут входить в дома. Не могут ходить там, где люди ходят. Отныне они могут лишь сидеть в доме у Нидады. И дом этот отныне тоже нечист.

Если этой ночью нечисть заберет их жизни, дом сожгут. И новый строить на этом месте не станут. Так Хундила сказал.

Квеманские головы тоже здесь.

Книва боялся смотреть в их сторону.

А души квеманов снаружи теснятся. Их крики даже сквозь шум ветра слышать. Громко кричат мертвые квеманы, отомстить жаждут.

Книва с Нидадой тоже уже почти мертвые. Нет у них больше рода. А без рода человек – что отрезанная рука. Гниет, и черви ее едят. А люди смотрят с омерзением. Отныне Книва с Нидадой тоже отрезаны.

Если примет род нечистого человека, то сам станет нечист и сгинет. Оттого род Фретины отверг того, кого люди Книвой звали.

Ахвизра-дружинник, брат Нидады, еще ничего не знает. Но его род тоже Нидаду отвергнет. Ахвизра и отвергнет. И тем свой род почти что убьет. Оттого что весь род Нидадин – сам Нидада да Ахвизра. Но Ахвизра это сделает, а как иначе?

Книва знает: об этом сейчас думает Нидада, вжимая голову в плечи. О том, что Ахвизра сделает. И боится. А чего бояться? Может, и до утра не доживет Нидада.

Хундила-старейшина хотел вообще их изгнать из села. Травстила-кузнец вступился. Сказал: заприте пока нечистых в хижине у Нидады. Если ночью пожрет их нечисть, то, глядишь, и отступится от села. Травстилу в селе слушают. Травстила тайное ведает, с Овидой-жрецом дружбу водит. Кузнец потому что.

Пинками и палками Книву погнали сюда. И Нидаду тоже.

А попозже внутрь еще старый горшок кинули. С углями. Угли те Травстила из кузницы принес. Нечисть огня из кузницы жуть как боится.

Травстила хотел помочь. Он всем в селе помогает.

– Дрова догорают, – пробормотал Книва. – Огонь гаснет.

– Дрова снаружи, – отозвался Нидада. – Я туда не пойду.

– Я тоже... – Книва вздохнул. – А ведь мы и озеро осквернили, и реку, – сказал он. – Когда на пути обратном нечистыми в нее вошли. И подношения не дали.

– Так ведь не было у нас ничего, – еле слышно прошептал Нидада. – Слышь, давай сбежим поутру.

Книва не ответил. Не дадут им сбежать. Дурак Нидада, неужели не понимает? И он, Книва, дурак, что с Нидадой связался.

Они сидели и смотрели, как угасал огонь. Тьма надвигалась из углов дома, протягиваясь к ним. Снаружи стонали и кричали убитые квеманы. В дом проникнуть хотели.

Вдруг страшный скрипучий крик перекрыл звуки бури. Голод в нем слышался и нечеловеческая ярость.

Нидада заскулил от ужаса.

Глава четвертая Книва. Чужие боги

Утро настало, а Книва с Нидадой все еще были живы. Изнемогали от нечистоты. Мечтали о смерти. Всю ночь, желая отомстить, неистовствовали снаружи злобные квеманские духи. И бессчетное количество раз казалось Книве и Нидаде: все. Сейчас ворвутся и пожрут. Но – обошлось. Может, угли из кузницы помогли?

С рассветом гроза ушла. Только ветер налетал порывами.

Убогая у Нидады хижина, кособокая. Ночью от ярости квеманских духов крыша прохудилась, сорвало солому. Всю ночь в дыру дождь лил. А с рассветом стал виден лоскут неба. По небу быстро неслись рваные облака.

– Уходить надо, – выдавил Нидада.

– Куда? – разъярился Книва. – Куда?!

Нидада пробормотал себе под нос что-то неразборчивое. Книва со злобой покосился на него. Великим воином он будет! Дерьмо свинячье!

Снаружи послышались голоса, шаги. Ветхая шкура, прикрывающая вход в хижину, отдернулась.

Хундила-старейшина.

Глянул молча, внутрь заходить не стал. Лишь пальцем поманил.

Книва встал и вышел. Нидада – за ним.

Снаружи собралось, почитай, все село. Пришли узнать, живы они с Нидадой или нет.

Книва с равнодушной тоской обвел взглядом лица односельчан. Ничего хорошего на них не прочел. Угрюмыми они были, эти лица. А у мужчин в руках топоры да рогадины.

Книва отвернулся. Лучше уж вдаль смотреть.

Старейшина заговорил. Мрачно ронял тяжелые слова.

Квеманские духи нашли путь сюда. Оттого нашли, что два щенка их сюда привели. Теперь нипочем сами не уйдут квеманские духи. Мстить будут. После бури ночной на поля смотреть больно. Сколько зерна силой не нальется. Вот и дерево, что возле богатырской избы росло, теперь повалено.

Вчера как думали? Думали – изгнать. А ныне все иначе повернулось.

Ночью-то вас никто ведь не видел. Все по домам сидели. А снаружи нечисть бесилась. И кто знает, может, уже и вселилась в вас нечисть. Кто поручится за вас? Никто не поручится...

В этот миг Нидада вдруг прочь рванулся с места. На пути у него Вутерих стоял. Нидада его оттолкнул. Откуда только силы взялись.

Но не ушел. Не дали. Древко рогадины сунули в ноги. Нидада растянулся на земле. Попытался вскочить, но тут уж на него все навалились.

К Книве тоже подскочили, хоть Книва никуда не убегал. Вутерих и его брат Герменгельд. Схватили за руки, выкрутили за спину.

Книва поймал взгляд отца. Стоял Фретила, супя густые брови. И ус крутил мрачно.

К Книве подтащили Нидаду. Тот иступленно рычал, пытался вывернуться.

– К жрецам надо посылать, – сказал Травстила-кузнец. – А этих связать пока.

– Убить их – и всех дел! – крикнул рябой Хиларих. – Пока не поздно.

– Пусть Овида-жрец это дело решает, – повторил Травстила. – Его это дело.

– Тебе хорошо рассуждать! – выкрикнул Хиларих. – Ты кузнец, с огнем водишься, тебя нечисть боится!

– Ну так запри их в избе да сожги, – проворчал Травстила.

Кузнец добрый человек. Через огонь может прийти очищение. Книва с благодарностью и надеждой уставился на него, выворачивая шею.

Хундила-старейшина покачал головой:

– Они нечисть в село привадили. Им и отваживать. За рекой на болотце надо. Там место все равно плохое. А за ними, глядишь, и нечисть уйдет из села. Вместе с их кровью в топь уйдет.

Книва снова отвернулся. Смотрел в сторону. От стремительно летящих облаков по земле неслись тени. Ветер гнал по улице сорванную ночью мокрую листву...

Внутри – нечистота. Она разрастается, превращая тебя в квеманского духа...

...Страшно искаженная рожа бесноватого Нидады, хрипящего, зубами лязгающего... Перемазанные засохшей глиной квеманские головы сзади в хижине...

Книва поднял глаза к небу, к солнцу, ища помощи...

И небо ответило. Зарычало небо. Гром в нем родился. И не гроза это была – иное. Станный это был гром, бесконечно долгий. Гром бродил в небе, то затихая, то вновь становясь громче.

А потом Книва увидел... И закричал. И все увидели...

...Из рваных ключев мчащихся облаков вырвалось нечто и понеслось на село. Ветер оседлав, неслось нечто, чему нет названия в человеческом языке. Под парусами оно несло. Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Нечто несло от леса. От людского леса, не квеманского. От того леса, где у деревьев, старым Гундиухом помеченных, душу взяли – для погребального костра Гундиуха. Стало быть, вымолил Гундиух у богов прощение для села!..

Показалось Книве – сокрушит нечто дом Фретила, его отца. Но не сокрушило – помиловало, высоко прошло. Стало быть, не перешла нечисть на род Фретила. Чист род перед богами. Над богатырской избой прошло, низко, но нет, и богатырскую избу не

сокрушило, лишь солому на крыше вздыбило. Над селом пронеслось, через реку, к болотцу. И там пало.

Стало быть, прав старый Хундила. А боги его слова яснее ясного подтвердили. В болотную топь должна уйти нечистая кровь. А с ней и нечисть квеманская из села уйдет.

И выл, надрывая душу, злой квеманский дух в бесноватом Нидаде.

* * *

Посланец богов прямо в топь угодил. Весь в болото ушел, только шлем остроконечный наверху остался. Со шпилем длинным. А вокруг по болотным кочкам паруса простерлись.

Цвета снега и огня были паруса. Снега и крови. Красивые.

Мужчины на берегу стояли. Никто не решался к посланцу приблизиться. А ну как встанет он из топи? Ежели даже шлем его боевой – повыше дома, то каков же тогда сам посланец?

Даже отсюда видно было, что лишь недавно вышел шлем из горнила. Вон как жаром небесной кузни попятнан. Книва неотрывно смотрел на дивную громаду. Связанные руки мешали смахнуть со лба мокрые волосы, облепившие лицо. Когда их с Нидадой гнали сюда через брод, два раза в воду упал Книва. Поднимали, ставили на ноги и в спину толкали: иди давай.

Рядом тяжело дышал Нидада. Голова квеманки, Книвой убитой, за волосы к поясу привязана. А квеманова голова – к поясу Книвы. Нидада тоже на диво устался. Что-то шептал себе под нос. Только не разобрать было что. И скалился радостно.

Квеманские духи нечистые завладели Нидадой. Только недавно выл, извивался, всех заесть хотел. А теперь радуется.

– Гляди-ка, оно в топь-то уходит, – пробормотал Вутерих. – Стало быть, и этих надо туда же – в топь.

Но Хундила Вутериха осадил. Если не так сделаешь, разгневаются боги. Сперва понять нужно, чего они хотят.

А старый Ханала сказал: неспроста все это. Испытывают они нас. Не стали бы ни с того ни с сего воина посылать. Могли бы на топь показать и иным путем. Молнией или как-нибудь иначе.

А Нидада, ужом извернувшись, в лицо Ханале заглянул угодливо. И засмеялся вдруг, головой в сторону дара мотнув. Рябой Хиларих его древком копья ткнул. Нидада замолчал. Понурился.

И снова воцарилось молчание. Лишь комары надсадно звенели. Стояли сельчане, переминались с ноги на ногу, пытаясь постичь загадку богов.

– Боги любят людей испытывать, – пробормотал Ханала.

Ханалу сюда через реку на руках перенесли. Совсем стал слаб. Сам уже не смог бы брод одолеть.

Тут в Вутерихе смелость взыграла. И пошел он, по грязи хлюпая, прямо к гигантскому шлему. На дивный ало-снежный парус ступил, запятнал его грязью, копье поднял и – хорошо хоть, сообразил! – не жалом, а древком в опаленный шлем ткнул.

И вспыхнул на шлеме глаз лютый! И закричал утопший воин-великан истошным голосом, надрывно, как чайка кричит... Как кричала бы чайка, будь у нее крылья в полнеба.

Высоко, по-заячьи подпрыгнул Вутерих и в грязь шлепнулся. И на карачках, потеряв копьё, прочь засеменил. Так, на карачках, до самого села и семенил бы, но Травстила его за пояс поймал, придержал.

Смешно это было, но никто не смеялся. От крика неистового у Книвы все внутри переворачивалось. А тут еще страшный глаз светом плевался: то синим, то алым.

И ждал Книва: вот-вот разверзнется топь – и встанет из нее страшный посланец: головой под самые облака. И так страшно было, что уже почти жалел Книва, что не пожрали его квеманские духи, как пожрали они хихикающего Нидаду. И глядел Книва на опаленный

великаний шлем, и видел, что он весь какими-то шишками и наростами усеян. А на боку – таинственные руны. И трепетал Книва. И все трепетали...

– Это вместилище,– вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все повернулись к нему.

– Ну да, не шлем это, а вместилище,– уверенно повторил Травстила.– Вон там, крышкой запечатано.

– А ведь точно,– растерянно протянул Вутерих, с четверенек поднимаясь. А бесноватый Нидада задышал часто.

Тут Вутерих, путаясь в словах – не умелец он был словеса вязать,– говорить стал:

– У боранов, племени лукавого и разбойного,– тех, что за герулами на полдень живут,– у них зерно от мышей и прочей потравы хранят в огромных горшках. И крышками закрывают. А когда потребность в зерне возникает, то открывают крышку и берут зерна из горшка, сколько надо. Так вот, видом те горшки с дивом божьим сходны. Точно вам говорю,– бормотал Вутерих, от волнения бородку в кулаке комкая.

– Чушь! – отмахнулся от Вутериха Хундила и перевел взгляд с вместилища на Книву с Нидадой.

– Точно,– поддержал Хундilu Герменгельд, брат Вутериха.– Не боранский это горшок.

Возразить на это было нечего. И вправду, не могли бораны такое диво сотворить и сюда, в топь, швырнуть. Вот если бы они ограбили или убили кого, тогда да, это на них похоже.

– И не квеманы это,– встрял рябой Хиларих.– Слишком злокозненны квеманы, чтобы что-то путное сотворить.

– Ты богов-то побойся! – рявкнул на него Герменгельд.– Башкой думай! Дар богов перед тобой, а ты, дурак, о квеманах толкуешь.

– Вместилище не вместилище,– решил наконец Хундила,– а все равно оно в топь уходит. Стало быть, надо так. И этих двоих – тоже в топь.

– Не спеши, старейшина,– нахмурился Травстила-кузнец.– Не один в селе живешь.

Хундила аж побагровел. Хоть и кузнец Травстила, но нехорошо Хундilu так... Неуважительно.

Тут опять Ханала голос подал. До этого стоял молча, опираясь на палку. Подслеповато щурился, рассматривая дар богов.

Теперь все лица к Ханале разом повернулись. Мудр Ханала. Так мудр, что в мире мало кто с ним в мудрости может сравниться. Все повидал Ханала, что только можно повидать. И если говорит Ханала, то только дельное.

Но ничего не успел сказать премудрый Ханала.

От дара богов вдруг звук донесся. И...

Как всегда, прав оказался кузнец Травстила!

В самом деле – вместилище.

Крышка с рунами, которой вместилище было запечатано, вдруг откинулась. Затаив дыхание, все смотрели в черный проем.

Книва тоже смотрел. Сердце бешено колотилось.

Из черного проема вдруг вылетел какой-то светлый увесистый тюк и упал на красную часть паруса. Следом еще один тюк, побольше, на белую часть упал.

Книва облизал пересохшие губы.

– Дары,– прошептал кто-то сзади.

– Тихо! – цыкнул Хундила.

В круглом проеме показался лик. Божество! Боги сами пришли!!!

Божество выпросталось из люка и тяжело спрыгнуло на землю. Что-то проговорило. Следом показалось второе. Также выбралось наружу.

Они стояли возле вместилища и смотрели на сельчан. Не больно велики оказались боги, Книва и то повыше ростом...

И тут Книва ощутил, как все оборвалось внутри.

Это были чужие боги!

– Блатф! – вскрикнуло хрипло второе божество.

И замерло в ожидании. Выговор у божества – чужой. Но слово понятное. Кровь.

– Мстить пришли! – не произнес – выдохнул Вутерих. – Квеманские боги.

– Заткнись, – отрывисто приказал Хундила. Сорвал с пояса Нидады голову, дал Вутериху: – Верни им!

Вутерих поглядел на голову, что щерилась провалом рта, размахнулся и бросил ее божеству, не решаясь приблизиться.

Голова упала рядом с божеством. То замерло, всматриваясь. Может, узнало кого из своих? О чем-то заговорило с другим божеством.

Видно было, что чужие боги недовольны. Вон как гавкают друг на друга.

Одно из божеств направилось к выброшенному тюку. Подняло его, озираясь окрест. Другое тем временем скрылось во вместилище.

– Гляди, гляди, снова вылезает! – пробормотал рябой Хиларих.

Нидаду опять колотить начало. Надсадно хрипя, он извивался на земле, пытаясь освободить связанные за спиной руки.

Второе божество приблизилось к первому. Подало ему что-то.

Отсюда было плохо видно, что творили на болоте чужие божества. Из-за камыша. Склонились над чем-то. Вот одно выпрямилось, ногой голову брошенную подвинуло.

И вдруг там, где колдовали чужие божества, вспыхнуло пламя. Необычное это было пламя, не такое, какое в очагах горит. Яркое, как солнце.

Жирным дымом потянуло с болота. Будто с погребального костра.

И яснее ясного стали намерения чужих богов.

Вот тогда и завыл-закричал Нидада. Звериным был этот вопль. Люди так не кричат. То квеманский болотный дух, который в него вошел, свободу потребовал.

Хундила-старейшина посмотрел вопросительно на Ханалу. Тот помедлил было, потом кивнул.

– Давай. – Хундила показал Вутериху глазами на бьющегося в корчах Нидаду.

Вутерих нахмурился. Подошел к Нидаде. Схватил его за волосы. Извернувшись, Нидада сумел ударить его связанными ногами в бок. Вутерих ойкнул.

– Помогите ему, – велел Хундила.

К Нидаде кинулся было Сигисбарн, однако ветхий Ханала с неожиданной ловкостью преградил ему путь.

– Не ты, – сказал. – Он. – И палкой показал на Герменгельда.

Дюжий Герменгельд подошел к воющему Нидаде, ухватил сзади под мышки. Вутерих, все еще морщась от боли, поймал за ноги. Вдвоем они оттащили Нидаду туда, где начиналось топкое место.

Чужие боги смотрели на них.

Книва смотрел на богов. Его охватило какое-то странное безразличие. Только сейчас он осознал, что боги безбороды.

Чудноё.

Он перевел взгляд на Нидаду в могучих лапищах Герменгельда. Вот Вутерих подходит и запрокидывает Нидаде голову. Нож в руке. Короткое движение...

Вой Нидады оборвался. Герменгельд быстро наклонился вперед, чтобы хлещущая из перерезанного горла кровь ушла в топь.

Чтобы квеманский болотный дух вышел на свободу и к себе ушел. Чужие боги могут быть довольны.

Тело Нидады дернулось несколько раз и обмякло. Герменгельд медленно опустил его лицом в топь.

Книва вдруг ощутил мимолетное презрение к этим людям. Неужели они не понимают, что богам из-за камыша и не разглядеть все как следует?

Но это было не важно. Главное, сейчас он, Книва, избавится от нечистоты внутри.

Перед глазами вдруг мелькнуло на миг лицо Нидады там, возле лесного озерца. «Я стану великим воином!»

Не станешь, Нидада!

Чужие боги на болоте переговаривались резкими голосами. Чувствовалось, были недовольны.

«А с чего им быть довольными? – подумал Книва. – Они же ничего не видели из-за камышей».

Герменгельд с Вутерихом вернулись. Рывком вздернули Книву на ноги. Тот не сопротивлялся.

– Стойте! – В голосе Хундилы слышалось беспокойство, даже не беспокойство – страх. – Поближе к ним подойдите, – велел старейшина. – Пусть они видят.

Книва даже равнодушно-отстраненно удивился. В первый раз в жизни он слышал в голосе старейшины страх.

Герменгельд и Вутерих подхватили Книву, как только что – Нидаду, и поволокли к чужим богам. Герменгельд поскользнулся, взмахнул рукой, в которой нож держал, – капелька Нидадовой крови упала на щеку Книвы.

У края паруса остановились. Не решался Вутерих снова на парус ступить. До сих пор еще дрожал от страха пережитого. Но Книву держал крепко.

Чужие боги смотрели на него с отвращением. Особенно один – тот, что помоложе.

Стояли Герменгельд с Вутерихом – и Книва между ними – и не могли решиться. Сступить на парус? Или нет?

Книва тоже не знал, как быть. И радовался, что не ему решать. Ему – только горло под нож подставить. Очиститься.

Боги не двигались с места.

Какие они чужие! Теперь, с близкого расстояния, Книва мог хорошо их рассмотреть.

На боггах были странные одежды. Очень красивые. Сверкающие. И рунами исчерченные. Ни разу Книве не доводилось видеть чего-либо похожего.

В руках у богов были невиданные мечи. Короткие и будто обломленные на концах.

Тут младший из богов, лицом гладкий, точно ребенок, сделал рукой жест: словно позвал. И потянулся вперед Книва. И потянул за собой Герменгельда с Вутерихом. И вступили они, все трое, – на парус. И боги это видели.

Шаг, другой, третий – по парусам цвета снега и огня. Снега и крови. Шли, оставляя грязные следы.

Но богов это, похоже, не волновало.

Меч в руке молодого бога шевельнулся. Пальцы сжались на рукояти. Теперь Книва смотрел лишь на эти пальцы. На пальцы чужого бога с побелевшими костяшками. Он чувствовал, как исходит яростью бог. Неужели сам желает Книву очистить?

Здесь, возле чужих богов, воздух был пропитан чужими запахами. Пахло окалиной от вместилища. Пахло и от богов – странно и дивно. А еще – воняло паленым мясом. Теперь Книва видел – боги сожгли голову квеманки. И еще что-то сожгли.

Звуки чужого языка ударили по ушам. Книва непроизвольно втянул голову в плечи. С ним заговорил старший бог. Этот бог был крупнее молодого, шире. Чувствовалась в нем невероятная мощь. И он, бог, не спеша двинулся к Книве.

Невероятным усилием Книва заставил себя посмотреть в лицо чужого бога. У бога были серые глаза с прищуром. Чужой бог смотрел на Книву и насмешливо улыбался. Не гневался.

Но тут бог что-то сердито рявкнул Герменгельду, показал на нож окровавленный, на Книву...

И Герменгельд решил: велит ему бог кровь из Книвы выпустить. Ума у Герменгельда меньше, чем силы. Забыл, что кровь Книвы в болото должна пролиться, а не на парус дивный...

И тут явил свою силу старший бог. Перехватил левой рукой Герменгельдову руку и

сжал так, что вскрикнул Герменгельд и нож выронил, Книву выпустил и на колени упал. А молодой бог, раскачиваясь, словно танцуя, надвинулся на Вутериха. И икнул от страха Вутерих, тоже выпустил Книву и попятился быстро-быстро, а за краем паруса споткнулся и в грязь упал. Но подскочил тут же и побежал прочь, расплескивая грязь. И Герменгельд тоже побежал, придерживая левой рукой правую, ту, которой бог коснулся.

А младший бог меч поднял. Книва зажмурился и голову запрокинул, горло подставляя...

Но не стал ему кровь выпускать чужой бог, а разрезал путы, и стали руки Книвы свободны. Книва глаза открыл и увидел, что не гневается на него чужой бог, а приязнь исходит. Приязнь бога была... она была как ворчание старого Ханалы. Но она была. И под напором этой божественной приязни нечистота, что сидела в Книве, вдруг съежилась и вышла вон. И не стало ее. Бог избавил Книву от нечистоты.

Вне себя от радости Книва запрокинул голову и издал боевой клич. Сорвал с пояса квеманскую голову, в небо швырнул. Пусть чужие боги потешатся, глядя на квеманскую голову, кувывкающуюся в небе.

Старший бог равнодушно проводил взглядом голову.

И понял Книва, что не квеманские это боги. Не было им дела до квеманской головы.

Старший сероглазый бог что-то сказал второму, оскалился, сильно хлопнул Книву по плечу.

Книву наполнила гордость. Бог коснулся его! Эх, жаль, Нидада не видит.

Теперь Книве было жалко Нидаду.

Молодой бог, который только что дружески ухмылялся Книве, вдруг сделался строг. И старший бог нахмурился.

Стало быть, так надо. Стало быть, должен был Нидада умереть.

Книва кивнул. Воин должен быть сметливым. Иначе не быть ему воином. Убьют.

Глава пятая Алексей Коршунов. Борт «Союз ТМ-М-4»

– Ну что? На следующем витке? – Перевернутое лицо командира надвинулось сверху.

– Погоди... Вон глянь, там грозовой фронт подходит. – Алексей отодвинулся от иллюминатора, вытер пот.

Господи, жарко-то как! И все жарче становится.

Коршунов поглядел на свои руки, обтянутые серебристой тканью «пингвина»², сжал кулаки, разжал. Ладони влажные. Противно. Хотя жара – это семечки. Кабы только жара...

После последней коррекции они окончательно потеряли закрутку. Энергия от солнечных батарей почти не идет. Соответственно, и система охлаждения почти не работает. А чтобы она работала, солнечные батареи должны быть, по возможности, всегда обращенными к Солнцу. Для этого кораблю следует придать вращательный момент. При этом скорость вращения должна быть синхронизирована со скоростью вращения вокруг Земли. Это и называется закруткой...

Алексей поймал себя на том, что бормочет себе под нос. Совсем крыша едет...

– Где, говоришь, фронт твой? – Геннадий придвинулся к иллюминатору.

– Да вон там, – буркнул Алексей.

– Где – «там»?

– Просвет в облачном слое в форме женской фигуры видишь?

– Э тот, что ли, к югу? С титьками? – Командир висел вверх ногами, уцепясь за плечо Алексея.

На подполковнике Черепанове – такой же «пингвин». Из ворота торчит толстая

² Специальный комбинезон для работы в условиях невесомости. Создает дополнительную нагрузку на опорно-двигательный аппарат. Крайне неудобен в условиях обычной силы тяжести.

борцовская шея, плавно переходящая в затылок. Мощный затылок. Подразумевающий словарь из десяти матерных слов и почти полное отсутствие мозгов в черепной коробке.

Как в анекдоте: «У вашего телохранителя сквозное ранение головы. Пуля вошла в височную кость – вышла из затылочной. Но жить будет, мозг не задет».

Несмотря на рельефную затылочную мускулатуру, мозги у командира есть. Причем, если подходить объективно, – получше, чем у Алексея, хотя Коршунов – тоже не дурак. Кандидат физико-математических наук как-никак.

– Ага. С титьками. От него на север смотри. Видишь?

– Вижу, – проворчал Геннадий и матерно выругался.

– Давай южнее сядем, – предложил Алексей.

– Нет! – Командир был непреклонен. – Садиться будем туда.

Генка, когда решение примет, – хрен его сдвинешь. И это, в общем, правильно. Он – командир. И пилот – тоже он. А Алексей так, сбоку припека, космонавт-исследователь.

– Пока следующего захода дождемся, изжаримся тут, на хрен, – проворчал Коршунов.

– Терпи, казак... шашлыком будешь. – Командир усмехнулся.

Это точно, шашлыком.

Ладно, жара. Жару перетерпеть можно. Благо, запасы кислорода еще позволяют наверху продержаться. Но Солнце, блин!

Здесь Солнце в пике активности. И не далее как несколько часов назад порадовало грандиозной вспышкой, выродив протуберанец. Спросите, что это означает? А то, что хватануть можно гамма-излучение, что называется, полной грудью. А через сутки с небольшим, как пишут в книжках, «земной орбиты достигнут потоки заряженных частиц». Это значит, что там, внизу, в небе заиграют полярные сияния. На радость эскимосам и чукчам. И тут, наверху, тоже будет ужасно весело. Усиление проникающей радиации плюс магнитная буря. Так что сейчас самое время сваливать. Но этот грозовой фронт, черт бы его взял! Вместе с Генкиным упрямством. Уперся командир рогом. Во что бы то ни стало нужно ему в намеченный район садиться.

Алексей глянул в иллюминатор, круглую дырку в боку корабля. Окно в большой мир. Хрен знает какой большой. И хрен знает *какой* ...

Грозовой фронт уходил из поля зрения. Вновь потянулся сплошной облачный слой, под которым – такая же сплошная тайга, переходящая на севере в тундру.

– Леха, как там сканирование? – спросил он, не оборачиваясь. – Ты засек?

– Все по-прежнему.

По всем статьям, виноватыми выходили безвестные халтурщики.

Старт откладывался дважды. Сперва, буквально за несколько дней до пуска, обнаружилась неполадка в электрических цепях. Пришлось снимать носитель со стартового комплекса и возвращать его вместе с кораблем в МИК ³.

Неполадку определили. Исправили. Затем началась бюрократическая возня. Пришло решение, что летит дублирующий экипаж. Потом все снова переиграли, потому что Мишка – Генкин дублер – вроде приболел. Назначили время старта, носитель с кораблем установили на стол, Алексей и Геннадий вылетели на Байконур.

Произвели заправку. Тут выяснилось, что на первой ступени подтравливает один из трубопроводов подачи окислителя. Пришлось сливать топливо, и все повторилось сначала. Они вернулись в Звездный и ждали, ждали, ждали.

Наконец объявили о новом времени пуска. И они снова вылетели на космодром...

Стартуй они в другое время – наверняка все прошло бы нормально. А так вышло – подгадали к моменту. Хотя почему подгадали? Может быть, и на Земле бы это достало. Может, и Земли-то нету уже. Может, конец света настал, «порвалась связь времен», как говорится...

³ Монтажно-испытательный комплекс.

Это была командирская гипотеза – о конце света – одна из многих. Алексей ее не поддерживал. Полагал, что явление, на которое они напоролись, – феномен локального характера.

Объяснить это Алексей не мог. Просто задницей чувал. Что с профессиональной точки зрения – не аргумент. Хотя командир, надо признать, свою сомнительную концепцию тоже без особого энтузиазма отстаивал. Из-за врожденной упертости, не иначе.

А Земля – вон она. Плывет в иллюминаторе, как в песне советской пелось.

На предыдущем витке проходили над «Тайгой». Так Байконур по документам проходил, когда в голой, безлесной казахской степи его строительство началось. «Тайга» – это чтобы враг не догадался.

Нет здесь никакого Байконура. А вот Великая Китайская стена есть. Ее с орбиты видно невооруженным глазом. Там сейчас облачности нет, так что Геннадий с Лехой на нее вдосталь налюбовались.

Кстати, после этого гипотеза о чужом мире отпала как-то сама собой. Была у них тут и такая гипотеза. А что еще остается делать? Только гипотезы и выдвигать. Можно, конечно, допустить, что и в чужом мире чужие китайцы сподобились такую стену сварганить. Можно. Но как-то сомнительно. Недостоверно. Они с Генкой – люди ученые. Им положено на факты опираться. А факты что говорят? Что корабль сейчас крутится вокруг Земли по несколько вытянутой орбите. Над одним и тем же участком поверхности проходит примерно раз в сутки с небольшим. Параметры орбиты могли быть и получше, но это все, что им удалось сделать. Точнее, не им, а Генке, потому что пилот – он.

Все-таки это Земля. И если использовать научный подход, то именно это и следует взять за основу. Была Земля – и есть Земля, поскольку факты этому не противоречат. С другой стороны, те же факты говорят, что это не совсем та Земля, с которой они взлетели.

В Северном полушарии лето. Было, когда они взлетали. И здесь – тоже лето. Примерно конец июня – начало июля. Но климат немного другой. Судя по тому, что граница снежного покрова в приполярных областях распространяется дальше на юг, здесь несколько прохладнее... Теоретически.

В океанах рыбы тьма-тьмуца. На борту их корабля специальная аппаратура – по определению рыбных запасов в морях и океанах. Рыбные косяки засекает. Судя по ее данным, косяки здесь в океанах ходят гигантские. И этим данным можно верить, потому что космические разработки у нас – лучшие в мире. Елки-палки! У России такой опыт по созданию собственных орбитальных станций, которого нет больше ни у кого. Два основных модуля МКС – нашей разработки. Штатники только стыковочный узел на орбиту вывели да солнечные батареи на «Шаттле» доставили. А в итоге что? В итоге Россия имеет всего около тридцати процентов долевого участия в МКС. И получается, что исследования на МКС оказываются очень дорогими. А своей орбитальной станции нет. «Мир» затоплен. Поэтому их корабль битком набит научными приборами для исследований, которые Алексей с Геннадием должны были провести в те двое суток, пока сближались с МКС. Взгляд из космоса нынче всем нужен, без него теперь никуда. Неприлично даже – вдруг отсталой страной сочтут. А программа исследований на МКС и так забита под завязку. Вот и нагружают. Так дешевле выходит.

Военные интересы России, опять-таки. Которые на международную станцию не потащишь. Интересно, можно их феномен с точки зрения военных интересов использовать? Наверняка можно. Особенно если разобраться, в чем, собственно, он состоит и что именно с ними случилось.

Глава шестая Алексей Коршунов. Внештатная ситуация

В тот момент у Алексея с Геннадием по расписанию сон был. А перед этим с ЦУПом связывались. Все более или менее нормально шло. Из ЦУПа им сообщили, что медицинские показатели хорошие. Для первых суток полета. Адаптация к невесомости в организме в те

часы шла полным ходом, так что посоветовали поменьше двигаться. Но это так, риторика. Двигаться тут негде – несколько кубических метров. Летающая шкатулка. Обычный транспортник – на станцию и обратно. Максимально удешевленный корабль.

О том пробуждении лучше и не вспоминать. Первое ощущение – ком к горлу. Невесомость. Кабина, залитая ярким светом, – Солнце лупит прямо в иллюминатор. И почти одновременно – Генкин голос: «Связи нет!»

Алексею перед этим что-то донельзя запутанное и причудливое снилось, и поначалу показалось, что явь – продолжение сна.

А потом Генкины слова ВДРУГ дошли: нет связи.

Связь на корабле – это все.

А ее не было. Ни с Землей, ни с МКС. Ни с кем.

Того не могло быть. В принципе. Но было. И есть. Они по-прежнему крутятся вокруг Земли по какой-то несуразной орбите, наклоненной чуть ли не под прямым углом к экватору. Орбита вытянутая, с минимальной высотой в сто с небольшим километров. И вдобавок нестабильная – на таких высотах уже сказывается сопротивление верхних слоев атмосферы. И в верхней точке раз в два часа Алексей и Геннадий исправно хватают дополнительные дозы облучения. Там уже граница радиационного пояса начинается.

Спали они часов пять с небольшим. Что могло за это время произойти?

Ответа нет.

Какая такая нечистая сила могла изменить орбиту корабля? Не их автоматика, это точно. Расхода горючего не было. Автоматика лишь попыталась откорректировать закрутку на Солнце.

Земля есть – вон она – бело-голубая на дневной стороне, черная на ночной, как положено. Совершенно черная, без всякого намека на свечение городов. Полное отсутствие связи. Полное отсутствие активности в радиодиапазоне. Что это? Внезапный конец цивилизации, от которой осталась только Китайская стена? Гнев Божий? Похоже на то, что Некто вдруг взял и стер с лица планеты нашкодившую цивилизацию. Вкупе с продуктами ее жизнедеятельности. Но почему-то не тронул Китайскую стену.

Сначала были те, первые после пробуждения, сутки. Воспоминания о них сейчас задвинуты куда-то вглубь. Там они бродят, бурлят, но – до поры до времени наружу не просятся.

Первым делом Геннадий произвел коррекцию орбиты. Извел почти все горючее, предназначенное для стыковочных маневров.

Не подумайте, что на космическом корабле, как на автомобиле, можно пространство рассекать. Коррекция орбиты – не та штука, на которую решаются с бухты-барахты. Тем более что в данном случае это означало отказ от стыковки.

От какой, на хрен, стыковки? С кем?

Именно этот вопрос Алексей задавал Генке не раз и не два. А тот все не мог решиться. Снова и снова пытался выйти на связь на всех мыслимых и немыслимых частотах.

Его нельзя осуждать. Он – командир. Вся ответственность за полет – на нем. Такая ответственность, что... Алексею впору плакать от счастья, что он всего лишь космонавт-исследователь.

Но ответственность будет там, внизу. Если будет. А пока они – как два жука в одном спичечном коробке. Коробок летит, и жукам остается поглядывать в дырочку иллюминатора и гадать, чем все это кончится, и ясно только одно: судьба у жуков общая. По крайней мере, до посадки. Если она будет.

Коршунов с Геннадием не раз и не два проверили все системы корабля – особенно блок связи. Все работало. И должно было работать. Техника здесь сверхнадежная. Все, что можно, – продублировано. Особенно в блоке связи. В первую очередь – в блоке связи. Их ведь на корабле вообще три, считая тот, что в спускаемом аппарате. И все – независимые. И все – в норме. А связи нет...

Проверили, в общем. А потом Черепанов принял решение. Первое в цепочке решений.

Решение о коррекции орбиты.

Коррекция заняла еще сутки. К этому времени набралось уже довольно много данных.

Эфир пуст. Огней городов нет по причине отсутствия самих городов. Никаких признаков глобальных ядерных катастроф. Планета жила своей жизнью. Естественной. Удалось засечь несколько крупных лесных пожаров на территории Канады. На Камчатке шло извержение Ключевской сопки.

Зато в околоземном пространстве пусто. МКС здесь нет. На связь она, по крайней мере, не выходит. Ну, допустим, МКС накрылась, но куда делись сотни спутников связи, ретрансляторов, военных всяких... Не может быть, чтобы все сразу... Но – было.

Постепенно на Алексея и Геннадия снизошло какое-то исследовательское благодушие. Это трудно описать. Не было ни паники (ушла куда-то), ни героизма, как в книгах пишут. Они просто наблюдали. И делились впечатлениями.

Конец этому абсурдному спокойствию пришел на четвертые сутки полета. От нечего делать они с командиром решили взглянуть на то, что под ними, вооруженным глазом. Точнее – вслушаться вооруженным ухом. А короче – попробовать ту аппаратуру, о которой распространяться не стоит.

Им бы, олухам, сразу до этого допереть!

Аппаратура живо нащупала всплесковое радиоизлучение. На очень-очень специфических частотах. Излучение шло от точечных источников. Источников этих обнаружилось аж несколько. Располагались они по вытянутой полосе от Приднестровья на запад, примерно до Вислы. Один находился на южном берегу Балтики.

Излучение шло с примерным периодом в несколько минут. При этом тон задавал самый восточный радиоисточник. Остальные как бы отзывались радиовсплесками через несколько секунд. Время от времени проходил как бы супервсплеск с амплитудой, в несколько раз превосходящей обычную.

Они с Геннадием тогда очень быстро выяснили, что это происходит не само по себе. На других частотах обнаружили еще две группы источников. Одна в Скандинавии и в Западной Европе, другая – вдоль побережья Ледовитого океана. Радиовсплески от этих объектов были крайне слабыми, шли очень редко и были лишены видимой периодичности. Но первая группа (Геннадий с Лехой назвали ее основной) отзывалась на них супервсплеском.

Блин! Это уже было нечто. Какая-то зацепка. Тем более что они посчитали и пришли к интересному результату. Если бы шло, как положено, и они двигались по первоначальной расчетной орбите, то к моменту, который предшествовал их внезапному пробуждению (по корабельным часам), должны были проходить аккуратно над «днепровским» объектом.

А раз так, то не связать ли этот объект с той... х-м-м... ситуацией, в которой они с командиром оказались?

– Леха, ты из своих вещей будешь что-нибудь забирать?

Это не вопрос. Это скрытая просьба.

– Командир, что ты как девочка! В нем же всего граммов сто.

– Сто сорок. – В голосе Генки слышалось смущение.

Речь идет о пластмассовом уродце типа Буратино. Алексей не знал, с чем он там в командирской жизни связан, – стеснялся спросить. Но у подполковника он – вроде амулета. Раньше Буратино у Генки в автомобиле болтался.

Вообще-то амулеты у многих космонавтов имеются. И в приметы они верят. На Байконуре перед полетом на двери гостиницы фломастером расписываются. И «отливают на колесо» возле стартового стола. А в Плесеце на носителе слово «Таня» пишут. Чтобы старт был успешным. Впрочем, оттуда пилотируемых полетов не производят.

После того, как эти радиоисточники обнаружили, Геннадий воспрял. Нотки командирские в голосе снова появились. Решил всю намеченную программу исследований провести до конца.

И взялись они с Алексеем за выращивание кристаллов и за опыты с

мушками-дрозофилами.

Черепанов – человек военный до мозга костей. Таким себя и показал. В полный рост.

– Слушай, Алексей, сюда. Внештатная ситуация вовсе не отменяет наших с тобой обязанностей. Мало ли что. А так у нас с тобой программа выполнена. Вот, пожалуйста, результаты.

– Что значит «мало ли что»?

– А то и значит, – отрезал командир.

Перед этим они повздорили. По программе они должны были провести съемку некоторых районов Бразилии. По заказу тамошнего правительства. Собственно, они и начали этим заниматься по плану. Еще ТАМ.

ЗДЕСЬ в этих районах сплошные джунгли. ТАМ джунглей нет и в помине. Свели их под корень.

– Так что с Бразилией делать? С джунглями?

– Ты, Леха, не рассуждай – ты работай. Привязка к координатной сетке есть?

– Есть.

– И время съемки есть. Остальное тебя не касается. Это не наша забота.

– А что, по-твоему, НАША забота? – Алексей посмотрел на командира.

– Доставить результаты по назначению. – Он криво усмехнулся. – Если получится.

Теперь результаты подготовлены к возвращению на Землю. Что ж, пускай летят. Может, и прав командир. Может, у него инструкции какие на этот счет имеются. Вот будет забавно, если все это – некий секретный эксперимент, о котором Коршунова просто не поставили в известность. У нас – могут. Хотя вряд ли. С чего бы тогда командир так дергался? Или его тоже *не поставили* ?

Над Калифорнией проходим. В Калифорнии Алексею довелось побывать. Ненароком. А во Флориде нет. Так вышло.

Они с Лехой тогда возвращались из первого полета на «Дискавери» с американским экипажем. Вход в атмосферу произвели, как и положено, в восьмистах километрах от посадочной полосы, над Атлантикой.

«Шаттл» входит в атмосферу хвостом вперед, с работающим двигателем, и движется так, гася скорость, пока не попадает в плотные слои. И отлетает от них вверх. Как плоский камешек, пущенный по воде. А отлетев, совершает хитрый маневр, переворачиваясь в воздухе, и снова входит в атмосферу. Примерно в ста шестидесяти километрах от полосы. Дальше садится как обычный самолет. Тут вся хитрость, чтобы к полосе он приблизился под углом в двадцать два градуса. Не больше и не меньше.

А у штатников что-то не заладилось. Короче, Хьюстон отменил посадку на Каннавэрале. «Шаттл» через всю Америку махнул и совершил посадку возле другого океана – Тихого. У них там вторая полоса имеется, на базе Вандерберг. Тогда все перетрухнули здорово. В американском экипаже бабенка была – крутая, круче некуда. А тогда сидела аж вся белая. Сблелнула с лица, как говорится.

Нет, наша система посадки все-таки понадежнее будет. Относительно. Ну да космонавтика – дело вообще рискованное.

И они с Алексеем тому живой пример.

– Командир, как ты думаешь, что это может быть? Ну источники эти?

– Чего гадать. Спустимся – посмотрим.

Алексей несколько раз пытался рассмотреть места, откуда радиоизлучение идет. Места как места. Ничего особенного.

Садиться решено возле днепровского объекта. Правда, близко сесть не удастся – только километрах в трехстах. Место, откуда сигнал идет, они зафиксировали. Там река излучину делает. Но там – сплошные леса. Потому и не сесть поближе.

С экологией тут – просто замечательно. Вот по поводу Америки Геннадий с Лехой все гадали, что за темные огромные тени по равнинам медленно клубятся? А потом доперло – стада бизонов.

В общем есть *очень похожая на Землю планета* , на которой имеется Великая Китайская стена и бизоны, которых американцы еще в девятнадцатом веке повыбили напроочь. И леса стоят, которые вырубил. Так что напрашивается еще одна гипотеза. Такая, которая объясняет, почему леса здесь *еще* не успели извести, а бизонов – перебить. И заодно некие изменения рельефа тоже объясняет. С точки зрения Коршунова – абсолютно логичная гипотеза, которая гласит, что Земля – *та самая* . Но с коррекцией во времени минимум на полтора века лет. И не более чем на две тысячи – или когда там Великую Китайскую возвели?

Сверху посмотреть, так внизу чуть ли не палеолит. Только китайская стена и утешает.

Городов они, как ни старались, никаких рассмотреть не смогли. Хотя это ничего не означает. Нет у них на корабле таких гляделок, что на разведывательные спутники ставят. Таких, которые в хорошую погоду вывески на магазинах разобрать могут. А через тот же иллюминатор с такой высоты километровая проплешина в тайге крохотным пятнышком кажется. В хорошую погоду. А в Европе это лето, по всему виду, дождливое выдалось. За все то время, что они тут крутятся, циклон за циклоном от Атлантики идет. И облака все закрывают. Правда, источники радиоизлучения разбивают Лехину гипотезу вдребезг. Не было ни в девятнадцатом веке, ни, тем более, раньше техники, способной генерировать подобные импульсы. Если, конечно, не привлекать вдобавок к версии «провала во времени» еще и инопланетян. Но летающей посуды по курсу пока не наблюдается. Ладно, как-нибудь выкрутятся. Все-таки на свою территорию садятся. Отец-командир в конкретное место целит: поближе к первому, приднепровскому источнику, но чтобы на российской территории. Куда-нибудь на юг Ростовской области. Правда, их «точность» – это плюс-минус километров четыреста. Так что можно и на территорию самостийной Украины угодить, и в Азовское море. Легко. Хотя насчет моря подполковник наверняка подстраховался. А Украина... Если гипотеза Коршунова все же верна, а внизу имеются люди, то Россия там или Украина – без разницы. В любом случае не какие-нибудь папуасы, а братья-славяне. Со своими-то уж как-нибудь договоримся...

Глава седьмая Алексей Коршунов. Посадка

– Алексей.– Голос у командира хриплый.

– Да.

– Дай обратный отсчет.

– На кой он тебе?

– Сказано тебе: дай обратный отсчет.– Но металла в голосе подполковника не чувствуется.

– Не могу,– честно признается Коршунов.

– Дрейфишь?

– Да.

– Хм-м... Я тоже... Не без этого.

Темно. Корабль над ночной стороной. В иллюминаторе звезды. Много. Темно и тошнотно. Так и не успели привыкнуть к невесомости. И не доведется уже привыкнуть.

«Земля» – она вон там. В иллюминатор сейчас не видно. «Земля» в кавычках. Того, что происходит, не может быть. Не может быть, потому что не может быть никогда...

Глупости какие в голову лезут.

– Леха,– командир нарушил молчание.

– Да.

– Я начинаю отсчет.

– Начинай. Я готов.

Алексей глубоко вздохнул и медленно выдохнул. Вспомнилась старая, еще школьных времен присказка: «Перед смертью не надышишься». Это перед экзаменами.

Пошел отсчет. Никому не нужный.

...Один... Ноль...
Ключ на пуск...
Вибрация. И вес...
Бездушная автоматика гасит скорость... Уводит вниз. Туда, во мрак и неизвестность...
ВЕС! И тишина. Тут наверху всегда тишина. Тут даже на атомы разлетаешься в тишине. Невыносимая тишина...
Тяжесть и тьма...
– Командир. Когда солнце?
Не отвечает. Смотрит перед собой. Губы вроде шевелятся. Молится, что ли?
Страшная это штука – посадка. Страшная, потому что... Потому что долгая очень...
ВЕС!..
– Леха...
– Что?
– Как думаешь... нам Героев дадут?
Подбадривает. Или сам бодрится.
– Непременно. Нас внизу уже генерал с орденами поджидает.
– Менты.
– Что менты?
– Там внизу.
– Где?
– Под облаками... Поджидают... За самовольный сход с орбиты... Сядем. Навеки...
Все шуточками своими сыплет.
– Когда отделение?
– Скоро уже...
...Солнце! В черном небе ослепительное солнце. Прошло через иллюминатор, слепя, и исчезло. А следом вползла бело-голубая махина и заполнила собой все. Вышли на дневную сторону. Над океаном идем...
...Вся Европа по-прежнему затянута пеленой облаков, лишь местами темнеют разрывы. Над Россией все тот же громадный циклон...
Кораблю еще раз входить в ночь. Потом снова в день. И только в том «дне» – отделение.
...Мрак. И звезды. И страх. На орбиту уже не вернуться, скорость потеряна. «Союз» несется в ночи над неведомым.
Алексей с Геннадием молчат. Уже полтора часа молчат. Каждый – о своем. И теперь наступает самое-самое...
Отделение! За задраенным люком спускаемого аппарата теперь пустота. Корабль с двигателями, с кислородом, с водой, с ассенизационно-санитарным устройством теперь сам по себе.
От перегрузки в глазах плывут красные круги. И не вздохнуть. На грудь будто слон сел. Спускаемый аппарат теперь несется в сияющем коконе. Вибрация пронизывает до костей. По иллюминатору будто волны идут – оплавляется наружное стекло.
Чудовищный толчок – тормозной парашют сработал. Сработал!
И сразу почти – или это показалось, что сразу, – второй толчок. Основной парашют! За оплавленным иллюминатором небо. И не черное, а фиолетовое уже...
Вошли в облака. За иллюминатором молочная белизна. Потом тени какие-то мелькнули. И удар! Потом еще один!
Спускаемый аппарат тряхнуло, подбросило, перевернуло, еще раз...

Глава восьмая Алексей Коршунов. Живы!

– Живы, – прохрипел Алексей. В ушах молотом бухало – сердце отчаянными толчками гнало сквозь сосуды кровь. Собственный голос казался чужим, каким-то ломко-стеклянным.

Соленый пот жег глаза. Жарко, как в бане.

– Ну что, Леха.– Кряхтя, Геннадий заворочался в своем кресле. Повернулся к Алексею. Ощерился. Видно, попытался улыбнуться. Но вышло это у командира плохо.– Понравилось летать?

Алексей смачно выматерился. Нижнее белье под комбинезоном было совершенно мокрым от пота и противно липло к телу.

Коршунов покосился на иллюминатор. Ни черта не видать. Заляпало грязью, должно быть.

– Вроде на ровное сели,– пробормотал командир.– Ничего не чувствуешь.

– Почувствуешь тут.– Алексей закрыл глаза. Потянулся было расстегнуть ремни.

– погоди,– остановил его командир.– Давай-ка по инструкции.

По инструкции так по инструкции. Алексей попытался расслабиться. Подождем. Несколько минут погоды не сделают.

Этот послепосадочный момент был расписан в инструкциях чрезвычайно подробно. И правильно. Как ни крути, а садишься все равно вслепую. Особенно когда садишься вот так, на ручном. Можно и на воде оказаться, и на крутом склоне. И на территории «дружественных» соседних государств. Словом – везде. Оттого и уделяют в программе подготовки так много внимания вопросам выживания. Море, пустыня, тайга – три природные зоны, где ты должен уметь продержаться, пока служба поиска не обнаружит спускаемый аппарат.

Тайга – это оказалось самым сложным. А самым простым почему-то оказалась пустыня. Странно, но факт. Хотя, казалось бы, все должно было быть с точностью до наоборот.

– Слышь, командир,– Алексей повернулся к Геннадию,– а помнишь, как мы на Тикси-то выживали?

Командир неопределенно пожал плечами.

Их – сразу три экипажа – тогда забросили в приполярную тайгу. И там, на полигоне, под наблюдением инструкторов они несколько дней проходили суровую школу таежного выживания.

Самым сложным было свыкнуться с абсурдом ситуации. Инструкторов было много. Они всегда были рядом. И молчали. Собственно говоря, инструктировать им было запрещено. Они лишь наблюдали. Фиксировали все твои промахи, все ошибки. Оценивали, как ты стучишь зубами от холода, как окоченевшими руками пытаешься нарубить сучьев для костра. Как жмешься к огню, уныло жуя пищевой концентрат из НЗ. Брр!

– Генка, а помнишь...

Алексей осекся. Командир неотрывно смотрел перед собой. Потом вдруг резко начал расстегивать ремни.

– Быстрее,– бросил он.– Кажется, мы погружаемся!

Неужели все-таки на воду?..

Измученное тело отзывалось на каждое движение болью. Координация разладилась. Все-таки невесомость давала о себе знать. Беззвучно ругаясь про себя, Алексей выпростался из наклоненного набок кресла, завалился было на пульт. Ох, черт!

Командир уже отдраивал люк.

– Не спи, Леха! Спецкомплект давай!.. Документацию!..

В раскрывшееся отверстие входного люка ворвался наружный воздух, охладив лицо. И тотчас запахло болотом и окалиной.

Только этого не хватало.

Алексей сунул Геннадию документацию. Тот вышвырнул ее наружу. Следом полетел спецкомплект, за ним НЗ.

– Пошли,– не оборачиваясь, скомандовал Геннадий. И полез наружу.

Спрыгнул и тут же увяз. Спецкомплект лежал в нескольких шагах. С усилием переставляя ноги, сделал пару шагов, наклонился...

– Блядь! – послышался сзади Лехин голос.

Что-то звучно шлепнулось рядом.

Геннадий медленно выпрямился. В глазах у него слегка двоилось – последствия невесомости, – поэтому все казалось нечетким. Полотнище парашюта, дальше – мелкое болотце, поросшее камышом, невысокий бережок... А там...

«Картинка» плыла, но не настолько, чтобы не разглядеть, что там, за намокшим полотнищем парашюта, за щеткой камыша, у края болотца – люди. Не очень много. Десятка полтора. Они стояли неподвижно, как вкопанные. Кроме одного. Тот, извиваясь, катался по земле...

Глава девятая Геннадий Черепанов. Контакт, не предусмотренный программой посадки

– Командир!..

Голос Алексея из-за спины. В голосе растерянность.

Геннадий перевел взгляд на упавший предмет. Перемазанная грязью человеческая голова. Небольшая. Крупные зубы в оскале черного с прозеленью рта. Длинные, слипшиеся волосы. Ни бороды, ни усов. Женская?

Внутри шевельнулось ледышкой от нехорошего предчувствия.

– Документация!

Геннадий не выговорил – выхаркнул приказ, шаря рукой по застежкам спецкомплета, одновременно медленно пятясь назад.

– Дай я.– Рука Алексея потянула на себя спецкомплект.

– Документация!!!

– Она... – Алексей с силой дернул спецкомплект.

Теперь Геннадий и сам увидел ее. Полетная документация лежала неподалеку от головы.

– Держи!

Алексей сунул ему тесак.

Геннадий обернулся, бросил взгляд на спускаемый аппарат, постепенно уходящий в болото. Против воли сознание с фотографической четкостью зафиксировало черные вытравленные слова на порыжелой дверце входного люка: «Внимание! Внутри люди». И – ниже – тот же текст по-английски.

«В первую очередь уничтожить документацию!» – эти слова точно так же вытравлены в его сознании, как буквы – в стали люка.

Люди на берегу вели себя странно. И выглядели странно...

«В случае, не предусмотренном инструкцией... в первую очередь следует уничтожить полетную документацию...»

Геннадий наклонился... От головы ощутимо тянуло трупной вонью. Болото воняло болотом.

– Шашку! – бросил он через плечо. Толстая папка лежала у него под ногами. Рядом с вонючей головой. В болотной жиже.– Шашку принеси. И сигнализацию отключи: нехрен аккумуляторы сажать.

Люди на берегу смотрели на них через зеленую щетку рогоза.

«За самовольный сход с орбиты подполковник ВВС Черепанов приговаривается...»

Сирена перестала стонать.

– Командир!

Увязая в болотной жиже, шатаясь как пьяный (нормальные последствия невесомости), Алексей торопился к нему. С термитной шашкой в одной руке и тесаком – в другой. Идиотизм.

– Зажигай, – скомандовал Геннадий.

Геннадий с Алексеем стояли на парашюте. Порывы ветра то бросали клубы тошнотворного жирного дыма в их сторону, то гнали дым на тех, кто стоял на краю болотца. В последний момент Геннадий не удержался, толкнул голову к документации. Зачем – он сам не мог объяснить.

Здесь, на натянутом тяжестью спускаемого аппарата парашютном шелке, хотя бы ноги не увязали. Только надолго ли? Аппарат неторопливо окунался в топь, увлекая за собой парашют.

– Неудачно сели, – пробормотал Алексей.

Скоро через раскрытый люк начнет затекать внутрь болотная жижа.

– Какая разница, – отозвался командир. – Часом раньше, часом позже.

– Прوماхнулись-то всего ничего. До твердой земли рукой подать. – Алексей взвесил в руке тесак из спецкомплекта. – Что теперь делать будем?

– Согласно инструкции...

С берега, от группы людей, донесся полный невыразимой тоски вой.

Алексей вздрогнул:

– Ты хоть что-нибудь понимаешь? Где мы? Что происходит?

– А я знаю? – огрызнулся Геннадий. И добавил уже спокойнее: – Ничего не предпринимай. Сейчас разберемся...

В толпе на берегу вдруг наметилось какое-то движение.

«Черт!» – подумал Геннадий, пытаясь разглядеть, что там происходит. Но зрение еще чудило, и камыш этот...

Двое сволокли третьего с берега в жижу. Похоже, этот третий и вопил. И извивался. Но как-то странно. Связан, что ли? Что они там делают?

Вой вдруг оборвался на высокой ноте. Сразу стало как-то по-особому тихо.

Геннадий судорожно сжал пальцы на рукояти тесака.

– Что делают! – выдохнул Геннадий.

Двое возвращались. Вот они схватили еще одного...

– Ах ты мать моя... – пробормотал Алексей.

Двое волокли третьего. К ним волокли. Точно! Связанного! Серьезные ребята. У одного – топор на поясе. Второй – с ножом, перепачканным в крови. Ах ты!.. Пистолет в аппарате остался! Черепанов его еще на орбите из спецкомплекта вынул. И забыл. Теперь из оружия – один этот тесак дурацкий!

Но Геннадий не полез за пистолетом. Чувствовал: уходить нельзя.

У края парашюта трое остановились. Двое – здоровенные мужики, зверообразные, патлатые, бородатые, в кожаных куртках и штанах с широченными поясами. Третий – совсем мальчишка. Связанный. Глаза у пацана были синие и ясные. И глядел с надеждой... И потянулся вперед, к Геннадию...

«Не вмешиваться, – приказал себе Черепанов. – Это не наши разборки».

– Слышь, командир, не нравится мне это, – проворчал Алексей. – У этого волосатого кровь на ноже. Свежая. И взгляд нехороший. Так и хочется в глаз дать...

– Спокойно, Леха! – Сознание Геннадия уже переключилось на «боевой режим».

Так, серьезного оружия у противника нет. Кабы не «отходняк» от пребывания в невесомости и пистолет в кармане, можно было бы особо не дергаться.

– Спокойно. В глаз давать категорически запрещаю. Там на берегу таких – целая толпа. Не видишь, что ли? Пока нас не трогают – нишкни! А я попробую договориться.

– Попробуй. Только, по-моему, они по-русски – по нулям.

– По-моему, тоже...

Геннадий шагнул к странной троице, изобразил улыбку.

– Ты бы лучше эту штуковину спрятал, – сказал он строго, указывая на нож.

Не поняли.

– Easy man, easy. Say, let this fellow to go. No murder, OK? – Геннадий перешел на английскую мову.

– Не врубаются они, – констатировал факт Алексей. – Ну-ка я... Laisse lui! – сказал Коршунов бородачу, кивнув на юнца. – А пацана развяжи. Не хорошо это. Вери бед. Моветон это.

– Не канает здесь твой французский, – процедил Черепанов. – А ну-ка отпусти парня! – рявкнул он командным голосом.

Парнишка глядел на Геннадия с надеждой и восторгом. Просто как на икону глядел...

Тут бородач, нехорошо осклабившись, схватил пацана за волосы, запрокинул ему голову...

Черепанов еле успел перехватить его руку. Рефлекс сработал, обучили Геннадия в свое время крепко. Левой (в правой – дурацкий тесак) – перехват, поворот – и болевой. Прошло как по писаному. Бородач о дзю-дзютцу понятия не имел. Выронил нож, заорал, на колени грохнулся... Геннадий, еще не оклемавшийся от невесомости, силу не соразмерил.

Боковым Черепанов увидел, как на второго, белобрысого, грязного, охламона надвинулся Алексей. Взял на контроль на всякий случай. Тем более, у мужика топор к поясу прицеплен и тоже нож в чехле. Но мужик нападать и не думал. Явно перетрусил. Задом-задом – от Лехи... Споткнулся, шмякнулся в грязь, тут же подскочил – и к берегу. И тот, который ножом размахивал, про нож забыл. Припустил – только грязные брызги в стороны.

– Развяжи мальчишку, – скомандовал Геннадий.

Алексей шагнул к парню (тот зажмурился, запрокинул голову – блаженный, что ли?) и перерезал веревки, похлопал по плечу:

– Все нормально, пацан. Перезимуем. Только без глупостей! – добавил он строго. – Мы – русские космонавты. Международный проект. Совместный...

– Леха, ты бы лучше помолчал, – посоветовал Геннадий. – Погляди, какое у него украшение на поясе.

На поясе у синеглазого мальчишки имелась еще одна голова. Явно мужская. Это как-то не вязалось: юное «просветленное» лицо – и отрезанная бородастая голова в засохшей кровище.

И тут мальчуган проявил себя в полный рост: подпрыгнул, сорвал с пояса «украшение» и зафигачил в небо. А потом издал дикий вопль – аж уши заложило. На физиономии – полный восторг. Как у баскетболиста, забросившего в финальном матче.

Алексей проводил взглядом взлетевшую голову, сказал:

– Неплохой бросок. Что будем делать, командир? У нас с тобой запасных голов нет.

– «Что делать, что делать...» – проворчал Геннадий. – Выживать будем. Строго по инструкции.

Синеглазый парнишка больше не улыбался. Глядел на них, то на одного, то на другого, очень серьезно и очень внимательно. Похоже, указаний ждал...

Глава десятая Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение)

«Вот это называется „не вмешиваться“», – подумал Алексей.

Ну командир, ну орел! Военный летчик, блин. Сверхбыстрая реакция. Уловил, что местные дрейфят, – и отреагировал. Парнишку спас и... Дальше, впрочем, большой вопрос. Может, этот симпатичный парнишка – местный сексуальный маньяк? «Злыдень писюкатый», как говорят на самостийний Вкрайини. Или убийца серийный, который головы отрезанные вместо мяча использует. И решило местное самоуправление его казнить. В присутствии свидетелей. А свидетели...

Местный «маньяк-убийца» преданно глядел то на Алексея, то на командира.

– Командир, – Алексей повернулся к Геннадию, – что дальше делать будем? Командуй.

– Пальцы гнуть, – буркнул командир. Он думал.
– Каумантиир, – вдруг сказал синеглазый парнишка. – Каумантиир, – повторил он, с восторгом взирая на Геннадия.
– А я – Алексей. – Коршунов показал на себя. – Алексей.
Пацан сглотнул. Затем зачем-то вытер руки о грязные портки. Постучал себя в грудь. И доложил:
– Книва.
– Так, Леха, последи за ситуацией, – бросил Геннадий и полез в люк. Споткнулся, выматерился. С координацией у него по-прежнему было неважно. И это очень неприятно, если их вдруг захотят побить. Или убить.
Парнишка вертел головой. Поглядывал то на Коршунова, то в дырку люка. С опаской.
Геннадий возился внутри недолго, вылез буквально через минуту, задраил люк. Разумно. Вода плескалась уже у самого края.
– Забирай барахло, Леха, и пошли, – распорядился он, махнув тесаком в сторону края болота. – Хрена тут топтаться.
И, пошатываясь, захлопал к берегу. Голубоглазый Книва с готовностью потрусил за ним.

Глава одиннадцатая Травстила-кузнец. Чужие боги

Отсюда, с края болота, хорошо видно было вместилище и боги подле него.
Боги ли?
Травстила видел богов. Боги нередко приходили в кузню. И они, боги, были иными. Боги таились в тенях. Или вдруг на миг показывались в языках огня. Иногда боги разговаривали с Травстилой. Но не так, как они разговаривают с бесноватыми. Иначе.
Порой боги были недовольны и губили железо. Но такое происходило редко. С годами Травстила научился ладить с богами.
Травстилины боги давали советы. Мол, вот так надобно делать и вот так. Тогда все выйдет как должно. А если Травстила ошибался, боги сердились и портили работу.
Те, что стояли на парусе, цвета снега и крови, были другими богами. Но Травстила знал, что облик у богов разный бывает. В Вальхалле тоже другие боги были. Не такие, как в кузне. И не такие, как эти.
В Вальхалле Травстилу жрец Овида водил. Вот уж кто в богах разбирается, и в своих, и в чужих. А как иначе? Он, Травстила-кузнец, топоры кует. Может и меч выковать. А Овида воинов выковывает. В мужской избе. Тоже кузнец в своем роде. Исстари так заведено. И это мудро.
Вчера, когда эти двое сопляков с квеманскими головами в село заявили, екнуло что-то в Травстиле. Чувствовал, добром все не кончится.
Спозаранку, чуть свет, пошел к Губериху-бобылю. И велел к Овиде в капище поспешать. Пусть-ка Овида-жрец сам, своими глазами посмотрит.
Не иначе кто-то из богов, из настоящих богов, совет нашептал. А то вон как все повернулось.
Да, вместилище. Непростая вещь, коли по небу летает. Только вот зачем глаз нужен? Ишь какой, будто кровью налитый.
Может быть, чтобы злых духов отпугивать?
Но зачем богам духов отпугивать? Это все равно что рабов бояться.
Хотя...
Может, не уверены в своих силах чужие боги. Оттого и глазом сверкают. И руны вон на вместилище наложили. Может, и так. Может, сами боятся.
Вот и птиц железной кричат. Пугают. Только ясно Травстиле, что птица – не настоящая. Настоящая птица каждый раз по-разному кричит, хоть и похоже. А эта – раз за разом одно и то же. Стало быть, не птица это. Украли чужие боги птичий крик и заперли. А

птица та небось теперь без одного крика в небе кружит.

Недоброе дело сотворили чужие боги.

Боги ли?

«А доброе ли дело мы творим? – размышлял Травстила. – Или от страха сами не свои сделались?»

Травстила смотрел, как Вутерих с Герменгельдом тащат к вместилищу Книву, сына Фретила. Покосился на Фретила. Стоит, в землю потупясь.

А Хундила-старейшина напуган. Так напуган, как никогда прежде напуган не был. Ни разу таким его Травстила не видел.

Что там происходит? Похоже, недовольны те, кто из вместилища вышел.

Травстила, напрягая зрение, следил за чужими богами. Вот у Герменгельда нож отняли, вот Вутерих опять в грязь свалился. Судьба у него сегодня такая – по грязи на четвереньках бегать.

Тут Травстила усмехнулся в бороду, вспомнив, как по-собачьи чесал по болоту перепуганный Вутерих. Небось теперь дурной спеси у парня поубавится.

Сбежали от богов Вутерих с Герменгельдом. Один Книва с ними остался. Правильный сын у Фретила. Понимает, что богам храбрость по нраву. А если все же не боги это, а герои, то и героям храбрость по душе.

Вот приблизился один из богов к Книве, что-то сказал ему, не слышно отсюда. Книва вдруг радостно завопил и квеманскую голову вверх бросил.

Вокруг все заговорили: как так?

Фретила, отец Книвы, воспрял. Весь вперед подался. Оно и понятно. Жизнь рода выше всего стоит, но Книва – сын ему. Причем – младший. Младшего, известно, больше всех любишь.

Из болота выбрался на берег Вутерих. Герменгельда обогнал. Проворный. Глаза вытаращены, борода растрепана. Дышит, как конь после скачки. Только что не пена с бороды падает, а грязь болотная.

– Они, они...

На берег вылез Герменгельд. Мрачный. За руку держится.

– Да говори же! – рявкнул Хундила на Вутериха.

– Они не нашего языка! – выдохнул тот. – И не квеманского. У-фф! Чужие боги!

– Как? – опешил Хундила.

Травстила не удивился. Но молчал пока.

– А вот так, – огрызнулся Герменгельд. – Вот.

Он показал руку, на которой остались следы от хватки бога. Так себе следы. Два пятна красных.

– Сдавил, как клешней раскаленной. Уж свет в глазах померк...

Травстила усмехнулся в бороду. Ужли так страшно? Вот кабы он своими клещами кузнечными Герменгельду ручищу сжал, так не только б мясо – кость размозжил. А тут два пятнышка. И не ожог, а так, кожа примята.

– Тихо, – вдруг выдохнул рябой Хиларих. – Сюда идут.

Боги шли тяжело, будто пьяные. Будто великая тяжесть лежала на них гнетом.

– А по болоту ходить не умеют, – заметил Травстила.

Хундила злобно зыркнул на кузнеца, но Травстила уже отвернулся.

На сухое место первым выбрался Книва. Боги приотстали. Одежда на них была дивная. Будто из гладкого серебра, а на вид – мягкая, словно холст. И тоже рунами испещрена... Нет, точно пьяны были боги, богатырски пьяны: шли, будто земля под ними качалась.

– Эх, – проскрипел Хапала, покачивая седой головой. – Бедой пахнет. От небесного пира оторвали квеманских богов. Что им наша малая жертва? Вон и Книву они не приняли. Надо было тебе, Хундила, не своим умом думать, а на капище послать, за Овидой. Овида – жрец. Его в Вальхалле знают. Он с богами ладит. Надо было тебе, Хундила, за Овидой послать.

– Надо было, – буркнул старейшина. – Что уж теперь. Теперь пошлю. Прямо сейчас

пошло: Фретила, вели Сигисбарну...

– Не надо, – не повернув головы, бросил Травстила. – Я Губариха за Овидой послал. Еще засветло.

Глава двенадцатая Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (продолжение)

Перед тем как сойти с края парашюта, Алексей на миг помедлил. Все-таки это была «своя» территория. Он оглянулся на спускаемый аппарат, уже почти до половины погрузившийся в топь.

Чушь все это. Дикая невообразимая чушь.

Алексей мотнул головой и пошел вслед за командиром и Книвой, поминутно оскальзываясь на болотных кочках. Только бы не упасть. Падать сейчас никак нельзя.

Проклятое болото отвлекало на себя все внимание. Только выбравшись на относительно твердое место, Алексей смог наконец разглядеть тех, кто поджидал их на краю болота.

Увиденное не радовало. Люди, стоящие впереди, были как на подбор крупны и грязны. Рожи у всех мрачные, настороженные. На поясах топоры. В руках копья. Такие штуки Алексей только в музее видел. Но эти не выглядели музейными экспонатами.

Спасенный парнишка тут же, захлебываясь, принялся что-то втолковывать представителю краснорожему мужику с заметной проседью в бороде. Представительный некоторое время внимал недоверчиво. Супил кустистые брови. Рядом опирался на палку совсем ветхий сморчок. Тоже слушал.

Остальные, как ни странно, все больше и больше увядали. Переминались с ноги на ногу, искоса бросали боязливо-любопытные взгляды.

Ветхий старец что-то вякнул. Представительный рыкнул что-то – и Книва заткнулся.

Местные, все как на подбор крепкие, густо обросшие волосами, напоминали сибирских староверов. Или древних викингов. Мاستью, статью, основательностью. Взирали на пришельцев недоверчиво. Их можно было понять. Судя по щитам-копьям, уровень здешней техники был весьма далек от космического. Так что пара ребят, свалившихся с неба в «железном сундуке», – это, пожалуй, покруче, чем корабль с голливудскими «Хищниками», приземлившийся в окрестностях Кремля. И вполне понятно, почему они побаиваются. И хорошо, что побаиваются. С другой стороны, тут важно не переборщить. Слишком большой страх может подвигнуть их к активным действиям. И вряд ли Алексей с Геннадием смогут отбиться своими жалкими тесаками от двух десятков мужиков, пусть тоже с холодным оружием, но зато существенно более серьезным и куда более для них привычным. Нет, до драки дело лучше не доводить.

Среди местных между тем возник оживленный разговор. Главными его участниками были Представительный, дедок с палкой и широкий, как двуспальная кровать, мужик с физиономией, испещренной черными крапинами, и ручищами с совковую лопату каждая. Остальные тоже повякивали, но видно было, что шишку держат эти трое. И, пожалуй, еще бородач, чем-то напоминающий недоросля Книву.

Алексей напряженно вслушивался в непривычные, хрипловато-растяжные звуки чужой речи, сиюсь понять. Отдельные слова вроде улавливались, но в целом язык был совершенно незнаком.

Еще Коршунов заметил, что Широкий и командир как-то по-особому друг друга рассматривают. И нашел, что было в них даже определенное сходство. Не то, что оба – квадратные, а что-то еще. Этакое сродство в «мировоззрении», если можно так выразиться. В том, как эти двое «взирали на мир». И было ясно, что они друг другу понравились. Так бывает: встретишь незнакомого человека – и вдруг испытываешь к нему необъяснимую симпатию. Вот, думаешь, нормальный мужик...

Между тем жаркая дискуссия подошла к концу. Представительный что-то сказал

Книве, Книва приосанился, ответил – голос аж звенел от гордости. Дед с клюкой тоже что-то прокрипел: верзила, которому командир руку выкрутил, подскочил к деду, взял под руку... И вся компания, кроме Книвы, двинулась прочь, даже не попрощавшись. Один из аборигенов, помоложе других, проходя мимо Книвы, сунул ему в руки копье, а Широкий, уходя, подмигнул командиру. Тут Алексей понял, чем еще этот Широкий выделялся среди прочих аборигенов. Он не боялся.

Глава тринадцатая Травстила-кузнец. О законе гостеприимства

– По обычаю, их надо в лучшем доме принимать,– настаивал Ханала.– Как ты Одохара или Стайну принимаешь. Или еще кого из вождей. Хоть и чужие они, но – боги.

– То-то и оно, что чужие.– Хундила-старейшина погладил бороду.– Примешь чужих богов в свой дом – свои боги обиду затаить могут. Да и боязно это – чужих богов в дом звать. А не позвать – они и разгневаются могут.

– Точно-точно! – встрял рябой Хиларих.– Разгневаются боги – и село разметают! А я только-только новый хлев построил...

– Цыть! – прикрикнул на него Фретила.– Что богам до твоего хлева!

– Да они не злые,– вмешался Книва.– Вот, гляньте, меньший бог все время улыбается...

– Ну и что с того? – возразил скрипучим голосом Ханала.– Гепиды вон когда в бой идут – смеются. А в сече – как вебри. Давай решай, Хундила. Негоже богов на берегу держать. Лучше, чтоб они гостями были. Не то разгневаются: начнут молниями кидаться или еще чего. Всех погубят.

– Тебе-то, старый, чего бояться,– пробурчал себе под нос Фретила так, чтобы глуховатый Ханала не услышал.– Уже одной ногой в Хеле стоишь... – и добавил громче: – Закон гостеприимства свят. Коли боишься ты – я к себе их позову.

– Закон гостеприимства – для людей! – возразил Ханала.

– Точно! – поддакнул Хиларих.– По-твоему выходит, Фретила, я всяку болотну нечисть в дом принимать должен, коли в село придут?

– Нельзя нечисть в дом звать! – вмешался Вутерих.– Позовешь – потом не выгонишь!

– Иди штаны постирай! – бросил Вутериху Фретилов сын Сигисбарн.– Гоняльщик!

Вутерих сжал кулаки, но драться не рискнул. Только зыркнул на Сигисбарна исподлобья.

А Хундила все никак не мог решиться: хмурился, бровями шевелил, на чужих богов поглядывал.

– Надо их в богатырской избе поселить,– вдруг сказал Травстила-кузнец.

Все поглядели на него.

– А хорошо ли это? – возразил кузнецу Фретила.– Там сколько лет никто не жил.

– Ничего. Обустроим. А пока суд да дело, пусть Хундила их сначала у себя в доме примет, трапезу с ними разделит.

– А разве боги наше, земное,– едят? – спросил простодушный Герменгельд.

– Вот и поглядим, что они едят,– со значением произнес кузнец.

Но его никто не понял. Да особо и не пытались. Всем известно: кузнец – он только отчасти человек, а отчасти... кузнец. Потому слова его обычным людям не вняты.

– Примет их Хундила, попотчует, беседой займет...

– Так они ж по-нашему – никак! – опять влез Герменгельд.

– Книва поможет,– терпеливо ответил Травстила.– Книва теперь – их. Ему с ними и говорить надобно.

– А с чего ты взял – про сына моего? – озабочился Фретила.

– А кто руку Герменгельда удержал? – напомнил Травстила.– Один Герменгельда остановил, другой свою руку на Книву наложил. Наложил он на тебя руку, Книва?

– Ага! – Книва просиял.– Точно, было такое!

– Вот видишь, Фретила. Значит, сын твой теперь к богам приближен.

Фретила с важностью кивнул. А про себя подумал: «Мудрый человек Травстила. С таким дружить надобно. Пошлю ему поросенка, ежели все обойдется».

Дело ведь такое: поросенка съешь – и нет его. А мудрые слова долго живут.

– Порадуешь богов беседой и трапезой, – продолжал Травстила. – А потом с честью в богатырскую избу проводишь. Самое место богам – в богатырской избе. Ну так что, старейшина, решай.

Боги с интересом слушали. Но видно было – не понимают ни слова.

– Хорошо, пусть так. – Видно было: поперек себя шел Хундила. – Пусть Книва их ко мне на подворье ведет. А остальные пускай богатырскую избу протопят. И принесите туда все, что положено.

– Скоро Овида придет, – сказал Травстила. – Он твой дом очистит, не бойся.

Хундила рассвирепел:

– Я не за себя боюсь! Я за вас всех боюсь!

И прочь пошел, не оглядываясь.

Боги любопытствовали. У Книвы что-то вызнать пытались. Боги говорили на шипящем языке.

«Боги ли?» – размышлял Травстила.

Богам вместилище не нужно. Боги и так странствуют, где и как пожелают.

Нет, не боги это. Может, герои какие... Залетные? Тот, что постарше, Травстиле понравился. Кабы еще безбород не был, так и вовсе на Травстилина брата был бы похож. Который в бурге живет. Что безбород – это плохо. Неправильно. Сразу чужого видать.

Когда обратно в село пошли, Книву с чужаками оставив, Сигисбарн брату украдкой свою рогатину отдал. Травстила видел, но промолчал. Вреда Книве от этой рогатины не будет. И толку от той рогатины тоже не будет, ежели Книва пришлецов всерьез рассердит. Но с рогатиной в Книве солидности больше, следовательно, и тем больше почета.

«Кто бы они ни были, а лишний раз почтить не помешает, – подумал кузнец. – Худа не будет».

Глава четырнадцатая Алексей Коршунов. Контакт, не предусмотренный программой посадки (окончание)

Ситуация оставалась по-прежнему непонятной, но Алексей тем не менее почувствовал некоторое облегчение: убивать их не стали. Должно быть, не такие они злые ребята, эти местные стареверы-викинги.

Но тут его взгляд наткнулся на нечто, свидетельствующее о том, что добродушие не всегда свойственно аборигенам.

Шагах в тридцати, прямо в болотной грязи, лежал мертвец.

Черепанов ухватил его за куртку, перевернул...

Коршунов сглотнул. Зрелище было еще то.

Это был мальчишка. Не старше Книвы. И горло у мальчишки было перерезано от уха до уха.

Геннадий присел на корточки перед убитым.

Книва топтался рядом. Видно было: очень хочет услужить, но не знает – чем.

– Нидада, – пояснил он, показывая на труп.

– Что делать будем, товарищ подполковник? – без энтузиазма поинтересовался Алексей.

– Нидада... – пробормотал Геннадий. – Ну да, конечно, кто не знает Нидаду... Да... – Он выпрямился. – За что же его так? – спросил он, сопроводив вопрос соответствующим жестом.

И из Книвы хлынул словесный поток. Дык!.. Чувства прямо переполняли пацана. Дык!..

Он прыгал, бегал, даже упал несколько раз. Очевидно, «описывал» деяния убитого, приведшие того к преждевременной кончине. Бурные были деяния. И явно криминального

толка. Закончились же они... Сами видите – чем. Вот так оно все и вышло.

Тяжело дыша, Книва переводил тревожный взгляд с Геннадия на Алексея и обратно: ну как? Понятно изложил?

– Генка, ты хоть что-нибудь понял? – спросил Алексей.

– Не уверен. А ты?

– Я тоже ни фига.

– Каумантиир! – воззвал Книва к Геннадию.

Несмотря на жуткую абсурдность всего происходящего, Алексей не удержался, фыркнул.

– Каумантиир, – вновь сказал Книва и показал туда, где торчал из трясины СА. – Хвас?

– Хвас... – Геннадий окинул Книву оценивающим взглядом. – Хвас-квас. – Это, брат, не квас и даже не пиво с водкой, а спускаемый аппарат нашего «Союза».

Книва растерялся:

– Сьюза? Нин. Зата ист нэй сьюза. Сьюза хири. – И он сделал жест, будто желая обнять весь мир. – Сьюза! – Потыкал себя в грудь. – Сьюза!

– Выходит, в Союзе мы, – подытожил командир. – Слышь, Алексей, может, мы все же в прошлое провалились? Эдак на полвека. «Союз нерушимый республик свободных...» А?

– Тогда точно посодют, – противным голосом изрек Коршунов. – «Добрые сталинские времена...» Только сдается мне, копыя такого типа были сняты с вооружения несколько раньше.

– Уверен? А пики кавалерийские? А шашки?

– Уймись. Уж кавалерийскую пику я как-нибудь от пехотного копыя отличу. А топор от шашки, думаю, даже и тебе отличить по силам. – Геннадий хмыкнул и отправился в камыши, оставив подчиненного наедине с голубоглазым «маньяком-убийцей».

– Аласейя? – Грязная рука Книвы благоговейно коснулась «пингвина». Аккурат там, где на двух языках было написано имя Коршунова. А также, покрупнее: «Росавиакосмос».

– Нравится? – усмехнулся Алексей.

– Бока, – сказал Книва.

Это он по поводу надписи.

– Бока, – согласился Алексей.

Появился Черепанов.

– Вижу, общий язык найден? – жизнерадостно поинтересовался он. – Ну что, Книва? Может, дранг нахт хауз?

– Хуз! – обрадовался Книва. – Йаа, хуз.

– Вот это дело! – одобрил Геннадий. – Ит энд дринк, йа?

– Йаа! – возликовал Книва. – Итан – манаги. Дринкан – манаги. Кимийс фора хузам. – Он показал знаками, что жратвы и питья в хузе – ешь не хочу.

– Ты, Книва, нормальный пацан! – Алексей хлопнул юнца по спине. – Пожрать и выпить. Й-а-а! Пошли, Генка! Хоть похаваем перед смертью.

Командир подхватил спецкомплект, Алексей – НЗ, и они пошли.

Уже отойдя от болотца, Алексей оглянулся. Интересно, мертвых своих аборигены так и бросают? Ох не к добру это...

Глава пятнадцатая Алексей Коршунов. Поселок

Идти было чертовски тяжело. Три дня на орбите плюс прелести посадки давали о себе знать. В глазах плыло, ноги подкашивались. Алексея с Геннадием то из стороны в сторону шатало, то вбок вело.

«А ведь местные нас, поди, за пьяных принимают», – мелькнула у Алексея совсем уже неуместная мысль.

А за кого их вообще могут принять? Допустим, эти волосатые с пиками – не староверы и не киношная массовка. Допустим, что они просто дикари, которые велосипеда в глаза не

видели, не то что спускаемого аппарата корабля «Союз». Как дикари могут воспринять сошествие с неба двух незнакомых оборотов, если нет у них желтой прессы и разнообразной литературы про летающие тарелки? Зато у них наверняка имеются мифы. И имеются боги, которые обретаются на небесах. Логическая цепочка выстраивается. Пришли с неба? С неба. На небе кто живет? Боги. Значит, боги пришли.

Интересно, могут боги являться с небес на землю в дымину пьяными? В принципе, могут, наверное. На то они и боги, чтобы делать все, что заблагорассудится.

– Генка, – сказал Алексей. – А ведь они нас за богов приняли!

Командир усмехнулся, поправил на плече тючок с барахлом.

– Нет, ты сам подумай: кто, кроме богов, может с неба упасть?

– Дождь, – ответил Черепанов. – Дерьмо птичье. Воронадохлая. Продолжить список?

– Я серьезно! – обиделся Алексей.

– И я серьезно. Ты понятия не имеешь, куда попал. Что это за мир? Кто эти люди? И люди ли они? А строишь логические цепочки – за них.

– Но я просто пытаюсь рассуждать! – возразил Коршунов.

– Это не рассуждения, а домыслы. Факты где, физик?

Коршунов заткнулся. Фактов и впрямь было недостаточно.

– Вот ты на пацана глянь, – сказал Черепанов.

Алексей глянул: их проводник Книва очень внимательно следил за дискуссией. Не понимал, естественно, ничего. Но пытался.

– Видишь? – заметил Черепанов. – Человек наблюдает. И помалкивает.

Тут парень, сообразив, что речь идет о нем, разразился длинной тирадой.

Космонавты рассмеялись.

– Насчет богов – не знаю, – сказал подполковник. – Но кой-какой авторитет у нас имеется. Не знаю, в том ли причина, что мы сверху свалились, или дело в том, что у нас морды бритые. Хотя не думаю, что к ним каждый день гости с неба падают. И это хорошо, Леха, что нас опасаются, но опасаются умеренно. Если бы сильно опасались, могли бы и прирезать со страху. Так что нам с тобой повезло. Если такое можно назвать везением. Потому что, парень, мы с тобой здесь чужие. А чужих здесь не любят. И есть у меня такое ощущение, что не свались мы у них на глазах с неба, а притопаи вот так, на своих двоих, то был бы у них с нами разговор короткий и лично для нас крайне неприятный.

Тут командир так нехорошо засмеялся, что даже сияющий гордостью и радостью Книва перестал улыбаться и покосился на подполковника с опаской.

– Почему ты так решил? – спросил Алексей.

– А ты сам подумай. Вот вошел ты к себе в квартиру, а там – два незнакомых охламона. Что ты сделаешь?

– Ну-у... – Коршунов задумался. – Спрошу, кто такие, зачем ко мне влезли?

– Вот именно. А они тебе в ответ: мол, мы славные ребята, в квартиру к тебе забрались с самыми лучшими намерениями, но совершенно случайно. Шли мимо – и вот, заглянули. Ты как, поверишь?

– Вряд ли, – ответил Алексей. Он начал понимать, к чему клонит Черепанов.

– Вот именно. Ты вполне логично решишь, что эти парни собрались тебя ограбить. Или еще похуже. И выходит, что они перед тобой кругом виноваты, а ты имеешь полное право пошеям им навешать и в милицию сдать.

– Ну допустим...

– Вот и мы с тобой в чужой дом вломились без спросу. А милиции тут, скорее всего, нет. Тут каждый сам себе милиция, и рогатина наготове. – Он кивнул на оружие, которое Книва нес на плече. – Но бывает случай, Леха, когда ты, обнаружив у себя дома чужих мужиков, стушуешься и станешь вести себя очень вежливо. Когда?

– Когда? – повторил Алексей и поглядел на Геннадия.

Тут сзади послышался топот. Алексей с командиром одновременно обернулись. Алексей споткнулся и выругался. К ним бежал ражий мужик. Бородища всклокочена, зенки

вытаращены. Шагах в трех бегун резко свернул, чуть не завалился на крутом повороте, обогнул по дуге, шумно дыша. Книва что-то повелительно проорал ему в спину. Мужик попылил вперед еще резвее.

– Ну так? – напомнил Алексей. – Когда же я, увидав дома чужих мужиков, не захочу их пинками с лестницы спустить? Сомневаюсь я, однако...

– А ты не сомневайся, – успокоил командир. – Если гости твои удостоверения предъявят с государственными гербами и, скажем, бумаженцию, которая «ордер на обыск» называется. Тихий и шелковый станешь, никуда не денешься. Еще и вину за собой чувствовать будешь...

– Это почему же? – возразил гордый Коршунов.

– По определению. Когда приходят серьезные люди и спрашивают: «А нет ли за тобой, мил-друг, какой-нибудь провинности?» – то провинность ты, брат, сам найдешь.

– И какой вывод? – осведомился Алексей.

– А такой, что мы с тобой и есть такие вот незваные гости. Возможно, с документами и верительными грамотами от высшего начальства. – Геннадий показал на небо. – Хотя поклясться в этом не могу, поскольку понятия не имею, кто, по их установкам, на небе живет. Но даже если и живут там, по их мнению, правильные ребята и, следовательно, мы – полномочные представители, прибывшие с внеочередной проверкой, то это тоже не слишком хорошо. Потому что грамоты наши – липовые. Местные этого еще не знают, но мы с тобой знаем точно.

Впереди показался поселок. Десятка полтора низких длинных изб. Крыши из соломы. Ничего особенного.

– Нет, я с тобой не согласен! – заявил Алексей. – Мы, с нашими знаниями... Мы тут все равно что боги. Они небось не то что тола и динамита, даже пороха не знают еще...

– Ага. – Командир хлопнул Коршунова по спине. – А ты, можно подумать, знаешь. Ну, космонавт-исследователь, из чего порох состоит? Ответишь?

– Легко! – бодро заявил Алексей. – Сера, селитра, уголь. Что ты ухмыляешься?

– Молодец! Ну, уголь ты, положим, узнать сможешь. А как насчет селитры? Как ее получают?

– А хрен ее знает, – честно ответил космонавт-исследователь. – Я в хозяйственном магазине покупал. Удобрение.

– Вот именно. Селитра – в хозяйственном, нитроглицерин для динамита – в аптеке, толуол и азотную кислоту для тола – в химреактивах...

– Зачем в химреактивах? – возразил Коршунов. – Толовую шашку я, если надо, у барыг на рынке запросто куплю!

– Молодец! – похвалил Черепанов. – Только у здешних барыг ты максимум лук со стрелами купишь. И то – если местными деньгами разживешься. Не думаю, что тут примут твою кредитную карточку.

– Ладно, – буркнул Алексей. – Допустим, ты прав, и мы – полные лохи. Что дальше?

– Пальцы гнуть, – жестко ответил Геннадий. – Держаться с достоинством.

За хутором виднелся холм, обнесенный по верху могучим бревенчатым частоколом.

– Видишь? – Черепанов показал на холм.

– Не слепой, – отозвался Алексей.

– Как думаешь, стали бы они развлечения ради этакую фортецию возводить?

Коршунов не ответил. Да и что было отвечать?

Они пошли мимо первой избы. В черном проеме входа мелькнуло лицо и тут же скрылось.

– Страх – тоже сила, – сказал Геннадий. – Да, рано или поздно от нас, богов или кого там, потребуют чудес или еще каких доказательств нашего могущества. И тогда мы их предъявим.

– И где же мы их возьмем?

– Найдем, – твердо ответил командир. – Сейчас главное – время выиграть. Чтоб хотя бы период реабилитации завершить нормально и на ногах твердо стоять. Будем надувать щеки и

бутафорить, потому что альтернативы у нас нет. Идея ясна?

– Так точно! – молодежато ответил Коршунов. – Разрешите исполнять?

И тут из ближайшего подворья, им наперерез, с самыми черными намерениями метнулась здоровенная кудлатая псина. И едва не разрушила весь героически-божественный имидж космонавтов, но Книва очень вовремя огрел псину древком копья. Надо полагать, таков был местный ритуал общения с животными, потому что пыл зверюги моментально иссяк. Она тут же повернулась и флегматично потрусила обратно.

Книва фыркнул и процедил нечто презрительное, показывая на двор, куда убралась собака.

Село было безлюдно и тихо. Лишь иногда откуда-нибудь доносилось мычание коровы или еще какой-нибудь природный звук.

Возле одного двора Книва разразился комментариями. Судя по всему, именно в этой избе Книва и был зачат, рожден, вскормлен-вспоен и возвращен. В словесном потоке ухо то и дело улавливало повторяющиеся слова: «Фретила» и «Атта».

«„Атта“ – это, вероятно, „отец“, – подумал Алексей. – „Атта, тато“, типа как по-украински. Значит, гид у нас – Книва Фретилович. Что это нам дает? Ничего не дает, если честно».

За плетнем исходил рычанием громадный пес. По кличке Хундс, как любезно поведал гид. По двору меланхолично бродили пятнистые тощие свиньи.

За избой имелось еще несколько строений. Из одного доносилось лошадиное ржание. Конюшня, стало быть. Алексея с командиром тут же услужливо обогатили информацией, что в конюшне лошадь имеется. Зовут лошадь Хлахни.

Алексей уже решил было, что Книва поведет их с командиром к себе, однако, видать, быт на хуторе был устроен посложнее. Путь лежал на другой, возвышенный, край села, где виднелись две избы, обнесенные общей изгородью.

Чтобы скоротать беседой путь, командир показал пальцем на другую избу. Оказывается, там обретался некий Оптила.

А на холме за частоколом жил Гарда. Он там жил постоянно. Фретила, Книва, Оптила и прочие тоже там жили. Но не постоянно, а время от времени.

Стало быть, не от нечего делать аборигены тын возвели. Ох, не к добру все это!

На подворье, куда Книва привел Алексея с командиром, имелось аж целых два пса. Стоило миновать ворота, как псы, захлебываясь от благородного рвения, бросились на пришельцев. Наперерез псам из избы выскочил давешний ражий мужик с палкой. Грубым рукоприкладством утихомирил псов.

Но Книва почему-то на мужика разгневался, принялся орать и размахивать рогатиной. Мужик трусил, а Книва все больше заводился – и вовсе уже на бородатого мужика с рогатиной пошел, но опомнился. Лишь кулаком погрозил. Потом к командиру с Алексеем повернулся и вроде как повинился: достал меня этот хмырь бородатый! Он, блин, всех в селе достал. Он и вас достанет, попомните мои слова.

Бородатого мужика звали Скалксом. Рейтинг в селе у него, кажется, и вправду был не ахти. Однако, похоже, власть имел, раз именно к нему в дом их повели.

Не иначе как кулак здешний. Достаточно на хозяйство его посмотреть. Крепкое хозяйство.

– Да ладно, – Алексей попытался больше знаками, чем словами, успокоить Книву. – Ведь ничего не случилось. Не тронули нас псы, не успели.

Ничего себе, «не тронули»? А если бы тронули? Он, Книва, так думает, Скалка все-таки грохнуть необходимо. Достал он всех, гад!

Бородатый в нерешительности топтался поодаль.

Геннадий ухмылялся, а Алексей вдруг почувствовал себя неудобно, знаками показал бородатому: мол, извини, хозяин, что такую проблему тебе создали...

Понял ли бородатый – неизвестно. Но Книва точно понял.

И буквально вскипел. Это Скалкс-то здесь хозяин? Ну и шутники вы, парни. Хундила

здесь хозяин, Хун-ди-ла! А Скалкс тут никто!..

Алексей смотрел на психующего Книву и вдруг понял: не убьет Книва Скалкса. И беснование Книвы – всего лишь ритуал. Вроде как с тем псом. Шестерка здесь Книва, не более. Достаточно на морду его битую посмотреть. А пальцы топырит оттого, что так полагается. Потому и Скалкс к этому спокойно относится, у которого в здешней жизни – тоже свое конкретное место. А вот у них с Генкой своего места нет. Им еще предстоит себя поставить...

Коршунов посмотрел на командира. Геннадий чуть заметно подмигнул и повел глазами на Книву.

Ладно, ладно, ритуал так ритуал. Сыграют и они свою роль. Роль божества, блин, слюни пузырем, пальцы веером.

И, вытаращив глаза, Алексей заорал на Книву:

– А-тставить! Сми-ирна-а!

Эффект был стопроцентный. Книва разве что честь не отдал. Тут же заткнулся. А Скалкса как ветром сдуло.

Вошли в дом.

В доме было темно. Свет проникал лишь через дверь. А еще в доме было дымно, отчего сразу защипало в глазах. Дым шел от очага и уходил через щель в соломенной крыше, плохо различимой в сизом тумане. Дверей не было. Вход занавешивался кожами, сейчас откинутыми, поскольку тепло. Каково в этом сарае жить зимой, даже представлять не хотелось.

Алексей сделал еще два шага, давая пройти командиру, и остановился. Пусть глаза к полумраку привыкнут.

– А ч-черт!– выругался сзади Черепанов.– Понавешали дряни всякой...

Мимо ужом проскользнул Книва. И с ходу твякнул на кого-то. В глубине избы жалась к стене оцепеневшая от ужаса толстая тетка. Алексей сослепу ее и не заметил. Книвин окрик вывел тетку из ступора. Подскочила и кинулась вон.

М-да, обстановка в хижине спартанская. Чтоб не сказать больше... У очага три бревна в земляной пол вкопаны. Нет, не совсем бревна. На каждом – грубо вырезанные лица. Идолы, стало быть. И расставлены они так, чтобы в огонь смотрели и живущим тут не мешали.

Стол, срубленный на века. Возле стен широкие тяжелые доски. Лавки. У стола тоже пазы специальные сделаны, для досок. А снимают их, должно быть, чтобы места побольше было. Сборно-разборный комплект мебели, так сказать.

Дом оказался по-корабельному поделен на отсеки. В первом «отсеке» едят и спят, это понятно. А дальше...

Из темноты второго «отсека», едва не скуля от ужаса, мотнулась еще одна личность. Врезалась в Алексея, шарахнулась, взвизгнула – и пулей вылетела из дома. Только светлая коса мелькнула. «Алафрида»,– пренебрежительно сообщил Книва.

В глубине второго «отсека» обнаружился еще один персонаж «исторической драмы»: ветхая старушка по имени Стилихо.

Высокие стороны были представлены друг другу:

«Уважаемые боги – мадам Стилихо! Бабушка, вот боги! Прошу любить и жаловать».

Судя по всему, бабушке Стилихо было все равно, кто там перед ней. О своем размышляла, покачиваясь и в пространство задумчиво глядя.

Глава шестнадцатая Алексей Коршунов. Переговоры на высшем уровне

Они сидели в неведомом «где» и в неведомом «когда», в темной и дымной избе – и потягивали пиво. Пиво было жидким и кислым.

Напротив восседал краснорожий представительный Хундила, местный старейшина. Рядом с Хундилой – сухонький старец именем Ханала. Сбоку примостился салабон Книва. В глубине дома бубнила бабушка Стилихо. Где-то поблизости обретались и другие обитатели

поселка. Их присутствие чувствовалось, но не проявлялось. К разговору на высшем уровне они допущены не были.

А разговор не клеился. После формальных представлений говорить стало решительно не о чем. Языковой барьер, мать его. Оpoznать местное наречие Алексей с Геннадием не сумели. Диалект «викингов-староверов» включал в себя знакомые слова из разных европейских языков, но звуковое сходство еще ни о чем не говорило. Достаточно вспомнить английское «три» и некий русский глагол в повелительном наклонении, чтобы в этом убедиться. Так же мало говорили и имена: «Книва», «Хундила» – в этом было даже что-то славянское. «Алафрида» смахивало на немецкое. Типа «Зигфрид-Годфрид». А Стилихо вообще чем-то грузинским отдавало.

Алексей, лоббируя свою гипотезу о «провале в прошлое», высказал предположение, что аборигены общаются на некоем древнем протоязыке. Фактам предположение не противоречило, но с практической точки зрения было абсолютно бесполезно.

Коршунов раз за разом пытался пробить пресловутый «барьер». Его мучил кашель: избу топили по-черному, и от дыма першило в горле.

«Почему же эти чертовы аборигены по-славянски не говорят?» – злился Алексей. В конце концов, находятся они не где-нибудь, а на территории уже десять веков как безусловно славянской, и по тому, что помнил Алексей из курса истории, – исконно славянской и допрежь того. Не считая всяких там пришлых варягов.

Строго взирая на местных патриархов, Коршунов раздельно произнес:

– Мы (указав на себя и Черепанова). Россия. Русь. Рюрик, Олег, Ольга, Святослав, Владимир Святой...

– Валамир? – Местный председатель, хозяин избы, неожиданно заинтересовался. Повернулся к ветхому Ханале, спросил что-то. Тот ответил утвердительно. Тогда Хундила заговорил с Книвой. В речи несколько раз проскользнуло слово «Валамир». Потом оба устали на старца.

Дедок помолчал важно. Столешницу поковырял. Пива отхлебнул. Посмотрел на Алексея со значением. На командира посмотрел. Показал ему кулак. Затем принялся медленно отгибать пальцы, сопровождая каждый палец репликой «Валамир», причем с разной интонацией. Книва тут же засуетился. Помогая себе жестами, попытался откомментировать: да, Валамира мы знаем. И не одного. Четырех Валамиров знаем. А какой из них вам нужен?

Алексей беспомощно поглядел на командира.

– Высокие стороны зашли в тупик, – констатировал Черепанов. – Ладно, зайдем с другой стороны.

Он плеснул на стол пива, обмакнул палец. Минутой позже на столе появился точный план поселка, с указанием избы, где они находились, и всех основных ориентиров, включая реку и болото.

Коршунов восхитился: вот что значит военная косточка!

Но аборигены не въехали. Тогда Геннадий упростил задачу. Нарисовал план избы, стол, участников застолья, указал каждого поименно, вслух. Затем ткнул пальцем в избы на общем плане. Доперло. Поняли, посоветовались, потом Книва тоже палец в пиве омочил, стол нарисовал и тоже пять точек поставил, пояснил: это, значит, мы тут сидим, пиво пьем. Ветхий Ханала даже способность к обобщениям выказал – изобразил нечто у края болота, знаками пояснил: это, мол, ваш спускаемый аппарат.

Дело пошло. Но до полного взаимопонимания было еще далеко. И это выяснилось, когда пришло время конкретных вопросов.

– А там – что? – Геннадий потыкал пальцем в направлении, где должен был находиться ближайший радиисточник.

Там-то? Блин, парни, хреново там до невозможности, на пальцах пояснил «толмач» Книва. Ибба вот тут, а там Квеман, а вон там... там еще хреннее.

Тут Книва о чем-то осведомился у старейшины Хундилы. Хундила пожевал губами, а

потом вдруг рассвирепел и наговорил Книве грубостей. Книва увял было, но тотчас вновь обрел бодрость духа и пивом начертал на столешнице грубое подобие дома. Не того, в котором они сидели, другого. И с торжествующим видом возрился на Алексея с Геннадием. Потом заговорил, то и дело оглядываясь на хозяина.

Речь, насколько можно было понять, сводилась вот к чему. Все у нас в селе классно, все имеется, а вот богов, ребята, таких бравых божественных парней, как вы, нет. Хотите, дом вам в нашем коллективном фермерском хозяйстве выделим, оттягиваться будем в полный рост. Хундила-председатель вон тоже не возражает.

Краснорожий Хундила и вправду не возражал. Осклабился: и вправду, парни, погостите у нас, а там, если понравится, и вовсе оставайтесь. Рабочих рук мало, так что милости просим...

Ветхий старец что-то прошамкал. Книва тут же бойко перетолмачил. Видел, мол, как они по воздуху летели. А откуда, если не секрет?

Командир с Алексеем переглянулись. Судя по поведению Книвы, старичок тут ходит в авторитетах.

Алексей жестами изобразил ответ: ой издалека, дедушка! Так издалека, что ни пешком, ни на пароходе не добраться. Потому и воспользовались воздушным транспортом, иначе никак.

Ханалу ответ почему-то не удовлетворил. Он дал это понять всем своим видом. Ладно, его проблемы. Командир попытался перевести нить беседы на актуальную тему. Вот река, вот спускаемый аппарат. Вот, стало быть, мы впятером пиво пьем. Там Ибба с Квеманом бесчинствуют, это мы усекли. А вот с той стороны что?

«Толмач» Книва опять взялся за рисование.

Оказалось, что «с той стороны», на севере то есть, ничего хорошего нет. И на юге, в общем-то, тоже. А вот на востоке, наоборот, замечательно. Там Одохар и Стайна. И другие. Тоже пиво пьют. За ними Книва еще группу точек поставил. И знаками дал понять, что там тоже пьют. А также с Одохаром и со Стайной дерутся. В том, что дерутся, ничего страшного нет. Наоборот. Нет лучше развлечения для мужчины, чем кому-нибудь кишки выпустить. Изображая процесс выпускания кишок, Книва необычайно воодушевился. Геннадий с Алексеем переглянулись: оба вспомнили отрезанные головы и безвременно загубленного Нидаду. Пожалуй, местные развлечения вряд ли придутся им по вкусу.

Хундила за пояснениями Книвы внимательно следил. Порывкивал время от времени: поправлял.

И вновь старый сморчок Ханала проявил дотошность и въедливость характера.

А все-таки скажите-ка, добры молодцы, откуда взлетели вы, прежде чем в пенатах здешних приземлиться? Поведайте, кто вы и откуда?

Алексей покусал губу. Вот ведь пенек старый. Ну как ему объяснить прикажете, что родом мы во-он оттуда, а стартовали во-он там, с территории суверенного Казахстана. Который раньше входил в состав... а после вышел...

Тем не менее вопрос требовал ответа.

Вон Ханала глазами так и сверлит. Даже голова у него перестала трястись. И Хундила-старшой ответа ждет, супит кустистые брови.

Воцарилась напряженная тишина. Стало слышно, как во дворе негромко переговариваются. Там, поди, все село собралось. Ждут, чем переговоры закончатся.

Поскольку гости молчали, заговорил Хундила. Опять поставил вопрос ребром. Давайте-ка, почтенные, колитесь, кто вы такие есть! Вот я, Хундила, здешний. И Ханала здешний. Аксакалы мы тутошние. И Книва здешний. А вы – нет. Ну-ка докладывайте по всей форме, какого рода-племени.

«Влипли», – подумал Коршунов. Глянул на Геннадия. Командир пожал плечами.

– Имя, фамилия, звание, личный номер... – пробормотал он.

Коршунов не понял.

– Это я так, о своем, – сказал Черепанов. – Ты думай, парень, думай!

Эх, была не была.

Алексей глубоко вздохнул, со значением оглядел всех. Пальцем по пивным разводам на столе постучал. Вот, значит, мы тут, все впятером. Это если масштаба придерживаться. Вот река. Там Ибба с Квеманом. А во-он там...– Алексей встал с лавки. (Опять повело. Как некстати, блин.) – Так вот, уважаемые, стартовали мы оттуда.

Коршунов прошел в самый конец дома. Рядом в полумраке бормотала бабушка Стилихо.

– Книва, – требовательно рявкнул он.

Книва вскочил, подбежал.

– Гляди, Книва. И переводи.

И Алексей выдал пантомиму. Показал, как взлетели. Вот отсюда взлетели. С ревом, в облаках пыли и пламени. И вся земля окрест содрогалась, когда мы взлетали. Ибо безмерно могущественны мы, Книва. А место, откуда взлетали мы, называется Байконур. БАЙ-КО-НУР, усек?

Книва часто закивал. Понятно, мол, Байконур. В огне и грохоте.

И вот, значит, мы летим, продолжал Алексей. К вашим местам, значит, приближаемся. Коршунов, изображая полет, медленно приблизился к столу.

На миг встретился глазами с Геннадием. Вот ведь гад! Весело ему! Ну так получай!..

...Тогда Каумантиир и говорит: а не сесть ли нам тут, Алексей. Отчего же, отвечаю, не сесть. Давай сядем... Ну и сели.

Алексей оглядел всех грозно. Именно так все и было. Может, кто сомневается? Или еще какие неуместные вопросы?

...А родились мы, господа землевладельцы, не там. Не в Байконуре. Во-он там мы родились. Если масштаб карты соблюдать, то вон там примерно, где очаг у вас. Я подальше, туда вот к стене, родился, а Каумантиир – он и вообще на улице.– Алексей ласково улыбнулся Геннадию.– Не вместить вашему дому необъятных просторов нашей страны... Нет, Книва, ты неправильно понял. Не из огня мы вышли, хотя определенное отношение к укрощению огненной стихии имеем... У-фф!

Закончив спектакль, Алексей плюхнулся на лавку. Пива отхлебнул.

– Тебе бы в «Аншлаге» выступать, – пробормотал командир. – Успех бы имел.

– Мог бы и сам... – обиделся Коршунов.

Между Книвой и Хундилой завязалась оживленная дискуссия. Хундила на чем-то настаивал, Книва возражал. То и дело упоминался Байконур. Наконец аборигены пришли к какому-то решению. Хундила что-то Ханале сказал. Не убедил. Настаивать не стал. Подчеркнуто любезно обратился к гостям, через «переводчика». Предложил вернуться к предыдущей теме. Так что за дело у вас к Валамиру? И к какому именно Валамиру?

Ответить Алексей с Геннадием не успели. Снаружи раздались громкие голоса. Мужик давешний, которого Книва убить пытался, всунулся внутрь и тут же сгинул. А следом еще двое ввалились.

Книва подал голос. Представил новоприбывших. Оказалось – Фретила с Сигисбарном пожаловали. Фретила, точно, папаша Книвин. А Сигисбарн – брательник. Старший.

Отношения в семейке, видать, были еще те. Книва папаши явно побаивался. Но держался с ним нахально.

Папаша Фретила тоже взирал на отпрыска как-то... отстраненно. И вместе с тем – с гордостью. Что до брата Книвина, до Сигисбарна, то стоял тот столбом, демонстрируя физиономией ум здравый и девственно чистый. Которому все по барабану.

Хундила Книве коротко что-то приказал. Книва вскочил, наружу выбежал. Хундила тем временем кивнул Фретиле, чтобы тот садился. Тот присел. С достоинством. Сбоку от Ханалы. Сигисбарн без всякого приглашения плюхнулся рядом с Алексеем. Ну точно борзой парень.

Хундила, ни на кого не глядя, заговорил. Фретила слушал. Ханала кивал. Коршунов с Черепановым не понимали ничего. Чувствовали только – о чем-то важном говорится. О них.

И о Книве. Слово «Байконур» неоднократно звучало. Сигисбарн в процессе беседы тишком отодвинулся подальше от Алексея.

Вернулся Книва. Быстро оглядел всех. На папаше с тревогой взгляд задержал. Хундила пацану головой мотнул: садись, мол, не мельтеши.

Еще один персонаж у входа возник. Девка белобрысая. Хундила что-то молвил ей ласково. Девка на подгибающихся от ужаса ногах к очагу пробралась. Пошуровала там, уронила что-то. Потом с кувшином приблизилась к столу. И трясущимися руками начала из кувшина пиво по кружкам разливать.

Алексей оглядел ее с любопытством. Как местную представительницу прекрасного пола. Не воодушевила. А Черепанову, напротив, понравилась. Ему всегда такие нравились: блондинистые, худощавые, немножко нескладные.

Выполнив сию задачу, девка поскорее убралась прочь.

– Алафрида. Миино дохтар, – со значением сказал Хундила. Потом бороду разгладил, кашлянул. И осведомился: так все-таки какое у вас дело к Валамиру имеется...

Глава семнадцатая Алексей Коршунов. О наиболее безопасных способах путешествовать

– Слышь, командир, меня тут кусает кто-то. – Алексей почесал шею.

– Меня тоже, – отозвался Геннадий. – Здесь, поди, блох полным-полно. Полы-то земляные.

– Так изба-то вроде нежилая.

– Значит, в шкурах принесли.

Устроили их, можно сказать, в номере люкс. По здешним меркам. Отдельная изба, питание, удобства (правда, в виде ямы у забора), постель из натурального меха...

В избе было темно. В углу, в очаге, тускло и загадочно рдели угли... Люкс с камином. В котором невыносимо душно и дымно. Вдобавок «меха» воняют, лицо и руки искушены, а тело, измученное посадкой, адаптацией и «пингвином», нещадно ноет.

И сон не идет, несмотря на страшную усталость. И мысли... Говно мысли.

– Слышь, Ген, как ты думаешь, мы тут навсегда? – спросил Алексей.

Услышал, как командир заворочался под шкурами на соседней лавке, почесался.

– Я пока ничего не думаю, – ответил он. – Я пока, Леха, информацию накапливаю. И анализирую.

– И что выходит?

Черепанов шумно вздохнул.

– Анекдот есть такой, – сказал он. – Армейский. Приезжает генерал в часть, в столовую заходит, а там обед. Личный состав «шрапнель» кушает. С селедкой. «Ну как, товарищи бойцы, на питание жалобы есть?» – интересуется генерал. Все молчат. «Нету жалоб, – констатирует генерал. – Выходит, хорошо у вас питание, товарищи бойцы? Ну вот ты скажи?» – показывает на ближайшего солдата. Тот подскакивает: «Так точно, товарищ генерал! Питание выходит хорошо! Входит плохо!»

Алексей хрюкнул.

– Актуально, – согласился он. С местного пива их уже легонько пронесло. Пришлось даже к помощи аптечки прибегнуть. – И все-таки, как ты оцениваешь ситуацию?

– Оцениваю ее так, что надо нам шмотьем обзавестись, – уклонился от темы командир. – Сдохнем мы в «пингвинах».

– Понял. Намекну завтра этому Книве, что гостям цивильная одежда нужна. Мол, на земле по-земному желаем одеваться. Они дадут.

– Нет, – возразил Черепанов. – Хватит халявы. У диких народов положено: за подарки – отдариваться. Иначе уважения не будет. Так что будем ченч делать: они нам – полный комплект обмундирования, а мы им – наше серебряное великолепие. Как думаешь, покроют наши «пингвинчики» стоимость гардероба?

– Даже с лихвой,– заверил Алексей.– Зуб даю: они их даже носить не станут: повесят в углу и молиться будут. Как своим идолам. Только вот...

– Что?

– Отчитываться за «пингвины» как будем? – Алексей повернулся и посмотрел туда, где скрытый мраком командир откровенно подбивал на расхищение казенной собственности.

Ответом было молчание, которое Коршунов истолковал вполне определенно.

– Значит, все-таки думаешь, мы тут навечно?

– А хрен его знает,– буркнул командир.– Нет, ты, Леха, хвост в грязь не роняй. Подполковник Черепанов сдаваться покамест не собирается. Для подполковника Черепанова не бывает безвыходных ситуаций, напарник. Бывают ситуации, требующие нестандартных решений, понял?

Коршунов промолчал.

– «Пингвины» – чешуя,– уверенно произнес командир.– Спишем. У нас, брат, в СА – два скафандра остались. Вот это – да.

– Ну ты ж люк запер,– сказал Коршунов.– Хотя там запор, конечно... Три раза повернуть и дернуть.

– Ничего. Для местных сгодится. Это ж еще сообразить надо, что повернуть требуется. Что-то я у них винтов-гаек не видел. Но вот за скафандры нам точно нагорит, если вернемся.

– Слушай, командир, а ты сам-то веришь в это «если»? – спросил Алексей.

– Ты будешь смеяться, Леха, но верю.

– Из-за радиосигналов?

– Да.

С полминуты Черепанов яростно чесался и матерился сквозь зубы. Алексей полностью разделял его чувства.

– Наверное, ты прав,– заметил он.– Насчет источников. Сколько отсюда до ближайшего?

– Километров четыреста.

– Неслабо.

– Ближе было не сесть. С нашей дебильной орбиты. А, зараза! Всего искушали.

– А если не искусственные радиоисточники? Если это природное явление какое-нибудь?

– Не думаю. Ты про подобные явления слышал когда-нибудь?

– А ты, командир, слышал когда-нибудь, чтобы космические корабли в прошлое перемещались? Чтобы вместо стыковки – медвежий угол с головорезами и блохами?

Черепанов промолчал. А что тут скажешь?

– Эх, нам бы в статусе богов подольше продержаться! – вздохнул Алексей.

– Продержимся,– буркнул Геннадий.– Мы только в роли богов и продержимся. Не знаем ведь ни хрена. Ни языка, ни обычаев. Побудем богами, а там, глядишь, что-нибудь да и нарисуетя.

– Слушаю я тебя, Генка, и дивлюсь. Ты же авантюрист чистой воды. Как тебе в свое время «сушку» доверяли? – Коршунов захихикал.

– Тебя не спросили. Ты, кстати, обратил внимание, что у этого Хундилы в доме на столбах развешано?

– Щиты, что ли?

– Они самые. Щиты. Копья. Книва сопляк, а вон с копьём не расстается. И наверняка умеет с ним управляться. А ты?

Управляться с копьём Алексей не умел. Но был уверен, что может научиться. Если успеет.

– Усекай, Леха, вот как я все это вижу. Мы из себя изображаем богов. Сидим в этой роли, сколько получится. Одновременно знакомимся со здешним бытом. Осваиваем местное оборудование: как кашу варить, лепешки печь. Язык изучаем. С местным оружием навыки нарабатываем. В систему встраиваемся, одним словом. Вот таким макаром.

Алексей полежал некоторое время, обмозговывая слова командира. Звучит, как бред. Это ж надо... Им, КОСМОНАВТАМ, учиться на огне лепешки печь? Полная шиза. А с другой стороны, черт его знает. Генка – мужик парадоксальный. Во время подготовки им самые разные ситуации подсовывали. Так ведь ни разу не облажался подполковник.

– Командир, ты погоди спать, – позвал Алексей. – А чудеса как же?

– Какие чудеса?

– Что мы за боги, если чудеса творить не будем?

– А в этом-то, Алексей, вся хитрость. – Алексей услышал смешок. – Чудеса мы творить не будем.

– Как это не будем? Нас же мигом расколуют!

– Не бойсь! Если это все не грандиозная подстава, мы действительно в прошлом, а аборигены и вправду такие дикие, то наше появление здесь само по себе чудо. А чудес много не бывает, так что наш спуск выработал нормальный лимит чудес на год вперед. И просить о других чудесах они не решатся.

– А вдруг решатся?

– Значит, откажем. Сделаем вид, будто не врубаемся, чего от нас хотят. Или дадим понять, что от чуда могут быть большие неприятности. Я к этим ребятам присмотрелся и могу тебе твердо сказать: не те это парни, что любопытства ради на риск пойдут.

– Это Книва-то не пойдет? – засмеялся Коршунов. – Да он...

– Книва-то, может, и пойдет, – перебил Геннадий. – Да кто его пустит. Я не о молодежи говорю, а о тех, что тут шишку держит: о мундилах местных – Ханале с Хундилой. И есть у меня серьезное подозрение, что Книва уже свой авантюризм проявил. На пару с корешем, который в болоте с перерезанным горлом остался.

– Почему так думаешь? – насторожился Алексей.

– Потому что одежда на покойнике – точно такая же, как на живых. Следовательно, он – из здешних. А старшина в этой роте – мужик серьезный и за просто так глотки резать не станет. Конечно, я обычаев здешних еще не знаю, но могу предположить, что в такой небольшой общине каждый взрослый или почти взрослый мужик – слишком большая ценность, чтобы их так просто списывать. Землю сохой пахать, знаешь ли, крепкие руки нужны. И чем больше, тем лучше. Опять-таки, если враги нападут. Значит, причина была, и причина серьезная, поскольку и нашего Книву тоже определенно в расход пустить пытались. Но тут уже мы вмешались – не дали.

– А может... – Алексей запнулся. – Слышь, Генка, а может, это из-за нас?

– Что – из-за нас?

– Парня того зарезали. Ну, мы же боги, а дикари богам всегда жертвы приносили... Ну вот и эти...

– Что, совесть мучает? – насмешливо спросил Черепанов. – Ладно, не напрягайся. Во-первых, это нормальные крестьяне, фермеры. Такие если и приносят богам жертвы, то не из числа собственных перспективных молодых людей, а из второсортного материала: рабов, чужаков вроде нас. Во-вторых, если даже они и решили своих зарезать, то уж точно не с кондачка. Тут люди неторопливые, обстоятельные. А фактически как все было? Мы и выйти из аппарата не успели, а они уже одного порешили. Нет, брат, причина точно не в нас. А вот повод – возможно. Так что расслабься, Леха. Стоит только намекнуть, что от наших чудес село пострадать может, и местный сельсовет тут же на чудеса свое вето наложит. Логично?

– Вроде бы. Слышь, Генка, а ты про подставу серьезно?

– Какую подставу?

– Ну... Тихо!

– Что? – понизив голос, спросил Черепанов.

– Ходит кто-то снаружи.

– Может, и ходит, – согласился командир. – Что ж ты им – по своей деревне ходить запретишь?

– Да нет, вокруг дома кто-то бродит. Как бы не зарезали нас ночью... Эй, ты куда?

Но подполковник уже был снаружи. Алексей с секундным опозданием последовал за ним.

Снаружи не было ни души. Под низким темным небом спал неведомый мир. Черными тушами маячили во мраке приземистые хжины. В той стороне, где нашел в болоте свой конец спускаемый аппарат, кричала выпь.

Алексей с удовольствием вдохнул сладкий чистый воздух.

– Вон,– прошептал командир,– там. Видишь?

– Где?

– Да вон там. Видишь пятно темное? Залег, зараза! Сейчас мы его пуганем.

– Да это куст.

– За кустом.

Алексей всматривался в темноту. И впрямь что-то там...

– Сейчас... – В шепоте командира послышался азарт.

– Слышь, Генка, может, не стоит...

Но командир, бесшумно ступая, уже направился туда, где и вправду за кустом что-то темнело... И, не дойдя пяток шагов, вдруг издал оглушительный вопль. Темное «пятно» подскочило, обернувшись нормальным двуногим прямоходящим, и рвануло по направлению к селу. Геннадий хмыкнул и пошел назад.

– Вот так-то,– сказал он назидательно. – А ты «ходит, ходит». Пойдем-ка спать. Этот сегодня точно больше ходить не будет.

Они вновь вернулись в избу. Залегли на шкуры – на радость мириадам блох.

– Ты про подставу говорил,– напомнил Коршунов. – Что, может, не в древности мы, а подстава это. Ты это серьезно?

– Не то чтобы серьезно. Хотя...

– Хотя что? – насторожился Алексей.

– Нереально все как-то. Будто специально смоделировано... Ты к их языку прислушивался?

– Ага. Станный он какой-то. То на немецкий похож, то на русский, то – на литовский. А сидим мы, я полагаю, километров на четыреста восточнее, чем я намечал, то есть где-то в Приднестровье. Жаль, мы с тобой в истории не очень. С другой стороны, местные как-то подозрительно на викингов смахивают. Не на голливудских, конечно, а на тех, о которых в учебниках пишут. И при этом – на наших каких-нибудь сибиряков-хуторян. Это я тебе точно говорю: сам – из Красноярской области.

– Но есть один факт,– продолжал Геннадий после паузы,– который полностью исключает возможность того, что для нас с тобой устроили грандиозное представление на историческую тему.

– Какой же?

– Я тут уровень радиации замерил...

– И что? – насторожился Алексей. – Фонит?

– Наоборот. Существенно ниже нормы. И это в квадрате, где полвека интенсивно загрязняли окружающую среду. Не говоря уже о Чернобыле. Вот так вот, Леха. Можно нацепить на современного мужика старинные шмотки, соорудить избы и щиты по столбам развесить. Но радиационный фон подделать – это задача нереальная. Хотя есть, конечно, еще один вариант...

– Какой?

– Такой, что лежим мы с тобой, Леха, в ложементх «Союза» и грезим на пару. И лепит наше подсознание, понимаешь, некую псевдореальность. – Геннадий негромко засмеялся.

– Ты что, серьезно думаешь, что все это – глюк? – очень осторожно поинтересовался Коршунов.

– Все может быть... – уклончиво ответил Геннадий. – Космос – это не по Арбату прогуляться. Но имей в виду, Леха,– тон командира стал жестким,– этот вариант в расчет мы брать не будем. Как бесперспективный. Уяснил? Это приказ.

– Так точно, – отозвался космонавт-исследователь. – А я уж подумал, не потекла ли у тебя «крыша», командир. Или у меня.

– Едет крыша не спеша, тихо джипами шурша... – немелодично пропел Черепанов.

В животе у него вдруг так же немелодично забурчало. Жидкая бурда, которую местные ошибочно полагали пивом, бродила внутри и намекала, что ей пора наружу.

– Нам бы сейчас джип, командир, – мечтательно проговорил Алексей. – И горячего литров сто. И рванули бы мы прямо к источнику радиосигнала... Кстати, а почему бы нам на своих двоих туда не рвануть? Прямо сейчас? Зря, что ли, нас выживанию учили?

– Ответ отрицательный, – сказал Геннадий. – Обстановка не благоприятствует. Выживанию нас – да, учили. Но в другой ситуации. Один раз нам повезло – с неба грохнулись и в боги попали. Но, сам понимаешь, боги из нас – так себе. А чужих, если они, конечно, не боги, тут не любят. Им, если ты успел заметить, головы отрезают и другое нехорошее делают. Поэтому если мы сейчас рванем, как ты предложил, в увлекательное путешествие, то закончим, скорее всего, со стрелой в спине или копьем в брюхе.

– А что делать? Так и сидеть всю жизнь на этом диком хуторе и блох кормить? – с досадой воскликнул Коршунов.

– Не нервничай, Леха. Знаешь, как древние римляне говорили: *Festina lente*. «Спеши не торопясь». ⁴ Я, конечно, истории не знаю, но могу тебе точно сказать, что был и в древности один сравнительно безопасный способ путешествия.

– Это какой же?

– Верхом на боевом коне. Во главе собственной армии.

Коршунов присвистнул:

– Ну ты загнул, Генка! Ты хоть на лошади ездить умеешь?

– Нет. Но научусь.

– А местные – с детства в этом живут. Ты меня извини, подполковник, но на хрена им нужен такой командир?

– Да, – спокойно отозвался Геннадий. – Кое в чем ты прав. И на лошади я действительно ездить не умею. Но я не думаю, что научиться орудовать копьем и управлять конем сложнее, чем истребителем-перехватчиком. У нас с тобой, Леха, есть существенное преимущество перед аборигенами. И оно не в том, что мы знаем про порох с динамитом, а в том, что мы мыслим по-другому. В том, что мы умеем учиться. И здоровье у нас не хуже, чем у них, и реакция. Иначе не взяли бы нас с тобой в космонавты. Так что поставленную задачу – выйти в местные полководцы – я, подполковник Черепанов, считаю реально решаемой. А вот средства и способы ее достижения нам с тобой следует продумать. После тщательного изучения обстановки, для чего требуется здоровое тело и здоровый дух. Потому слушай приказ, космонавт-исследователь Коршунов: забыть о блохах и сомнениях и использовать темное время суток для полноценного отдыха, то бишь – сна. Задача ясна?

– Вполне, – буркнул Алексей.

Выполнить приказ оказалось не так-то просто, тем не менее на душе у Коршунова полегчало. Все-таки молодец Генка! С ним не пропадешь!

Глава восемнадцатая Алексей Коршунов. Первое утро в новом мире

...Поисковая группа все-таки добралась до района посадки. Сперва Алексей увидел, как из-за дальнего леса возникла «вертушка». Прошла над селом (на приличной высоте, судя по звуку) и снова удалилась в сторону леса. Ненадолго. Прошло совсем немного времени, и все ночное небо затряслось от рева. Прожектора чиркали по земле, выхватывая серые соломенные крыши. Горели габаритные огни. «Вертушки» садились повсюду, даже за рекой.

В небе повисли осветительные ракеты. Все пространство села заполнилось военными.

⁴ Афоризм, приписываемый Октавиану Августу.

Из-за дальнего леса, где, согласно полученной от местных оперативной информации, скрывались Ибба с Квеманом, доносились глухие раскаты. Похоже, Иббе с Квеманом приходилось кисло. Почему-то Алексей точно знал, что из-за Иббы с Квеманом все и случилось. Известные террористы, они их с командиром и похитили. Вместе с кораблем. Свели, падлы, с орбиты. Вынудили совершить незапланированную посадку в незапланированном квадрате. Только просчитались. Болота не учли.

Внезапно появились еще люди. В бронеках, с автоматами. Много людей. Окружили. Алексея с Геннадием хлопали по плечам, тормозили, кричали что-то в лицо. Растолкав всех, появился генерал, огромный как медведь. Облапил Коршунова, затряс будто куклу...

Алексей открыл глаза. Это командир тряс его за плечо.

– Вставай давай. Хорош дрыхнуть. День уже на дворе.

Кряхтя, Алексей сел. Помотал головой. Обвел глазами неказистое убранство избы. Нет, не пришли спасатели.

Сразу накатила тоска.

Командир тоже угрюм был. Бродил по дому взад-вперед.

Очаг потух. Снаружи проникал свет: шкура у входа откинута.

– Пожрать бы, – размечтался Коршунов.

– Пожрешь, – обещал командир. – Но кофе в постель не жди. Не будет.

М-да, подумал Алексей, вспомнив «гениальный» командирский план. Далеко им еще до полководцев, ой далеко.

«А ведь ТАМ нас сейчас хоронят всюю, – подумалось с тоской. – В новостях дикторы-некрофилы воду в ступе толкут, смакуя подробности... И не знают, дебилы, что мы еще небо коптим».

А может, и нет никаких дикторов. Может, из всего мира только они с командиром одни и остались.

Нет, не раскисать! Раскисать будем потом. А сейчас надо действовать.

– Нет, Леха. Ты только погляди. Каково, а?

Командир стоял возле стены.

– Ну чего там? Таракана, что ли, увидел? – буркнул Коршунов.

– Дурачок. Ты задницу от койки оторви и оглянись, – посоветовал Геннадий. – Тебе понравится.

Алексей послушно поднялся и обозрел интерьер избы.

– Ну?

– Ничего не замечаешь?

– В смысле?

– На это посмотри! – Черепанов похлопал по вкопанному посреди избы столбу. На столбе виднелись явственные «следы насилия»: кто-то с большим энтузиазмом опробовал на нем различный рубящий и колющий инструмент.

– Я когда на практике в общежитии жил, у нас дверь такая была, – поделился воспоминаниями Алексей. – Мы в нее ножи кидали.

Судя по глубине зарубок, в столб кидали не ножи. Что-то посерьезнее.

– А на это что скажешь? – Командир показал на стену. На стене виднелись явные следы поджога.

Алексей пожал плечами. Еще раз мрачно оглядел неприятный интерьер.

– Бомжатник местный, – пробурчал он. – Комната для гостей. Особо буйных. Слышь, командир, пошли искупаемся. У меня после ночи все зудит, как у паршивого пса.

– Пошли, – согласился Черепанов.

Село стояло на высоком берегу. Но домишко, в котором разместили космонавтов, строили на отшибе. Здесь спуск был более пологим.

«Странно, – подумал Алексей. – Зачем строиться там, где к речке приходится лазить по глинистой круче? Или в этом есть какой-то смысл?»

Солнце стояло высоко, ощутимо припекало. День обещал быть жарким.

– Давай там, – сказал Алексей. И показал направо, где имелось нечто вроде маленького пляжа.

Они стянули «пингвины».

Алексей взялся уже было за подштанники, но командир вдруг сказал негромко:

– Отставить! Там, за ивняком.

На речке они оказались не одни. Чуть подальше оттягивалась местная ребятня. Завидев «богов», детвора, естественно, игры прекратила и уставилась на новый аттракцион. Поскольку чудес не последовало, юные аборигены вернулись к прежним занятиям. Развлечения, что характерно, были те же, что и в начале третьего тысячелетия от Р. Х. Пронестись над обрывом на привязанной к дереву «тарзанке» или просто сигануть сверху в теплый мягкий песок и прокатиться кубарем до самой воды. Но в саму воду никто из малышни не заходил. Должно быть, родители запрет наложили.

Но «богам», естественно, бояться воды было не обязательно.

После «блошиной» избы, в теплой чистой водичке без малейшего следа химии и радиации было хорошо. Алексей с Черепановым минут тридцать гоняли наперегонки от одного берега к другому, потом принялись нырять – на выносливость. Выиграл Геннадий. Зато Алексей обнаружил, что в реке полно раков.

Накупавшись, выбрались на песочек и затеяли бороться. Собственно, честной борьбой это назвать было нельзя. Коршунов неплохо владел ударной техникой, но бить в голову и по другим уязвимым местам – опасался. А все остальное у Черепанова было совершенно деревянное. Может, какой-нибудь черный пояс «кекушинкай» и смог бы пробить железобетонный пресс подполковника... Вероятно, мог бы. Но для Алексея, как только Геннадию удавалось его ухватить, поединок тут же и заканчивался. Непродолжительным полетом с последующим приземлением в лучшем случае на четыре точки. Правда, Черепанов тоже гуманизм проявлял: захваты выполнял аккуратно, без болевых, и бросал аккуратно.

Минут через пять космонавты обнаружили, что, помимо ребятни, у них появились зрители постарше.

В частности, Книва, сын Фретилы, белобрысый молодой мужик Вутерих, один из тех, кто вчера намеревался пустить Книве кровушку, и Книвин брательник Сигисбарн, такой же белобрысый облом.

Увидев, что «боги» их заметили, Книва просиял, Вутерих нахмурился, а Сигисбарн нагло ухмыльнулся. Затем соскочил с обрыва, сдернул куртку и сделал Черепанову приглашающий жест: мол, давай и меня так кидани! Слабо?

– Ну что, Леха, поддержать славу богов? – спросил Геннадий.

– Ты его только не попорть, – озабоченно проговорил Коршунов. – Зарежут.

– Не учи батьку водку пить, – усмехнулся Черепанов. – Не покалечу. Вон какой здоровый лось!

«Лось» тем временем скинул башмаки, потоптался, уминая песок. Был он и впрямь здоровенный. На полголовы выше Черепанова, широкоплечий, мускулистый, румяный – кровь с молоком.

Геннадий сделал приглашающий жест: давай, мол, атакуй. Книвин брательник торопиться не стал. Набычился, сделал страшную рожу, заревел медведем: то ли напугать пытался, то ли просто боевой дух в себе поднимал.

Алексей стоял по щиколотку в воде, дышал сладким воздухом, пахнущим рекой и ранними травами. Солнышко грело ему грудь, а ветерок приятно охлаждал разгоряченную спину. Коршунов вдруг почувствовал себя так, словно он – на отдыхе. Пикничок на природе с друзьями. Позагорать, поплескаться, удаль молодецкую потешить, ну и водочки выпить, конечно, под сочный шашлычок...

Местный парень Сигисбарн закончил «разминку», подпрыгнул, рыкнул и обрушился на Черепанова. По-простецки: сгреб, придавил и, помогая себе ногами, попытался завалить на песок. Геннадий дал ему немного порезвиться, потом небрежным движением освободился от

захвата и красивой «мельницей» отправил верзилу в песок. Публика одобительно завопила. Особенно громко орал Книва. А вот Вутерих молчал, но ухмылялся.

Сигисбарн происшедшее не осознал. Поднялся, поглядел на противника несколько удивленно. Как это так? Только что я на ногах стоял, и вдруг – лежу?

Геннадий опять сделал ручкой: давай, родной, еще разок.

Сигисбарн рыкнул и кинулся...

Черепанов нырнул и послал красавца через себя. Зрители восхитились, а верзила опять не понял, что случилось.

Алексей его очень хорошо понимал и даже отчасти сочувствовал, поскольку имел удовольствие испробовать на себе командирские приемчики. Только что Генка стоял перед тобой, с косой ухмылочкой, и – р-раз! – уже куда-то исчез. И земля из-под тебя тоже исчезла, а сам уже летишь куда-то, летишь... И приземляешься.

После четвертого «полета» Сигисбарн решил, что с него – хватит. Тут дело нечисто, решил он. Не иначе – колдовство какое.

С большим подозрением косясь на Черепанова, он взобрался наверх, где между ним и Вутерихом тут же развернулась оживленная дискуссия. Судя по жестике, Сигисбарн пытался доказать, что победили его нечестно, колдовством. Вутерих же утверждал (призывая в свидетели Книву), что наоборот, все было честно. Никакого колдовства. А что побили Сигисбарна, так это исключительно из-за его, Сигисбарна, неуклюжести и хилости.

Сигисбарн пришел в ярость. Попытался треснуть «свидетеля», но тот увернулся. Тогда оскорбленный в лучших чувствах Сигисбарн ничтоже сумняшеся врезал оппоненту между глаз. Вутерих в долгу не остался, и кореша принялись молотить друг друга кулачищами. Аж гул стоял.

Алексей было кинулся разнимать, но командир поймал его на полпути:

– Не лезь, сами разберутся.

И оказался прав. Минуты через две бойцы притомились и помирились. Последствия сокрушительных ударов оказались на удивление незначительными. Пара ссадин, юшка из носа да лопнувшая губа. Вероятно, здоровая жизнь обеспечивала повышенную крепость организмов.

– Обратил внимание, как дерутся? – спросил Черепанов.

– Угу. Русский кулачный бой в лучших традициях. С замаха в морду. Без подлянок.

– И без блоков, защита на уходях и уклонах, да и то редко, – резюмировал Геннадий. – Вывод?

– Вывод такой, что мы с тобой на пару весь этот поселок сделать сможем.

– Вывод неправильный, – отметил подполковник. – Правильный вывод: в настоящей драке они не кулаками орудуют, а кое-чем посерьезнее.

– Понимаю. Против топора на блоках не поработаешь.

– Да нет, можно и против топора, – сказал Геннадий, еще не подозревая, что ему очень скоро придется доказывать это заявление на практике. – Против меча, да, сложновато, а против топора – ничего, можно. Только этому надо специально учиться. И все равно щит будет эффективнее.

Сигисбарн спрыгнул с обрыва, сполоснул в реке окровавленную физиономию, повернулся к космонавтам, выпрямился и произнес торжественную тираду.

Его не поняли. Пришлось прибегнуть к помощи «толмача» Книвы.

Оказалось, почтенный отец достойных сыновей Фретила приглашает «богов» разделить с ним скромную, нет, скорее, обильную трапезу. В смысле, позавтракать зовет.

«Боги», само собой, отказываться не стали.

Глава девятнадцатая Книва. Богатырская потеха

Книва, затаив дыхание, смотрел, как чужие боги играют с божеством реки. Чужие боги по очереди ныряли и подолгу под водой пребывали: должно быть, было о чем им с

божеством поговорить.

Чужие боги знали все. И место выбрали не простое, а то, где три зимы назад Гиба утонул. Книва дружил с Гибой.

В те дни, когда можно входить в воду, они с Гибой вот именно здесь купаться любили. Потом речное божество Гибу к себе взяло.

Ублажив речное божество, чужие боги взялись плавать наперегонки. Как странно они плавают. Книва так не умел, и никто в селе не умел. Да что в селе, и в бурге не нашлось бы никого, кто бы мог так плыть.

Надо будет попробовать. Дождаться дней, когда можно купаться, и попробовать.

Рядом пошевелился Сигисбарн. Книва знал, что брат думает о том же.

– Не нравится мне это, – тихо проговорил Вутерих.

К Вутериху боги не благоволят. Они еще вчера, на болоте, яснее ясного дали это понять. Опозорили Вутериха, принудив на четвереньках по болоту бежать. Сегодня ночью Вутерих, чтоб храбрость доказать, ходил к богатырской избе. Но чужие боги узнали, что он за кустом таится, и напали на Вутериха.

Вутерих уверял, что злой ворожкой из богатырской избы тянуло. И что заесть его хотел старший бог. Но Сигисбарн поднял его на смех. И другие тоже смеялись. Должно быть, и чужие боги тоже над тугодумием Вутериха вволю потешились.

В селе только о богах и говорят. Хундила-старейшина сказал: если боги сегодня прочь не уйдут, завтра он в бург пошлет. Раз неслыханное творится, то в бурге об этом знать должны. Пусть Одохар, военный вождь, и Стайна, вождь мирный, разбираются, кому богов принимать. Богам следует великое гостеприимство оказывать, а в селе разве такое возможно? Только в бурге.

Дивные одежды богов лежали на берегу. Вот бы в такой да в бурге показаться. Все бы от зависти умерли. И в бою такая одежда подмогой бы была. Не случайно руны на одеждах у богов – от меча да от стрелы такая одежда была бы защитой. Да и от молний, ибо одна из рун явно громовая.

Когда богам надоело в воде тешиться, они из реки вышли. Постояли, озираясь, думая, чем бы себя повеселить, а потом единоборствовать принялись. Младший бог Аласейя все бил и бил в старшего бога Гееннаха. Но тщетно. Ибо великим воином и борцом преискусным был Гееннах. А оземь раз за разом падал Аласейя, бог водный, ибо о том имя его говорит. «Безмерная водная ширь» – вот что имя это означает.

Сигисбарн первым не выдержал. Вдруг встал во весь рост, не таясь.

– Ты куда? – прошипел Книва. – Одурел.

Но Сигисбарн будто не слышал. Пошел туда, где боги тешились.

Старший бог Гееннах к Сигисбарну снизошел. Бросал его и так и эдак, и животом в песок, и спиной. По-всякому. Если без понятия глядеть, покажется: крупнее Сигисбарн бога. Но это лишь видимость, потому что каждый знает: боги не таковы, какими кажутся. Настоящих богов воинам Овида-жрец показывает. На воинском посвящении. Это великая тайна. Но даже и без посвящения видно: мал для бога Сигисбарн. Подбрасывал бог Сигисбарна вверх, словно щенка, сам при этом вовсе не утруждаясь. Сигисбарн потом сказал: бог его волшебством победил. Исчезал с глаз, а потом неведомой силой схватывало Сигисбарна и оземь бросало. Вутерих еще над ним посмеялся: мол, ночью он волшебство богов на своей шкуре испытал, а Сигисбарн просто дурной. Вот и Книва видел: без всякого волшебства, одними могучими руками бог Вутериха поборол. Тут Сигисбарн рассердился и драться начал. У них с Вутерихом часто споры так заканчиваются.

«Не будь героем, но дружи с героем». Так Фретила, отец, говорит. А бог – это побольше героя. Даже и чужой бог.

Сигисбарн был очень доволен. Еще бы! Много ли найдется тех, кто с богами единоборствовал?

Даже забыл, что отец велел: пригласить богов трапезу с родом Фретила разделить. Но Книва брату напомнил. И напомнил, что благодаря ему, Книве, боги именно роду Фретила

благоволение выказывают. Но Сигисбарн слова Книвы мимо ушей пропустил. Книва уже не раз замечал: если брат – старший, так туповат. Вот и Сигисбарн такой же.

Глава двадцатая Алексей Коршунов. Фретила-гостеприимный с домоладцами

Как выяснилось, приглашение к завтраку на Вутериха не распространялось. Не доходя до цели, этот молодец свернул в сторону, буркнув нечто невразумительное. Книва откомментировал его уход в смысле: «баба с возу – кобыле легче», а Сигисбарн как бы вообще не заметил: вышагивал впереди, гордо выпятив распухшую губу. Статный парень. На любой дискотеке имел бы у девчонок гарантированный успех, отметил Коршунов. Кстати, и Книва был парень хоть куда, несмотря на то, что почти мальчишка. Рост, пропорции... Тощий, правда, но мясо нарастет. И двигался хорошо: мягко, пластично. Таких Лехин сэнсэй называл: «идеальная заготовка». В смысле: реальный кандидат на черный пояс. Если характер есть. И желание. Коршунов, например, в черные пояса не вышел, хотя тоже хорошие данные имел. И характер. Желания настоящего не было. Охота была себя гробить! Видел он этих молодых «перспективных». Что ни соревнование – то травма. Несмотря на щитки-протекторы. Оно, конечно, кумитэ – не шахматный турнир, и Алексей, если надо, мог за себя постоять и ответить по-мужски, как полагается. Но он слишком любил свой организм, чтобы калечить его ради каких-то поясов. Вот Генка, тот другой. Генка если уж чем занимался – до упора. До самой верхней планки то есть. Зато и чувствовалось в нем нечто... леденистое. Вот они с Коршуновым – друзья. Причем Генка – друг настоящий, разговора нет. Но Коршунов отдавал себе отчет, что есть в личности подполковника Черепанова некая «закрытая зона», куда другу Лехе ход запрещен. Скажем, уродец Буратино, Генкин «талисман», он явно оттуда. И то, как Черепанов труп парнишки на болоте изучал, дотошно и безэмоционально, словно медэксперт, – тоже оттуда. Ну да ладно. У каждого – свои тараканы. Это нормально для взрослого мужика. А из Книвы толк будет. Если не убьют, конечно. Здесь, похоже, с этим просто.

Дом Фретила оказался чуток поменьше, чем у Хундилы-старейшины. Но как-то... ухоженней, осанистей.

И сам Фретила, по всему видать, солидный мужик. Крепкий хозяин.

Когда они к дому подошли, он уже у плетня стоял, будто заранее поджидая. А может, так оно и было.

Псов на дворе не наблюдалось. Видимо, их заранее где-то привязали.

Ворота распахнулись, последовал короткий, но бурный диалог. Говорил в основном Книва, то на Коршунова с Черепановым показывая, то на Сигисбарна. Сигисбарн поддакивал, шамкая раздувшейся губой.

Хозяин, показав на эту самую губу, вполне дружелюбно поинтересовался, не бог сынку рожу расквасил?

Угадать, о чем речь, было нетрудно, поскольку – «годс» и «Гееннах» в сопровождении соответствующей жестикуляции.

Узнав, что над физиономией Сигисбарна трудился Вутерих, Фретила заметно огорчился. Даже сплюнул в сторону соседского плетня.

Сигисбарн запротестовал, но папаша пресек протест короткой фразой и обратился к Геннадию с Алексеем. Говорил долго, торжественно, театрально жестикулируя.

Алексеем вдруг пришла на ум мысль, что если бы этого папашу Фретила побрить да одеть соответствующе, то был бы он в точности похож на какого-нибудь политика муниципального уровня из бывших профсоюзных лидеров.

Черепанов кашлянул. Многозначительно. Он это умел. Мол, не хватит ли во дворе стоять? Не пора ли – в дом? К столу?

Ну разумеется! Папаша Фретила чуть ли не ритмизованной прозой начал говорить. В лучшем виде. Непременно.

Он сделал широкий приглашающий жест.

– Пошли, – сказал Геннадий.

Однако повел Фретила гостей вовсе не в дом.

Оказывается, перед трапезой по программе была еще и ознакомительная экскурсия.

Просто, блин, в традициях Противника номер один. США то есть. «Не хотите ли, гости дорогие, осмотреть жилище?» И морда прямо сочтется счастьем: вона какой у меня отдельный хауз выдающийся!

Побывали в хлеву. Там было пусто. Оно и понятно, скотина сейчас пасется. Ее к вечеру пригоняют.

Курятник. Амбарчик. Склад сельхозтехники. Непонятного назначения пристройка, размером едва побольше собачьей конуры.

Дом. Крыша. Солома, к которой имел отношение Книва. И отношения эти были довольно напряженными.

Неизменные пятнистые свиньи. Кстати, свинья на местном языке была «свиин». Почти как по-русски.

Дом назывался и «хузом» и «разном». «Разн» звучало чаще. А «гаразна» – это «сосед». «Гаразном» Фретила был Вутерих. И мордоворот Герменгельд, которому бог «Гееннах» (Да живет он вечно!) ручку изволил повредить. Герменгельд, оказывается, «брозар» недостойного Вутериха. Братан, стало быть.

Фретила вещал, Книва исправно «толмачил». Сигисбарн ходил следом, но помалкивал. Судя по всему, тут царит суровый патриархат. Когда старшие говорят, младшим положено держать клюв на замке. Пока не спросят.

Каждый раз, когда Геннадий с Алексеем изображали восхищение – а что еще оставалось? – папаша Фретила сиял, как начищенный чайник.

Когда все, что можно было осмотреть, было осмотрено, Фретила повел «богов» в дом. Судя по всему, осмотр хозяйства был отвлекающим маневром. Чтобы хозяйка успела на стол собрать.

Представлена была и сама хозяйка – тетенька сурового вида и могучего телосложения. Звали тетку под стать внешности – Брунегильдой. Имя было знакомое. Что-то из того, прежнего мира. Ассоциировалось с чем-то крутым. Но с чем, Коршунов не помнил.

А вот и гвоздь программы. Дочь Фретила.

По виду дочь была совершеннейшей оторвой. Правда, оторвой симпатичной. Эдакая, кровь с молоком, разбитная девочка. Светленькая с рыжинкой и с веснушками на носике.

Звали дочь Рагнасвинтой.

Перед «богами» Рагнасвинта слегка оробела. Робость ей шла.

Фретила вновь толкнул пространную речь. На стол показывал, где дымился большой горшок с каким-то варевом, на Брунегильду, на улицу, на Книву. А закончил совсем неожиданно. Взял Рагнасвинту за плечи и легонько подпихнул ее к «богам» и сделал двусмысленный жест.

– Слышь, Генка, похоже, нам девочку предлагают, – сказал Коршунов. – Я бы взял. Классная девочка. Грудки просто наружу просятся.

– Расслабься, – притормозил его Черепанов. – Раскатал губу. Только попробуй, сразу по морде получишь. Причем от меня.

– Ты что, командир? – изумился Коршунов. – Я в монахи не записывался!

Черепанов поглядел на него, как на идиота.

– Ты, космонавт-исследователь, мозги-то подключи. Откуда ты знаешь, что этот бородач имеет в виду? Хочешь, чтоб на рогатину поддели? Сначала с языком и прочим разберись, а потом кобелюй. И рожу не криви! – прикрикнул он на посмурневшего Коршунова. – Тут дипломатию соблюдать надо. Вдруг он и впрямь тебе девку сватает? Улыбайся и молчи.

Рагнасвинта, запинаясь, вякнула что-то. И показала на стол. И покраснела.

Папаша Фретила гулко захохотал. И Сигисбарн захохотал, с торжеством глядя то на

Геннадия, то на Алексея. И даже Книва приснул. А Рагнасвинта, зло зыркнув на родителя, бросилась на улицу.

– Дела, – откомментировал Геннадий. – Все-таки обидели девушку. Будем надеяться, что не мы.

Кормились все из одного горшка, по очереди. Нечто вроде тушеного с курятиной зерна. Но курятины было больше. Не скупился хозяин. Откушали. Фретила тут же проставился пивком. Сигисбарн с Книвой приволокли здоровенный кувшин. И чашки деревянные. Себе – примерно на пол-литра, гостям – раза в три побольше. Эдакие ковши с ручками. Учли, значит, масштабы личностей. Космонавты, памятуя о последствиях вчерашнего пивопития (обоих, не к столу будь сказано, понос пробил), поначалу отнеслись к напитку осторожно. Однако были приятно удивлены. Пиво оказалось заметно лучше, чем вчерашняя кислятина. Алексей не преминул об этом сообщить. Фретила подтвердил величественно: его пиво – это Пиво, а у Хундилы так, собачья моча. Книва «перевел» жестами, показал, как «хундс» лапу задирает, а Хундила оный собачий продукт – в кувшин. И пьет с удовольствием. И гостей угощает. В лицах показал. Определенно, незаурядный актер в парне пропадает. Фретила тут же внес дополнение: пиво Брунегильда варила. Он ее научил. И дочь юную она тоже научила сему хитрому искусству. Отметьте сей факт, гости дорогие.

В общем, складывалась неспешная беседа, попутно обогащавшая словарный запас Черепанова с Коршуновым. Фретила вещал торжественно. Однозначно давал понять, что готов плотно закорешиться с гостями. Благодарил, что они оказали такое почтение его роду: Книву приголубили, Сигисбарна отмутузили. Одним словом, проявили крайнее благоволение. Он, Фретила, добро понимает. Он, Фретила, для дорогих костей – хоть что. Вот хоть тот первоклассный котел готов подарить. Нужен богам котел или они пищу земную лишь из уважения к нему, Фретиле, вкушают?

Алексей посредством языка жестов и смеси немецкого, французского, русского и малороссийского дал понять, что «боги» теперь по земным правилам живут, следовательно, и кушать будут, что все прочие двуногие на земле кушают. Обычай такой. Одно нехорошо: у них, «богов», одежда небесная, а это непорядок. Вот ежели бы кто им, «богам», земную одежду подарил, вот такую, как на Сигисбарне, то это был бы очень правильный поступок.

Наглая просьба вызвала оживленную дискуссию.

– Может, зря ты так, в лоб? – проговорил Черепанов.

– Нормально. Ты что же хочешь, чтоб я, без языка, без понятий местных, полунамеками изъяснялся?

Однако все срослось в наилучшем виде. Фретила, прихватив сыновей, удалился и через некоторое время вернулся с продукцией местных кутюрье. В комплект входили две холщовые рубахи с завязками и затейливой вышивкой, пара штанов типа «бермуды» с завязками из веревочек, еще – по паре кожаных курток и кожаных же штанов отличной выделки. В такие только молнии вставить – на любом блошином рынке с руками оторвут. Один недостаток – полное отсутствие карманов. К одежде прилагалось два комплекта обуви типа мокасин и шесть пар обмоток. В довершение расщедрившийся Сигисбарн положил на кучку, предназначавшуюся Черепанову, шикарный пояс, настоящее произведение искусства из толстой тисненой кожи шириной сантиметров пятнадцать, изукрашенное железными и бронзовыми бляшками и оснащенное множеством крючков и петель. Восхищение, которое выразил Черепанов, было вполне искренним. Робко улыбаясь, Сигисбарн дал понять, что хотел бы увидеть, хорошо ли будет смотреться подарок на старшем «божестве». Поскольку напяливать пояс на «пингвин» подполковнику показалось дурным тоном, он удалился в чуланчик, откуда появился, облаченный по местному обычаю. Даже с точки зрения Коршунова, командир смотрелся неплохо. Очень внушительно. Этаким могучим древним воином.

– Тебя бы еще оружием увешать, – ухмыльнулся Алексей.

Видимо, та же мысль пришла в голову и Сигисбарну, потому что он выскочил из «столовой» и вернулся с приличных размеров ножом в кожаном чехле. Сигисбарн лично

прикрепил ножны к одному из крючков на поясе. К всеобщему удовольствию Черепанов извлек нож и с подчеркнутым вниманием его осмотрел.

– Говно сталюга,– произнес он нараспев, широко улыбаясь.– Я бы такой штукой даже огурцы резать постеснялся. Но баланс ничего, приличный. Надо бы им тоже чего-нибудь подарить, как думаешь?

– «Пингвин» свой отдай,– сказал Алексей.– Сам же говорил: шмотье на «пингвины» сменяем.

– Это мысль,– одобрил Черепанов. Улыбнулся еще шире, поднял двумя руками свернутый комбинезон, произнес очень торжественно своим рокоchущим басом: – Вручаю вам, Фретила и сыновья, сей небесный прикид. Желаю вам никогда не надевать его, ибо ходить в нем вне условий невесомости просто омерзительно. Тем не менее эта совершенно бесполезная для вас вещь замечательно блесит и переливается, а также имеет надписи на двух языках, в которых сообщается, что она есть собственность российского космофлота и изготовлена персонально на меня, Геннадия Черепанова.

Фретила с домочадцами внимали речи командира стоя, с такими благоговейными лицами, что подполковнику стало неловко, а Алексей изо всех сил сдерживался, чтобы не ухмыльнуться.

Расстались также крайне торжественно.

Половину пути к «гостинице» Коршунов неоригинально иронизировал над речью командира и его внешним видом. Но потом Черепанов походя заметил, что юморист Коршунов потеет и мучается в «пингвине», а он, Геннадий, чувствует себя вполне комфортно. Коршунов обдумал этот факт и заткнулся.

Глава двадцать первая Алексей Коршунов. Утонувший кораблик

– М-да,– пробормотал Черепанов.– Надо было вчера прийти.

От спускаемого аппарата осталась только макушка, украшенная шпилем антенны.

– Как же он мог утонуть? – изумился Алексей.– У него же положительная плавучесть.

– Это болото, а не океан,– сказал подполковник.– Ладно, давай стропы резать: парашют вытаскивать будем.

Коршунов поглядел на двухцветное полотно, испещренное грязными пятнами и желтыми лужицами болотной воды. Парашют накрывал маленькое болотце почти целиком: от края до края.

– А смысл? – спросил Алексей, уже представляя, какая это морока: освобождать и вытаскивать тысячи квадратных метров шелка.– Отмахнем кусок этой хреновины – и хорош.

– А такой смысл, что на эту хреновину мы с тобой весь этот поселок с хундсами и хундилами сменять сможем. Давай, не валяй дурака, лезь, а я подстрахую.

Провозились они изрядно, почти до вечера. В грязище перемазались по уши. Ткань пришлось разрезать на десяток кусков, иначе было не управиться. Добычу выполоскали в реке. И сами помылись. Разложились на травке: на просушку.

– Эх,– вздохнул Коршунов, глядя на акры бело-красного шелка.– Какой ориентир с воздуха!

Но командир думал о своем, мечтам не предавался.

– Может, и хорошо, что аппарат затонул,– сказал он.– Целее будет. Местные – народ предприимчивый. Залезут – еще испортят чего-нибудь. Или пустолазные скафандры сопрут, а они – по лимону баксов каждый.

– Брось, Генка,– сказал Коршунов.– Никто тебе счет не предъявит. Некому. Давай лучше о приятном поговорим: о той девчонке, как ее – Рагнасвинте.

– Ага,– ухмыльнулся Черепанов.– Женимся, хозяйство заведем, землю пахать будем... Лепота!

– Да ты что? – испугался Алексей, представив описанную перспективу.– Не хочу я – в фермеры. Ты же говорил, помнишь? Ну, про полководцев?

– Говорил,– согласился подполковник.– Я – в полководцы, а ты – в фермеры. Будешь тут землю пахать, хундсиков с хундилками плодить... А я Рим возьму и императором заделаюсь. Как думаешь, есть тут Рим?

– Понятия не имею,– буркнул Коршунов.– Но землю пахать да блох кормить я точно не буду. Ты что же, бросить меня нацелился? Не выйдет! – Он с опозданием сообразил, что Геннадий шутит.

– Нервы беречь надо,– назидательно произнес Черепанов.– И желания свои – ограничивать возможностями.– Он широко ухмыльнулся.– Или крестьянка Рагнасвинта, или гарем из римских куртизанок. Что предпочитаешь?

– У меня как-то две подружки были, сестренки троюродные,– мечтательно произнес Коршунов.– Татарочки. Так вот однажды...

Глава двадцать вторая Хундила, Вутерих, Ханала и прочие

Пока «боги» в поте лица отвоевывали у болота движимое, вернее, летающее имущество, в доме старейшины и основателя поселка почтенного Хундилы имела место весьма серьезная беседа, напрямую касавшаяся этих самых «богов».

Участниками беседы были сам старейшина, почтенный старец Ханала и племянник Хундилы Алзис, пришедший к дяде занять мешок зерна – да так и оставшийся до обеда. Присутствовали также заявившиеся с важной информацией Вутерих и Герменгельд.

Вутерих был мрачен, Герменгельд – задумчив. Хотя насчет дум Герменгельда никто в селе давно не обольщался. Невелик умом Герменгельд. Что ему было от богов выделено, все в рост пошло, на ум ничего не осталось.

Как сказано, речь шла о пришлых «богах». Вутерих, уже составивший о них свое мнение, высказался однозначно:

– Чужие это боги – и весь сказ.

От волнения он даже кулаком по столу двинул.

– Чужие это боги. И зло замышляют.– Вутерих угрюмо посмотрел на Хундилу. Старейшина сидел, целиком погруженный в думы.

Алзис вместе с Герменгельдом налегали на пиво, оставшееся после вчерашнего совместного пиршества. Оно, конечно, неважное пиво варят в доме Хундилы, кислое и водянистое. Но коли другого нет...

Вутерих пива почти не пил, ораторствовал.

Это же неслыханное дело, чтоб боги к чужим племенам приходили. Это же нарушение всех обычаев, что земных, что небесных! У каждого народа – свои боги, коим и следует жертвы приносить и у коих помощь испрашивать. А чужие боги – что? Даже и захотят помочь чем, так откуда им ведомо, что чужому народу требуется? И опять же, свои боги обидятся. Уж своих-то богов мы знаем. Если обидятся – беда. А эти? Что у них на уме?

– М-м-м... – протянул Хундила, вроде бы и соглашаясь и вроде – с сомнением.– Так говоришь, единобожествовали на берегу?

– Единобожествовали.– Вутерих нахмурился.– А прежде с божеством реки общались. Только я вот что думаю. Не воинские это боги. И Герменгельд так считает.

Герменгельд хрюкнул, соглашаясь.

– Может, это скотские боги,– подал голос Алзис, племянник, тощий, рыжий, с оттопыренными ушами.– Пригнать к ним скотину и посмотреть. Если это боги скотские, то благословят скот.

– Ага, они благословят! – насмешливо сказал Вутерих.– А через седмицу твой скот и падет. А богов – поминай, как звали.

Вутерих повернулся к Хундиде.

– Вот и Травстила-кузнец тоже сомневается,– сказал он.

– Что говорит кузнец? – Хундила помрачнел. Одно дело – Вутерих, другое – Травстила. У кузнеца глаз верный.

– Сам же слышал, – напомнил Вутерих. – Сомневается он. Кузнец, он как обычно – себе на уме. Только, заметь, от богов он стороной держится.

– Он от всех – в стороне, – буркнул Хундила. – А ты почему думаешь, что чужие боги зло замышляют? – Старейшина зыркнул на Вутериха из-под кустистых бровей.

– А как мне еще думать? Что хорошего от них? А дурного – пожалуйста. Вот Герменгельду руку повредили. Скажи, Герменгельд.

Дюжий верзила Герменгельд поддакнул:

– Ага! – и потряс рукой.

Правду сказать, рука его уже забыла, что ее «повредили».

– Ты, Хундила, сам подумай. – Вутерих наклонился сначала к старейшине, потом быстро повернулся к Ханале: – И ты, Ханала, подумай. Ты же мудр, все повидал. Как было? Злые квеманские духи сперва в Нидаду вселились. Нидаду мы очистили, ладно. И что же дальше?

– Во-во, – поддакнул Герменгельд. – Что дальше? – и шумно отхлебнул из чашки.

– А дальше – ОНИ! – Вутерих поднял палец. – Они! Неведомые боги. Тут как тут. И что они делают?

– Что? – спросил Герменгельд с важностью.

– А они Книву привечают! – с торжеством воскликнул Вутерих. – Нечистого Книву, который с Нидадой был. Книва-то мало что нечист, так еще и глуп, молоко на губах не обсохло. Рад стараться! – Вутерих сжал кулаки. – Вот ты, старейшина, сам посуди: если бы наши боги пришли, нешто они бы так с нечистым поступили?

– Это точно! – насмешливо сказал Алзис. – Наши боги не только из Книвы кровь бы выпустили, но и из Герменгельда. Да и из тебя, Вутерих, тоже. Головы бы вам поотрывали за непочтение. А от этих я что-то зла пока не видал, так что в этом с тобой, Вутерих, согласен: не наши они боги. Да это и сразу ясно было, коли они языка нашего не ведают.

– Вот я к тому и клоню, – гнул свое Вутерих. – Хитрят они. Под себя нас гнут. Смотрите, что выходит. Сперва Книва. Теперь уже и Сигисбарн. Да что Сигисбарн. Вон и сам Фретила, на что муж уважаемый, а перед чужими богами стелется.

– И мне вон руку попортили, – напомнил Герменгельд и шумно отпил пива.

– Молчи, Герменгельд, – оборвал Вутерих. – Надоел со своей рукой. А ты, старейшина, думай. Вот и еще: сегодня Брунегильда на подворье у себя причитала. Чего блажишь-то, спрашиваю. А она в ответ: Фретила с чужими богами родниться хочет, Рагнасвинту к ним посылает.

Тут Вутерих метнул взгляд на Алзиса: как, понравилось, защитничек?

Алзис враз помрачнел, а Хундила аж подскочил:

– Что-о?! Этот? Фретила? С богами породниться? Пришлец бурговский! Да кто его в селе приветил? Я! Стало быть, и мне...

– Сжечь их – и всех делов! – рявкнул Алзис.

Все посмотрели на него.

– А что, – заговорил Алзис. Его узкое, вытянутое, будто у хоря, лицо дернулось. – Пойти всем миром да в богатырской избе их и сжечь. Ясно уж – это квеманские боги обличье чужих богов приняли. Ну так и что ж, что боги? Сжечь их вместе с богатырской избой! Не устоять болотным исчадиям против огня!

Осерчал Алзис и осмелел на диво. Да и не без причины. Все в селе знали, что Алзис и так и эдак к Рагнасвинте подкатывается. Нравится ему Рагнасвинта. Как же ее – чужим богам? Вот и вскипел гневом Алзис. Сам, сказал, пойду и пожгу и избу, и богов этих праздных, негодных...

Но Хундила отваги племянника не разделил. А вот слова насчет Фретилова сватовства крепко ему в сердце запали. Увидел он в этом великую несправедливость. Кою исправить надобно. И можно исправить.

– Нет, – отрезал Хундила. – Молод ты еще, Алзис, про богов понимать. Может, и впрямь зло от них, а может, и благоденствие на село сошло вместе с чужими богами. Сперва все

обдумать надо, присмотреться. Да и не нам тут это решать! – рубанул ладонью воздух. – Если Одохар или Стайна узнают, что мы дружеских чужих богов от земель наших отвратили, в большой гнев войдут. А я Одохара в гневе видел. Это похуже божьего гнева будет. Посему так сделаем.

Ты, Алзис, глупости свои забудь, бери моего коня, рыжего, да скачи в бург. По дороге, глядишь, и дурь из тебя вытрясется.

В бурге сперва к Одохару иди. Скажи: неслыханное дело случилось. Чужие боги пришли из краев неведомых. И не так, как приходят боги, а иначе. Либо напасть великая с ними пришла, либо великое благо. Не оборонить Хундילה село. И гостеприимство, богам подобающее, оказать мы не в силах. Не осень, чай, оскудели все. Пусть военный вождь дружину поднимает и в село немедля идет. И пусть торопится вождь, ибо неведомо, чего от богов ожидать. А ну как не сумеет им, по скудости своей, угодить Хундила? Тогда как? Разгневанного бога утишить – великий труд. Так что отправляйся, Алзис, прямо сейчас и к завтрему уж в бурге будешь. Оба вождя сейчас там – и Одохар, и Стайна. Коли не будет Одохар мешкать, то через три дня в селе у нас будет. Так я говорю?

И на Ханалу посмотрел.

Помолчал мудрый старец, пожевал губами, может, от важности помолчал, может, думал о своем. Долгую жизнь он, Ханала, прожил и много великого видел, и много мерзостного. Долго молчал Ханала, а потом заговорил, медленно, важно, как обычно.

Глава двадцать третья Алексей Коршунов. В плену воспоминаний

Было это примерно за месяц до первого, отложенного, старта. Вызвал их к себе Петрович, начальник Центра подготовки. Порасспрашивал о разном, несущественном. А потом вдруг предложил:

– А не пойти ли нам прогуляться, мужики?

Когда генерал-майор и непосредственный начальник предлагает, отказываться не принято. От конторы до столовой – дорожка метров двести, с липами по сторонам. Вот по этой аллее они и ходили туда-сюда: слева Алексей, справа командир. А посередине Петрович. Как младшие по званию, Коршунов с Черепановым вежливо внимали.

– Тут, мужики, главное – очку в плен не попасть, – говорил начальник ЦП.

– Это в каком смысле? – позволил себе вопрос Коршунов.

– А в том, что когда оно, очко, играть начинает, поддаваться этому нельзя.

Петрович – начальник Центра подготовки. В отряде он – бог и царь. Все через него идет. И беседу эту он тоже явно неспроста завел. Гнул к чему-то.

– Я ваши бумаги смотрел, мужики. Вроде все нормально у вас. Но это – здесь, на Земле. А там... – Петрович помолчал. – Я вам вот что сказать хочу, мужики. Люди вы опытные. И не дураки оба. Но иногда лучше дураками друг перед другом оказаться, чем друг дружке в глотку вцепиться.

Алексей с Геннадием не понимали.

– Это я, мужики, не про «тут» говорю, а про «там». Там, мужики, мозги иначе работают. Особенно поначалу... Как бы это попонятнее объяснить. Вот, Гена, ты ведь налетал немало...

– Это с кем сравнивать, Сергей Петрович, – уклончиво ответил Черепанов.

– Ты погоди. Я не о том. Ты знаешь, сколько всяких инструкций и положений по нашей работе есть. Опять-таки – и уставы. И приказы... Но в половине случаев никакие приказы-инструкции тебе не помогут. Ты – сам себе приказ и инструкция... Потому что там, – он показал вверх, – все иначе. И те, кто внизу, это понимают тоже и помогут... Но тем, кто ТАМ, им сверху виднее. ТАМ все очень по-другому, чем здесь. Вас, конечно, пасти будут, но тем не менее. Все эти тесты – они здесь, внизу, хорошо работают, а ТАМ... Всякое бывает – и истерики, и прочее.

Генерал умолк. И его подчиненные тоже молчали. Поскольку им тоже было неплохо

известно о том, что бывает ТАМ. Но пока известно только *теоретически* .

– Про «Салют-5» ⁵ знаете, поди? – нарушил молчание Петрович. – Вот вам классический пример.

Про космическую станцию «Салют-5» они знали. С ней и вправду сплошная мистика была. Запустили ее в 1976 году, к 35-й годовщине начала Великой Отечественной. И дату запуска выбрали – нарочно не придумаешь – 22 июня.

Первыми туда полетели Волинов с Жолобовым на «Союзе-20». Через две недели после вывода станции на орбиту.

Что там творилось, никто не знает доподлинно. Только и у Волинова, и у Жолобова на борту сразу самочувствие резко ухудшилось. И во время сеансов связи о странных вещах докладывали. Будто стоит на станции отвратительный запах и становится все сильнее. А еще в жилом отсеке то ли свечение, то ли туман серо-голубой клубится.

Дошло до того, что видеть они друг друга не могли. Сидели в разных углах жилого отсека. Врачи на Земле на ушах стояли, а тоже поделаться ничего не могли. Парни и лекарства разные принимали, а все без толку. Кончилось тем, что их досрочно на Землю вернули. Всего полтора месяца на борту и пробыли. А программа полета огромная была.

Сразу же после посадки на «Салют-5» отправились Быковский с Аксеновым. И тоже всего месяц там пробыли. Вроде для геодезических исследований летели. Только липа это все была, слишком дорогая штука – запуск, чтобы ради геодезии миллионы долларов вколачивать. Впрочем, тогда секретили все по-черному.

И этот экипаж на станции всего месяц пробыл, в сентябре уже вернулись. А в октябре «Союз-22» туда летит. Стыковка отменяется, экипаж совершает срочную посадку. И садились в нерасчетном месте: на озеро Тенгиз, к тому же ночью.

В феврале семьдесят седьмого на станцию корабль «Союз-24» запускают. Этот экипаж всего 17 суток на борту «Салюта-5» пробыл. Больше на «Салют-5» не летали, в том же семьдесят седьмом затопили его в океане.

И с туманом этим непонятно все так и осталось. Грешили на систему жизнеобеспечения. Даже газоанализатор потом на борт доставляли. Все в норме.

И у штатников сходная ситуация была. Они когда свой «Скайлэб» ⁶ запустили, то при старте от вибрации механика повредилась. И солнечные батареи полностью раскрыться не смогли. Да еще противометеоритный экран отлетел и заклинил. Первой экспедиции пришлось в жуткой жаре работать. Из-за того что солнечные батареи не полностью раскрылись, система охлаждения почти не функционировала. И ничего. Экспедиция отработала, чувствовали себя нормально. А вторая экспедиция – то же самое, что у наших. Так и не оклемались до конца полета.

«Скайлэб», к слову сказать, тоже невезучим оказался. И его затапливать пришлось.

Петрович дал им проникнуться аналогией, затем продолжил:

– В общем, тема такая, мужики: если ситуация вас корежит, ломает, злит, вы не поддавайтесь. И чем больше злость в себе чувствуете или там отчаяние, тем больше вы к этому делу – с юмором. Вас плющит, а вы веселитесь. Меня это не раз выручало. Такие дела, мужики. Главное – к очку в плен не попасть.

Такой вот странный разговор тогда получился. Впрочем, потом выяснилось, что и с дублирующим экипажем Петрович таким манером беседовал. На той же самой аллее.

«Интересно, что ощущают сейчас Серега с Толиком, дублеры? В прессе да на телевидении сейчас небось сущее светопреставление. Еще бы, никогда такого не было, чтобы корабль исчез. В Думе снова грызня затеялась, парламентские комиссии и все такое. Как всегда. Петровича имеют, поди, все кому не лень. Будут стрелочника искать, пока не

⁵ Советская орбитальная станция «Салют» – официальное название. Фактически – военная станция «Алмаз».

⁶ Американская орбитальная станция. Единственный и неудачный эксперимент.

найдут. Или пока еще какая-нибудь катастрофа не приключится. Тогда о нас забудут...»

Алексей тяжело вздохнул.

– Слышь, Леха, а даки кем были? – Голос командира вывел Коршунова из задумчивости.

– Какие даки?

– Ну ты что, не помнишь, что ли? Фильм еще такой был, «Даки» называется. Неужто в детстве не смотрел?

– Смотрел, конечно. У него еще продолжение было, «Колонна».

– А даки кем были? Вроде не славяне, а?

– Не славяне. Они же с римлянами воевали, а славяне позже появились.

– Может, это даки, местные-то? – выдвинул предположение Черепанов. – Не похоже?

– Да нет. – Алексей перевернулся на бок, почесал искусанную блохами шею. – Даки вроде побогаче жили. И горы там. Фильм же румынский был.

– Слышь, а там с даками еще какие-то хмыри то дрались, то вместе воевали. Ну, они их еще подставили в конце. Кто эти хмыри были, не помнишь?

– У которых вождь в страшной маске такой на качелях качался?

– Ага.

– А хрен его знает. Варвары.

– На здешних похожи, точно?

Леха хмыкнул. Встал, потянулся.

– Эх, сейчас бы перед видиком завалиться. И чего-нибудь эдакого для оттяжки. Современного. «Матрицу» какую-нибудь.

– Будет тебе «Матрица»! – хмыкнул Черепанов. – Будет тебе и какао с чаем. Поднимайся. Пойдем барахло оттащим, пожрем и до холма прогуляемся. Хочу я на крепость их поближе поглядеть. И с комендантом ее, Гардой, познакомиться, про которого Книва говорил. Любопытно мне...

Глава двадцать четвертая Ханала. «Истоцился мир...»

Долгую жизнь прожил Ханала, много удивительного видел. Видел, как истощался мир и лжи становилось все больше. Он как думает, Ханала: ни к чему могучим богам во вместилище железном странствовать. Нету в этом величия, как нет величия в поросенке, которого в мешке несут. Вот сидел он, Ханала, с богами чужими за одним столом. И не видел в них величия. А страх скрываемый видел. Будто у юнцов, которые впервые переступили порог мужской избы.

Не знает он, ох не знает. Может и так статься, что и боги в оскудевшем мире в ничтожество впали. А может, изгнанники они, оттого и странствуют по миру неприкаянно.

Тотила-жрец – он бы сразу сказал, боги пришлецы или люди. Но нет Тотилы, много зим уже нет. А тем жрецам, что ныне богам служат, с Тотилой не сравняться.

Вот когда был Ханала у тиудов, народа дикого, что сторожит путь к Скандзе, видел он чудное. Есть в тех краях холм великий, а у подножия холма роща растет. В рощу ту никто не ходит, ибо в ней злое божество обитает. И для ублажения того божества тиуды делают так. Берут они пленника из племени, на которое набег учинили, и ведут на холм. А на вершине холма столб вкопан. К тому столбу и привязывают пленного. И оставляют. А сами вниз идут и прячутся.

Он, Ханала, собственными глазами это видел, оттого и говорит. И нету лжи в его словах.

В тех местах летом ночи нет, а лишь сумерки. И в сумерках из рощи заповедной облачко малое исходит и вверх по склону холма движется. И на вершине до рассвета стоит. А потом исчезает бесследно.

Когда день начинается, вновь идут тиуды на холм. Ханала сам с ними туда поднимался и видел все собственными глазами. Труп обескровленный на веревках, к столбу

привязанных, висел.

То – божество истинное. А эти...

Не должно богам от народа своего уходить. Никогда прежде не слыхивали о таком. Но – о многом прежде не слыхивали. А ныне – вот оно, есть.

К концу мир идет, ибо обветшал. Как ткань истлевшая расползается. И незачем в суть вещей вникать, ибо не стало сути. Изолгался мир, к концу стремясь. И люди мелкими стали и убогими. И боги, видно, измельчали.

Когда по широкой реке плывешь, берега медленно движутся. А узкой река делается – и берега назад быстро убегают.

Так и мир. Все суетно и ничтожно. Раньше все неторопливо шло. А ныне? Не упомнишь ничего, столь быстро все меняется. Да и помнить неохота. Нет ныне такого, глядя на что – радуешься.

Да, смотрел он, Ханала, на чужих богов. И на вместилище их смотрел. И вроде по облику боги они, а все равно сомнение гложет. И вот что он, Ханала, думает: праздные это боги ⁷. Вроде луговых божеств. Или тех, которые на лесных опушках живут. И с этими, как с теми, поступать должно. А что есть праздные боги – то ведомо.

Глава двадцать пятая Геннадий Черепанов. Форт

Деревянный форт был построен грамотно. Посажен на ближайшую к селу возвышенность. Часток из двойного ряда вкопанных в землю бревен спиралью охватывал вершину холма, с «захлестом» примерно в пять метров. То есть желающие войти внутрь вынуждены были эти пять метров протискиваться между стенами. Один-два хороших бойца могли перекрыть доступ в крепость без всяких ворот. Сама стена тоже была довольно крепкой. Пространство между двумя рядами заостренных поверху бревен (внутренний несколько ниже внешнего) было заполнено глиной, доступ на стены изнутри облегчался двумя накатами и несколькими лесенками. Доступ на стены снаружи затруднялся небольшим наклоном внешнего ряда навстречу нападающим. Внутри форта оказалось три строения: два дома и амбар. Дома обычные, местного стандарта, с очагами, лавками и тому подобным. Запасов провианта в амбаре не было. Была груда булыжников примерно одинакового размера. Для нужд обороны, надо полагать.

В домах тоже было – шаром покати.

Хлынул дождь. Проливной. Но кончился быстро и снова – солнышко. Геннадий с Алексеем вышли во двор.

Во дворе имелся колодец, довольно глубокий, с кожаным ведром на веревке.

– Где, интересно, этот Гарда, про которого Книва толковал? – пробормотал Алексей. – Может, вот он? – Коршунов хлопнул ладонью по столбу, вкопанному в центре форта.

На столбе были грубо вырезаны три хари с вытаращенными зенками и раззявленными ртами. Создавалось впечатление, что хари собираются блевать.

Черепанов на предположение Коршунова никак не отреагировал, молча полез на стену.

Сверху открывался отличный вид на окрестности. Да, стратегически превосходное место. И, учитывая местную технику, почти неприступное. Хотя – кто его знает? Стенобитные орудия еще древние греки научились строить. И китайцы. Впрочем, такие форты не для настоящих войн строили. Так, отсидеться при внезапном набеге. До подхода помощи... Черепанов отдавал себе отчет в том, что еще не научился мыслить категориями века мечей и копий. А с точки зрения пилота тридцать пятой «сушки», оснащенной для удара по наземным целям ракетами класса «Х» с телевизионным, телекомандным, тепловизионным и лазерным наведением, ракетами крылатыми и аэробаллистическими, бомбами

⁷ К праздным богам относились примерно так же, как славяне – к полевикам с лешими, а кельты – к эльфам, то есть подозрительно-осторожно. В принципе могут и помочь, но скорее всего напакостят.

управляемыми (калибром до 1500 кг) и свободнопадающими, бомбовыми кассетами и НАР... Короче, одна только встроенная в крыльевой наплыв тридцатимиллиметровая пушка (оружие просто ничтожное в сравнении с перечисленным выше), выплевывающая полторы тысячи снарядов в минуту, превратила бы этот «могучий» бастион в кучу щепы и мертвого мяса за долю секунды.

Черепанов вздохнул. И еще раз вздохнул, вспомнив, что скорость, развиваемая «сушкой», на высоте составляет 2440 км/час, а у земли – 1400. Если сравнить со скоростью верховой лошади... Нет, даже сравнивать не хочется. Да, матушка-Земля, конечно, осталась прежней: те же 40 тыс. км – по экватору. Но вместе с тем стала намного-намного больше, потому что две или даже четыре ноги никак не тянут ни на четырехступенчатый ЖРД «Союза», ни на ТРДДФ АЛ-35Ф истребителя Су-35, ни даже на четыре колеса отечественного внедорожника по кличке «козлик».

Черепанов вздохнул третий раз и поглядел на село. На подворье Книвина папаша Фретилы бродила свинья. Тихо в селе. Но пока ничего подозрительного не видно. Ну тут, как говорится: «Errare humanum est»⁸. А тишина, как известно, предвещает грозу. Впрочем, если местные и установили за ними наблюдение, то маскируются наблюдатели грамотно.

Пахнуло дымом от местной кузницы. Дымом и еще чем-то индустриальным завоняло. Правильно, что подворье кузнеца – на отшибе. А сам кузнец – мужик занятный.

«Надо бы с ним поближе познакомиться, – подумал Черепанов. – Устроим тут промышленную революцию. Хотя – что мы можем реально? Я – военный, Лешка, правда, физик, но узкий специалист, мать его. От его кристаллографии при здешнем уровне техники толку – ноль».

Правда, математический аппарат может пригодиться. Чтобы оптимальный изгиб сохи просчитать...

«Ну это я и сам могу», – не без удовольствия подумал Черепанов и поглядел на своего товарища.

Коршунов подхватил один из булыжников, сваленных под стеной, примерился, крикнул и метнул через частокол на манер ядра. Булыжник описал красивую дугу и шлепнулся в траву по ту сторону стены, прокатился пару метров.

– Камешки, камешки... – пропел Коршунов. – Слышь, Генка, мне как-то один старый журнал попался, «Знание—сила», что ли... Так вот, в журнале статья была. Про мужика одного, австрийца, который после аншлюса в лагерь угодил. То ли антифашистом был, то ли нет, не помню. Короче, попал он в лагерь смерти. Ну а там как. Вот валуны лежат, гора. Их надо перетаскать в другое место. И месяц все корячатся, эти валуны таскают. А как перетаскают – снова на старое место таскать заставляют...

– Ты к чему это? – удивился Черепанов.

– Слушай дальше. А мужик этот психолог был и не дурак. Вот он мозги подключил, попытался понять, что же вокруг происходит. И главное – для чего? Так и эдак прикидывал – ничего не выходит. Совершенно затратная штука получается. Экономический целесообразности нет. Взад-вперед валуны таскать, какой в этом смысл? А потом до него доперло. Смысл, оказывается, в том, чтобы у заключенных особый рефлекс выработать. Чтобы приказ в ноги шел, минуя голову. А мужик-то австриец, он и раньше до аншлюса все немецкую пропаганду по радио сто раз слышал. Ну там еще много чего в статье было. Но смысл в том, что нашел этот психолог ключ. Это была система по выявлению сверхчеловеков среди заключенных или что-то в этом роде. Ну и стал психолог, коль скоро систему нашел, пытаться в нее встроиться... – Коршунов поднял еще один булыжник, приложил к щеке и метнул с раскруткой, как ядро толкают. Получилось неплохо, лучше, чем в первый раз.

– Прекрати, – негромко сказал Черепанов. – Их сюда не для того принесли, чтоб ты

⁸ Ошибаться свойственно человеку (лат.).

тяжелой атлетикой развлекался.

– А для чего?

– А я почему знаю. Так что там дальше, с тем австрийцем?

– С австрийцем нормально. Преуспел. Встроился в систему.

– Сверхчеловеком стал?

– Вроде того. Он оказался единственным за всю историю рейха заключенным, которого на хрен выгнали из лагеря смерти. Система его отторгла. Усек?

– Не вполне.

– Ну ты и тормоз. А еще летчик. Если человек оказывается в ситуации, когда все вокруг иррационально, он, зная, что за этой иррациональностью стоит нечто рациональное, которое иррациональностью маскируется, делает вид, будто эту иррациональность приемлет. И тут же рациональное начало, которое за всем этим стоит, его выпинывает из ситуации.

– «Рациональное», «иррациональное»! Ты что, попроще не можешь выразиться?

– Могу. Смотри, мы сейчас вроде того заключенного мужика. Возможностей у нас почти никаких, изменить ситуацию под себя мы не можем. Воспринимаем ее как абсурдную, поскольку не знаем, что за всем этим стоит. Единственная зацепка – то самое радиоизлучение. По всем признакам – искусственного происхождения. Ты следишь за моей логикой?

– Слежу.– Геннадий отколупнул кусочек засохшей смолы с бревна частокола. Смола была естественного происхождения. Сосновая.

– В общем, идея такая, гражданин начальник. Мы с тобой в этом мире – как тот мужик в лагере смерти. И выход у нас один – ситуацию принять как данность и с ней максимально слиться. Тогда, возможно, она нас отторгнет. Обратно домой. Что нам, собственно говоря, и нужно.

– Понятно,– кивнул Черепанов.– Гипотеза интересная. И не противоречащая первоначальному плану. Но – только гипотеза.– Командир нагнулся, сорвал травинку. Пожевал.– Значит, надо сделать так, чтобы нам тут стало хорошо.– Геннадий спрыгнул с наката.

– Раз надо – значит, сделаем. Ладно, пошли отсюда.

Протиснувшись между бревен, они выбрались наружу. После дождя глинистый склон холма сделался скользким.

– Ну что, командир, начнем? – бодро спросил Коршунов.

– Ты о чем?

– В этот мир встраиваться. Не слабо? Отсюда, как с горки, съехать?

– Давай,– согласился Черепанов.– Заодно проверим, как координация восстановилась.

Глава двадцать шестая Алексей Коршунов. Тернистая дорога к звездам

Когда Алексей Коршунов был мелким сопляком, принято было внушать подрастающему поколению, что у каждого в жизни должна быть великая цель. Ну просто у каждого. Мол, конечно, у нас все профессии равны, но некоторые – значительно равнее других. Космонавты, например. Космонавты – это идеально. И сверху им все видно, и их видно отовсюду. Сплошная геройская романтика. Ежели бы в те времена пройдоха – официальный биограф ваял историю Лехиной жизни, то написал бы, что с сопливых лет Алексей Коршунов так только и мечтал – космонавтом стать. В школу ходил – мечтал, после – тоже исключительно к этому стремился. Оттого и полетел в конце концов – и в герои выбился.

И было бы все это – чистое вранье. Ни в какие космонавты Лешка Коршунов не собирался. Да и планов на будущее никаких особенных не имел. Жил себе, хулиганил помаленьку. Как все сверстники.

После школы поступил в университет, на физфак. Физфак к тому времени уже за Петергоф перевели. Дорога в один конец два часа занимала. Так что прогуливал студент

Коршунов, ну... Как большинство. Хорошо, на факультете порядки были либеральные, а Леха – активный спортсмен, что в те, советские еще, времена кое-что значило. Так что терпели Коршунова в деканате, не выперли. Тем более, сессии прилично сдавал. Первые два курса Алексей в основном лоботрясничал. А на третьем вдруг с головой ушел в учебу. Сам не понимал, как это получилось. Просто в один прекрасный день ему интересно стало. И сразу направление определилось – кристаллография.

В общем, определился и распределился Коршунов – удачнее некуда. Был направлен в очень серьезный закрытый НИИ. Тогда полным ходом шли работы по «Бурану»⁹. Туда-то он и попал. Хотя перестройка уже началась, и все слегка пошатывалось.

Вот Горби ругать принято. Мол, развалил страну. Алексей его всегда защищал. Потому, наверное, почему отец его, «шестидесятник», Хрущева хаять запрещал. В свое время Алексей этого не понимал. Понял позднее. Когда уже прожил кусок собственной жизни.

Просто на время правления Горбачева пришлись Лехины лучшие, самые развеселые годы. Как лучшие годы его отца – на хрущевскую «оттепель».

Дома Алексей в то время почти и не жил. Дневал и ночевал на работе. Или же по стране мотался. Но спортивную форму держал: осенью-весной два раза в неделю в зале мордобойничал, зимой – горные лыжи, летом – в горы. В 1987-м, когда они с Черепановым познакомились, Коршунов считался уже очень неплохим скалолазом. С Генкой они первый раз встретились в августе 87-го. В Капустином Яре. Там космодром старейший. Оттуда первые баллистические ракеты запускались в 50-х годах.

27 августа был пуск «Модели-504»¹⁰. Так назывался предпоследний аппарат серии «Бор-5». Представлял собой уменьшенную копию «Бурана» в масштабе 1: 8. Пускали его в сторону озера Балхаш. Алексей принимал участие в создании «Модели-504», потому и был откомандирован конторой на стартовый комплекс. Не один, конечно, а в числе рабочей команды. И Генка туда приехал. От своего ведомства.

Познакомились. Но пообщаться в тот раз не удалось, некогда было. У Черепанова свои дела были, у Алексея – свои. И работы по горло.

15 ноября 88-го запустили первый «Буран». В беспилотном варианте. Все прошло на ура. Начали готовить второй пуск. Кое-что нужно было дорабатывать.

Наступил 1989-й. Газетно-журнальный бум, съезды народных депутатов по «ящику», академик Сахаров. А финансирование начали урезать. Причем – пугающими темпами. Перспектива второго пуска все отдалялась и отдалялась, тая в неопределенности.

К тому времени Алексей уже знал, что Генка включен в состав экипажа этого второго «Бурана». А в мае им снова довелось встретиться. В Москве. У обоих «окно» образовалось. Пошли на пару по Москве бродить. Смешное тогда было время, переменчивое. Матрешечники, певцы уличные...

Побродили – да и расстались.

В отличие от Лехи Черепанов в Звездный городок не волею случая попал, а своей собственной. С детства летать хотел. В смысле – летчиком стать – на космос не замахивался. Он был практичный юноша. Но так вышло, что по окончании Качинского ВАУ¹¹ был отобран в отряд космонавтов. Прошел подготовку к работе на «Салютах». Почти прошел. Потому что потом пошли в его жизни разные сложности и начался тот период его биографии, о котором рассказывать не положено. А потом период этот кончился, и Черепанову вдруг предложили пройти перепрофилирование. Тогда как раз стали

⁹ Советский космический корабль многоцелевого использования.

¹⁰ Модель «Бурана».

¹¹ Качинское высшее авиационное училище.

формировать будущие экипажи для полетов на «Буранах». Геннадий и согласился. Он потом признавался, что это, наверное, самой большой ошибкой в его жизни было. Но кто же мог предвидеть? Перспективы с кораблями многоразового использования открывались головокружительные. «Буран» ведь намного совершеннее американских «Шаттлов», те когда еще проектировались – в семидесятые-восемидесятые. С тех пор технология вперед на сто километров ушла.

Короче, все впустую оказалось. Работы по «Бурану» свернули. «Законсервировали», согласно официальной формулировке.

НИИ, где Алексей работал, тоже потихоньку начали переориентировать на программу работы со станцией «Мир». И группу Генки постигла та же участь. Несколько человек ушли, в авиацию вернулись. А Генка при его упертости, как Алексей теперь ясно понимал, остался. Прошел еще одну переподготовку – для полетов на кораблях «Союз-ТМ» и на борту орбитального комплекса.

И полетел бы. Да тут очередная хрень вылезла. Черепанов по росту чуть-чуть не подходил. Тут все дело в ложементе. На Земле все нормально. А на орбите, при долговременном нахождении в условиях невесомости, рост чуть-чуть увеличивается. Буквально на сантиметр-другой. Даже и не увеличивается, а позвоночник несколько деформируется. На Земле его сила тяжести прессует, а там-то – невесомость. Вот мышцы поначалу, пока еще крепкие, и «выпрямляют» спинной хребет.

По идее, что требовалось? Ложемент индивидуальный сделать. И оказалось, что сделать его ну никак невозможно. На программу «Мир» деньги выделялись все в меньшем количестве, как и на космос в целом, – не до того было. А уж после павловской реформы и вовсе тоскливо стало. «Мир»-то когда запустили? В 86-м, сроком на пять лет. А в 91-м планировали «Мир-2» запускать. Только в 91-м в стране бардак был, потом путч этот карнавальным...

Короче говоря, ситуация так и оставалась в подвешенном состоянии. До 92-го. В девяносто втором вдруг решили ложемент для Лехи сделать. И сделали. А в 94-м он лететь должен был. И все было бы хорошо, да случайность помешала. Прямо перед стартом Геннадий как-то умудрился грипп подцепить. Полетел другой экипаж. Черепанов потом признавался Алексею, что тогда почти решил уйти. Тем более что и было куда уходить. Но – остался. Амбиции пересилили. Упрямство врожденное, опять-таки. Правда, сам Черепанов эту свою черту не упрямством, а упрямством называл.

Короче, остался. Прошел переподготовку на командира корабля – до этого бортинженером был. А полететь все никак не удавалось. С одной стороны, были в отряде и те, кто хорошо полетал уже, – им, разумеется, предпочтение отдавали, с другой – те, кто помоложе.

На МКС Черепанов уже и не надеялся слетать. Возраст был слишком большой.

И вдруг привалила Генке удача. Где-то в недрищах нашей аэрокосмической бюрократической системы выродили решение – Черепанова к старту готовить. И вот в один прекрасный день Геннадия Петрович к себе вызвал и сообщил. И Алексея Генке представил: вот твой бортинженер.

Пока Черепанов за космос бился, Коршунов мирно занимался наукой. Влиянием микрогравитации на рост кристаллов. Казалось бы, крошечный участок науки, только для специалистов, но на самом деле – страшно важный. И где надо, это понимали. Работай Коршунов в Штатах, золотой ложкой ел бы. Но... Не то чтобы Алексей жутким патриотом был... Просто тема напрочь закрытая. Да и бывал он в этих Штатах. Ничего хорошего, кроме денег.

В тот день Алексею жутко везло. Все выстраивалось как нельзя лучше. С утра приходит на работу – докладывают: процесс, над которым несколько месяцев кряду бились, пошел. Значит – расширение темы и новые дотации. Час прошел – из бухгалтерии звонят. Деньги, которые с доисторических времен проплатить не могли, а тут нате вам, сподобились: придите и получите.

А к вечеру к директору института вызывают. Не хотите ли в космос слетать, Алексей Викторович?

В общем, Алексей тогда не очень серьезно к этому отнесся. Согласился, конечно: отчего не попробовать. По дороге домой решил еще раз судьбу попытать. Зашел в зал игровых автоматов (первый раз в жизни) и с первой попытки изрядный выигрыш отхватил.

По правде говоря, на космос Коршунов согласился больше из-за денег. Деньги впереди светили действительно большие. Плюс карьера. На науку серьезных надежд уже не приходилось возлагать, здесь Алексей свой потолок отчетливо видел. Поскольку почти до него дошел.

Отбор Коршунов проскочил со свистом. Сам не верил, что пройдет, но – легко. И оказался в паре с Геной.

Судьба? Наверное. Это Черепанов к космосу пер с потом и кровью, мелкими перебежками, Алексея туда буквально катапультной выкинуло.

Вокруг МКС возня началась еще на первом этапе эксплуатации. Все пытались побольше урвать. Россия, само собой, приняла в этом самое активное участие. Что ни говори, а «Заря» и «Звезда»¹² – базовые модули, без которых МКС вовсе бы не было, – нашей разработки. «Заря», правда, на штатовские деньги сделана, зато «Звезда» – полностью российская. Несостоявшийся «Мир-2». У Америки нет и не было опыта в создании долговременных обитаемых орбитальных станций, а в СССР недаром рекорды длительности полетов устанавливали.

На МКС, как выяснилось, проводились опыты с микрогравитационной лабораторией. Программа была сверхплотная, но какое-то окно намечалось. И это окно должен был заткнуть российский специалист.

Вышло так, что этим специалистом оказался Коршунов. Повезло?

Тогда он полагал, что да. Но прав был древнегреческий философ, заявивший легендарному богачу Крезу, что о человеке нельзя сказать, что он – счастливчик, пока этот человек не помер. Лидийский царь Крез получил возможность в этом убедиться. Коршунов... Нет, даже сейчас говорить о его удачливости-неудачливости было рановато. Во-первых, Алексей был еще жив (что лично ему было весьма приятно), во-вторых, царь Крез изначально был царем, а Алексей Коршунов – нет. Хотя... Чем черт не шутит...

Глава двадцать седьмая Алексей Коршунов. Топорик

Когда космонавты вернулись домой с твердым намерением пообедать, то выяснилось, что возник дефицит дров. То есть дров было навалом: рядом с избой, под навесом, имелся внушительный штабель отличных сухих жердин. Но жердину в очаг не запихнешь, ее следует сначала разделить на чурочки. Последнее можно было проделать с помощью тесаков, но хлопотно. Топором – куда проще.

– Давай-ка, Леха, прогуляемся, – предложил командир. – Попросим займы топорик, а заодно круг знакомств расширим и словарный запас. Нет возражений?

Возражений не было, и они отправились к ближайшему подворью.

Минут через двадцать они уже стояли у чужой калитки, по другую сторону которой исходила лаем кудлатая дворняга.

Минутой позже откинулась шкура, прикрывающая вход в избу. На пороге нарисовался бородатый детина.

Увидев Алексея с Геннадием, детина заметно притрухал. Но тут же – молодец! – взял себя в руки: пинком урезонил дворнягу, открыл калиточку и знаками пригласил в дом.

Однако, как заметил Алексей, в глаза гостям детина старался не смотреть.

Вошли.

¹² «Заря» и «Звезда» – модули МКС.

Интерьер оказался стандартный: как у Хундилы с Фретилой. Только победнее.

Помимо хозяина в избе присутствовал еще один мужик, постарше, две девчонки-малолетки и толстая тетка с малышом. Все дружно уставились на гостей. Без восторга.

Алексей с Геннадием переглянулись.

Командир прокашлялся.

– Нам бы топор,– сказал он,– сучья порубить.

Все ужасно изумились, когда он заговорил. Даже рты пооткрывали.

– Топор,– поддержал его Коршунов. И, лоб наморщив, выродил: – Гибанд.

«Гибанд» по-местному «дай». Вчера выучили.

– Топор,– повторил Леха и, ухватив воображаемый топор, занес его над головой. Опустил резко, будто полено расколол.– Гибанд.– И на второго мужика, который постарше, посмотрел.– Топор гибанд, плиз, мы вернем.

Тетка прижала к себе пацана. Что-то пробормотала тихо. Пожилой мужик с натугой размышлял.

– Меки? – наконец переспросил он. Ни на командира, ни на Алексея он не смотрел. В пол уставился.

– Топор,– повторил Алексей.– Топор нужен.

И снова изобразил, будто перерубает воображаемый сук.

Не понимают. Или делают вид.

Алексей огляделся в поисках подходящих для разъяснения предметов... И взгляд его наткнулся на вожделенный топор. Как он его раньше не заметил? Топор был прислонен к стене, неподалеку от очага.

– Вот,– показал он на топор.– Топор. Мы его сейчас вернем. Гибанд.

– Да,– подхватил командир.– Гибанд.

Мужик перевел взгляд на топор. И молодой верзила тоже. И все семейство уставилось на топор, будто впервые его видело.

– Ну так мы возьмем? – фальшиво обрадовался командир. И, прошипев Алексею: «Не стой столбом, мудила»,– подошел к топору. Взял его, взвесил на руке, снова поставил на место. И, снова обратясь к немолодому мужику, осклабился: – Гибанд.

Алексей тоже радостно осклабился. И вдруг почувствовал, что сделал что-то не так. Атмосфера в доме как-то опасно сгустилась.

Детина тоже осклабился. Но как-то нехорошо. И на стену покосился. А на стене, как нетрудно было заметить, щит висел, а рядом – копьё. С внушительным, шириной с ладонь, наконечником.

– Ладно,– бросил Черепанов,– отбой. Пошли-ка отсюда, не будем нарываться.

Тут одна из девчонок что-то пропищала. Белобрысый верзила переспросил, та повторила.

Немолодой мужик вдруг просиял лицом. И верзила просиял. Мужик ухмыльнулся и что-то бросил верзиле. Тот пошел в глубь дома, пошуровал там, в полумраке, и вернулся...

Нет, это был не топор. А если и топор, то точно не сучья рубить. Руки-ноги – да. Головы – милое дело.

– Секир-башка... – пробормотал пораженный Алексей.

Да, это была серьезная вещь. Длинная рукоять, хищно выгнутое лезвие, уравновешенное с противоположной стороны заостренным клювом. Секира и есть.

Верзила протянул оружие убийства командиру. Показал на топор у очага, презрительно хмыкнул. Потом постучал заскоруждым пальцем по лезвию секиры и поощрительно что-то прорычал.

Командир принял оружие. Кивнул верзиле, потом оглядел все честное семейство:

– Мы это... вернем скоро.

И – из дома бочком.

Алексей тоже, улыбаясь как болванчик, за ним следом.

– Уфф! – выдохнул он, выйдя во двор.– Пошли отсюда.

Двинулись к «своей» избе. Командир впереди, с секирой на плече, Алексей рядом. Вдруг что-то заставило его оглянуться.

– Ядрен корень! Эй, командир, обернись-ка!

За ними, сохраняя почтительную дистанцию, шли владельцы секиры. Нет, не только... Вон, и из другого двора выходят.

Из избы, где они только что были, выскочил пацан, побежал к соседнему дому.

– Пошли,– сказал командир Алексею,– не обращай внимания. Делай вид, что никого кроме нас, тут нет. И вообще... соберись. Они от нас ждут чего-то.

– Есть собраться, товарищ командир,– бойко ответил Коршунов.– Будем готовиться к подвигу.

Настроение у Алексея неожиданно улучшилось.

Вернувшись, космонавты сразу за дело приниматься не стали: укрылись в избе. С нехитрым расчетом, что аборигены заскучают и разойдутся. Не тут-то было. Народу, наоборот, прибыло.

– Пошли,– сказал Геннадий решительно.– Пока все село не собралось.

Командир, напустив на себя беззаботный вид и посвистывая, направился к навесу. Местные (их уже человек двадцать собралось, не меньше) столпились за плетнем. Смотрели, переговаривались.

Рядом с навесом, укрывавшим от дождя запас топлива, имелся пень, совершенно определенно предназначенный для рубки дров.

Черепанов долго рылся в сучьях, вытащил сук покороче, на пень положил. Ухватил секиру, поднял над головой и – р-раз!..

Узкое хищное лезвие прорубило в суче щель и глубоко ушло в пень. Командир выматерился. За плетнем воцарилась тишина.

Алексей, изображая из себя беззаботного бога, пришедшего с неба, подошел развязной походочкой...

– Командир,– процедил тихо сквозь зубы,– дай я...

– Тихо, Леха, не суетись... – пробормотал командир.– Блин, легкая, стерва, совсем веса нет, никак не примериться.

– Ты сосредоточься, Гена,– озабоченно проговорил Коршунов.– Представь, что ты один.

– Не учи отца... А-ах!

Со второй попытки сук разлетелся надвое. Одна половина огрела Алексея по морде, другая, взлетев по баллистической траектории, упала на крышу избы.

В толпе за плетнем раздался несмелый смешок, потом еще один. А дальше – хохот. Местные ржали и неуважительно показывали на «богов» пальцами. На квадратном лице Черепанова румянец смущения смотрелся совсем неуместно.

Потирая оцарапанную скулу, Алексей обозрел толпу. Потом – мрачного командира... Осклабился во весь рот и отобрал у Геннадия «инструмент». Изобразил знаками, для публики: вот у нас Каумантиир какой шутник. Побаловаться решил, как ловко товарища по морде съездил. Трюкач.

Вытащив из-под навеса подходящий сук, Коршунов помахал им в воздухе, уложил на пенек и – бац-бац-бац – «разобрал» его на аккуратные отрезки.

Сообразительный Черепанов тут же подсунул новый сук. Местные перестали ржать: заинтересовались.

Минут через десять у колоды уже набралась приличная куча.

– Что, хорош? – спросил Алексей.

– Угу. Представление окончено.

– Почти... – пробормотал Алексей, покосился на командира, шагнул в сторону и вдруг завертел секирой со скоростью вентилятора. Это оказалось на удивление легко: баланс у орудия убийства был – что надо. Алексей поизгалялся минут-две, так и эдак раскручивая

боевой топор, перебрасывая его из руки в руку – под вполне одобрительные возгласы аборигенов, потом лихо запулил оружие в стойку навеса. Попал. Стойка жалобно крикнула, навес содрогнулся, но устоял.

Алексей глянул на командира. Тот кивнул. Тоже вполне одобрительно.

И тут некто долговязый перескочил через плетень. Сигисбарн. Вразвалочку подошел к секире, выдернул, жизнерадостно оскалился, сверкнул светлыми наглыми глазами.

Оттолкнув кого-то, к плетню притиснулся Книва. Вчерашний «фонарь» дозрел и налился цветом, так что один глаз Книвы совершенно заплыл.

Долговязый Сигисбарн ухватил рукоять поудобнее... И понеслась!

В отличие от Алексея он не только вертел и размахивал секирой, но и вертелся сам, да еще подпрыгивал и издавал жутковатые вопли, от которых у Коршунова шерсть на затылке сама собой вставала дыбом. От того «танца с саблями», который перед этим изобразил Алексей, представление Сигисбарна отличалось примерно как балетные па – от конкретной уличной драки.

«Прикончив» очередного недруга с особо яростным воплем, белобрысый остановился, тяжело дыша и шаря взглядом по сторонам: чего бы еще такое учудить? Отыскал: подхватил с земли обрубок, раскровенивший Алексею скулу, подкинул и, хекнув, перерубил на лету.

Тут в толпе возникло движение. Расталкивая всех, к плетню прорывался папаша Фретила. Прорвался. И с ходу заорал.

Алексею сперва показалось, что орет он на них с командиром. Оказалось, нет. На сына. Сигисбарна.

Тот как-то сразу стушевался и сник в ожидании нехорошего. И не зря. Громогласный папаша ловко форсировал плетень и немедленно учинил расправу. Ухватил чадо за патлы, принялся таскать по двору, сопровождая сие деяние громкими восклицаниями. Чадо терпело, только покряхтывало. Прочая публика шумно комментировала. Через несколько минут Фретила утомился. Утомившись же, пинком направил великовозрастного отпрыска прочь и строго оглядел двор. Осмотром явно остался недоволен. Но смолчал. Величественно кивнул Геннадию, после чего медленно, с достоинством покинул подворье. На этот раз воспользовавшись калиткой.

Глава двадцать восьмая Алексей Коршунов. О трудностях адаптации в незнакомой среде

Алексей старательно карябал в блокноте. При свете лучины. Словарик составлял.

«Хвас?» или «хват?» – «куда?»

«Хвадре?» – тоже «куда?». «Хидре» – «сюда».

«Ну» – «теперь». «Наух» – «еще». «Ни» – «нет», «нии» – тоже «нет».

«Нинаух» – «нет еще». «Ситан» – «сидеть», «ситья» – «сядь».

Время от времени приходилось обращаться за помощью к Черепанову, который тоже был занят делом. Жарил на углях поросенка. Поросенка незадолго до заката приволок Книва. Фретила послал. От нашего стола – вашему, так сказать. И еще мешочек соли. Так что НЗ можно было поберечь.

Обустроились они почти по-человечески. Даже постельное белье образовалось. Из парашютного шелка.

«Говорить» – «спиллан». «Пить» – «дринкан». «Есть» – «итан».

«Меч» – «меки». Меки – это серьезно. Мечи тут не у каждого есть, а только у великих воинов. Так Книва объяснил. У соседа, который им секиру в аренду сдал, меча нет. Поэтому и пришел он в такое смущение, когда потребовали у него боги оружие, чтобы на битву идти. Он же не знал, что богам оружие надо не для воинской потехи, а так, поразмяться. И тут же любознательный юноша не замедлил поинтересоваться: когда боги эту самую битву планируют? Может, завтра? Или послезавтра? Такие вещи лучше не откладывать...

Коршунов ответил уклончиво: скоро, мол. Может, завтра-послезавтра... Там видно

будет. Как время наступит, Книва сам увидит. Мимо него не пройдет. Пацан жутко обрадовался: неужели боги его с собой возьмут, ратоборствовать?

Коршунов великодушно пообещал. Если что, потом всегда можно сослаться на языковой барьер: мол, не так ты меня понял, брат Книва.

«Мыться» – «твэхан» или «свэхан». С «твэхан» тут, похоже, большие проблемы.

Запах поддурманившегося поросенка смешивался с запахом дыма. Коршунов проглотил слюну.

«Я» – «ик». «Ты» – «зу». Или «су», никак не понять. «Мое» – «миина». «Дай» – «гиба». А если строго потребовать – «гибанд».

Командир плеснул на угли водичкой: чтоб не подгорало.

– Ну что, – сказал он. – Будем считать, что первый контакт у нас прошел удачно.

Дурацкий эпизод с секирой имел неожиданные последствия. Местные перестали прятаться по домам.

Странный какой-то этот мир.

– Кстати, Генка, а у НАС в том месте, откуда излучение засекли, что находится? Я тут прикидывал и так и сяк...

– Я бывал в тех местах, – сказал Черепанов. – Ничего там особого нет. Водохранилище. А вокруг несколько совхозов. И все. Это-то меня и удивляет. – Командир пошевелил палкой угли. – В том месте вроде никаких объектов нет. Там затопленные районы. Их после войны затопили, когда Днепрогэс восстанавливали. Каскады водохранилищ...

– А-а-а...

Дерево на здешнем языке будет «багмс» или «бахмс». А еще – «терва». Правда, в чем разница между «багмс» и «терва», непонятно. Книва тщился объяснить, но не смог.

Все-таки странный язык у здешних. Иногда полное ощущение, что по-русски говорят, иногда – будто финскую речь слышишь. А вслушаешься – что-то безмерно чужое ощущается.

– Надо бы нам, Леха, бабки подбить, – сказал Геннадий.

– В смысле?

– Чем мы располагаем и тому подобное.

– Опись имущества?

– Нет. Навыков. Ты, к примеру, землю пахать умеешь?

– Я же сказал, что в фермеры меня не тянет.

– Я помню. Так умеешь или нет?

– Нет, не умею. И ты тоже, могу поспорить.

– Не умею. А охотиться?

– Нет. Да и что толку – был бы я охотник? Ружье где взять? А с луком да рогатиной – это же совсем другой расклад.

– Не скажи! – возразил Черепанов. – Зверь, он зверь и есть. И следы такие же оставляет, и привычки...

Коршунов с интересом поглядел на командира.

– А ты в этом рубишь? – спросил он.

– Самую малость. Считаю, что я больше с тем самым ружьишком, которого у нас нет, на номере стоял. Плюс навыки выживания.

– Ну, навыки выживания и у меня есть! – самонадеянно заявил Алексей.

Подполковник хмыкнул, но комментировать не стал.

– Зато я, Генка, рыбачить умею! – сообщил Коршунов. – А рыбы тут – прорва. Я сегодня видел, как барбоска одна голову рыбью жрала. Так если по голове судить, здесь в этой реке такие рыбины ходят... Мечта! Нам и не снилось! Слышь, командир, давай завтра на рыбалку сходим?

Черепанов встал. С наслаждением потянулся.

– Давай! – настаивал Коршунов. – Ухи поедим. Я – рыбак заядлый.

– Угу. – Черепанов ухмыльнулся. – Спереди крючок, сзади дурачок, что это?

– Шутки твои брить пора,– буркнул Коршунов.

– Дурачка я вижу.– Геннадий сделал соответствующий жест, если вдруг непонятно, кого он имеет в виду.– А вот все остальное... Хотя леска и крючки в НЗ должны быть....

– А я знаю, как рыба по-здешнему будет! – похвастался Коршунов.

– Как?

– Фиск. Или фиске, как больше нравится. Они все равно понимают. Со жратвой разберемся. А вот с оружием....

– Это ты верно поймал,– согласился Черепанов.– Было бы тут житье спокойное, не стали бы аборигены частокол на холме ставить. Соображения есть по этому поводу?

– Кислые у меня на этот счет соображения,– сообщил Коршунов.– Но – однозначные. Надо оружием обзаводиться. Вот секиру заначим, к примеру.

– По мне – так наши тесаки сподручней,– сказал подполковник.– Но с оружием вопрос нужно решать кардинально. Нужно и можно.– Черепанов почесал колючий подбородок.– Кузнец в селе имеется. Надо только подход к нему найти. Но оружием, сам понимаешь, еще и владеть надо.– Командир перевернул поросенка на другой бок.– Вот ты, например, где это так ловко топориком махать наловчился? На каратэ своем?

– Я не каратэ занимался,– с некоторой даже обидой возразил Алексей.– А то ты не знаешь!

– Уймись. Шутка. Отвечай на вопрос.

– Нет. На тренировках мы с палками, с нунчаками, с ножами – да, бывало. А с топором – это на мелиорации.

– Не понял?

– Я в студенческие годы на мелиорации халтурил,– пояснил Коршунов.– Канавы от кустарника всякого чистили. Это в основном топором делается. И хороший навык нужен, чтобы быстро.

– О том и речь. Чтобы БЫСТРО орудовать тем же топором, которым ты так ловко рубишь сучья, но уже не в быту, а в бою,– нужен навык. Безусловно, мы с тобой сможем действовать и топором, и рогатиной – на примитивном уровне. Кроме того, мы с тобой благодаря тренировкам и предполетной подготовке – в отличной физической форме. Но и у местных она не хуже.

– Судя по тому, что мы видели сегодня утром,– заметил Алексей,– реакция у местных – не ахти какая. Хотя сила есть, этого не отнимешь. При том, что ты местного главного силача, Герменгельда этого, одним движением на три точки поставил.

– Болевым,– уточнил Черепанов.– При том, что навыков освобождения от захвата у него никаких. Да он вообще о сопротивлении даже не помышлял.

– А Сигисбарн?

– Ты пойми, Леха,– проникновенным голосом произнес Черепанов.– Это же не воины, это крестьяне. Пусть у них в каждом доме щиты висят – все равно.

– Думаешь, такая существенная разница?

– Еще какая! Примерно как между обычным срочником и полевиком из «Вымпела» или «Альфы». Ладно, хорош лясы точить! – Он снял поросенка, подкинул в очаг дровишек, чтоб светлей было, и дареным ножом в три секунды расчленил жаркое на две примерно равные части.– Давай похаваем, а там и на боковую. Утро вечера... Сам знаешь.

Глава двадцать девятая Алексей Коршунов. Девушки

Но выспаться как следует в эту ночь полковнику Черепанову не удалось. Равно как и Алексею Коршунову.

– Сдается мне, кто-то там ходит,– внезапно произнес Черепанов.

Оба прислушались. Точно, кто-то возился у плетня. Довольно шумно. Потом притих.

– Псина приبلудная,– предположил Коршунов.– Или зверушка какая...

– Может, и зверушка,– с сомнением проговорил Черепанов.– Пойду-ка я гляну. Отолью

заодно, – и потянулся за тесаком.

– Фонарик возьми, – посоветовал Алексей.

– Ни к чему. – Командир качнул головой. – Нефиг аккумуляторы сажать. Я в темноте вижу, как кошка.

Прежде чем Коршунов придумал, что бы еще такое сказать, командир уже откинул шкуру и исчез в темноте.

Буквально через несколько секунд снаружи раздался его голос, затем другой голос, потоньше, что-то пискнул – и оба, полковник и неожиданный гость, ввалились в избу.

– Глянь-ка, какую зверушку я поймал! – Очень довольный, Черепанов подтолкнул в спину Фретилову дочь, Рагнасвинту.

Девушка застыла посреди избы. Потупилась скромно.

– Ты только глянь, Леха, сколько на ней навешано! – насмешливо произнес Черепанов. – Я и не знал, что Фретила наш под нового русского косит.

Коршунов пригляделся: а ведь верно! Неровное пламя очага отражалось в желтых плоскостях незамысловатых украшений из вполне узнаваемого металла.

– В сумме на полкило потянет, – заметил командир, похлопал гостью по плечу: – Ну, что молчишь, красавица? Говори, зачем пришла? И к кому? К нему небось? – Он жестом показал на Коршунова.

– Кончай наезжать на девушку, командир! – возмутился Коршунов. – Иди сюда, милая, присаживайся... – Он протянул ей руку.

Рагнасвинта сделала шаг, потом вдруг вскинула голову, быстро проговорила что-то и тут же умолкла.

«Красивая девочка, – подумал Алексей. – Хотя в этом возрасте все девочки – красивые. Если не колются или еще какой дрянью не испорчены. Любопытно, какая у нее фигурка?»

То, что угадывалось под балахонистым платьем, казалось многообещающим. А вид – забавный. Особенно косы баранками. В сочетании с ожерельями из золотых монет. Ба, у нас даже косметика имеется: брови начернены.

Маленькая ладошка оказалась жесткой, а пальчики сильными. Понятное дело, крестьянская девочка: сорняки полоть, козу-корову доить.

Алексей представил, как Рагнасвинта, присев на корточки, доит корову... Картинка показалась эротичной.

– Так, ладно, – сказал Черепанов. – Вы тут общайтесь, а я пошел.

И вышел из избы.

– Эй, погоди! – Алексей рванулся за ним, остановился, глянул на Рагнасвинту: – Присядь, милая! Ситья! Я сейчас вернусь!

Рубаха командира смутно белела в темноте. Геннадий направлялся к реке.

– Стой, погоди! – крикнул Коршунов. – Да погоди ты!

Черепанов остановился.

– Ты зачем девушку бросил? – спросил он. – Да не стремайся ты! – Геннадий негромко засмеялся. – Иди-ка обратно, а я часика два погуляю. – Он глянул на светящийся циферблат часов. – Хватит вам двух часов? Или давай я спальник возьму...

Со стороны избы донесся пронзительный женский вопль.

Космонавты, чуя недоброе, бросились к дому...

В избе шел бой. Отчаянно визжа, вцепились друг другу в волосы Рагнасвинта и Алафрида, беленькая дочка старосты.

– А ну прекр-ратить без-зобраие!!! – грянул с порога командирский рык Черепанова.

Девушки отпрянули друг от друга, как кошки, которых окатили водой.

Обе – растрепанные, раскрасневшиеся и очень похожие. Разве что Алафрида – повыше ростом и потоньше. В коротком бою их внешность еще не успела понести потерь, но глаза гневно сияли, и обе были донельзя очаровательны.

Черепанов солидно откашлялся.

– Так, – произнес он грозно. – Почему бардак на вверенной территории? Кто разрешил

безобразничать?

Рагнасвинта посмотрела сначала на него, потом на Коршунова. На мордашке нарисовалось мучительное стремление понять. Алафрида не удержалась, что-то презрительно бросила: мол, не слушайте вы эту дуру, милорды боги. И украдкой покосилась на постель Коршунова.

Но взгляд не был намеком на нечто интимное, поскольку был обращен конкретно на алый лоскут парашютной ткани, приспособленный в качестве простыни.

– Короче так, командир, – быстро сказал Коршунов. – Беленькая твоя, рыженькая моя. Договорились?

– Ты думаешь? – с сомнением произнес Черепанов.

– Ну, Генка, ты даешь! Если две девицы приходят ночью в гости к двум мужикам, то уж не чаю попить, а? Так что давай действуй. А мы пошли.

Коршунов вытащил из мешка свернутый спальник, кивнул Рагнасвинте:

– Комон, бэби!

– Постой, ты куда? – ухватил его за рукав Черепанов.

– На речку, – ухмыльнувшись ответил Алексей. – Люблю ночью в теплой водичке искупаться.

– Опасно, ночь...

– Не смей! Двум девчонкам – не опасно, а здоровому мужику – опасно. Ладно, специально для тебя топор возьму. – Он поднял секиру, продел рукоять в петлю на поясе, взял за руку Рагнасвинту и покинул помещение.

Блондиночка Алафрида, открыв рот, взирала на беседующих богов. Когда младший бог отдал явное предпочтение Рагнасвинте, дочь Хундилы нахмурила бровки, но когда стало ясно, что младший бог собирается уходить, а старший – нет, ее личико разгладилось.

Результаты «дележа» пришлись ей по душе. Тщеславная девочка.

– Ну что ж, – произнес Черепанов, не без некоторого смущения. – Будем знакомиться. Меня Геннадием зовут...

Взошла луна, озарив мир синеватым романтичным светом. Рагнасвинта покорно шла рядом. От нее вкусно пахло свежей травой и волнующим ароматом чуть разгоряченной юной девушки. Она крепко держалась за руку Коршунова, но на него не глядела. Когда Алексей свернул к реке, Рагнасвинта неожиданно заартачилась. Потянула в сторону родного дома, затараторила что-то, размахивая руками. Алексей не очень понял, чего она хочет. Похоже, предлагала идти к ним домой, выгнать всех домочадцев и предаться любви в ее родных пенатах. Мол, аттила Фретила будет только счастлив переночевать под елкой, чтобы бог Аласейя с комфортом потешился с дочкой. Чтобы у бога не возникло сомнений насчет характера развлечений, юная девушка сначала показала на Лехины штаны, потом похлопала себя по интимным местам и, наконец, обрисовала жестом внушительный живот.

Но Коршунов счел налет на избу Фретила действием бестактным и ненужным. Решительно помотав головой, он не без удовольствия подхватил Рагнасвинту за гибкую талию и увлек с дороги вниз, к речному берегу, где утром они с командиром так славно единоборствовали.

Фретилова дочь попыталась сопротивляться, но ее слабая попытка не увенчалась успехом.

Остывший сверху песочек на глубине ладони еще сохранил тепло. Ночь вообще была теплой. Мягкий ветерок. И приятное отсутствие комариных полчищ, неизменного атрибута всех питерских пикников.

Коршунов показал на воду, сделал пару «плавательных» движений.

Рагнасвинта запротестовала, даже попятилась от воды.

– Дело твое, – не стал настаивать Коршунов. – А я сполоснусь.

Он быстро скинул с себя одежду и нырнул. Вода была теплой и мягкой. Поплескавшись пару минут, Алексей выбрался на бережок. Нехорошо оставлять даму в одиночестве.

Рагнасвинта сидела на песочке, подобрав колени. Выглядела маленькой и беззащитной.

Лунный свет играл на золоте бус.

Коршунов подумал, не надеть ли портки? Решил: ни к чему. Все равно снимать. Мучительно мешало незнание здешнего ритуала ухаживания. И языковые проблемы. По правилам хорошего тона, которого свято придерживался Коршунов, девушку сначала следовало уболтать, а уж потом – все остальное.

Алексей вытерся рубахой, развернул спальник, жестом пригласил Рагнасвинту устраиваться. Та не шевельнулась.

Коршунов вздохнул, присел рядом на песок, обнял хрупкие, нет, если честно, не такие уж хрупкие, довольно сильные плечи.

– Ах, какие мы сладкие... – прошептал он, приподняв «баранку» косы и проводя языком по маленькому ушку.

Девушка вздрогнула и напряглась. Чертов «культурный барьер»!

– Девочка, девочка, милая девочка, что же нам делать с тобой? – воркующим голосом проговорил Алексей и погладил ее по спине. Даже под слоем грубой ткани чувствовалось, что спина – теплая.

Продолжая молотить всякую нежную ерунду, Коршунов попытался снизу проникнуть под защитный слой ткани: по гладкой голени вверх, к твердой коленке и теплому твердому бедру, выше... Ах ты... До нижнего белья в этом мире пока не додумались.

Рагнасвинта коротко, отрывисто вздохнула... И встала.

«Сейчас возьмет и уйдет?» – с легкой паникой подумал Коршунов.

Черт! А он даже не может ей слова внятного сказать...

Она не ушла. Узкий пояс скользнул на песок рядом с Алексеем. Потом тяжело упало золотое монисто. Еще одно движение – и платье взметнулось вверх, обнажая белые ноги, белый живот с темным пятном внизу... Платье оказалось на песке.

Коршунов смотрел снизу на обнаженную девушку. Любовался. И ждал.

Освобожденные «баранки» кос змеями упали вниз. До самых круглых икр.

Рагнасвинта шагнула вправо, опустилась на спальник, медленно опрокинулась на спину, раскинула стройные ноги...

– Ах ты, моя девочка, – нежно проговорил Алексей, устраиваясь рядом и проводя по впалому нежнокожему животу, по внутренним сторонам бедер. – Может быть, я и не бог, но мне совсем не хочется быть с тобой грубым.

Его ладони заскользили вверх, накрыли теплые холмики груди, губы коснулись шеи чуть пониже уха...

Чуть позже он взял ее руки и начал водить жесткими ладошками по своей груди, плечам...

– Не бойся, маленькая, все будет как надо, – шептал он, лаская ее. – Тебе будет хорошо, Рагнасвинта. Я обещаю.

Ее дыхание стало чаще. Пальцы сжали плечи Алексея, потянули вниз, но он не поддался.

– Еще рано, крошка, еще рано... – продолжая ласкать ее кончиком языка, губами, руками – везде, пока спина девушки не напряглась, выгибаясь, а бедра не начали дрожать.

Тогда он опустил ее на нее и медленно, очень медленно...

Короткий стон, даже не стон – всхлип... Ладони Алексея накрыли ее ягодицы, помогая, заставляя двигаться, навязывая свой ритм, мягкий, бережный... Совсем не такой, какой хотелось бы телу Коршунова, но именно тот, что нужен.

Прерывистое дыхание, скользкий пот между мягких груди, расплюснутых его грудью, пальцы, впившиеся в его широкую и тоже влажную спину... Немного быстрее, еще немного... Только когда она задохнулась и вскрикнула, Алексей отпустил вожжи. И они оба взлетели над песком. И над рекой – одним протяжным криком.

– Ах ты, моя милая Свинка, – нежно говорил он ей полчаса спустя. – А ты, оказывается, страшно страстная женщина!

– Йа-а, Аласейа... Йа-а... – хриловатым голосом отвечала она. – Квено? Йа-а?

Аласейя...

Это была чужая ночь, чужой мир и, наверное, чужая женщина... Но для Коршунова сейчас это не имело ровно никакого значения. Да и кто придал бы значение такой ерунде на его месте?

Глава тридцатая Травстила. Ночные размышления

Травстила сунул в жерло плавильни остывший наполовину выкованный серп, несколько раз качнул мехи. Мысли кузнеца неотступно возвращались к пришельцам.

Перед глазами стояло вместилище, его нутро, скупо освещенное мертвенным светом.

Кто же они такие, эти чужаки? И откуда? Ромляне?

Нет, не могут они быть ромлянами. Травстила немало повидал вещей ромлянской работы. Иные они. И не сказать, в чем они иные, а только одно он, Травстила, может сказать – не ромлянской работы вместилище. Опять-таки, никто и слыхом не слыхивал, чтобы ромляне в небе путешествовали.

Спору нет, многое ромляне могут. Но не это.

Хотя кто знает. Может, и научились. Ромляне умны, и много их. Вдруг да нашлась среди ромлян светлая голова.

Нет, чушь. Ромляне по-другому бы вместилище выковали. И железо у них другое.

Да еще и парус этот громадный из дивной ткани.

Зачем парус нужен, это ясно. Чтобы железное вместилище ветром по небу несло, как корабль – по морю. Только мал сей парус для настоящего полета. Видел Травстила, как падали чужаки. Лист древесный – и тот лучше летает.

Тогда вопрос, как чужаки на небеса сумели забраться? Вот в чем загвоздка. Видно, кто-то бросил вместилище вверх, где-то в краю далеком, и упало оно здесь.

Чужаки говорили – «Байконур». Травстила никогда не слышал этого слова. Может, так край прозывается, откуда чужаки родом?

Интересно у чужаков вместилище запечатывается. Хитро придумано. Хотя, если вдуматься, все просто. И ему, Травстиле, под силу такое сделать.

Ну, птицу железную можно заставить кричать. Но ведь это потешки детские. А вот зачем сучки внутри, которые шевелить можно, непонятно.

Наверняка есть во вместилище более важные сучки. Да и иных вещиц занятных там в изобилии. Только назад во вместилище чужакам не улететь. Нечем вместилищу летать, волшебством разве? Да и не своим хотением они, похоже, здесь оказались. Может, спяну? Эх их шатало, когда наружу вылезли.

Своим ли хотением иль нет они в село попали, а засиживаться долго не будут. Что им тут сидеть? Чужаки или в бург пойдут, или в свои края отправятся, коли их сюда случайным ветром занесло. Как семечко. А может, и есть вместилище сие – железное семечко, из которого чужаки произросли? Вряд ли. Не припомнит Травстила, чтобы ветер в здешние края семечки с чужаками приносил. Не слыхал никогда, чтобы боги вот так с неба падали. Или люди... Кузнец усмехнулся. Чего только на свете не бывает. И не поверишь, а вот оно, перед тобой.

Непонятно только, как с пришельцами обходиться. Да им и самим непонятно. Бродят по селу, не знают, куда себя приткнуть, на берегу в потешки воинские играют.

Нечего им в селе делать. Значит, скоро в бург уйдут. И чем скорее, тем лучше.

А когда уйдут чужаки восвоюси, тогда можно и о вместилище подумать. Волон подогнать, глядишь, и удасться из болота на твердую землю его вытащить. А там и разобраться можно будет. Может, и польза от этого всем выйдет. Там, откуда чужаки родом, много чего напридумывать успели, по всему видать. И еще любопытно было бы с самими чужаками потолковать, да как с ними потолкуешь, если языка людского не понимают? Пальцами много ли покажешь в таком хитром деле, как Травстилино. А все-таки – любопытно...

Глава тридцать первая Алафрида. Болотный демон

Когда Алафрида проснулась, чужого бога рядом не было.

Алафрида села на лавке, огляделась.

Чужой бог был добр к ней. Это очень хорошо, что он выбрал ее, а не Рагнасвинту. Старший бог сильнее. И по справедливости выбрал старшую из двоих, потому что старше дочь Хундилы-старосты, чем дочь пришлеца из бурга. А теперь, под покровительством старшего бога, еще более усилится род Хундилы.

Алафрида сделала все, чтобы понравиться чужому богу. Она пыталась объяснить ему, что почетно родство с родом Хундилы. Когда в бурге мирный вождь собирает большой тинг, слово Хундилы-старейшины значит многое.

Алафрида не знала, понял ли ее чужой бог. Это ничего. Если не понял сейчас, то поймет потом.

Вот только... Утренний дар. Чужой бог хотел дать кусок небесного паруса. И сказал: вот тебе, Алафрида, утренний дар. Так она поняла.

Одно плохо. Алафрида хотела красный кусок. Красный – это красиво. А бог дал ей белый. Белый – это цвет снега. Цвет снега – цвет смерти.

Алафрида не взяла дар. Показала, что хочет другой кусок – красный. И бог забрал подарок, а нового не поднес.

Неужели чужой бог дал ей понять, что она, Алафрида, умрет?

Нет, он же бог. Как он захочет, так и будет. Но только она, Алафрида, теперь имеет власть над богом. Чужой бог алчет ее, он это недвусмысленно дал понять.

Алафрида заплела волосы, подумала немного и решила: вот вернется старший чужой, нет, не чужой – ее, бог, и Алафрида попросит еще раз утренний дар – алый отрез небесного паруса. Как это красиво!

Некоторое время она представляла, как, гордо выпрямившись и выпятив губу, как делает мать, когда полагает себя оскорбленной, Алафрида протянет руку и потребует у бога дар...

Нет, конечно, она не осмелится. Уж больно грозен бог. Этой ночью он показал, насколько властен над телом Алафриды. По его воле она испытала великую радость. Она знала, как бывает, когда соединяются мужчина и женщина. Она многожды видела и слышала это: как же иначе, если весь ее род спит в одном доме? Но с богом было не так. Страшный бог совсем измучил ее радостью. Сначала она боялась, и все у нее сжималось от страха, как от холода. Но бог коснулся ее лона небесной амброй и дал ей глотнуть огненной влаги, от которой горло ее сначала обьяло пламя, а потом грудь наполнилась солнечным теплом. И бог взял ее и дарил ей радость, пока ее силы не иссякли и она не стала просить бога, чтобы тот перестал. Но бог не понимал ее или не желал понять, и Алафрида совсем истаяла и ничего от нее не осталось, кроме бога у нее внутри...

И даже сейчас, когда она вспомнила об этом, в низу живота вновь затрепетало. И перехватило горло...

Нет, Алафрида не посмеет требовать, она просто попросит красный отрез... Красный, как кровь, которую она пролила. И у нее будет красный плащ. А белый... Пусть в белом Рагнасвинта ходит! Пусть Рагнасвинта и умрет по зиме. В хель ей, выскочке, дорога.

Да, именно так и будет. Уж Алафрида сумеет прельстить чужого бога. Она была уверена в этом.

Но где же бог? Куда он подевался?

Алафрида подумала немного и вспомнила, что не слышала, как он уходил. Она непременно услышала бы и проснулась: она всегда спит очень чутко.

Странно.

Может, бог стал невидим, как лесной дух? Ведь богу многое по силам. Да, наверное, так и есть. Бог стал невидим и сейчас наблюдает за ней исподтишка...

Алафрида встала с лавки, прошла по избе, красиво покачивая бедрами. Жаль, что бедра у нее не так широки, как у матери. И грудь меньше. Но богу пришлось по нраву ее тело, бог ласкал ее тело и смеялся, значит, бог счел Алафриду красивой. Покрасовавшись перед невидимым богом, Алафрида надела рубаху. С любопытством оглядела избу. Алафрида никогда не была здесь, в богатырской избе. И не потому, что женщинам сюда воспрещалось ходить, вовсе нет. После того как ушли богатыри и не вернулись, в богатырскую избу мог войти каждый. Но никто не входил. Так повелось.

Алафрида провела пальцем по горшку. Из этого горшка едят боги. А возле этого очага боги греются вечерами. Интересно, нужно ли богам греться? У очага лежали завернутые в листья остатки печеного поросенка. Поросенка прислал Фретила. Об этом вчера Рагнасвинта кричала. Фретила прислал богам поросенка, а Хундила – ничего. Боги съели поросенка Фретины, но все равно старший бог выбрал Алафриду. И нужна ли богам еда? Может, боги просто притворяются от скуки?

Алафрида прошла в глубину дома. Там лежали гладкие мешки из небесной ткани. У богов много всего. Большое богатство. Алафрида нахмурила светлые брови. Покусала губу... Старшему богу – большая часть положена. Уж она, Алафрида, проследит, чтобы в дележе доля ее бога большей была. Алафрида покажет старшему богу, что значит быть рачительной.

Алафрида – квено бога. В селе небось все умирают от зависти. И в бургe умрут. В бессильной ярости по земле кататься будут и локти кусать. И хорошо, и пусть себе катаются. Алафрида улыбнулась.

А может, и так станет, что удастся уговорить старшего бога назад на небо слетать и еще богатств принести. Вот только обдумать надо, как сделать так, чтобы вернулся чужой бог. Ну ничего. Хундила-отец – он мудрый, он наверняка что-нибудь измыслит, дабы вернулся чужой бог в род Пса.

А может быть, чужой бог и риксом станет. Отчего нет? Кто может с богом равняться, пусть и с чужим? Никто. Даже Одохар. Чужой бог уже показал свою силу, победив Герменгельда и Сигисбарна. Бог – он над риксами рикс. Станет бог Гееннах в походы ходить, добычу приносить.

Алафриде даже захотелось всплакнуть от радости, когда она представила, сколько добычи может принести бог.

Она вернулась к лавке, застеленной шкурами. Ей показалось, что под шкурами кто-то прячется. Может, чужой бог спрятался под шкурами? А вдруг чужой бог прячет что-нибудь под шкурами? Она, Алафрида, к примеру, частенько что-нибудь прячет.

Дочь Хундилы одолело любопытство.

Алафрида откинула край медвежьей шкуры.

Чужой бог был там. Никуда он не уходил. Просто принял свое истинное обличье. И это был никакой не бог.

На Алафриду смотрел маленький – с пядь всего – востроносый болотный демон, несущий лихоманку.

У Алафриды сердце остановилось.

Так вот кого она ублажала всю ночь!

Белый цвет. Цвет снега – цвет смерти.

Алафрида истошно закричала.

Глава тридцать вторая Алексей Коршунов. Счастливое утро

Утром Алексей проснулся от солнышка. Приятно просыпаться потрясающим утром после потрясающей ночи с потрясающей девушкой, пусть даже эта девушка – ни слова по-русски.

А девушка, вот она, рядом. Уже проснулась, волосы заплела, улыбнулась счастливо.

Свинка! Господи, вот привязалось. Ведь ничего общего, ни малейшего сходства с поросенком. Высокие, почти азиатские скулы, зеленоватые глазищи, очаровательный прямой

носик, прозрачный пушок над припухшей губкой...

Темное пятнышко подсохшей крови на серой ткани спальника. Рагнасвинта Фретиловна. Вот так, други мои. Это вам не карамельку съесть!

– Эй, – окликнул Коршунов. – Доброе утро, солнышко! Как спалось? Сладко?

Обернулась.

– Аласей! Махта... – и еще что-то нежное. Спросила что-то. За спальник подергала. Нет, не за спальник, за вкладыш от спальника, мешок из тончайшего ярко-синего шелка.

– Нравится? – Улыбка сама растягивала губы. – Нравится – так возьми. Твое.

Удивилась. Даже сначала не поверила. Мне? Неужели? Ты, наверное, шутишь? Мне одной – это все?

– Тебе! – подтвердил Коршунов, энергично кивая. – Тебе одной, больше никому!

Выдернул вкладыш из мешка, вложил невесомую ткань в ладошку.

Господи! Вот это темперамент! Опрокинутый на спину, Алексей пытался совладать с бешеным клубком энергии и счастья. Его тискали и целовали, его облизали и взлохматили и даже укусили за нос.

Алексей хохотал.

– Ах ты Свинка-свинюшка! Прекрати! С ума сошла! Перестань!..

Ну чисто щенок!

Пресечь это можно было единственным способом, и Алексей был вынужден прибегнуть к крайнему средству.

Минуток через двадцать объятия распались. Алексей перекатился на спину, раскинул руки по песку. Засмеялся.

Его маленькая девочка тоже зашлась смехом.

Коршунов выгнул спину, лихим рывком вскочил на ноги.

Рагнасвинта села, подобрала было рубаху, потом вспомнила, бросила – и подхватила густо-синий шелк. Вскочила, накинула на плечи, закружилась, ловко перебирая ножками. Невесомая ткань оплела ее обнаженное тело.

– Купаться! – строго сказал Коршунов.

Отобрал вкладыш, положил на остальные ее вещи. Ну надо же: полкило золота на шее носит, а от какой-то яркой тряпочки – такой восторг.

– Купаться! – и потянул ее к воде.

Девушка неожиданно заупиралась. Быстро проговорила что-то, помогая себе жестами. Мол, нельзя купаться. Ни в коем случае нельзя!

– Со мной – можно! – твердо заявил Коршунов.

– Нии, Аласейа, нии! – И вдруг, другим тоном, вопросительно: – Аласейа? Й-а-а! – Радостно: – Аласейа! – таким голосом, будто перекореженное на местный лад имя все объясняло и разрешало. – Аласейа!

И с разбегу, увлекая за собой Коршунова, кинулась в воду.

И в этот момент Алексей понял, что покорило его в этой юной девушке. Нет, не славная мордашка. Не нежность кожи и сногшибательный запах юности... Безоглядное доверие, вот что. Такое бывает у двух-трехлетнего малыша – к матери. Абсолютная вера и абсолютная готовность выполнить все, что ты скажешь. И Коршунов понял, что он пропал. Потому что такое доверие невозможно обмануть. Потому что, обманув такое доверие, тут же станешь полным дерьмом, окончательно и бесповоротно. Да, Алексей попал, вернее, попался. В полный рост. Но самое смешное, его это ничуть не огорчило. Потому что в этот момент он был так же окончательно и бесповоротно, чудовищно счастлив...

А плавала Свинка так себе. По-собачьи. Только-только на воде держалась...

Глава тридцать третья Травстила. «Не боги они»

Травстила зачерпнул воды из бочонка, щедро плеснул на лицо. Грязные струйки потекли с его бороды на кожаный, порыжевший от жара фартук.

Вынул клещами из огня полоску железа, обстучал молотком, сбив окалину, оглядел. Потом покосился в угол, где на широкой лавке, упершись огромными ладонями в толстые колени, расселся Овида.

– Хундила – муж основательный, – сказал кузнец. – Но ум у него выше притолоки не поднимается. Говорит, что Ханала ему в ухо вложит. А Ханала, сам видел... Совсем стар стал Ханала.

– Так ты говоришь: не боги они, – задумчиво протянул Овида.

Голос у жреца был мощный, низкий, будто из самого дна объемистой утробы. Зов Вотана в голосе том слышался, даже когда не взывал Овида, а простую беседу вел. А уж когда взывал...

Кузнец сунул железку в огонь, качнул мехи. Пламя загудело веселей, металл налился багровым. Травстила вернул его на наковальню, ударил молотом: раз, другой, третий...

– Да, я думаю так. Не боги, – сказал кузнец. – К чему богам в железный горшок забираться?

Овида хмыкнул. Жрец пришел в село на рассвете. Один. Сначала к старейшине зашел, потом – сюда. Никто не удивился. Кузнец – тоже жрец, хотя и по-другому служит. Дружны Травстила с Овидой. Не раз Овида у кузнеца на подворье ночевал. Беседы с ним долгие ведет. О чем – другим знать не положено. Да и лучше не знать. Кузница на отшибе стоит. Сельчане стараются без дела сюда не заглядывать. Лишний раз мимо пройти – опасаются. Лучше кругалю дать, чем случайно кузнецовы тайны подсмотреть. Когда он с духами огня голосом железа говорит. Известно же: кто такое услышит – заболит. А то и помереть может от нутряного жара. Но не Овида. Овида – могучий жрец. Его духи сами боятся.

Сидит Овида в кузнице. Не торопится. Оно и правильно. Мудрый спешить не станет. Сперва разберется, что к чему. Хундиль послушал Овида. К Фретиле заглянул. Тоже послушал, что у Фретилы говорят. Теперь кузнеца слушает.

– ...Сказал я им: надобно чужаков в богатырской избе поселить, – говорил между тем Травстила. – Коль богатыри Они, герои небесные – там им и место. А коли боги, так тоже годится. Говорили же, что и боги у огня в той избе посиживали: и Доннар, и сам Вотан...

При этих словах сотворил кузнец особый знак, тайный, которые чужим видеть не должно. Но Овида – свой. И не просто свой – старший. Потому он тоже тайный знак сотворил. Но другой. Особый. Такой, что, ежели бы кто из Вотанова братства его увидел, понял бы, кто есть Овида, и старшинство его признал, ежели сам подальше от Вотанова трона стоит.

– ...А где Вотан сиживал, там и иным богам жить – за честь, – продолжал Травстила. – Потому и сказал: пусть чужие в богатырской избе живут. Обиды не будет. Прав я был?

– Прав-прав, – пробасил Овида.

Про богатырскую избу он тоже все знал. Что строили ее давным-давно, много зим назад, когда скудость в мире почти не замечалась. Строили ее девять богатырей, что, от удали и силы изнемогая, решили из жилищ отцовских прочь уйти, дом воздвигнуть и там жить сообща, ярость священную в себе греть и тешить. Ибо умалается воинский дух, когда день-денской работой будничной себя утруждаешь.

И воздвигли богатыри избу, а перед ней – хильд, место для кровавых поединков. И был в ту избу иным вход заказан. Да и не отваживались в ту избу ходить. Лишь по особым ночам девицы туда хаживали. И одаряли их семенем богатыри, чтобы не перегорало зря богатырское семя, а в женском чреве новых богатырей зарождало.

Вот те девицы и сказывали, что и Вотана, и Доннара порой в избе той видели. Ибо не гнушались боги пиршествами богатырей. Шумом тех пиршеств округа наполнилась, а огнем ярости, от избы исходящей, все село согревалось.

И в других селах в те времена так было, а о бурге и говорить нечего. Исходил силой бург, удалю голову кружила. Рабы и те отважны были, яростью сотрясаемые. Два вождя в бурге было, как обычаем положено, военный и мирный. И не выдержал мирный вождь, священной удалю переполненный. На военного вождя с дружиной малой край оставил, а

сам собрал богатырей и в великий поход отправился.

И девять богатырей тоже в поход ушли. И вел их мирный вождь. И в землях далеких со славой пали богатыри. И мирный вождь тоже пал. Потому что не дело мирного вождя ратоборствовать. Нет у мирного вождя настоящей удачи, что одна лишь к победам и обильной добыче приводит, а только удаль в нем и ярость священная. Потому лишь немногие вернулись из того похода. Едва один из дюжины. Они-то песни о великом походе и сложили. А песни те и ныне поются.

Из девяти богатырей только Ибба вернулся. Не сумел Ибба ярость в походе избыть. Мелким ему и ничтожным все виделось. Иббе. А изба богатырская пустой стояла. Потому что не было в селе новых богатырей. Ибба избу сжечь хотел, но духи восьмерых павших не дали. Тогда Ибба Агила убил, деда Хундилы-старейшины. И вутей стал Ибба, вут на плечах из похода принес. Благословил Иббу Странник, божественный вутья, сыном сделал.

Ушел из села Ибба. На квеманов один походом отправился. Он и сейчас в лесах между нами и квеманами живет. Не раз его следы там примечали.

Все знал про священную избу Овида, потому и признал правоту Травстилы.

Травстила ухватил клещами железо и сунул в ведро с водой. Зашипело железо, остывая.

– А что боги говорят? – спросил кузнец.

– Разное говорят, – уклончиво ответил Овида. – Расскажи мне: чем чужаки у вас тешатся, какие дела творят?

– Пустые дела, – буркнул Травстила. – По селу бродят, от скуки бесятся. В реке купаются в заповедные дни.

– И не боятся?

– Да вроде нет. Меньшого из них Аласейей зовут. Фретилин сын, Книва, видел, как они с духами речными беседовали. Может, и не врет: чужаки ему явно покровительствуют. Кровь его пролить не дали, как Хундила с Ханалой хотели.

– Хундила с Ханалой много взять на себя желают, – проворчал Овида. – Будто им ведомо, что богам требуется. Хундилино дело – землю пахать, а не богов обиженных тешить.

Внезапно Овида рассмеялся. Гулко, аж эхо под потолком прошло.

– Ты чего? – спросил Травстила.

– А крепко мальцы ваши квеманских богов обидели! Много ярости из такой обиды произойти должно. Великую доблесть может явить миру сын Фретины, коли наставить его на путь правильный.

– Ты что же, одобряешь его? – удивился Травстила. – Что доброго в том, что сопляк, который даже простого воинского посвящения не удостоился...

– Не удостоился, так удостоится, – заметил Овида. – Я говорил с ним. Храбрость в нем есть. И умом не обижен. Не то что старейшины ваши. Что гnevаются квеманские боги – это верно. И пусть гnevаются. Надобно только за Одохаром послать, чтобы было кому на гнев тот еще бо́льшим гневом ответить.

– Одохар недоволен будет, – заметил кузнец. – Одохар в большой поход собирается. Ему сейчас с квеманами ссориться – не с руки. Но он приедет. Захочет на чужаков взглянуть, я его знаю. Наверняка в этом особый знак усмотрит.

– А ты? – спросил Овида. – Ты в этом разве знак не увидел?

– Может, и увидел, – отозвался кузнец. – Да знак знаку рознь. И чужаки эти... Фретила дочь свою к ним послать хочет. Может, и послал.

Овида встал, потянулся.

– Развели вы тут богов, – проговорил с усмешкой.

Подошел к порогу, остановился.

– Глянь-ка, не один ли из них сюда идет?

Травстила тоже подошел, посмотрел.

Точно, к кузнице по берегу реки шел, насвистывая, старший из чужаков.

– Гееннах его звать, – сказал Травстила.

– Ишь, высвистывает, – отметил Овида. – И не по-птичьи свистит. Сразу чужака видать.
– Второй – такой же, – заметил кузнец. – Даже и еще чужее.
Чужак углядел Травстилу. Издали помахал рукой.
– Ты прав, брат, – уверенно произнес Овида. – Не бог это.
– А кто?
– Узнаем. Он ведь к тебе идет.
– Только он по-людски почти и не говорит, – предупредил кузнец. – Только по-своему.
– Ничего, – сказал жрец. – Мало ли что не говорит... Я про человека и без глупых слов пойму: кто он таков. Гееннах, говоришь? А второй, значит, Аласейя? Ну-ну... Сейчас узнаем, какой это Гееннах.

Глава тридцать четвертая Геннадий Черепанов

Травстила – правильный мужик. И башковитый. Настоящий деревенский самородок-изобретатель. Черепанов и раньше это подозревал, а теперь знал наверняка. Для этого было достаточно подержать в руках вещи, которые он делал посредством своей первобытной технологии. И схватывал, умница, все на лету, несмотря на языковой барьер.

Вопрос со «стандартным вооружением» решили быстро. Но тут среди прочих заготовок Черепанов обнаружил две длинные пластины из закаленной упругой стали, и ему моментально пришла идея заказать Травстиле арбалет. А что? Вещь почти знакомая: приклад, спусковой крючок, не то что из лука стрелы метать. Все навыки стрельбы из огнестрельного можно использовать.

Они выбрались на свежий воздух. Там, с помощью «наглядных пособий» и подробных рисунков, Черепанов объяснил, что ему требуется. А требовался ему сравнительно небольшой арбалет с «размахом» стальных «крыльев» в три четверти метра, с рычажным взводом и стремением, чтобы упираться ногой, натягивая тетиву. «Крылья» предполагалось сделать складывающимися, а в боевом положении удерживать с помощью штырей-фиксаторов. Технология использования штырей привела кузнеца в восторг, в то время как сама идея арбалета особого энтузиазма не вызвала. Оказалось: идея не новая. Видел кузнец такие игрушки, только взводились они иначе, чем-то типа ворота. Определенную трудность вызвали единицы, в которых должно измеряться натяжение тетивы. Черепанов прикинул: чтобы механизм бил метров на сто пятьдесят и в то же время взводить его можно было в любом варианте, хоть лежа, хоть одной рукой, – тяга должна равняться килограммам сорока. Но как это передать Травстиле?

Неожиданно на помощь пришел здоровенный мужик, который за все это время не проронил ни слова, якобы дремал: сначала на лавке в кузне, потом на чурочке во дворе. Оказалось, хитрован только изображал сонливость. Как только беседа зашла в тупик, он вмешался, подвел Черепанова к куче камней и предложил выбрать подходящий по весу.

Черепанов выбрал валун пуда на два с половиной. Здоровяк (почти на голову выше Черепанова, плечи минимум пятьдесят восьмого размера) взвесил камешек на ладони, ткнул корявым пальцем в бицепс Геннадия и высказал предположение, что маловато будет для Черепанова сорока кило. Можно и побольше. Подполковник с присущим ему чувством юмора объяснил: надо, чтобы стрела просто пробила «мишень» навывлет. Больше не требуется.

«Как не требуется? – удивился здоровяк. – А если – щит? А если мишень – там, за рекой прячется? С луком, например».

Это было справедливо. Коршунов задумался... Но решил силу натяжения не увеличивать. А вот хороший прицел не помешает. В принципе, если как-то забраться в спускаемый аппарат, то можно было бы из подручных материалов даже оптический сварганить. Или монокуляр из спецкомплекта приспособить. Но вообще-то можно и обычным диоптрическим обойтись. С прицельной планкой. Трубку из толстого тростника сделать...

Для чего нужен прицел, Травстила так и не понял. Но понял, что именно требуется, и покивал. Решил, видно: сделаю – разберусь.

Осталось утрясти денежный вопрос. Сошлись на двадцати квадратах парашютной ткани. За стандартное вооружение. За арбалеты (Черепанов заказал два) – отдельно. Но Травстила тут же сообщил, что много не возьмет. Только за материалы. Поскольку работа ему самому интересна. А можно взглянуть на черепановский меч?

Геннадий вынул из чехла тесак, который был с интересом изучен и кузнецом, и вторым мужиком, который оказался отнюдь не мастером по вооружению, а представителем «мирного» духовного сословия: здешним шаманом по имени Овида. Причем не каким-нибудь мелким жрецом, а как бы архиереем.

Правда, то, как ловко и привычно ухватил Овида рукоять тесака, вызывало серьезные сомнения в «мирности» жреца. И вообще: такими лапами можно без всякого оружия головы отрывать. Черепанов, доселе уверенный, что любого местного жителя без проблем «поставит в партер» или кинет на лопатки, в отношении Овиды засомневался. Дело было даже не в первобытной мощи местного шамана. Если грамотно подойти к грубой силе – любого носорога можно завалить. Где навыки спортивной борьбы спасуют, можно и дзю-дзютцу применить. Фокус в том, что двигался Овида вовсе не как безмозглый носорог, а как гризли. И даже мастью – стального цвета жесткой гривой да бородой – смахивал на серого медведя, с которым как-то, вдали от родины, у Черепанова имела место неприятная встреча. И тогда у Геннадия возникли очень сильные сомнения, что гризли можно остановить полудюжиной ТТ-ных пулек. К счастью, проверять эти сомнения на деле не пришлось. И хотелось верить, что то же будет и в отношении Овиды. Тем более, мужик симпатичный. Да и Травстила – тоже мужик что надо. Похоже, что и он, Геннадий, им по нраву пришелся...

– Никакой он не бог, – уверенно сказал Овида. – Герой, это да. Правильный муж. Наш. Хоть и чужой. Ты, Травстила, присмотришься к нему.

– Уж присмотрюсь, – пообещал кузнец. – Я сегодня много полезного узнал. И еще больше узнаю. Там, на небе, много интересного есть. Тем более, он не с нашего неба, так?

– Молодец, – похвалил Овида. – Догадался. Да. Не с того он неба, где наши боги обитают и куда мы с тобой попадем, здешний путь пройдя. Но сила в нем – исконная. Наша.

– Ах вот ты про что... – проговорил Травстила, покосившись на чужака. Как-то не верилось, что такой умный человек – да вдруг почти совсем не понимает их речи. – Но он же – чужой. Не нашей крови.

– Кто знает? – задумчиво пробасил Овида. – Может, и не нашей, да ведь не хуже его кровь, чем у гепида, а? – Жрец гулко захохотал, разинув мохнатую пасть.

Гееннах глядел ему в рот с интересом. Травстила подумал, что у Овиды во рту есть на что поглядеть. Хоть и не молод Овида, а зубы – как у молодого: один к одному.

– Я вот что думаю, – сказал он, когда жрец перестал смеяться. – Непривычно чужаку наше оружие. И дивный самострел, который он мне изобразил, – тоже непривычен. Это сразу видно, когда о своем оружии говоришь, а когда – нет. Может, они там, на своем небе, вообще без оружия обходятся? Как думаешь?

– Думаю, нет, – уверенно ответил Овида. – Вижу я: многих убил Каумантиир Гееннах. Воин он.

– Но ведь и голыми руками убивать можно, – заметил Травстила и опять покосился на Каумантиира. Значит, многих убил Гееннах. Если Овида сказал: так и есть. Овида такое видит. Убил – и хорошо. Такой, как Гееннах, из пустой похвальбы убивать не станет. А воин на то и воин, чтобы убивать. Только какой он воин? Такой, как рикс Одохар? Или такой, как Овида-жрец? Или, может, такой, как сам Травстила?

Что ж, придет время – и Травстила узнает. Куда торопиться?

– Грхм! – Овида откашлялся, повернулся в сторону дверей. – Слышишь, Травстила, в селе шум какой-то?

Травстила не слышал. Работа в кузнице слух портит. Но если Овида говорит: шумят – значит, шумят. Сколько помнил Травстила, Овида-жрец никогда не ошибался.

Глава тридцать пятая Алексей Коршунов. Счастливое утро (продолжение)

Они остановились во дворе.

– Эй там, на борту! – крикнул Коршунов. – Мы пришли!

Изнутри не отозвались.

Тогда Алексей откинул шкуры и вошел, потянув за собой Рагнасвинту. Внутри было пусто: ни Геннадия, ни Хундиловой дочки.

– Ага! – Коршунов обнаружил завернутые в лопухи останки поросенка. – Живем, Свинка!

Выбрал кусочек побольше, протянул юной подружке...

Рагнасвинта стояла посреди избы, разглядывая кучку золота на столе.

– Хм-м... – Алексей подошел поближе.

Так-так-так... Блондиночка Алафрида забыла не только золото, но и кое-что из одежды. Поясок, например.

Коршунов поднял за ремешок драгоценное ожерелье. А прилично весит, граммов на триста потянет... Стоп!

Среди безыскусных отливок затесалась... Ну точно! Самая настоящая монета! Небольшая, чуточку обкусанная по краям, но с выбитым на аверсе классическим римским профилем и изгибающейся надписью неровными буквами. Что-то вроде «TI. CLAVD. CAESAR. AVG. IMPR. VI».

Вероятно, сие означает что-то вроде «Клавдий-Кесарь-Август-Император-шестой»? Или шестой – это год? Клавдий, Клавдий... Вроде был такой император. Но когда? Этого Коршунов не помнил. Вернее, не знал. Но одно он знал точно: надпись на монете сделана латинскими буквами. Вот как оно выходит... Значит, вот оно как... Будто ледяная змейка пробежала по спине. Если есть римские монеты, значит, и Рим – есть! И уже не на уровне разговоров и предположений, а как явный осознанный факт, выгравированный в сознании: ЗДЕСЬ ЕСТЬ РИМ!

...Рагнасвинта тоненько пискнула и рванулась к двери... Коршунов великолепным броском перехватил ее по пути, сгреб в охапку...

Вопреки ожиданию, девушка даже не пыталась вырваться, наоборот, прижалась к нему, мелко дрожа.

– Ты чего? – спросил Коршунов. – Хвас? Не бойся, я с тобой, дурочка.

Рагнасвинта спрятала мордашку у него на груди, потом украдкой выглянула – и снова спряталась.

Коршунов перехватил ее взгляд и обнаружил цель.

На лавке-ложе валялся Генкин талисман, ублюдок Буратино.

Ах ты, Господи! Неужели пластмассового уродца мы так испугались?

Последующий эксперимент показал: да. Именно этот незамысловатый продукт китайской легкой промышленности вызывает у маленькой отважной (заявиться ночью к страшным богам – тут незаурядное мужество требуется) Рагнасвинты панический ужас.

Была проведена воспитательная работа. Взятый за нос Буратино был подвергнут серии унижающих достоинство процедур. Как и следовало ожидать, никакой мести и гнева со стороны уродца не последовало. Та же глупая китайская улыбочка.

Вроде помогло. Поняла, дурочка, что бог не боится и ей не советует, поскольку у него, бога, все под контролем. Под его, бога, присмотром поганая кукла никому не посмеет пакостить.

Рагнасвинта оживилась. Внесла предложение: почему бы не разжечь огонь и не предать поганца очистительному пламени?

Алексей воспротивился. Показал: большие неприятности последуют. Ибо принадлежит сей недомерок самому Гееннаху. Любит Гееннах над уродцем покуражиться в свободное от

божественных трудов время.

Сошлись на том, что зловредного Буратино следует посадить в горшок и спрятать в дальний угол.

Так и сделали. Рагнасвинта немедленно оживилась. Поделилась злорадной идеей: мол, не просто так Алафрида Хундиловна ноги сделала, сокровища побросав. Перепугалась, дура, ничтожного Буратино. Иное дело она, Рагнасвинта...

Вредный Коршунов предложил, коли так, извлечь уродца на свет Божий: к чему его прятать, если Рагнасвинта столь бесстрашна?

Предложение было мягко отвергнуто. И внесено встречное: не позавтракать ли папашиним поросенком? Если, разумеется, поганый уродец не испортил пищу.

Коршунов уверил: с пищей все нормально. В доказательство откусил холодного мяса. Проголодался, черт! Ну, после такой ночи – неудивительно.

Ага! А Генка-то к спиртнику из НЗ прикладывался! Ну коли так, то и нам не грех.

Коршунов капнул чуть-чуть Рагнасвинте, себе – граммов пятьдесят, девушке водички добавил: поперхнется с непривычки. Чистый этанол – не местное трехградусное.

Всосалось. Поросенка сообща доели в момент. От дамы поступило предложение: навестить папашу Фретилу. Жестами было показано: у папаши добра – хоть попкой жуй. А у Аласеи – как?

Есть немного, заверил Аласея. На наш век хватит. А не хватит, так еще добудем.

Заявление было встречено с энтузиазмом. Ясно, Аласея добудет! Какие вопросы!

Леха почувствовал, что и без языка вполне вписался в местный менталитет. По крайней мере, на уровне этой славной девочки.

– К Фретилю! – провозгласил он, откидывая шкуру...

В следующий момент он стремительно ушел в сторону, попутно отшвырнув Рагнасвинту к дальней стене, а внушительное копьё с длинным и неприятно зазубренным наконечником вспорол воздух в четверти метра от его груди, с хрустом врубилось в стену за очагом и завибрировало. Сразу стало ясно, что тот, кто метнул копьё, делать это умеет.

Во дворе разговаривали. По-местному. В углу тихонько попискивала Рагнасвинта.

Алексей ни черта не понимал. Хотя что тут понимать? И так ясно. Вот копьё. И предназначено оно не спину чесать, а дырки в человеках делать. Так сказать, отверстия, не предусмотренные анатомией.

Судя по голосам, снаружи было не меньше дюжины человек.

Коршунов подхватил секиру, встал сбоку от входа. Кто сунется – сразу схлопочет. Мало не покажется. А вот наружу лезть – нежелательно. При таком явном численном перевесе.

Да, снаружи серьезная кодла. И пара голосов – вполне узнаваемые. Значит, местные. Значит, ситуации «мир, дружба, жвачка» – конец. Может, зря они с Генкой с девушками – это самое? Может, нарушили строгие местные законы? И где, кстати, Генка? Ну, если эти дикари командира обидели...

Коршунов почувствовал, как внутри поднимается ярость... А вот это неправильно. Спокойно, парень. Думай головой. Иначе без головы останешься.

Голоса снаружи зазвучали громче и пронзительнее. Потом раздался смачный звук плюхи. Если в рядах противника разброд, то это хорошо.

И тут снаружи потянуло горелым. А вот это нехорошо! Запалить эту соломенную хатку – плевое дело.

Коршунов покосился на Рагнасвинту...

Нет, на ее помощь рассчитывать бессмысленно. Перепугалась девочка до синевы. Точно дымом пахнет...

И тут Алексея осенило.

Он кинулся к спецкомплекту, выхватил сигнальную гранату, вырвал шнур и, мысленно перекрестившись, длинным прыжком, отбросив шкуры, вылетел из дома.

Сознание запечатлело картинку: с десятков местных, при оружии, очень решительных –

на подворье. Впереди Вутерих с Герменгельдом – в полном боевом прикиде. При щитах, с копьями наизготовку. За ними – Хундила с корешами. У одного в лапе – горящий факел, у другого – горшок с чем-то наверняка горячим. Во втором эшелон – еще с полдюжины. Мелькнуло подбитым глазом напряженное лицо Книвы...

Коршунов не думал, не оценивал положение – он просто метнул гранату под ноги Герменгельду. А сам тут же отпрыгнул в сторону и прижмурился.

Сигнальная граната – это, конечно, не светошумовая. Не «Заря» и не «Радуга», после которой публика начисто отрубается. Но – мало не покажется.

Полыхнуло, бабахнуло – чуть уши не лопнули. Вверх повалил желтый вонючий дым. Вутерих с Герменгельдом шарахнулись в стороны. Тот, кто держал факел, метнул его в Коршунова, но промахнулся. Тот, что держал горшок, уронил его себе на ногу и завопил. Тут же еще кто-то завопил... Но Алексей с крайним огорчением осознал, что граната произвела ничтожный эффект. Он-то ожидал, что дикие варвары тут же разбегутся...

Куда там! Герменгельд уже обходил дымовой столб, намереваясь испробовать на Коршунове остроту своего копья. Хотя рожа у мужика была несколько обалдевшая...

Алексей не дал ему закончить маневр: крутанул «хвост дракона», подсек опорную ногу – и бородач плюхнулся на задницу, наверняка крепко приложившись копчиком.

Коршунов ухватился за копьё Вутериха: тот (глаза мутные – от шока) потянул на себя, получил ногой по печени и сильно опечалился. Но копьё не отдал, поганец.

В следующий момент Коршунов понял, что переоценил свои силы.

Их было немного: человек восемь. Еще трое (в том числе – Книва) остались за кадром.

Они взяли Алексея в полукольцо, но нападать не торопились. Окружили, оттеснив к стене избы.

Теснили – это не совсем то слово. Коршунову было совсем не тесно, наоборот, довольно просторно. Непривычно просторно, поскольку у его противников были копья и они, соответственно, держали именно ту дистанцию, на которой удобно работать копьем. То есть вдвое больше той, которую обычно держат рукопашники. Так что Алексею на оставленном ему пространстве было достаточно просторно, и его противники тоже не жались плечом к плечу. Но тем не менее Коршунова именно оттеснили, и он даже не пытался вырваться из кольца, инстинктивно понимая, что окажется в досягаемости железных наконечников куда раньше, чем те, кто их держит, станут досягаемы для его безоружной атаки.

Тем не менее его противники не торопились. Осторожничали. Видимо, полагали, что у Коршунова в загашнике еще какой-нибудь сюрприз.

В другой ситуации Коршунов их бы сильно зауважал. Напасть на бога, да еще после того, как тот «явил гром»... Но сейчас Алексею было не до уважения. Глядя на украшенные стальными и бронзовыми заклепками щиты, на хищные наконечники копий, он очень четко осознал, что перед ним уже не трудолюбивые, хитроватые и немного простодушные земледельцы, а воины. И поняв это, Алексей как-то особенно остро ощутил непрочную тонкость своей рубахи...

Коршунов лихорадочно прикидывал, что можно сделать, но выхода не было. Кинься на одного – остальные тут же взденут на копья. Преимущество в скорости, навыки рукопашной сводились на нет боевым оружием и численным превосходством.

Они казались очень похожими. Кожаные круглые шапки с железными нашивками, заросшие волосом лица, прищуренные глаза – над кромками здоровенных щитов. В какой-то миг он перестал ощущать живых людей за этими щитами, иссеченными в неведомых прошлых боях... В них чувствовалась безликая сила, абсолютно неуязвимая для безоружного человека. Непокколебимая незыблемая опора для треугольных, отточенных по краям наконечников копий, которым достаточно лишь легонько скользнуть вдоль шеи...

«Ну что ж, – подумал Коршунов. – Умирать – так с музыкой! После ночи с потрясающей девочкой, в настоящем мужском бою... Только хорошо бы сразу. А то проткнут живот...»

Мысль о том, как тридцать сантиметров острого железа погружаются во внутренности,

не взбодрила. Но Алексей успел изгнать ее раньше, чем она обросла страхом и слабостью.

Коршунов сделал совсем маленький шагок вправо. И крайний справа тоже самую малость подался назад. Зато остальные приблизились. Ровно на столько же. Они очень четко чувствовали дистанцию. И словно поддерживали некое хрупкое равновесие. Если Алексей покажет, что отступает, а сам сделает бросок... Ничего не выйдет. Не успеть...

Свирепый, леденящий кровь рев ударил его по ушам почти с той же силой, что и взрыв гранаты.

От этого чудовищного звука его противники как будто просели... Как проседает упруго натянутая резина проколотой камеры. Щиты опустились, копья поникли. Но Коршунов не воспользовался этим для атаки, потому что и его собственные мускулы внезапно обратились в теплое желе. Только на одно мгновение, но этого мгновения было бы достаточно, чтобы проделать в этом желе дюжину дырок. Но никто не стал тыкать в Коршунова железом. О нем словно забыли. Недавние противники отвернулись от Алексея и глядели теперь на того, кто обрушил на них нечеловеческой силы звук. И Коршунов тоже разжал кулаки и уставился на кричавшего...

Представьте себе байкера. Откуда-нибудь из Айдахо. Который всю жизнь гонял на «Харлее», жрал пиво и бил морды в кабаках. Два метра ростом, брюхо – с пивной бочонок, рыжая борода – веником, прикид, ухватки...

Коршунов настолько обалдел, что даже не сразу заметил, что за «байкером» маячит кузнец Травстила, а за кузнецом – очень озабоченный Черепанов. Живой.

При виде командира у Коршунова сразу отлегло от сердца. Ну раз командир здесь, значит, все будет в порядке!

«Байкер» неторопливо двинулся по дороге, миновал ворота (местные поспешно убрались с его пути), приблизился к Алексею. Отпихнул ногой сочащиеся дымом останки гранаты. Остановился. Бесцеремонно оглядел Алексея. Ражий наглый детина. Вид зверообразный и абсолютно асоциальный. На широкой, изукрашенной синими узорами морде – волосатая пасть, мясистый красный нос и кустистые брови, под которыми спрятались маленькие хитрые глазки.

Вокруг ощутимо сгустилась тишина. Коршунов услышал, как в избе всхлипывает Рагнасвинта.

Лапы у «байкера» были волосатые, в синих узорах татуировок. На правой костяшки сбиты – видать, недавно кому-то в пятак заехал. Подошел, навис над Алексеем. Весь в коже, заклепках и побрякушках, металлических, костяных, деревянных. С бизоньей шеи свешивается обильная коллекция клыков и когтей, а поверх всего, на кожаном ремешке, – здоровенный серебряный серп. Еще бы молот – и вылитый символ бывшего СССР.

Детина постоял немного, с носка на пятку перекачиваясь, потом хмыкнул в бородачу и нацелился кулачищем – Лехе в живот. Коршунов перехватил. Удержал не без труда. У нормального мужика нога тоньше, чем рука у этого дяди. Померились немного: кто сильнее. Сильней явно был «байкер», но он же и уступил. Отошел на шаг.

Тут вперед протолкался Черепанов, встал рядом.

«Байкер» проворчал что-то одобрительное. Хлопнул Геннадия по спине: аж гул пошел. Черепанов даже не качнулся. Борец, блин. Подмигнул Лехе и сам, точно так же, смачно приложил ладонью «байкеру» между лопаток. Тот крикнул. Похоже, удивился. Среди местных возникло некоторое движение и ропот. Но детина на них небрежно, через плечо рыкнул – и тишина.

В этой тишине детина опять подал голос: рывкнул нечто одобрительное, на Коршунова с Черепановым показал, потом повернулся и вразвалочку двинулся прочь. По дороге Травстилу с собой прихватил.

И как будто барьер рухнул. Вражда ушла. Местные смущенно заулыбались. Книва подошел. Его оттеснил Фретила, поспевший аккурат к шапочному разбору. Про дочь спросил.

– Рагнасвинта! – окликнул Коршунов.

Она тут же появилась. Синий вкладыш от спальника – вместо плаща. Надменно сообщила папаше: Аласейя подарил. Книва захихикал... И моментально схлопотал по заливке.

Смущенный Хундила что-то толковал Черепанову. Извинялся. В гости приглашал: показывал знаками, что готов проставиться. За обиду, значит.

Народ понемногу расходился.

Рагнасвинта вилась вокруг Коршунова, на своих поглядывала высокомерно, на Алексея – подобострастно. Ластилась, как котенок. Фретила на дочь взирал с одобрением, Книва скалился.

– Ты где был? – спросил Коршунов.

– К Травстиле ходил, – ответил командир. – Насчет оружия пообщаться.

– И как?

– Нормально. Что у тебя здесь стряслось?

– А хрен их знает, чего они вдруг взъелись. – Коршунов пожал плечами. – Рассосалось, и ладно.

– Ну уж нет, – возразил командир. – Это надо выяснить. Чтобы впредь – без таких эксцессов. Если бы мы не подоспели – испортили бы тебе организм. Необратимо.

– Это точно, – согласился Коршунов. – А что это за мужик такой – с серпом и банданой?

– Главный жрец. Архиепископ местный. Овидой зовут. Его Травстила вызвал. Как я понимаю: нас с тобой протестировать.

– И каковы результаты?

– Сам видишь. Все путем.

– А если бы этот Овида нас не одобрил?

– А ты угадай! – Командир усмехнулся. – Ладно, проехали. Таможня дала добро. Он у них – высший арбитражный судья по религиозным вопросам.

– Значит, теперь мы с тобой – официально зарегистрированные боги? – спросил Коршунов.

– Не думаю. С богами так фамильярно не обращаются. Но, может, это и к лучшему. Лучше быть простыми авторитетными парнями, чем липовыми божествами. Тем более, мы теперь с местными вроде как родня. – Черепанов подмигнул Коршунову. – Как ночь прошла, по кайфу?

– Не то слово! – Алексей расцвел улыбкой. – А у тебя?

– Аналогично. Девочка меня навсегда запомнит, отвечаю.

– Угу. Интересно только, почему она смылась, даже золотишка своего не прихватив?

Черепанов нахмурился:

– Да? Это новость. Впрочем, ладно. И это выясним. Вот сейчас пойдем к Хундилье пиво пить – и выясним. Книва, спроси у аттилы Фретины, он к Хундилье дринковать идет?

Книва-толмач осведомился. Его папаша с важностью кивнул.

Черепанов поглядел на Алексея:

– Давай, Леха, иди приведи себя в порядок, и двинулись. Что-то я проголодался.

– Пошли...

На полпути Коршунов вдруг сказал:

– А я гранату сигнальную рванул.

– Да, – кивнул подполковник. – Я слышал.

– Нет, ты не понял. Я эту гранату им прямо под ноги кинул, Герменгельду с Вутерихом.

– Ну и что?

– В том-то и дело, что ничего! Я бы на их месте полные штаны наложил, а этим – как с куста. Ну, оглушило чуток. Ей-богу, ты бы больше испугался!

– Вот это вряд ли, – сказал Черепанов. – Только с чего ты взял, что они должны были в штаны наложить?

– Ну, сам подумай: с их точки зрения, это – волшебство. Вроде огнедышащего дракона. Ну вот я сам сколько раз читал: какой-нибудь мужик закурит при дикарях – и те сразу на

колени. Сверхчеловек, блин! Огнем дышит! А тут – ноль эмоций. Не укладывается у меня в голове такое, не понимаю.

– А придется,– усмехнулся Черепанов.– Поскольку – голый факт. И насчет сигарет... Ты, Леха, в какой такой литературе это читал? Что-то я не припомню...

– Ну... – Коршунов напряг память, вспомнил: – «Янки при дворе короля Артура»!

– А еще?

Алексей вторично напряг извилины, выдал еще название:

– «Потомки скифов»! В детстве читал. Там, кстати, похожие мужики описаны. Даже серьезнее. Так те скифы сначала собаки испугались, потом курения...

Черепанов ухмыльнулся еще шире.

– Крутые у тебя источники информации,– заметил он.– Настоящие монографии по этнографии. Фантастика – она и есть фантастика. Тем более, тех времен: от писателей, которые писали про кабинетных ученых. В пенсне. Которым только трубкой попыхивать и умные слова говорить, поскольку больше ничего и не могут. Вот и приходится писателю изгаляться: табачным дымом дикарей пугать. Индиана Джонс – и тот авторитетней выглядит. Могу тебе точно сказать: реального дикаря сигареткой пугать – все равно что отморозка-ваххабита – фотографией летающей тарелки. Можешь мне поверить, я этих дикарей...

Тут подполковник осекся и закрыл, даже можно сказать, захлопнул рот.

Коршунову очень хотелось поинтересоваться, где это Генка успел пообщаться с дикарями, но он понимал, что бесполезно. Ничего командир не скажет. Поэтому он спросил о другом:

– И все-таки, Генка, объясни мне, темному, почему наши дикари моей гранаты не испугались? Я бы, например, точно испугался, если бы, скажем, из-за вон того холма огнедышащий дракон выскочил.

– Неверная ассоциация! – сказал Черепанов.– На дракона бы ты, в нормальных условиях, скажем на Дворцовой площади, вообще не среагировал бы. Решил бы, что голография какая-нибудь. А вот встретить ты в лесу тигра уссурийского... Ты ведь раньше на воле тигров не встречал?

– Не доводилось,– осторожно ответил Коршунов.

– Ну вот. Идеальный случай. Тигра ты в природе не встречал. Но как он выглядит, слышал. Даже видел. Так что элемент неожиданности есть, но несколько смягчен. Особенно если ты перед этим тигрины следы видел и в принципе допускаешь, что можешь его встретить. И встречаешь. Конечно, можешь в этой ситуации и в штаны наложить. Было дело, накладывали. Но, судя по моему собственному опыту и исходя из заключения психологов, которые тебя к полету допустили, твое поведение должно быть иным. Особенно если у тебя, скажем, карабин имеется. Что ты сделаешь, а?

– Хм... Тигр – животное серьезное,– признал Коршунов.– Не думаю, что я пойду на конфликт. Попытаюсь разойтись мирно.

– А если не выйдет?

– Буду стрелять. А куда деться?

– Вот именно. Улавливаешь связь?

– Не очень...

– Эх ты! Кабинетный ученый! – Черепанов засмеялся.– Ты со своей гранатой – вроде того тигра. Ты прикинь местный менталитет. Для них всякое волшебство-колдовство – не экзотика и статьи в желтой прессе. Для них это жизненная реальность. И они к этой реальности подготовлены. Даже лучше, чем ты – к появлению тигра. У них на эту тему отлично проработанные инструкции. И тщательно разработанные законы. Вот они как раз появлению дракона не удивятся и даже не сочтут его галлюцинацией или, тем более, голографией. Они для начала попытаются этого дракона классифицировать, а потом будут совершенно точно знать, как себя вести. Если компетентные местные специалисты говорят, что при появлении такого дракона следует наложить в штаны – наложат. Если в инструкции

сказано, что дракона следует порадовать девственницей – найдут девственницу. А если – копьем в глаз, значит – копьем в глаз. Улавливаешь ассоциацию?

– Все еще не совсем, – признался Коршунов.

– А я вот понемногу начал разбираться, – сказал Черепанов.

– Ну и?..

– Я это, понимаешь, допер, когда сегодня с Травстилой толковал. Который поначалу не знал, как со мной разговаривать... Как бы это сказать... В общем, статуса моего не знал. И ему это мешало. Хотя ему как раз намного меньше, чем прочим. А потом архиепископ местный ему пару слов сказал – и все на места встало. У меня знакомый был, опер. В серьезных чинах, но с юмором. Так он развлекаться любил. Зайдет в какой-нибудь отдел, где его не знают, сядет в уголке и сидит, присматривается. К нему, естественно, тоже присматриваются: что за мужик? А он внешне неприметный. Росту среднего, лицо обычное... Типичное даже. Так вот, к нему сначала присматриваются, потом беспокоиться начинают: непонятный мужик. Поведение нехарактерное. Кончалось обычно тем, что кто-нибудь поактивней все же интересовался насчет документов... Ну это уже отдельная история. Суть не в том. Суть в том, что, когда мой знакомый в конце концов удостоверение предъявлял, где четко написано: кто, что, должность, звание, – сразу все успокаивались. Вот и мы отчасти, как тот опер. И статус наш неясен был. До сих пор. А потом пришел специалист, изучил наши документы и верительные грамоты... Уж как он это сделал, не знаю, но, должно быть, есть у них свои методики богов от прочих отличать. В общем, Овида этот нас идентифицировал и выдал соответствующую информацию остальным согражданам. То есть тому же Травстиле сказал пару слов, пальцами что-то показал – и все прояснилось. И Травстиле сразу стало проще со мной общаться, а мне, соответственно, с ним. И с тобой вышло точно так же. Поглядел, оценил, выдал резюме: не дракон это, братцы, а нормальный травоядный динозавр. В хозяйстве пригодится. И все. Нет конфликта. Как, логично?

– Более-менее. Особенно мне насчет девственниц понравилось.

Оба расхохотались, очень довольные друг другом. Жизнь была прекрасна и удивительна. А впереди ждало много разнообразных сюрпризов. Сюрпризов. Разнообразных. М-да...

Глава тридцать шестая Книва. Пир у Хундилы

Алафрида – дура. Коза наша и то умнее. В роду Хундилы все такие. Кроме Ханалы. Но Ханала тоже от старости из ума выжил. Поверить, что Гееннах, сам Гееннах, который в кузне у огня сидел да не только с Травстилой – с самим Овидой-жрецом умные речи вел, чтоб сам Каумантиир Гееннах – в квеманского болотного духа перекинулся! Даже глупой козе известно, как болотные духи огня боятся. Хороши, одним словом. Прибежала дурная девка, завопила – они и поверили. Всполошились, кинулись – как на рать. Немудрено, что разгневался Аласейя. Огнем и дымом ярость свою явил. Да так, что перепугал всех мало не до смерти. Поняли: сейчас разметает-разорвет всех Аласейя. И разорвал бы, да Овида вовремя подоспел. Закричал по-особому, тем голосом, которым к богам обращается. Не внял Аласейя, потому что не бог он, а великий герой. Но ярость поумерил. И умалился гнев Аласейи, потому что и богов умеет смирять Овида, и зверей диких. Вот и с героями небесными Овида – в равных. А Аласейя, небесный герой, Книве теперь – родич. И Сигисбарну. Сигисбарн уже сказал Фретилю-отцу: когда поедет небесный герой Аласейя к Одохару в бург – славы искать, Сигисбарн тоже поедет. Негоже родичу небесного героя в земле ковыряться.

Отец Сигисбарна обругал. А зря. Может, теперь и вовсе на земле работать не надо будет. Аласейя Рагнасвинте рассказывал: повинуются ему духи земные, водные и небесные. Квеманский болотный дух, что лихорадкой людей губит, у Аласейи на посылках. А скучно становится Аласейе – он духа бить начинает и тем от скуки спасается. Вот у Травстилы в кузне огненные духи трудятся: металлу крепость дают. Почему бы Аласейе земным духам не

дать повеление, чтоб землю рыхлили?

«Хэй, Аласей! – говорит Книва.– Подожди пить! Скажи, велишь ли духам земным землю рыхлить или зазорно тебе такое?»

Улыбается Аласей. Книва ему говорит, а он не слушает. Пиво пьет. Чашей о чашу Овиды стучит. Должно, у них на небе обычай такой: на пиру грохоту щитов подражать. Эх, какой теперь родич у Книвы! Довольно только поглядеть, как он пиво пьет. Сигисбарн... Да что Сигисбарн, сам старший брат Книвы Агилмунд, что у Одохара в любимых десятниках ходит, – и половины того пива не выпьет, что Аласей в нутро пенным потоком льет. Четверть выпьет – и упадет. А Аласей только смеется и чашей о чашу Овиды стучит. А Гееннах меньше пьет. И утреннего дара Алафриде не дал Каумантиир Гееннах. Но роду Хундила в том обиды нет. С этим и сам Хундила согласен. Кто таков Хундила? А Гееннах Каумантиир – ого-го!

Но Аласей пиво пьет лучше Гееннах. И от гнева его земля горит и дымом исходит. Книва толкает нового родича:

– Слушай, Аласей, а ты не можешь опять в гнев прийти? Чтоб гром гремел и дым из земли шел? Страсть как я грохот люблю, Аласей! И когда огонь из земли, и дым!

Улыбается Аласей. Не хочет ярость будить. Хорошо ему. А Книве вдруг плохо стало. Желудок к горлу подскочил. И Книва тоже подскочил, выбежал из избы – и сразу пополам согнулся.

Полегчало немного. Выпрямился Книва. Услышал рядом похожие звуки. Кого-то тоже выворачивало.

Шевельнулась шкура у входа. Овида появился. Сошел степенно к плетню, шнурок развязал, помочился. Постоял немного. Потом обратно пошел. После Овиды Гееннах вышел. Вместе с Алафридой. Алафрида теперь – его тиви. Так вокруг и вьется. Гееннах за ворота вышел – струю пустил. И Алафрида рядом присела, пожурчала. И тут же на Гееннахе повисла, к берегу его потянула, где за кустами полянка с мягкой травой. Книве любопытно стало: как у небесных героев это дело происходит? Что они такое делают, что даже зловредная Рагнасвинта мягкой да пушистой сделалась, словно беличья шкурка.

Не утерпел Книва, прокрался тихонечко, за кустами присел. Ничего не видать, зато слышно все. Слышно, как Гееннах зачем-то всю одежду снял. И с Алафриды тоже. Потом пошуршали немного – и Алафрида кричать начала. Сначала тихонько, потом громче, громче...

Мать Книвы тоже, бывает, кричит, когда отец с ней возляжет. И Вутерих говорил: жена его брата, Герменгельда, шибко кричит. Но Вутерих и соврать может. Он Сигисбарну хвастался, что и сам с женой брата баловался. Только вранье это. Герменгельд за такое Вутериху бы все мужество оторвал.

А Алафрида все кричала и кричала. Потом заохала и засмеялась, счастливая. И принялась рассказывать Гееннаху, как ей хорошо было. А Гееннах ей что-то по-своему говорил ласково. А потом они опять говорить перестали. И снова кричала и стонала Алафрида, словно выпь болотная. И скучно стало Книве это слушать. И завидно немного. И подумал Книва, что, когда мужское посвящение примет, непременно попросит Аласейю его, Книву, небесным забавам научить.

Глава тридцать седьмая Алексей Коршунов. Звезды и огни

Посреди ночи Алексей проснулся. Хотелось пить. Вокруг была темнота. Насыщенная, плотная. Воняло шкурами. Чесалась искусанная блохами кожа.

Да, для этого стоило жить. Вгрызаться в науку. Защищать диссертацию. Оказаться отобранным среди множества претендентов. Пройти безумно трудную подготовку. Полететь в космос. Зачем? Чтобы проснуться в дымной темной избе в компании блох?

Сон пропал. Коршунов лежал, думал.

Из головы не шла проклятая римская монета.

«Клавдий-Кесарь-Август-Император-шестой». Где же мы, черт возьми? Где, черт возьми, то Приднестровье, которое тут было? Или будет? Рим – есть. Бизоны – есть. И Китайская стена... Немецкие, английские, русские слова в речи аборигенов. «Байкер» Овида. Невозможно низкий радиационный фон, будь он неладен... И эти чертовы радиосигналы... В мире, в котором электричества в принципе быть не может. И в который эта самая монета отлично укладывается...

«А что ты хотел? – сказал себе Алексей. – Серебряный доллар обнаружить? Или царский червонец?»

Да, именно так. Именно этого он и хотел. Вот если бы в дикарском монисте обнаружился доллар или червонец, все бы встало на свои места. На те места, на которые желало бы поставить факты коршуновское бессознательное. Есть в мире заповедные уголки, куда не проникла настоящая цивилизация, конечно, есть. (Заповедный уголок – в Приднестровье? Гм...) Но *присутствие* цивилизации, наличие хоть какой-нибудь Великой державы должно ощущаться. В виде жестянки из-под пива. В виде серебряного доллара. Присутствие Великой державы в дикарском поселке, затерянном в джунглях Амазонки. Рано или поздно оно должно было проявиться: коршуновское нутро чувствовало это. И ждало. И проявилось. Присутствие. Великой державы. Только не *той*. А бессознательное все цепляется, генерирует ощущение того, что все подстроено. Что вокруг декорации, не более. Ткни посильнее – и они рассыплются. А тут – объективная и вполне ожидаемая реальность. Но не та, которую хочется принять.

Очень знакомое состояние, черт подери! Помнится, был у Алексея приятель, коллега по работе. Жена у приятеля ушла. И до этого жили вроде нормально. А тут собрала вещички – и ушла. К какому-то бухгалтеру. И приятель, тоже физик с конкретным логическим мышлением, все никак этого в толк взять не мог. Рассказывал: «Вечером прихожу домой, дверь открываю – и удивляюсь, почему ее нет. В постели лежу, руку протягиваю... Ее нет. Все понимаю: знаю, что ушла, знаю к кому... А *осознать* не могу!» И так его это мучило... Не принимала душа голых фактов. Все логично, все понятно... Умом. А все равно не верилось. Вот так, должно быть, «крыша» и съезжает. Не когда факты в концепцию не укладываются, а когда факты как раз *укладываются*, а вот сама концепция – нет.

Алексея в детстве картинка одна очень занимала. Средневековая гравюра. «Монах, дошедший до края света» называлась. Там монах был изображен. Стоит на четвереньках, перед ним небо со звездами. А в небе дыра продрана, как в ткани. И монах в ту дыру смотрит. И видит механику мира. Круги светил, эпициклы Птолемея. Как в часах. А за спиной монаха Божий мир: реки, города.

Алексей тогда голову ломал, представить себе пытался, что этот монах чувствует. И как дальше жить будет? С тем, что увидел...

Еще он думал: вот наступит двухтысячный год: роботы, звездолеты фотонные и все прочее.

А мог ли он помыслить, что будет вот так вот в грязной избе валяться? И испытывать то, что тот монах с гравюры испытывать был должен, заглядывая в дырку в полотне мироздания...

Алексей понял, что уснуть ему точно не удастся, сел на лавке. Вот те на! А командира-то нет. Небось с Алафридой своей миловаться отправился.

А что? Это идея. Нет лучшего средства, чтобы примириться с действительностью, чем женщина. Обнаженная и желанная. Твоя.

Коршунов быстренько натянул штаны, обулся.

Со стороны поселка доносился приглушенный собачий брех.

«Надо будет палку взять», – подумал Алексей.

Со здешними хундсами у него складывались сложные отношения. Если без дубья. С дубьем же – просто замечательные. Дружба навеки. А вот к Черепанову, хоть с дубьем, хоть без хундсы неизменно почтение проявляли. Было что-то такое в Генке, от чего даже здешние хундсы застенчивыми становились...

Командир никуда не ушел. Стоял возле плетня. Алексей подошел к нему, встал рядом.

– Тихо, – сказал Геннадий. – Как тут тихо.

Словно в ответ ему в одном из дворов снова залаяла собака. Тотчас ей с готовностью ответила еще одна. И с подворья Хундилы послышался лай.

– Чего это они? – спросил Алексей.

– Переключку ведут, – хмыкнул командир.

Коршунов поглядел на небо. То самое, с которого они пришли. В городе звезды почти не видны. Загазованность мешает плюс освещение. А тут – пожалуйста. Небо над тобой, звезды и тишина вокруг.

И вдруг...

У Коршунова даже дыхание перехватило. Схватил Черепанова за плечо:

– Генка, гляди! Вон там!

По небу, беззвучно пересекая созвездия, двигался огонек. Для метеора слишком медленно. И не гас...

Внутри все сжалось...

– Генка! Самолет!

Черепанов посмотрел. И сказал тихо так, мягко:

– Нет, Алеша, это не самолет. Это наш с тобой «Союз». Вошел в плотные слои. Ему как раз самое время. Вот ведь повезло увидеть...

Они стояли и смотрели на огненную смерть того, что связывало их с ТЕМ миром. ИХ корабль.

Огонек пересек небосклон и скрылся за горизонтом. Навсегда.

Глава тридцать восьмая Алексей Коршунов. Набег

– Ты не дергайся, Леха. Все идет как надо, – сказал Черепанов. – Вникай. Исследуй. Адаптируйся. Человек, он везде выжить может. А мы с тобой – тем более. Помнишь, о чем вчера говорили? Последовательно. Без торопливости. Врастаем в общество. Обзаводимся связями и навыками. Завоевываем авторитет. Сначала – здесь, потом – на следующем уровне. И так далее. Принимаем реальность как она есть. Это главное. Не пинать реку, а выбрать ту струю, которая понесет нас в нужном направлении. Не обязательно к тому источнику сигналов. Это – дальняя цель. Сначала следует поразить те, что ближе. Поэтапно. Действовать, только когда все продумано и просчитано. Ты же физик, Леха, ты понимаешь. Эксперимент не ставят наобум.

– Вообще-то, по-всякому бывает...

– Нет. Если риск велик, то без методики ничего у тебя не выйдет. Чтобы наобум и в точку, надо опыт иметь и рефлексy.

– Но бывают ситуации... Вроде той, когда твоя Алафрида на Буратино наткнулась.

– Типичный случай непонимания, – кивнул Черепанов.

– Угу. Как бы, интересно, ты сам себя вел, подполковник, когда тебе в брюхо копье вогнать норовят? – осведомился Алексей.

– Остро бы реагировал. Активно. На явную агрессию только так и следует реагировать, Леха. Еще большей агрессией. Опережающей. Сокрушительной. Ты, вообще-то, неплохо действовал, но вяло.

– Ничего себе вяло! – возмутился Коршунов.

– Вяло, вяло! Следовало не одну гранату кидать, а две, три. И термитную шашку. И нападать сразу, пока не опомнились. Они же тебя и так боялись, Леха...

– Что-то я не заметил...

– Боялись-боялись, иначе не напали бы. А ты должен был их страх на другой уровень перевести, в панику превратить. Это не спортивный зал, Леха. Это – жизнь. Причем твоя. Тут воздействие не дозируют, броски не страхуют, а кидают так, чтобы сразу всей спиной – о землю. А еще лучше – на камень, чтоб хребет хрустнул.

– Не привык я так,– произнес Коршунов.– Чтобы хребет. Нос сломать или ребро – другое дело. А так...

– Только так, Леха. Иначе – пропадешь. В тот раз тебя Овида выручил, в следующий, может, некому будет выручать. Ничего, не расстраивайся.– Командир хлопнул Алексея по спине.– Надо будет – привыкнешь. Считай, что это часть твоей адаптации к местным условиям. Тем более если мы в полководцы метим. Ты меня слушай, Леха, и на ус мотай. Я ведь тебя не кристаллографии учу, в которой ты лучше меня разбираешься, а тому, что на собственной шкуре почувствовал. Так что – слушай и запоминай. Пригодится.

– Да слушаю я, слушаю,– проворчал Коршунов, даже не подозревая, что пройдет не так уж много времени – и он будет по крупницам извлекать из памяти все, что успел ему наговорить командир за эти шесть дней.– Ты, Генка, мне лучше расскажи, о чем вы с Травстилой сегодня толковали?

– О! Травстила! – О кузнеце Геннадий мог говорить долго.– Толковали мы, брат, о том, что... – Внезапно он оборвал речь на полуслове.

Потому что собачий лай, тот, что доносился с ближайшего двора, вдруг так же резко оборвался визгом и скулежом.

Про общество охраны животных тут слухом не слыхивали. Пинок или палка – основные средства общения. Надо признать, что здоровенные псы этот «язык жестов» понимали безукоризненно.

Теперь зашлись яростным лаем сразу несколько псов. На берегу, что ли?

– Это там.– Командир показал рукой туда, где в просвете между кустами виден был участок реки.– Что-то они разволновались.

В свете луны видно было, как по реке движутся какие-то пятна.

– Кто это, интересно?

– Не разобрать отсюда. Вроде уток. Нет, побольше будут. Птицы какие-то водоплавающие.

– Может, бобры?

Командир поглядел на Алексея, как на слабоумного:

– Ты бобров-то когда-нибудь видел?

– Только в зоопарке. А ты что, видел?

– Доводилось. В таких местах они не живут.

– Все равно охота тут знатная,– заметил Алексей.– Дичь прямо перед домом дефилирует. Ладно, хрен с ними.

Темные пятна на реке исчезли из поля зрения.

– Пошли в дом,– поежился Алексей.– Холодно что-то.

– погоди,– незнакомым, неприятным голосом проговорил Черепанов.

С того двора, где взвизгнула собака, вдруг донесся яростный вопль, почти рев. И в тон ему низко и утробно завизжала женщина. Это там, где мы секирой одалживались, сообразил Алексей.

– Генка...

– Молчи! – Пальцы Черепанова впились в Лехино плечо.

– Да ладно тебе. Семейные разборки...

– Не думаю.

Алексей кожей ощутил напряжение, исходящее от командира.

Еще крик. На этот раз с другого двора. И вой, послышавшийся сразу из многих мест.

– Ч-черт! Марш туда! – Командир толкнул Коршунова к навесу и кинулся в избу.

– Ты куда? – крикнул Геннадий, и тут до него доперло.

Он мотнулся к навесу, затаился. Из избы раздался грохот. Черепанов своротил что-то в темноте. Вот он выскочил, упал на землю рядом с Алексеем. Сунул ему в руку тесак.

Вой встал над селом. Яростные крики мужчин, пронзительные вопли женщин...

– Генка! – Алексей дернулся: бежать, помочь...

– Лежать,– просипел Черепанов, прижимая его к земле.

Посреди двора вдруг возник черный силуэт. Без лица. Нет, с лицом. Черным.

Черный замер на миг, перед входом избу, прислушиваясь. Потом вдруг издал короткий, горловой вой и тут же метнулся в сторону, замер сбоку от входа. Отвел руку, изготовившись для удара.

«Вот пес! – подумал Коршунов. – Думает, сейчас выскочат и...»

И сработало бы. Он, Алексей, точно выскочил бы...

Тут он обнаружил, что командира рядом нет. И сразу за спиной изготовившегося убийцы поднялась широкая тень.

Противный хрустящий звук. Чужой осел на землю, командир перехватил копье... Вовремя. За плетнем послышался топот, мелькнул огонь, и во двор ворвалась целая толпа. По крайней мере так поначалу показалось Алексею. Все – чужие, черные с ног до головы, с оружием.

Один с ходу швырнул факел на крышу сарая.

Остальные кучей кинулись на Черепанова. Алексей вскочил, бросился на помощь, но перед ним вырос из темноты еще один, двигавшийся быстро и упруго, как кошка. Удар был стремительным. И почти точным. Копье пропороло рукав, оцарапав руку. Алексей махнул тесаком – черный отпрыгнул, не подпуская к ближнему бою, сразу ударил снова, целя в живот. Коршунов успел перехватить копье за древко, рванул на себя. Черный не догадался или не успел выпустить оружие. Тесак, хрупнув, вошел ему в череп. Алексею показалось: рукоять сама рванулась из пальцев, но он удержал. Лезвие выскочило из раны, и черный повалился Коршунову под ноги.

Раньше Леха никогда никого не убивал. Но сейчас не почувствовал ровно ничего. Не до того было. Коршунов быстро развернулся: как там командир?

В отблеске пожара – солома на крыше сарая уже занялась – увидел. На Генку, мешая друг другу, наседали сразу четверо, черные с ног до головы, в сполохах пламени – как черти в аду. Они бьют и колют, а Черепанов уворачивается (без копья, копье куда-то подевалось) и приседает, уходя от ударов и пытаясь выстроить противников в линию.

Алексей в три прыжка подскочил к дерущимся, с ходу всадил копье в чью-то спину. Попал во что-то твердое: противника швырнуло вперед, копье застряло. Другой чужак ударил Алексея сбоку, тупым концом копья – прямо в печеньку. У Коршунова от боли пресеклось дыхание, он выпустил трофейное копье, но устоял, даже отмахнулся тесаком: попал куда-то. Чужак завизжал, как свинья, и пропал, а на его месте возник другой, с секирой. Морда – как негатив: сама – черная, а волосы и борода – белые. Двумя руками вскинул секиру над головой... Алексей на рефлексе вцепился ему, с носка, туда, откуда ноги растут. «Негатив» уронил секиру, взвыл. Коршунов наискось полоснул его тесаком по черной шее – кровь брызнула как из порезанного шланга.

– Леха! Сзади! – хлестнул крик Черепанова.

Коршунов развернулся и увидел, что на него летит здоровенный детина в рогатом шлеме со щитом в одной руке и мечом – в другой.

Алексей еле успел уклониться от падающего клинка... Удар щита отшвырнул Коршунова в сторону, детина с ходу налетел на командира, но Черепанов как-то успел нырнуть вниз, под самый край поднятого щита... В следующее мгновение здоровяк оторвался от земли, перевернулся в воздухе и с маху воткнулся головой в землю. Что-то хрустнуло: может, рог на шлеме, но скорее всего – шея чужака.

Коршунов вскочил на ноги... Но драться больше было не с кем. По двору были разбросаны тела. Некоторые – еще живы. Но самое удивительное, что живы были они с Генкой. Скулу саднило. Алексей потрогал: кровь. Это – здоровый. Щитом.

У командира рубаха вспорота в десяти местах, окровавлена, но не похоже, чтобы кровь была его.

Черепанов наклонился, мазнул пальцем по черной физиономии одного из убитых.

– Так я и думал, – сказал он удовлетворенно. – Краска.

– Ни хрена себе! – пробормотал Коршунов, оглядывая поле боя. – Где это ты так

навострился, командир? Ты же летчик, а не командос!

– Всякое бывало, – уклончиво ответил Геннадий. – Ты как, не задели?

– Морду поцарапали... – Голос Алексея дрогнул.

Черепанов, выкручивающий меч из пальцев здоровяка – тот и мертвый оружие отдавать не хотел, – повернулся к Коршунову. Лицо у командира, в потеках крови, грязи, в отвесах пламени выглядело жутковато.

– Сам в норме, блевать не тянет? – медленно проговорил Черепанов.

– Да вроде нет, – пробормотал Коршунов, только-только начиная понимать, что изуродованные трупы вокруг – не кино и не муляж, а отчасти и его рук дело.

– Тогда марш в дом и вытащи наше барахло! – яростно рявкнул подполковник, и Алексей сорвался с места и кинулся в дом. Перекинется огонь с сарая – все сгорит, блин, к нехорошей матери. Когда он, выкинув последний тюк, кашляя от дыма, выбрался наружу, Черепанов бросил ему тяжелую куртень с железными нашивками, которую содрал со здоровяка. Скомандовал: – Надевай, живо!

– А ты?

– Надевай, мать твою! – и собственноручно натянул на голову Лехи сначала войлочный колпак, потом рогатый шлем. Коршунов даже успел удивиться: рога были настоящие, бычьи, но совсем легкие.

Над поселком стояло зарево. И маленькие огоньки прыгали у холма, где было деревянное укрепление.

– Село горит, – пробормотал Коршунов. На него вдруг накатила слабость и ощущение полной нереальности происходящего.

– На, жри! – Командир бесцеремонно запихнул в рот Алексею капсулу стимулятора.

Коршунов машинально проглотил, отметил, что пальцы Черепанова – в крови и грязи. Без всякой брезгливости отметил.

– Держи! – В руке Алексея оказался боевой топор на длинной рукояти, в другой – круглый щит с удобной скобой посередине.

Сам Черепанов вооружился копьем и мечом.

Сарай уже пылал по-настоящему. Шибало жаром.

– Вперед! – скомандовал Геннадий, и они побежали к поселку.

Глава тридцать девятая Алексей Коршунов. Ночная битва

Шлем сполз на затылок. Навешанное на Алексея оружие звенело и бряцало, и весило все это барахло побольше, чем стандартная «полная выкладка», но бежать было легко: подействовал стимулятор.

Ближайший дом пылал, как копна сена, озаряя обширный двор. Живых тут не было – только мертвые.

Из хлева доносилось отчаянное мычание. Его стены уже начали дымиться.

– За мной, не останавливайся! – крикнул командир, и они побежали дальше.

Геннадий перепрыгнул через что-то, Алексей запнулся. Поперек дороги ничком лежала женщина. На какой-то миг пробило: Рагнасвинта!

Нет, не она, другая. Рубаха убитой светлела в темноте. Чуть поодаль белело еще одно пятно: ребенок.

– Ар-р-ха! – страшным голосом зарычал кто-то неподалеку.

Коршунов вскинул голову и увидел, что командира уже не видно впереди. Но звать или искать Черепанова не стал. Рванул вперед и минутой позже, перепрыгнув через опрокинутый плетень, влетел во двор Фретилы.

Во дворе было светло как днем. Но дом, слава Богу, стоял. Горел соседний – Вутериха с Герменгельдом.

Дом Фретилы стоял, и Рагнасвинта почти наверняка была внутри. Квеманы же, четверо, – снаружи. А у дверного проема плечо к плечу орудовали копьями сам хозяин и

Сигисбарн.

Квеманы заседали. Орали, грохотали оружием. По двору носились ополоумевшие куры.

Коршунов быстро огляделся: не появился ли Генка? Командира не было. Может, свою Алафриду спасти побежал?

Ах ты...

Алексей увидел еще двоих чужаков. Один подставил спину, второй карабкался наверх, на крышу Фретиловой избы.

Внезапно в голове Алексея все как-то установилось и опустело. Это было знакомое чувство, сходное с тем, какое испытывает актер, когда поднимается занавес. Когда предстартовый мандраж куда-то уходит и остается только играть свою роль.

В несколько длинных прыжков Коршунов преодолел двор и с ходу рубанул верхом лезвия по толстой шее ближайшего чужака. С оттягом, будто сук отсекал. И на том же махе, петлей, снизу – по правой руке другого, наискось – и с каким-то кровожадным интересом увидел, как кисть руки с зажатым в ней древком отделилась от предплечья, в то время как рука, плечо, туловище чужака продолжали двигаться, нанося «удар».

Движение справа: Коршунов развернулся, увидел красный промельк железа сбоку, черную выпуклость щита прямо перед собой – и изо всех сил вlepил подошвой прямо в щит. Узкий лист копейного наконечника дернулся и поразил лишь воздух, а сам копейщик отлетел назад, споткнулся... И захрипел, когда другое копьё воткнулось ему в бок.

Сигисбарн мощным рывком выдернул оружие, выдохнул:

– О-о! Аласейя!

Коршунов увидел боковым зрением вынырнувшего из дверного проема Книву, замахивающегося копьем... на него?!

Копье, как чудовищный шмель, прогудело в дециметре от локтя Алексея. Глухой удар – Коршунов развернулся на сто восемьдесят – за его спиной сгибался пополам еще один чужак. Черная морда, вытаращенные белки, всклокоченная борода.

Чужак уронил топор, вцепился двумя руками в древко, разинул рот, выблевал на сапоги поток крови и повалился на бок.

Взгляд Коршунова заметался по сторонам в поисках новых врагов... И увидел, как двое чужаков удирают через плетень. Рядом возник Сигисбарн. С другой стороны – Фретила, дышащий надрывно, со всхлипом, как астматик. И Книва. Сосредоточенный, без всегдашней белозубой улыбки.

В дверном проеме (завеса из шкур висела клочьями) выглянула перепуганная мордочка: Рагнасвинта!

Увидела, рванулась к Алексею, но кто-то из своих сцапал ее и втянул обратно в дом.

– Квеман! – отрывисто, злобно, будто сплюнув, бросил Фретила. – Аласейя! Иди убивай квеман!

Коршунов понял. Трудно не понять.

В поселке горела половина домов. Вокруг холма, где стоял тын, мелькали огни. Видно, кто-то успел затвориться за стенами.

Горло першило от дыма.

– Аласейя! – полувластно-полужалобно выкрикнул Фретила. – Иди убивай квеман!

Коршунов быстро взглянул на него, показал знаком: ты остаешься. И бросился со двора.

Он мчался по улочке. Слева и справа от него, мягко, по-волчьи, бежали Книва и Сигисбарн. Мимо горящего дома Герменгельда (сам Герменгельд, с пропоротым животом, умирал в двадцати шагах от пожарища), мимо еще одного горящего дома, мимо поваленного плетня...

Нет, не мимо! Из дверного проема выскочил мужик с черной мордой – квеман!

Выскочил, замер на миг... Книва, хакнув, метнул копьё. Квеман присел – и копьё, пройдя над его головой, воткнулось в бревенчатую стену. Оно еще дрожало, когда

Сигисбарн, набежав, ударил врага щитом, опрокинув на землю, и тут же добил коротким колющим ударом сверху.

Из черного дверного проема, как чертик из шкатулки, выпрыгнул еще один квеман, в прыжке ловко метнул копье... Алексей успел выбросить вверх руку со щитом – руку тут же отбросило назад. Железное жало с треском прошибло щит, высунувшись на добрую пядь. Коршунов бросил отяжелевший щит, увидел, как квеман, как-то ухитрившийся сбить с ног Книву, замахивается топором, одновременно отшибая в сторону копье Сигисбарна...

Не думая, Алексей метнул секиру, целя квеману в живот. Секира ударила не острием, а обухом, и не в живот, а в пах. Квеман дико завизжал. Книва вскочил на ноги, ухватил квемана за бороду и полоснул ножом. Вопль тут же перешел в бульканье...

Книва выдернул свое копье из стены. Алексей подхватил с земли новый щит, свой топор, махнул рукой: дальше!

И они помчались дальше. И Коршунов вел их и ощущал, как внутри вскипает яростный восторг. Будто он и впрямь «герой, пришедший с неба», ангел мщения.

Еще одно подворье.

Здесь дрались. Гулко бухало железо, истошно ржала лошадь в горящей конюшне...

Втроем они с тыла обрушились на врагов. Секунд десять, не больше, – и еще четверо мертвяков с перепачканными черным рожам.

А их уже пятеро. Двое старых знакомцев из тех, что чуть не вздели Коршунова на копья во время недоразумения с Буратино.

Дальше, дальше...

Двое черномордых волокут из сарая визжащую девчонку. Увидели. Бросили девку, схватились за топоры...

Коршунов прыгнул первым, сблокировал руку с топором, ширнул копьем в брюхо.

Получи, фашист, гранату!

Второго прикончили мигом позже.

Следующий двор. Аж трое. Один, с копьем, теснит к стене мужика с ножиком, а двое других уже разложили на земле женщину.

Ну все! Брошенное копье с хрустом пробивает грудь. Второй квеман подскакивает, но путается в спущенных штанах. Третий поворачивает голову – и мужик успевает ухватиться за древко копья. Рывок – и квеман летит на землю.

Сигисбарн наступает на спину запутавшегося в штанах, хищно оскалившись, дробит обухом топора его локти, колени. Квеман страшно кричит. Женщина перекатывается на живот, встает на четвереньки, полуголая; одежда на ней изодрана в клочья. Сигисбарн вынимает нож и бросает женщине, кивает на орущего квемана: он твой.

Их уже шестеро. Они бегут от двора к двору. Мимо пожаров, мимо трупов. Они проходят поселок насквозь. Подворье Хундилы горит, и живых там уже не осталось. Их уже больше десятка. Но Черепанова нет.

А на холме идет бой.

Коршунов делает знак: тише. Теперь они двигаются очень быстро и почти бесшумно. Даже амуниция на Коршунове почему-то больше не гремит.

Вот он, холм. Вокруг – целая прорва квеманов: в темноте не посчитать сколько. В тын наверху воткнуто несколько факелов. Враги теснятся у входа. Там, где стены образуют щель. Внутри – рубка. Кто-то закидывает на стену аркан, пытается влезть, но соскальзывает.

Коршунов проводит рукой по отнятому у квемана щиту, потом по лицу. Теперь он почти такой же черный, как квеман. Показывает: делай, как я.

Его небольшой отряд повинуется. Теперь – вперед.

Они поднимаются к стенам. На них не обращают внимания: взгляды врагов сосредоточены на маленькой крепости.

Коршунов видит, кто стоит в проходе, не пуская квеманов внутрь. Травстила. Алексей испытывает мгновенное разочарование: он почему-то надеялся, что это Геннадий.

Травстила – в настоящей броне (еще бы – кузнец!). У него – щит и длинный меч.

Квеманы топчутся у щели. Никому не хочется лезть первым. Вот один сунулся... Кузнец ударил сверху. Без всякой хитрости, раз – и все. Щит треснул, кожаный шлем развалился. И череп. Травстила пихнул смельчака, тот упал, а кузнец – вот он, по-прежнему стоит меж двух бревенчатых стен. Живые ворота...

Тут Алексей перестал глазеть на Травстилу, потому что увидел вражеского вождя. На нем был рогатый шлем, вроде того, какой достался Коршунову. Но опознал его Алексей не по шлему, а по тому, что этот квеман явно распоряжался остальными. По его команде часть нападающих рассредоточилась, некоторые обогнули крепость...

Неглупая идея: напасть всем сразу с разных сторон.

«Убей вождя!» – посоветовал провокатор – внутренний голос.

Предложение Коршунову пришлось по вкусу. За последние четверть часа он обнаглел и почувствовал себя крутым воином.

– Сигисбарн! Вместе! Вперед! – выдал он, напрягши свои познания в местном языке.

Сын Фретилы кивнул, ослабилась. Мужества им не занимать.

– Ур-ра! – заревел Коршунов, и вся его кодла бросилась на квеманов, которых, как с некоторым запозданием сообразил Алексей, минимум раз в пять больше.

Тут их заметили. Но замешкались. Видно, сбил с толку коршуновский прикид, содранный с громилы, которому Черепанов шею сломал.

Дюжина с Коршуновым во главе ударила единым кулаком, но до вождя не достала. Квеманов было слишком много. Кулак увяз.

Тут бы им и конец, если бы не свои в крепости.

Алексей, яростно работающий оружием, краем глаза успел засечь выход Травстилы.

Кузнец покинул свой пост и словно маленький танк вломился в толпу черномордых. При известном навыке это было нетрудно, поскольку перед ним была именно толпа, а не строй. Квеманы дрались все вместе, но – поодиночке.

Следом за Травстилой из крепости повалили другие. Началась мясорубка. Причем – почти в полной темноте, потому что один из факелов упал, а второй практически догорел.

Коршунова прижали к стене. Но не одного. Справа от него по-прежнему дрался Сигисбарн, а слева – Книва. Это было страшное дело: биться в темноте неизвестно с кем, почти не видя врага – только мелькающие тени. Алексею крепко перепало (и не один раз), но выручал шлем и трофейная железная рубаха.

А потом все кончилось.

Квеманы бежали.

Наверное, решили, что с них хватит. Удрали как-то все разом: попрыгали в реку – и исчезли во мраке на том берегу.

Под радостные вопли победителей, под женский плач, под стоны раненых, в отблесках пожаров, Алексей метался по поселку. Он искал Геннадия. Искал и не мог найти. Кто-то его видел... Или не его. Разве в этой кутерьме разберешь?

– Аласей! – Книва ухватил Коршунова за рукав.

Рядом с Книвой стоял Вутерих. В грязных отрепьях, на голове – еще более грязная повязка, волосы склеились от засохшей крови.

– Гееннах! – Здоровой рукой Вутерих махнул в сторону реки.

– Не может быть! – Коршунов растерялся. Он как-то сразу поверил Вутериху, но не мог понять, для чего командиру понадобилось преследовать квеманов.

– Для чего... ты знаешь... – медленно подбирая местные слова, попытался составить вопрос Алексей.

И вдруг он услышал.

Это было далеко. За рекой. Может, километрах в пяти-шести. Отдаленный сухой звук выстрела. Очень характерный, не спутаешь. И еще один. И еще... И все. Тишина.

Алексей рванулся к берегу... И остановился. Это было бессмысленно. Одному в темноте...

Книва опять тронул его за рукав, произнес:

– Гееннах? Да? Там?

Коршунов кивнул.

Вутерих сказал что-то, Алексей не понял. Книва показал жестами: мол, не беспокойся: Гееннах – великий герой. Вутерих видел. Не одолеют квеманы Гееннаха. Утром вернется Гееннах. И мешок отрезанных голов принесет.

– Дай-то Бог... – пробормотал Алексей.

Утром Черепанов не вернулся. Зато выяснилось, что квеманы бежали не с пустыми руками: прихватили с собой с полдюжины пленников. Вернее, пленниц. Тогда, в темноте, никто из местных этого не заметил. Но, вероятно, заметил Черепанов. Иначе зачем бы его понесло на тот берег?

Алексею хотелось сесть на землю и завывать от тоски. Но он не мог. Он был герой. Об этом говорили в селе все, кто видел, как он дрался. И те, кто не видел, тоже говорили. Он был – герой. Герои не воют, герои сражаются. Коршунову очень хотелось собрать выживших и двинуться на тот берег. Но он не был уверен, что ему не откажут. Слишком мало осталось в селе способных держать оружие. Уведи он их – и некому будет защитить оставшихся, тех, кто держать оружие не способен.

Коршунов включился в общую работу: помогал раненым, гасил пожары, перетаскивал мертвых... Сознание как будто отключилось от чувств. Анализировало происходящее. Прикидывало будущее.

Очевидно, что Геннадия надо искать. Но одному идти нельзя. А вдвоем?

«Книву проводником возьму, – подумал Коршунов. – Он – местный, охотник...»

Это тоже была авантюра. Даже не авантюра, а глупость. Но лучше застрелиться, чем сидеть сложа руки. Эх, Генка! Утаил от друга, что пистолет имеется. Хотя Алексей мог бы и сам сообразить. Командиру оружие по штату положено. Просто вылетело из головы. Нет, все равно утаил. И в ход пустил, когда уже совсем приперло...

«Эх, Генка, Генка... Что ж мне теперь делать? Живой ли ты?»

Живой, тут и думать нечего. Просто встать и идти. И сделать что можно. А Книву с собой лучше не брать. Слишком рискованно, а он ведь пацан еще: лет пятнадцать, не больше. Мальчишка, хотя и бьется отчаянно.

«Сам пойду, – решил Коршунов. – Вот закончим здесь, соберу, что нужно, и пойду. Один».

Но вышло иначе. Незадолго до полудня, часа через три после восхода, в село пришел Одохар. Военный вождь из бурга. С дружиной.

Часть вторая БУРГ

Глава первая Алексей Коршунов. Рикс Одохар

Мертвых квеманов складывали отдельно. Потом трупы должны были отвезти поближе к болоту и зарыть. Алексей таскал чужих покойников на пару с Травстилой. Львиную долю работы выполнял кузнец. Вот двужильный мужик. Ведь тоже ночь не спал: с квеманами рубился, пожары гасил... И не присел ни разу, и самое тяжелое на себя брал... Глядя на него, и Коршунов старался из последних сил, хотя его уже вело от усталости. Но местные работали – и он с ними. Потому что без местных ему теперь – никак. Без них ему Генку не отыскать и не выручить. А Травстила здесь – в большом авторитете. Это Коршунов и раньше замечал: тот же Хундила покойный мог целую зычную речь задвинуть... А потом Травстила одну фразу уронит – и все. Никто больше не ораторствует, все расходятся и начинают дело делать. Даже не понимая языка ясно, кто последнее слово сказал. Нет, кузнец – классный мужик. Не зря на Генку похож... Если он с Коршуновым к квеманам пойдет – это будет большая удача...

Мысли были холодные, безэмоциональные. Как будто компьютер внутри файлы гонял,

перебирал варианты. Эмоции все выгорели. После такой ночи, после всей этой крови, огня, кошмара... Вот они подходят к квеману, спугивая ворон, берут покойника за руки, за ноги – и на тачку. И хоть бы что ворохнулось. Что мертвец (может, Коршунов его и убил), что бревно сосновое. Где-то внутри елозит: а могли бы и тебя – за руки-ноги, с выклеванной печенкой – в болото. Елозит, но не волнует. Только компьютер потрескивает, анализируя происшедшее. Мыслительная машинка остановиться не может. Скорее по привычке. Все-таки физик по образованию и основной специальности. Коршунов и не пытается остановить. Наоборот. Надо. Первый воинский опыт. И не только здесь, но и вообще – первый. Это Генка – профессиональный вояка, а у Коршунова за спиной только военная кафедра в вузе, да несколько лет занятий единоборствами, да тринадцать спецкурсов, включая выживание, – по линии космонавтики... В общем, тоже немало. Но для будущего полководца – недостаточно. А полководцем он станет! В лепешку разобьется, а станет! Даже если Генки уже и в живых нет... Тем более если Генки нет! Последний приказ командира. Коршунов своего добьется. У него все есть для этого. Здоровье, упрямство, а главное – уровень сознания. Такой, который здешним дикарям и не снился. Они ни высшей математики, ни квантовой физики не изучали. Они, блин, даже писать не умеют. Таких понятий, как целевая постановка задачи, алгоритм решения... Тут все – на пальцах. Побежали налево, побежали направо...

Итак, исходные данные: две группы вооруженных людей. Одна нападает, другая защищается.

Уровень подготовки тех и других – примерно одинаковый. Тип вооружения – тоже.

Преимущества нападающей группы (квеманы) – внезапность. И численность. Квеманских трупов набралось десятка три. А было нападавших, надо полагать, под сотню. То есть вдвое больше, чем местных, если считать только тех, кто способен был оружие держать. Еще одно квеманское преимущество Книва Алексею час назад сообщил: сельчане, как люди правильные, любят днем воевать, а квеманы, добыча Хеля (некто вроде местного ада), – те предпочитают ночью драться. И, судя по тому, что все у них в черный цвет покрашено, включая физиономии, так оно и есть.

Преимущества второй группы: знание местности плюс невозможность выйти из боя.

Шансы у нападающих примерно десять к одному. Ну, может быть, восемь к одному, но никак не меньше. Численный перевес, внезапность нападения и преимущество по времени суток. Все козыри.

Но – обломилось.

Почему?

Из-за ряда тактических ошибок. Первая: не обеспечили одновременности нападения и позволили группе защитников прорваться в крепость.

Коршунов примерно представлял, как это произошло. Квеманы напали со стороны реки. Ударили в центр поселка. Таким образом, и кузница, и богатырская изба оказались вне зоны первого удара. Ударили в центр – и упустили «фланги». Травстилу и их с Генкой.

Травстила, сообразив, что происходит, не кинулся в общую кашу, а как-то сумел объединить и организовать почти половину сельчан (в большинстве, правда, женщин и детей), отойти с ними к крепости и там затвориться. Нападавшие слишком поздно заметили этот маневр, а когда заметили, то допустили вторую ошибку: раздробили силы. Один из вождей с ударной группой отправился штурмовать крепость, второй, разделив своих людей на мелкие отряды, занялся зачисткой поселка. И проводил ее вполне успешно, пока не добрался до богатырской избы, то есть до них с Генкой. Где и погиб, оставив квеманов в поселке без «высшего руководства».

Дальше – очевидно. Они с Черепановым сыграли роль того снежка, на который «наматывается» шар снеговика. Пока нападавшие, разделившись, жгли дома и добивали порознь их хозяев, Коршунов стал «центром кристаллизации» организованного сопротивления. И спустя очень небольшое время очистил село от врагов и атаковал с тыла тех, кто штурмовал крепость. Поступок, безусловно, храбрый, но абсолютно неразумный.

Сейчас Алексей это прекрасно понимал. Даже половины штурмующих хватило бы, чтоб смять и уничтожить Коршунова и его только что собранную команду, которую и командой-то назвать было нельзя, поскольку каждый был – сам себе командир, никакой сплоченности рядов. Но тут сельчанам просто повезло. Потому что квемань допустили третью ошибку: не смогли в темноте адекватно оценить силы противника. И отступили. Вполне грамотно, надо признать, отошли к броду, форсировали реку и растворились во мраке.

То есть защитникам просто повезло, а нападающим – нет. Если, конечно, целью квеманов был полный разгром поселка, а не захват пленников. Коршунов когда-то читал, что у тех же древних ацтеков, к примеру, задачей войны было не убийство врагов, а захват их живьем с целью последующего принесения в жертву. Выходит, вполне возможен, например, такой расклад: квемань отступили не из боязни потерпеть поражение, а не желая дальнейших потерь. Но одно ясно: здешняя военная тактика далека от совершенства. И это дает Коршунову некоторые преимущества...

С квеманскими трупами закончили. Травстила ушел куда-то, а Коршунов отправился на речку. Ощущение было такое, словно на теле еще один панцырь¹³ – из пота, крови и грязи. Влез в воду, вымылся пучком водорослей, одежду прополоскал. Полегчало. На всякий случай обработал царапины антисептиком из аптечки.

А вокруг, если в сторону села не смотреть, – все та же идиллия. Солнышко, песочек, водичка...

Алексей долго сидел, бездумно глядя на противоположный берег. Ничего не хотелось. Никто его не тревожил. Один раз подошел Книва, положил рядом лепешку с куском козьего сыра. Сам посидел немного, потом ушел. Сыр обсели мухи. Коршунов смотрел на них равнодушно. Есть тоже не хотелось...

...Проснулся оттого, что ощутил на себе чей-то взгляд. Сверху. Первое движение (непроизвольно) – к топору. Черт, уже рефлекс выработался! Коршунов отдернул руку, поднял глаза.

Сначала увидел мохнатые лошадиные ноги, потом человеческие – по бокам, без стремян, потом черную лошадиную голову, узду с целой гирляндой золотых побрякушек, вороненый отлив панцыря – и, на фоне неба, бородатую голову, увенчанную круглым шлемом.

От всадника веяло силой и тяжестью. Словно от конной статуи Императора. Береговой обрыв был пьедесталом, а Алексей – в одних портках, взъерошенный со сна – ничтожным зрителем...

Коршунов спохватился. Быстро, но без торопливости надел рубаху, обулся, подпоясался. Затем подхватил оружие, свернутую в рулон трофейную крутку с привязанным шлемом, взбежал вверх по косой тропке...

Всадник был не один. Целый отряд. Человек пятнадцать. Все – верхами, вооруженные, ладные и ухоженные. Что кони, что люди. Позади толпились поселковые: Сигисбарн, Книва, Вутерих... Пришельцы были явно того же племени, но чем-то неуловимо отличались. Вождь с дружиной?

Похоже. Тот, кого Коршунов увидел первым, определенно вождь. Широкий, кряжистый. Обветренная кожа, борода лопатой, перевитые жилами ручищи... А взгляд умный. Пронизывающий. Испытующий...

Коршунов глаз не отвел. Даже когда наклонился, чтобы положить на траву сверток.

Всадники за спиной вождя негромко переговаривались, поглядывали то на Коршунова, то на противоположный берег.

– Агилмунд, – негромко произнес вождь.

Здоровенный парень с гривой рыжеватых волос и темно-русой бородкой ловко

¹³ Слово «панцырь» здесь и далее – в традиционной орфографии.

соскочил с коня, подошел к Коршунову, обогнул его и остановился за спиной.

Увидев, как движется дружинник, Коршунов понял, чем вновь прибывшие отличаются от местных. Примерно тем же, чем матерый мужик-контрактник, отвоевавший в дюжине точек, отличается от выпущенного из учебки младшего сержанта ВДВ. И Алексей понял, что имел в виду Черепанов, когда говорил, что поселковые – не воины, а просто вольные землепашцы с оружием. Понял, когда увидел *воинов*. И краснорожий мужик на вороном коне был первым из них.

Между конских боков протиснулся Книва, что-то бросил рыжеволосому. Потом повернулся к Коршунову, произнес четко:

– Одохар! Рикс! – и показал на всадника на вороном.

«Рикс» – это почти что «рекс», а «рекс», насколько помнил Коршунов, не только собачья кличка, но и что-то типа «король».

Рикс Одохар, живая статуя, сверлил взглядом. Но Коршунов интуитивно чувствовал: уступать нельзя. Рыжеволосый Агилмунд, маячивший за спиной (Коршунов боковым зрением видел его тень), действовал на нервы.

Наконец вождь решил, что они достаточно поиграли в «кто-кого-пересмотрит», проворчал что-то одобрительное, двинул коленями. Вороной развернулся и потрусил прочь. Дружина – следом. И местные тоже потянулись за риксом. На берегу остались только Книва, Коршунов, Агилмунд и Агилмундова лошадь, гнедая кобыла, с заплетенной в косички гривой.

– Аласей! – Рыжеволосый коснулся руки Коршунова. – Идем.

– Идем, – согласился Алексей, наклонился, чтобы поднять сверток с курткой и шлемом, но Книва опередил. Дал понять: имущество понесет он. Он – оруженосец.

Агилмунд шел впереди. Пешком. Лошадь вел в поводу. Надо полагать, ноги размять решил. Коршунов и Книва – следом.

– Рикс Одохар – хво? – спросил Алексей.

Книва попытался объяснить. Суть объяснений сводилась к тому, что Одохар – из бурга и почти так же велик, как герой Аласей. По небу не летает, зато врагов приводит в священный трепет. Будь вчера в поселке не только Аласей, но и Одохар, от квеманов бы один мелкий фарш остался. И село бы не сгорело. И...

Устроились на лугу за сожженным домом старосты. Расстелили попоны, расселись. Вождь из бурга – на седле, остальные – кто как: четверо дружинников Одохара, в том числе Агилмунд (которому рикс, как выяснилось, поручил особо присматривать за «небесным героем»), Фретила, который (как опять-таки выяснилось) некогда жил в бурге и даже воевал вместе с Одохаром. Трудно было поверить, что этот пожилой, изрядно растолстевший мужик некогда был таким же хищно-поджарым и опасным, как молодой Агилмунд, который, кстати, оказался не кем иным, как старшим братом Сигисбарна и Книвы.

Книва тоже был тут. В своем обычном качестве «толмача» при «небесном герое Аласей». И Травстила. И еще несколько местных.

Речь шла о квеманах. Вернее, о том, что квеманов надо проучить. Говорили об этом в основном местные. Но дружинники явно одобряли. Тем более что почти все они – отсюда родом. Но Одохар молчал. Коршунов видел, что у рикса нет ни малейшего желания разбираться с квеманами. Будь его воля, он бы сделал вид, что набега и вовсе не было. Алексей этого не понимал. Даже если набег был спровоцирован (а похоже, так оно и было), по мнению Коршунова, выдать квеманам по первое число – прямая обязанность здешнего князя, коим, по сути, и являлся военный вождь. А он явно в бой не рвался. Пока другие произносили страстные речи, рикс присматривался к Коршунову. Алексею это внимание было не слишком приятно. Было во взгляде вождя нечто... Нечто от покупателя, изучающего бутылку водки в ларьке. Стоит ли брать? Не разбодяжена ли? Не паленая? Может, лучше в универсам сходить?

Еще одним человеком, который не участвовал в общей дискуссии, был Травстила. Но с этим все ясно. Этот откроет рот, когда потребует нечто значительное изречь. Не раньше.

Коршунов тоже молчал. Во-первых, потому, что понимал лишь отдельные слова, во-вторых, потому, что молчал Одохар. Алексею хотелось, чтобы вождь воспринял его как человека достойного и солидного. И все, что Коршунов пока мог для этого сделать, – это держаться достойно и многозначительно помалкивать.

Нет, не хочет Одохар идти на квеманов. А надо, чтобы захотел. Потому что Книва прав: будь здесь прошлой ночью рикс со своими четырнадцатью дружинниками, квеманам пришлось бы кисло. Или Коршунов все-таки переоценивает воинов из бурга? Даже если и так, все равно, возглавь Одохар миссию мщения – и шансы на то, что удастся выручить Генку (если он жив), возрастут очень существенно...

– Аласейя, – негромко произнес Одохар. – Твой друг Гееннах идет за квеманами?

Стоило вождю открыть рот, как все остальные захлопнули рты. Только Вутерих еще пару секунд продолжал вопить, но и его заткнули.

– Твой друг, Гееннах... Он идет посмотреть квеманов? – четко выделяя каждое слово, повторил вопрос рикс. – Ты понимаешь?

Коршунов понимал, как ни странно. Он еще с первого раза понял.

– Понимаю, – кивнул Алексей. – Гееннах... шел посмотреть за квеманами... – Сосредоточился, подбирая слова: – Гееннах посмотреть квеманов, потом квеманов посмотреть Гееннах. Гееннах – драться. Там. – Алексей махнул в сторону реки. – Убивать квеманов... Квеманов много... – Он поднял указательный палец, обхватил его пальцами другой руки...

– Гееннах мертвый? – Одохар выглядел очень заинтересованным. – Ты знаешь?

Коршунов пожал плечами:

– Пойду узнавать. – Он махнул в сторону реки.

– Один ты?

Коршунов одарил рикса долгим взглядом, потом медленно кивнул.

– Один – плохо, – сказал он. – Квеман много. Гееннах – друг. – Он коснулся ладонью груди. – Я должен. Скажи: где искать квеманов?

– Я говорил. Ты не понял, – после паузы ответил Одохар.

– Книва! – Коршунов повернулся к парнишке. – Принеси... – и показал, что хочет порисовать.

Книва сорвался с места и через пару минут вернулся с обрывком шкуры и шилом.

Коршунов быстро набросал в одном углу картинку: поселок, реку, поля, лес за рекой. Реку заштриховал. Протянул шкуру Одохару. Если у них есть понятие карты...

Очевидно, понятие было, потому что рикс сразу сообразил, что имеется в виду. Более того, произвел привязку по сторонам света: у правого края нарисовал символ солнца. Пририсовал озеро, еще одно озеро... Нет, не озеро. Пояснил знаком: не чистая вода, болото. И дальше – болото. И лес. А вот здесь снова озеро. А вот здесь – квеман.

– Прямо на озере? – удивился Коршунов.

– Нет. Земля. Тут вода. А тут земля. Остров.

Слово «остров» не понял – угадал. Но говорить с Одохаром было легко. Чувствовалось, что у вождя есть навык общения с иноязычниками. Слова подбирал простые. И конструкции упрощал до детского уровня. Ясное дело, вождь. И по дальним землям пошарить успел, и соседние знает в совершенстве. Судя по тому, как быстро и точно обрисовал расположение противника.

– Как долго идти? – спросил Коршунов, показав на квеманскую резиденцию.

– Половина день – лошадь, – показал Одохар на пасущихся коней. – День и половина ночь – ноги. Лошадь – нет. Болото.

– Квеман много?

Алексей не рассчитывал на точный ответ, но ответ последовал. От пяти десятков и более. Способных сражаться.

Коршунов кивнул: полсотни квеманов. Сушие пустыки. Только-только «небесному герою» поразмяться перед завтраком. Взял «карту», спрятал за пазуху.

– Когда ты пойдешь? – спросил Одохар.

Значит, все-таки не пойдет Одохар... Это скверно.

Коршунов подумал немного, попытался вспомнить, как будет «завтра», потому что сегодня уже не успеть. Тащиться ночью по незнакомому болоту совсем не хочется... Одохар ждал.

Алексей показал на солнце: когда снова взойдет, тогда и пойду.

Рикс кивнул.

– Хорошо. Ты идешь,– сказал он.– Он идет,– показал на Агилмунда. Тот обрадовался, заухмылялся. Все прочие сразу загалдели...

Рикс рявкнул, и шум стих.

– Агилмунд, Ахвизра... – Он назвал еще с десятков имен, видимо своих дружинников, потом показал на Сигисбарна: – Сигисбарн. Книва... – Фретила запротестовал, но Одохар повторил твердо: – Книва. Валарих. Алзис... – перечислил еще семерых. Те из названных, кто присутствовал на совещании, выразили шумную радость. Можно было подумать, что не на войну, а на пирушку вызвали.

– Я иду? – подал реплику Травстила, но Одохар покачал головой, и кузнец кивнул. Коршунов огорчился. Он видел Травстилу в деле.

– Утром.– Рикс поднял палец и указал им на Коршунова: – Аласейа поведет.

И добавил еще что-то: Коршунов не понял, но прочие заметно воодушевились.

Одохар встал. Коршунов – тоже. Он не знал: радоваться ему или огорчаться. Вроде бы все складывалось лучше, чем можно было рассчитывать. Даже первый шаг в полководцы сделан. И все-таки...

– Пойдем,– сказал рикс дружелюбно.– Итан.

Иными словами, пошли перекусим, пока время есть. Потом, может, и не будет.

И они пошли в крепость. К их приходу столы были уже накрыты.

Глава вторая Травстила

Травстила и Одохар – братья. Один знак носят, одному богу клятву принесли. В миру Одохар старше. Но пред Вотаном оба – равны. И заслуги их – равны. Травстила оружие кует, Одохар в битвы дружину водит. И то и то Вотану любо. Без оружия что за битва? А без битвы ни к чему и оружие. На том, что Травстила кует, знак особый стоит. И наговор. Такое оружие для Вотана убивает. По этому знаку Вотан своих узнает и в битве хранит. Если пожелает. Вообще-то, Вотан хранить не любит. Он любит победителей. И сам их отмечает. Победителей хранить не надо. Это от них надо хранить. Да как сохранишь от того, кто Вотаном отмечен? Никак.

– Повезло вам,– говорил Одохар.– А я опоздал. Задержался на день. Так вышло.– Другой бы сказал: случайно. Но не Одохар. Одохар сказал: так вышло. И знак сотворил: во всем воля Высших.

Травстила согласился.

– Квеманы могли всех вырезать,– заметил он.– Не захотели. Ушли.

– Может, они взяли, что хотели, потому и ушли,– сказал Одохар.– Может, они за героем Гееннахом приходили? Каков он, Гееннах?

– Овиду спросишь,– отказал в ответе Травстила.– Гееннах непостижим для меня. Овида видит. Сказал: наш Гееннах. Хоть и чужой крови. Нет, не за Гееннахом квеманы приходили. За обиду мстить.

– Слышал уж,– проворчал Одохар.– Не вовремя. Очень нехорошо.

– Мальцы доблесть явить решили,– вступился Травстила.– Ахвизру жаль. Последним в роду остался.

– Я его женю,– сказал рикс.– Не прервется род. Не о том речь. Повезло вам. Почему?

– Думаешь, Аласейа?

– А кто еще, не ты же?

– Не я,– согласился Травстила.– Я оборонялся, он – нападал. Не от меня, от него

квеманы побежали.

– Ушли, – поправил Одохар.

– Ушли, – согласился Травстила. – Хочешь его удачу проверить?

– Хочу, – подтвердил рикс. – И Гееннаха увидеть хочу. Хочу увидеть того, кто наш – и чужой.

– Так Овида сказал. Но и я кое-что видел. Как он тайный жест сотворил. Знак Гневного неба.

– Случайно?

– Может быть.

– А Аласейя?

– Про Аласейю Овида ничего не сказал. Но храбр он безмерно. Так храбр, словно смерть свою в сундуке держит.

– Не без того. На квеманов один хотел идти. Хотя ваши говорят: у него квеманский болотный дух в услужении?

– Нет. – Кузнец покачал головой. – Не квеманский. Овида сказал: похож на квеманского, но другой. И не дух это, а так. Настоящей силы нет. Не в духе дело, а в том, что храбрость в Аласейе безмерная.

– Или глупость, – проворчал Одохар. – Как у мальцов ваших.

– Вот и проверишь, – усмехнулся Травстила. – Тем более, ты с ним Агилмунда послал. И бойцов своих лучших. Верно?

– Верно, – согласился рикс.

– Только горячи они нынче, – заметил Травстила. – После вчерашней ночи. Обида в них. За родичей.

– Горячи – остынут, – возразил Одохар. – Я Агилмунду строго наказал: осторожным быть. Мне доблесть его в большом походе нужна. Расскажи, как гости ваши по небу летели? Как птицы или как боги?

– Скорей, как семечко, – ответил Травстила. – Не летели – падали. Но парус у них красивый. Цвета огня и облаков.

– Цвета снега и крови! – уточнил Одохар. – Так мне говорили.

– Можно и так сказать, – не стал спорить кузнец.

– Знак? – Рикс бросил на Травстилу быстрый острый взгляд.

Кузнец пожал плечами:

– Может, и знак. Не знаю. Если и знак, то нам ли? Но красиво. Ты зачем Книву с ними послал? Фретила на тебя сердится. Фретила все уважают. Фретила тебе на тинге нужен, а Книва – мальчишка без посвящения.

– Пускай, – отмахнулся Одохар. – Он кровь уже проливал, мне сказали. Ничего. А я погляжу, сможет ли Аласейя сына Фретила от мести квеманских богов уберечь. На квеманской земле.

– Ты – вождь, – произнес кузнец.

Непонятно было, одобряет он Одохара или нет.

– Да, – кивнул Одохар. – Я – вождь. Мне удача нужна. Осенью в поход идти. С другими вождями сговорено. И с Комозиком-риксом.

– Не верю я герулам, – сказал Травстила. – Враги они нам.

– Таких врагов иметь – радость, – возразил Одохар.

– Тебе видней.

– Да, – согласился Одохар. – Мне видней. Я с ними дрался.

Глава третья Алексей Коршунов. Карательный рейд

Коршунов сидел в седле третий раз в жизни. Первый раз – в студенческие годы, развлечения ради – на тихой крестьянской лошадке. Второй – по пьяни пару кругов по парку на «прокатном» мерине сделал. Опыт небольшой, но даже его хватило, чтобы понять

значение стремян. Которых здесь – не было. Местные тем не менее без них обходились: держались коленями. Классическая стойка «киба-дачи», то бишь поза всадника, – она и есть поза всадника. Так что мышцы соответствующие у Алексея были достаточно развиты. Но ведь еще навык нужен...

Короче, когда привал устроили, Коршунов ощутил немалое облегчение. Но это случилось позже. А пока он молча завидовал следопытам: Вутериху и Книве, передвигавшимся на своих двоих. Завидовал, но не спешил. Из гордости. Хотя его «навыки» верховой езды были отмечены. Агилмунд даже вежливо поинтересовался: неужели у них в «Байконуре» нет лошадей?

Коршунов ответил в том духе, что лошади есть, но герои ими не пользуются. У героев другие лошади. Огненные. Агилмунд не на шутку заинтересовался, принялся уточнять подробности: задача при лексическом запасе Коршунова практически невыполнимая. Узнав, что доставить сюда огненных лошадей никак нельзя, «младший командир» рикса Одохара здорово огорчился.

Несколько раз Коршунов ловил на себе весьма неприязненный взгляд: один из местных по имени Алзис, не участвовавший в ночной битве, поскольку был отправлен в бург за Одохаром, явно не питал к Алексею теплых чувств. И не особенно это скрывал. Ну и хрен с ним. Его проблемы. По-настоящему беспокоило сейчас Алексея только одно: что с Черепановым?

Судя по оценкам следопытов, квеманы отступали двумя группами. Следопыты пошли за первой, той, что увела девушек. Квеманов было пятеро. Они несли кое-какую добычу и конвоировали троих пленниц. Вчера думали: пленниц больше, но оказалось, что только трое. Девушки, как узнал Коршунов, предназначались в подарок квеманскому божеству.

Черепанов догнал похитителей у опушки леса. Возможно, он управился бы даже и с пятью врагами, но ему не повезло. Подошел основной квеманский отряд. Чем закончилось дело, определенно сказать было трудно. Следы крови обнаружились и на траве, и на кустарнике. Книва нашел стреляную гильзу, с большим интересом обнюхал и показал Коршунову: не является ли предмет имуществом Гееннаха? Получил утвердительный ответ и дополнительное сообщение, что где-то лежат еще две такие же штуки. Алексей помнил, что выстрелов было три. Гильзы нашли и торжественно вручили «небесному герою».

Спешившиеся Ахвизра с Агилмундом тщательно изучили следы крови. Обсудили результаты с остальными. Агилмунд сообщил Коршунову, что один из пострадавших был ранен в грудь, а второй – в живот. На основании чего были сделаны такие выводы, Алексей понятия не имел, но оспаривать не стал. Какая разница?!

Раненых не нашли. Вероятно, квеманы забрали их с собой. Коршунову показали следы волокуш.

Спешились, когда дошли до заболоченного берега озера. Сначала Коршунов ощутил немалое облегчение. Но очень скоро осознал: у всадника мешок везет лошадь, а пехотинец его на собственном горбу тащит.

Здесь, на болоте, следопытам пришлось некоторое время повозиться. Насколько понял Алексей, квеманы принялись замечать следы. Впрочем, недолго. Километра через два маскироваться перестали. Среди квеманских следов обнаружились и следы пленниц: отпечатки босых женских ног отличить было нетрудно. Охотники усиленно высматривали следы «небесного героя». Безуспешно. Агилмунд осторожно поинтересовался у Коршунова: не мог ли небесный герой Гееннах отправиться обратно на небо?

Миновали поросшее мелким осинником болотце. Комарья поубавилось. Идти стало легче. «Воинство» Коршунова не замедлило этим воспользоваться: с шага перешло на рысь. Алексею, с его приличной подготовкой, кое-как удавалось поспевать. В крайнем случае можно глотнуть стимулятора из аптечки. Направление держали на северо-восток, как по линии, – Алексей постоянно сверялся с компасом. И мелкие ориентиры отмечал: где дерево сваленное, где камень, где овражек. Мало ли, придется одному обратно добираться. В лесу Коршунов ориентировался неплохо: благо, лес здесь был как лес. Ничего особенного. Но

следы распутывать, как местные охотники, он не умел. А стоило бы научиться.

Привал устроили уже в сумерках. У какого-то ручейка. Костра не разжигали. Перекусили, Агилмунд распорядился насчет стражи (Коршунова в список караула не включили), и завалились спать. Обрадованное комарье приступило к пиру. Местным – хоп-хны, а вот Коршунову пришлось потратить чуток репеллента из аптечки: иначе не уснул бы.

Утром – по той же программе. Легкий завтрак – и вперед. Лес, болотце, снова лес, небольшая речушка, которую пересекли вброд, зачем-то покидав в воду лепешек и вяленого мяса. Проверка на наличие пираний? Коршунов теряться в догадках не стал: просто принял к сведению.

Несколько раз ноздри Алексея улавливали запах дыма. Местные наверняка тоже его чувляли, но особого волнения не проявляли. В общем, если не считать изматывающего темпа, рейд проходил спокойно: то шагом, то бегом. Покрыли они, по прикидкам Коршунова, не меньше пятидесяти километров. Солидная дистанция. Алексей, старый турист, даже немножко гордился собой: не посрамил себя перед аборигенами и даже не слишком вымотался. Тем не менее намотал на ус: местные бойцы способны к быстрым маршам по пересеченной местности. С точки зрения военного искусства – весьма важное и полезное свойство. Впрочем, и потенциальный противник наверняка способен к тому же. Что также следует учесть.

Рикс Одохар не ошибся. Поселок располагался на острове. Причем сам остров имел место быть не в каком-нибудь там озере, а прямо в болоте со всеми его «достопримечательностями». Но пройти по болоту было можно. Если знать тропу. Коршуновской «команде возмездия» тропа была не известна. Не удивительно. Это была квеманская территория. Все сведения о ней поступили от Одохара, который был здесь лет десять назад, если можно так выразиться, с официальным визитом. В составе дружины прежнего рикса. Делили сферы влияния. Поделили, поскольку квеманцы драки не хотели. Рикс со товарищи подраться были не прочь, но предпочитали драться, имея в перспективе приличные трофеи, а с нищих лесовиков что возьмешь? Только неприятности.

В общем, определили границы и мирно разошлись. Но в городок квеманский чужих не пригласили. Что тоже понятно. Только издали полюбоваться позволили. Это удовольствие и Коршунову с остальными было сейчас доступно. На острове, в отличие от самого болота, росли матерые сосны, которые отлично просматривались за редкими и низкими болотными деревцами-недомерками. Не так уж далеко оказалось до острова: около километра. Даже голоса иногда различить можно, лай собачий. Тем не менее, «не зная брода», можно было только констатировать «эффект локтя». Того, который не укусишь. Надо было что-то предпринимать. На «рубеж атаки» вышли около полудня. Заняли скрытную позицию в зарослях у края болота. На краю его, в камышах, выставили наблюдателей. Теперь инициатива, по общему мнению, должна была перейти к Коршунову. Местные следопыты привели «небесного героя» в место битвы. Теперь – его очередь.

Памятуя уроки Черепанова, Алексей сначала ознакомился с мнением аборигенов. Мнений было два.

Первое: сварганить «мокроступы» и двигать прямо на противника. А там – как получится.

Второе: дожидаться темноты, и далее – по пункту один. Первой точки зрения придерживались более молодые и активные вроде Вутериха и Сигисбарна. Второй – Агилмунд и те, кто поопытнее.

Но и те и другие были абсолютно убеждены, что стоит им войти в соприкосновение с противником – и противнику хана.

Коршунову очень хотелось в это верить, но он, в отличие от своих отважных до полной отморозенности спутников, допускал, что штурмовать в лоб укрепленные позиции (а какие-нибудь укрепления, вроде того же частокола, наверняка наличествовали) численно превосходящего противника – голая авантюра. Хотя при нападении на поселок Коршунов не

заметил у квеманов ни пращей, ни луков, но не может быть, чтоб у этих ребят совсем не было оружия дистанционного боя. А шлепающие по болоту «штурмовики» – ну просто идеальная мишень. Что же касается самих «мокроступов», то бишь сплетенных из лозы полуметровых «шлепанцев» для болотного хождения... Алексей здорово сомневался, что они помогут в настоящей трясине. Тем более – ночью. Ибо преимущества скрытного подхода в темноте полностью компенсируются невозможностью глядеть себе под ноги.

Возможно, Коршунов недооценивал навыки своих бойцов... Но в таких случаях лучше перебдеть, чем наоборот. Да и горячку гнать ни к чему. Если уж не успели перехватить квеманов по дороге, теперь можно не особо торопиться. Если Черепанов до сих пор жив, то вряд ли его прикончат в течение ближайших суток. То же касается и пленниц. Коршунов выяснил, что местное божество требует жертв исключительно в определенное время и в определенном месте. И это место не здесь.

Значит, надо выждать. Понаблюдать. Глядишь, и «язык» подвернется.

О чем он своих орлов и проинформировал. И поставил задачу: вести постоянное скрытное наблюдение. Ежели кто из леса направится к городку, горла ему не резать, даже вообще не хватать, а внимательно пронаблюдать, как и где она квеманская особь будет идти. Глядишь, и скрытую тропу установим. Резать же только в том случае, если указанная особь обнаружит присутствие чужих.

Если же, наоборот, кто-то из городка в лес подастся, то опять-таки не хватать сразу, а сопроводить тихонько, а потом деликатно взять за гузку и, не попортив, доставить командующему. Для беседы.

Коршуновский план действий воинственная молодежь восприняла без восторга. Эти простые парни не понимали, как можно оттягивать удовольствие хорошей драки только потому, что могут прикончить. Возможно, в местном религиозном уложении смерть в бою считалась большой удачей. Вроде как у воинов джихада или тех же викингов. То есть – прямо к Аллаху или в Вальхаллу.

Но Агилмунд Алексея поддержал на сто процентов, и недовольным пришлось заткнуться.

Рассредоточились, организовали наблюдение и стали ждать.

Первая «рыбка» попалась, вернее, благополучно миновала сети часиков в шесть по местному времени. Три квеманские тетki и один мужик, особо не прячась, появились из леса, прошли через «прогалину» между камышами, гуськом пересекли видимую часть болота и скрылись из виду. Согласно приказу Коршунова, им не препятствовали.

Прошло еще часика три, солнышко уже за деревьями спряталось, и тут из-за реденьких кустиков и появились двое местных жителей с большими свертками на плечах. Прошагали по открытому месту совершенно бесечно и скрылись в лесу. Но уже не в одиночестве, а сопровождаемые четырьмя дружинниками. Спустя полчаса вместе со своей ношей, оказавшейся свернутыми сетями, и без малейшего шума оба квемана были поставлены пред светлы очи «главнокомандующего».

«Языки» оказались двумя пацанами примерно Книвиного возраста. Явно трусили, но старались держаться гордо и прямо.

Коршунов оглядел пленников и представил инициативу допроса Агилмунду. Не только потому, что тот более опытен, но еще и потому, что Алексею было как-то стремно допрашивать мальчишек. Нет, он, конечно, понимал, что по здешним понятиям им никакой скидки на юный возраст не полагается. И правильно. Вот тот же Книва в свои юные годы уже успел пятерых зарезать, причем одну – женщину. И все-таки пусть лучше Агилмунд...

Агилмунд церемониться не стал. Взял того подростка, который держался посмелее, за грудки и воткнул ему нож в живот. А другой дружинник, Ахвизра, пацану рот ладонью заткнул, чтоб крик приглушить. Затем Агилмунд взял второго квеманчика за шиворот и приблизил нос к носу – к первому. Дал минутку полюбоваться и проникнуться, затем легонько полоснул первого по горлу, да так, что кровь оставшемуся в живых все лицо забрызгала. Подержал – и отпустил. Квеманчик наземь осел, глазки закатились...

Книва за спиной Коршунова бросил что-то пренебрежительное. Надо полагать, заявил, что он в подобной ситуации показал бы себя лучше. Сам Книва был в этом абсолютно уверен.

Полежать в обмороке квеманчику не дали. Быстренько привели в чувство парой оплеух, усадили.

Агилмунд повертел у него перед носом окровавленным ножом, задал вопрос. Получил вполне удовлетворивший его ответ. Задал следующий...

Короче, допрос прошел без малейших проблем, и информация потекла. К некоторому удивлению Коршунова, квеманский язык ничуть не отличался от языка его спутников. Может быть, самую малость... Но такую, что пониманию не препятствовала.

Выяснилось следующее: на острове около четырех десятков мужчин, способных держать оружие (не ошибся рикс Одохар), и раза в три больше стариков, детей и женщин. В набеге на поселок участвовали двадцать человек (остальные – из других поселений), вернулось четырнадцать. Пленницы находятся на острове. Только женщины, мужчин нет. Укрепление: частокол. И только со стороны тропы, потому что с других направлений к острову не подойти ни на плавсредствах, ни на своих двоих: трясина.

Замялся пленник только один раз: когда от него потребовали показать тропу. Но Агилмунд его «уговорил». Даже без особого кровопускания: пацан глядел на риксова дружинника, как бандерлог на питона Каа.

Тем временем почти совсем стемнело.

С разрешения Коршунова Агилмунд и Ахвизра взяли пацана и отправились «проверить» тропу.

Алексей самую малость опасался, что квеманчик может набраться храбрости и сыграть партию Сусанина, но обошлось. Спустя час оба дружинника вернулись. Без пленника, но вполне довольные. Есть тропа! Как, интересно, они в темноте чапали по болоту? И куда делся пацан? Хотя с пацаном как раз понятно. Учитывая то, как обошлись с его приятелем...

– Идем? – Голос Агилмунда аж вибрировал от предвкушения.

– Нет, – разочаровал его Коршунов. – Собаки нас учуют... Хундс...

Он не видел лица Агилмунда, но мог поклясться, что тот скорчил недовольную рожу. Вокруг столпились остальные: кто не занят в карауле. Коршунов физически ощутил, как растет напряжение. Еще чуть-чуть – и ситуация выйдет из-под контроля. Еще неизвестно, какие инструкции выдал дружиннику Одохар...

Коршунов глянул на часы (пусть парни тоже полюбуются на светящийся циферблат) – одиннадцать. Светать начнет без четверти четыре. Это Коршунов засек точно. Четыре – хорошее время. Самый крепкий сон. И ветра по утрам совсем нет, а сейчас – от них к острову тянет.

– Пойдем, – сказал он, подыскивая местные слова, – не утро. Не ночь. Немного света есть. Ветер – нет. Собаки чуют – нет. Квеман есть крепко спать. Нас не ждать. Мы их резать. Сейчас – спать. Он, – Коршунов постучал по циферблату, – меня будить. Я будить всех. Идти убивать. Я сказал.

Поставил будильник на полчетвертого, демонстративно улегся под дерево, завернулся в плащ и сделал вид, что уснул.

Главное показать, что даже мысли не допускаешь, что тебя могут послушаться.

Его бойцы еще пару минут поговорили вполголоса – и разошлись. Бунт на борту был подавлен в зародыше. Эх, если бы и завтра все так гладко прошло! И где же все-таки Генка? Жив ли?..

Глава четвертая Алексей Коршунов. Карательный рейд (продолжение)

Дожидаюсь, пока подтянутся последние, Коршунов с авангардом укрылись в камышах у самого острова, выпирающего бугром из болотной топи. Стояли, слушали птичье цвирканье и редкий собачий брех с острова. Пованивало гнилью, под ногами шевелился черный ил.

Солнце еще не взошло, но посветлело достаточно, чтобы разглядеть невысокий частокол без архитектурных излишеств, запертые ворота, а подальше, между соснами,— черные соломенные крыши.

Подошли замыкающие, Сигисбарн с Ахвизрой. Все. Тусовка в сборе. Одиннадцать дружинников и десять поселковых. Да сам Коршунов. Итого — двадцать две боевые единицы. Два отделения, выражаясь языком более поздних эпох.

Поселок спал, но вот-вот должен был проснуться. Четверть пятого, самое сладкое время.

Коршунов кивнул Агилмунду, Агилмунд — Ахвизре. Ахвизра передал соседу копье и щит, вылез на бережок, подпрыгнул, ухватился за верхний край частокола, подтянулся и бесшумно канул по ту сторону. Через полминуты негромко заскрипели ворота. Ахвизра отодвинул засов. Створы разошлись, и Коршунов увидел уходящую вверх тропку, козу, привязанную к дереву, и квемана, ничком лежащего на земле. По рубaxe квемана расплзлось пятно, а его щит, копье и шлем лежали чуть поодаль. Видать, задремал мужик на посту. За что и был радикально наказан.

Коршунов приготовился командовать, но не успел.

Ахвизра принял у товарища собственное оружие и бесшумной рысцой устремился наверх. Остальные дружинники — следом. Никто не спрашивал у Алексея, что делать. Поселковые припустили за дружинниками, причем кое-кто даже сделал попытку обогнать, но Агилмунд махнул копьем — и энтузиасты сбавили темп.

Коршунов замешкался и обнаружил, что за ним — никого. Широкие спины в кожаных куртках с железными бляшками и без оных мелькали между сосен. Наверху серели квеманские хатки. Оттуда тянул ветерок, неся запах навоза.

Мемекнула коза. Коршунов очнулся. За это время его отряд уже преодолел половину склона. Бежать вдогонку было несолидно, поэтому Алексей сделал другое: затворил ворота, быстренько заложил засов, заклинил его железком копья убитого часового и с хрустом обломил древко. Соблюдать режим тишины было уже ни к чему: ребята Одохара добрались до первой избы. Заварушка началась.

Взбегая вверх по тропе, Коршунов думал о том, что он бы распорядился иначе. Тихонько рассредоточиться по селу, а затем одновременно ворваться сразу в несколько домов. А так — с первым же воплем эффект внезапности теряется напрочь.

А воплей хватало.

Дворы квеманов были расположены без всякого порядка. Никаких улиц. Огороды, плетни, сосны, заросли малины...

Первые два подворья были уже «очищены». У крыльца одной избы истошно голосила над трупом квеманская баба, из дома тоже раздавался плач. Тут вмешательство не требовалось. Коршунов побежал туда, где звенело и стучало, увидел впереди спину с железными пластинками поверх кожаной куртки. Кто это — не признал, но по деловитой целеустремленности понятно, что свой.

«Спина» перемахнул через плетень (отличный прыжок!), промчался по огороду, мимо сарая и выскочил к крыльцу в тот самый момент, когда на это же крыльцо из дома вывалили аж трое квеманов, босых, полуголых, зато с копьями и щитами.

«Спина» с разбегу насадил на копье одного, сшиб с ног второго, а третьего зарубил секирой. После чего с ходу влетел в избу. Изнутри донесся визг, чей-то короткий вопль, через несколько секунд (Коршунов как раз успел добежать до сарая) дружинник (Ахвизра!) появился на пороге, мимоходом добил поднимавшегося с земли квемана, выдернул из другого свое копье, белозубо осклабился Коршунову, махнул щитом и устремился к следующему двору. Алексей за ним не побежал. Решил: этому парню помощь не требуется. А вот справа кто-то активно и шумно рубился...

Коршунов устремился туда. На манер Ахвизры перемахнул через плетень, проломился через кусты и оказался на лужке, где двое поселян — Вутерих и еще один, чье имя Алексей запомнил,— сопя и кряхтя обменивались ударами с двумя бородатыми лохматыми

квеманами. Третий квеман в драке участия не принимал, поскольку сидел на земле, наматывая тряпку на окровавленную ногу.

С появлением Коршунова квеманы оказались в меньшинстве. Один тут же получил краем щита в морду и свалился, а второй сам бросил оружие и задрал лапки.

Пленника в момент повязали, после чего Коршунов отослал Вутериха с приятелем вниз, к воротам, присмотреть, чтобы никто из квеманов не смылся с острова за подмогой.

И четверти часа не прошло, как разгром был завершен. Почти завершен, потому что около дюжины защитников заперлись в длинном бревенчатом доме на макушке острова и стреляли из луков во всех желающих исполнить роль мишени. Луки у квеманов были слабые: стрелы щиты-шлемы не пробивали. Но к тому времени, как Агилмунд нашел Алексея и поставил его в известность, что возникли трудности, двоих его бойцов уже подранили: одного – в ногу, другого – в предплечье.

– Пойдем посмотрим, – сказал Коршунов, и они двинулись наверх.

По дороге наткнулись на одного из своих. Молодец уложил животом на пенек молодую квеманку, задрал ей подол и усердно осеменял. Тощая задница энергично дергалась между белых ляжек. Квеманка страдальчески покрывалась. Но сопротивления не оказывала. Агилмунд зверски оскалился и врезал молодцу пяткой по копчику.

Молодец взвыл, подскочил, явив всеобщему обозрению мохнатое лоно квеманки, свой детородный орган и разъяренную физиономию, которая при виде Агилмунда моментально перестала быть разъяренной, а вышеупомянутый орган стремительно съехался до размеров небольшой морковки.

– Алзис! – зашипел на него Агилмунд. Дальше Коршунов не понял, но сказанное явно не было похвалой сексуальному агрессору. А судя по жестам, в перспективе у агрессора была принудительная стерилизация без помощи хирургических инструментов в случае повторения эпизода. Алзис, моментально утративший румянец, подтянул штаны, подобрал копье и припустил в направлении, указанном дружинником.

Квеманка тоже поднялась, поправила платье и чуток враскорячку двинулась по своим делам. Такое впечатление, что грубое насилие являлось для нее совершенно обыденным явлением.

Агилмунд разразился длинной и эмоционально насыщенной фразой. Насколько понял Коршунов, дружинник рикса сурово осуждал волонтера Алзиса за то, что тот осмелился совать свой кривой отросток куда ни попадая, в то время как он, Агилмунд, занимаясь ратными трудами, еще ни разу не имел возможности «сбросить напряжение».

Это строение принципиально отличалось от прочих. Не столько размерами, сколько основательностью. Впервые после приземления Коршунов увидел дом, в котором были двери. В настоящий момент – закрытые. И первый дом, чья кровля была не из соломы, а крыта чем-то вроде черепицы из материала непонятного, но очевидно не горючего, поскольку заброшенный наверх факел с промасленной тряпкой догорал без малейшего результата.

Вероятно, сами стены можно было бы поджечь, если прямо под ними развести огонь, но для этого к ним надо было подойти. Чему активно препятствовали засевшие внутри. Из длинных узких бойниц было весьма удобно обстреливать всех желающих приблизиться. А народу внутри было достаточно, чтобы обеспечить круговую оборону.

Крутые парни Одохара сунулись было в атаку, получили отпор и отступили.

Теперь они обсуждали: не стоит ли плюнуть на засевших в доме и заняться грабежом?

Главным доводом против этого предложения была уверенность, что именно в доме и хранятся основные сокровища.

Коршунов с некоторым удивлением обнаружил, что именно перспектива грабежа, а вовсе не месть за набег на поселок является главным стимулом его воинства.

Ждали решения Коршунова.

Алексей подумал, прикинул и решил, что и проблемы-то нет. Просто надо соорудить что-то вроде «броневика» – и дело в шляпе.

Коршунов изложил идею. Для этого пришлось прибегнуть к рисованию и помощи Книвы. Здешний язык изобилует знакомыми словами (если привыкнуть к произношению) из немецкого, французского и даже русского, и понимал его Алексей уже вполне прилично. Но вот изъясняться пока было затруднительно.

Осознав суть коршуновского предложения, публика пришла в восторг. Иные хлопали себя по лбу: как, мол, сами не догадались! Элементарно, Ватсон! Сделать каждому здоровенный щит – и вперед. Тут Коршунова снова осенило: зачем делать щиты каждому, если можно изготовить четыре штуки и запечатать ими бойницы на фасаде дома?

Новый взрыв энтузиазма.

«Но сначала – произвести „зачистку“ поселка», – распорядился Коршунов.

Он не забыл уроков квеманского набега.

Зачистка не заняла много времени, поскольку остров был невелик, а путь с него был только один. Кстати, предусмотрительность Алексея, пославшего парней к воротам, оказалась не лишней. Двое квеманов попытались ускользнуть. Попытку пресекли. Правда, в процессе пресечения в очередной раз подранили Вутериха, но рана оказалась пустяковой.

Дальше все шло как по маслу. Из подручного материала соорудили четыре здоровенных щита. Квеманы, конечно, утыкали их стрелами, но это не помешало нападающим прижать щиты к окнам и подпереть снаружи штакетинами. После чего Коршунов и Агилмунд взобрались на крышу. В крыше обнаружилась солидных размеров щель, «продух» очага. В Агилмунда, заглянувшего внутрь, тут же пустили стрелу, но у Одохарова десятника оказалась хорошая реакция.

– Разберем крышу, спрыгнем вниз и покажем этим недоноскам, что такое настоящие парни! – предложил он Коршунову.

Но Алексей решил, что лично он недостаточно подготовлен для подобного плана. Тем более что есть вариант получше. Например, кинуть вниз дымовую шашку и подождать, пока пчелки сами полезут из улья. Шашки у Коршунова не было, но ее с успехом можно было заменить снопами тлеющей соломы. Коршунов ознакомил с идеей Агилмунда, тот одобрил, и спустя полчаса план был с успехом реализован. Несмотря на все усилия защитников «крепости», из всех дырок строения повалил дым, а чуть погода – и сами защитники, хрипя и кашляя, распахнули двери и вывалились наружу... Где их и повязали.

Глава пятая Алексей Коршунов. ТТ

Всех пленников, около сотни человек, разделили на две группы. Одну: детей, женщин и стариков – заперли в каком-то сарае. Мужчин и подростков мужского пола обыскали, связали и под охраной разместили в том самом большом доме. Захваченных в поселке девушек (в том числе черепановскую Алафриду) освободили и привлекли к систематизации трофеев. Трофеев было изрядно. Предметом особенной радости были слитки «сырого» железа, обнаруженные в здешней кузне. Общим весом примерно в тонну. Вся добыча сносилась на полянку перед большим домом и раскладывалась на траве для последующего дележа. Бойцы Коршунова методично обшаривали все и всех, не обходя вниманием даже медной пряжки от пояса. Выгребали подчистую.

Коршунов в этом деле не участвовал. Он искал Черепанова. Или хотя бы его следы...

Ничего.

Даже избирательный опрос (с помощью Книвы) местных жителей дал нулевой результат. Квеманы либо действительно ничего не знали, либо делали вид, что не знают.

Мрачный и злой, он, по зову Агилмунда, явился на дележку трофеев. Мрачный и злой, он устался на свалку разнообразного барахла... И вдруг углядел в куче металлических предметов знакомый проблеск вороненой стали.

Миг – и у него в руках смертоносная игрушка, порождение технологии, которая и не снилась здешним кузнецам. Пальцы удобно легли на прохладную рубчатую рукоятку со знакомыми пятиконечными звездочками. На мгновение Коршунову показалось, что он

вернулся домой и эти люди вокруг – чужие люди в странной одежде с допотопным оружием – не реальность, а дикая киношная массовка. А реальность – небольшой увесистый предмет у него в ладони. Пистолет Токарева. Личное оружие нападения и защиты, в просторечии – ТТ. Калибр 7,62, емкость магазина – восемь патронов.

Алексей привычным движением извлек обойму, оттянул затвор, выщелкнул на ладонь «семечки». Один, два, три, четыре, пять... Пять. Да, все верно. Пять патронов и три пустые гильзы... Коршунов неторопливо заправил патроны обратно, вогнал на место обойму, поднял глаза и обвел всех этих чужих людей тяжелым недобрым взглядом. Где-то внутри клубилась, поднимаясь вверх, черная мутная ярость.

– Кто? Положил? Это? – раздельно произнес он.

– Я, – ответил один из одохаровских дружинников. Лицо слегка побледнело под угрюмым взглядом Коршунова.

– У кого взял? – так же медленно и негромко спросил Алексей.

Дружинник показал на одного из квеманов.

Не дожидаясь дополнительной команды, Книва с Сигисбарном выдернули указанного пленника из толпы остальных, подтащили к Коршунову.

Руки у квемана были связаны, в глазах был страх. Но квеман не сопротивлялся.

Черт! Знакомая морда... Да, точно. Коршунов уже спрашивал его о Черепанове. И эта сука заявила, что ничего не знает...

Так же неторопливо Алексей сунул ТТ под тугой ремень, шагнул вперед и врезал квеману в челюсть.

Ноги у квемана подкосились, но Коршунов не дал ему упасть, ухватив за волосы.

– Значит, ты не знаешь, где он, пидор вонючий? – почти шепотом проговорил Алексей, глядя в мутные глаза квемана и чувствуя, что еще чуть-чуть – и ярость вырвется наружу. И тогда...

Квеман оскалился – рот у него был в крови – и бросил какое-то слово... Коршунов не понял, но планка уже упала...

Подброшенный страшным ударом квеман отлетел назад, на Сигисбарна. Тот вновь толкнул его к Алексею...

Ближайшие несколько секунд выпали из памяти Коршунова.

Когда он очнулся, то обнаружил, что Ахвизра и еще один дружинник крепко держат его за руки, а квеман хрипит и корчится на земле.

Коршунов зажмурился и снова открыл глаза. Ничего не изменилось, только теперь перед ним стоял Агилмунд, а чуть позади – Книва.

– Нет, Аласейя, – убедительно проговорил Книва. Указывая на пистолет: – Это – вещь Гееннаха?

– Да...

– Не убивай квеман. Сначала – спросить: где Гееннах? Так, Агилмунд?

Агилмунд энергично кивнул.

– Я спрошу, – сказал он. – Я – лучше. Ты – в гневе. Можешь убить. Я спрошу – он скажет. Я умею. Меня Скулди-гепид учил.

Коршунов кивнул, и его отпустили.

Агилмунд сделал знак. Квемана подняли. Он был в сознании. И даже сказал что-то насмешливое.

Очень храбрый квеман.

Агилмунд крепко взял его левой за затылок, а большой палец правой хладнокровно вдавил квеману в глаз. Тот заорал, забился... Но его держали крепко, и Агилмунд продолжал давить, пока глазное яблоко не лопнуло и содержимое его потекло по щеке квемана...

Коршунов успел за эти дни навидаться всякого, но это зрелище... Содержимое желудка подступило к горлу Алексея. Он поспешно отвернулся и быстро пошел прочь. За ним никто не последовал. Только истошный нечеловеческий вопль квемана...

Спустя некоторое время его нашли Книва и Агилмунд.

Квеман оказался молодец. Держался долго, но в конце концов все рассказал. Гееннаха в городке нет. И не было. Но его не убили. Квеманский вождь, один из тех, кто командовал набегом на поселок (шлем второго носит Аласейя), запретил. Потому что Гееннах сотворил огненное волшебство. Смертное волшебство с громом и молнией.

– Может, все-таки Гееннах бог, а не герой? – спросил Книва. – Может, ошибся Овида?

Коршунов мотнул головой.

– Говори, – процедил он. – Что дальше?

А дальше было так, что квеманы не могли понять, кто же есть Гееннах. И решил вождь взять Гееннаха и отвезти его к квеманским богам. Пусть боги скажут, кто это.

– И где есть квеманские боги? – хриплым голосом спросил Коршунов.

Увы. Где обитают квеманские боги (не те боги, которые рядом живут, а те, которые разговаривают), не знали даже квеманы. Это – великая тайна. Квеманский вождь ее знает, да. Большие квеманские жрецы знают. Простые квеманы – нет.

– Я пойду и узнаю, – сказал Коршунов. – Вы – со мной?

Книва смутился, а Агилмунд покачал головой.

– Квеманская земля – большая, – сказал он. – Квеманов на ней много. Не найдем ничего. Смерть найдем. Да. Одохар сказал: этих квеманов побить – назад идти. И ты с нами иди, Аласейя. Ты – сильный вождь. Удачу приносишь. Прости, что я тебе квемана убить не дал...

И тут же они оба, наперебой с Книвой, принялись убеждать Алексея, что зря он так разгневался, что даже глядеть не захотел, как квемана допрашивают. Мертвый квеман ведь ничего не скажет. Или Аласейя умеет с мертвыми говорить? Умеет? (Коршунов покачал головой.) Ну вот! Значит, прав Агилмунд. А теперь Аласейя вполне может квемана прикончить за то, что тот руками своими непотребными к священной вещи Гееннаха прикасался. Пусть только прикажет Аласейя – и квемана тотчас приведут, точнее, принесут, потому что сам квеман ходить не может, сомлел от Агилмундовых вопросов.

– Да хрен с ним, – буркнул Коршунов по-русски. И добавил по-местному: мол, гнев прошел и не нужна больше ему, Аласейе, квеманова жизнь.

Это сообщение очень обрадовало и Книву, и Агилмунда. Оказалось, что квеман этот представляет большую ценность. Поскольку мужество изрядное проявил. Такого выдающегося квемана было бы очень хорошо в погребальной церемонии использовать, когда, по возвращении их, в поселке мертвых будут хоронить.

Как именно предполагалось использовать мужественного квемана на похоронах, Коршунов спрашивать не стал. Он и так догадывался. Да и наплевать ему было.

Алексею нужно было принять решение. Причем сделать это сейчас. Искать ли ему Генку самостоятельно? Или вернуться с Агилмундом?

Ответ на вопрос был дан самим Черепановым. Точнее, его собственными словами: единственный безопасный способ перемещаться по этой земле – во главе личной армии. Значит, так тому и быть. Сегодня он, Леа Коршунов, сделал еще один шаг в данном направлении. Вполне удачный шаг. Так что, пройдет еще какое-то время...

А Генка не пропадет. Не такой человек подполковник Черепанов, чтобы пропасть. Он продержится. А Коршунов сколотит-таки свою армию. И тогда хана квеманам. И их богам тоже хана.

«Короче так, Генка, – мысленно поклялся он. – Я к тебе приду и вытащу тебя из любой жопы. Ты только дождись...»

– Мы возвращаемся, – сказал Коршунов вслух. – К Одохару. И уходим сразу. Пока другие квеманы не пришли.

Возражений не последовало.

Правда «сразу» не получилось. Надо было еще:

«упаковать» добычу,

отобрать пленников, которых собирались взять с собой,

хорошо покушать,

перетрахать всех квеманских женщин подходящего возраста.

Именно в такой последовательности. А уж проделав все необходимое, спокойно трогаться в путь.

На всякий случай Агилмунд отрядил четверых воинов наблюдать за окрестностями. Из поселка точно никто ускользнуть не мог, но ведь и гости могли в городище заявиться. Могли, но не явились. Так что ближе к закату небольшой караван, состоящий из двух десятков впряженных в волокуши квеманов, шести наиболее приглянувшихся квеманок (тоже изрядно навьюченных), освобожденных пленниц и очень довольных победителей, перебрался через болото и отправился в обратный путь.

Освобожденные девушки, впрочем, были не слишком веселы. Особенно Алафрида, которая в одночасье лишилась всех родных, да в придачу друг сердечный пропал в неизвестном направлении. Еще пару дней назад Коршунов непременно постарался бы ее утешить. Хотя бы из чувства долга перед Генкой. Но не сейчас. Жива, цела – и ладно. Остальное... Перемелется – мука будет.

К концу второго дня они добрались до места, где были оставлены лошади, а к полудню третьего уже были дома. Хотя это место Алексей вряд ли назвал бы своим домом, но по местным законам его «дом» был именно здесь. Поскольку здесь жил род его «квено» Рагнасвинты. Впрочем, Коршунов пока даже и не догадывался о том, что женат.

Глава шестая Алексей Коршунов. Тризна

Нет, эти люди – ненормальные. «Законсервировать» своих покойников, обмазав тонким слоем меда, и держать так до возвращения «мстителей» – это нечто. Когда «консервы» укладывали на погребальные костры, шмон стоял: на сто метров не подойти. А этим – хоть бы что. С шутками-прибаутками, ГОЛЫМИ РУКАМИ, таскали полуразложившиеся трупы. Страшно довольные, потому что «мстители» вернулись с победой, добычей и двумя десятками квеманских мужиков, половину из которых (тех, кого компетентные специалисты признали наиболее отважными) предполагалось прикончить и кинуть в погребальные костры, «дабы в посмертии свидетельствовали доблесть погибших».

Еще меньше Коршунов понимал квеманов, которые покорно брели на убой, надрываясь, тащили волокуши, хотя иным, раненным во время захвата городка, и просто ноги переставлять было трудно. И наверняка ведь знали, что их ждет. Да любой нормальный человек в подобной ситуации шагу не сделал бы. Что это? Рабская психология? Но эти люди не были рабами ни по рождению, ни по воспитанию. С точки зрения Коршунова, они вообще мало чем отличались от обитателей поселка. И язык почти такой же, и внешнее сходство имеется. И дрались за свое городище достаточно отважно и упорно. А потом враз переменились. Как будто поменялись ролями в игре «казаки-разбойники». Что стоило бы, например, любому из них скинуть петлю волокуши и ломануться в лес? В свой собственный лес, кстати. Ну догнали бы... может быть. Ну убили бы... в самом худшем случае. Почему люди, которым, по сути, нечего терять – хуже точно не будет, – идут на убой? Прямо как овцы на мясокомбинате. Даже хуже. Овцы-то как раз не знают, что их будут убивать. Кабы знали, хрен бы пошли. А эти знают – и идут. Какой-то идиотский фатализм. И с этим следовало разобраться. Обязательно. Потому что Коршунову среди этих людей – жить. И если все сложится, как задумано, ему этими людьми придется командовать. Следовательно, надо знать, что ими движет. Какие у них жизненные ценности. Ведь если группа людей ведет себя по-идиотски, это еще не значит, что они дебилы. Возможно, у них иные жизненные ценности. Возможно, они прошли соответствующую обработку (как, скажем, члены тоталитарной секты в том мире, откуда выпали сюда Коршунов с Черепановым), возможно (и наверняка), они иначе относятся к смерти. Разве мало людей, для которых честь важнее жизни? Может быть, эти квеманы полагают честью, проиграв битву, умереть на погребальных кострах победителей? А что, очень даже может быть. Разве можно назвать дурой жену того здоровенного парня, Герменгельда (одну из трех, попавших в плен к квеманам и освобожденных «коммандос» Коршунова), которая, узнав о смерти супруга,

перерезала себе горло и была уложена на костер рядом с мужем? Разве кое-кто из современниц Алексея не захотел бы поступить так же в аналогичной ситуации? И поступили бы, если бы традиция одобряла подобное. А здесь такое действие не только не осуждалось, но и считалось вполне достойным. Честь выше жизни. Детские игры взрослых людей. Смертельные игры. Правда, дети самоубийцы не остались сиротами. О них, как понял Коршунов, должен был позаботиться род.

Пылали костры, в воздухе плыл чад горелого мяса. Шипело пиво, льющееся из кувшинов в чаши. Хрустели на зубах свиные хрящи и утиные косточки. Тризна!

Нет, у этих ребят определенно другая психология. И все же кое в чем сходство с современниками Коршунова – налицо. Кое-кто из тех тоже мог нажраться на поминках до полного освинения. ТАМ Алексей терпеть этого не мог, здесь же... Как будто что-то родное проступило.

Длинные столы были поставлены на речном берегу. В непосредственной близости от чадающих погребальных костров.

Пили все. Сельчане обоих полов, скалксы (так по-здешнему называли холопов, полурабов-полурабочников, не имевших «гражданских прав»), дружинники Одохара. Даже обнаглевшие хундсы ухитрились лакать из хозяйских чаш, когда хозяева сами уже были не в состоянии.

Прислуживали главным образом пленные квеманы. Последние, кстати, могли кардинально подпортить победителям праздник, подмешав яду в напитки или попросту перерезав горло не вяжущим лыка...

Ели, пили, отползали проблеваться – и снова ели и пили.

Коршунов тоже пил. «Квено» Рагнасвинта внимательно следила, чтобы их чаша (пили они из одной емкости) не пустела. Властно покрикивала на «обслуживающий персонал». Очень быстро захмелела и принялась «грязно приставать» к Алексею. Впрочем, такое поведение не было чем-то особенным. Слева от Коршунова «тесть» Фретила оглаживал пышные формы Свинкиной мамочки, а слева от мамочки ее старший сын Агилмунд, усадив на колени пленную квеманку, недвусмысленно шарил у нее под юбкой, и нельзя сказать, чтобы квеманке это не нравилось, а кто-то из присутствующих косо поглядывал на происходящее.

Впрочем, один недобрый взгляд Алексей все же поймал: старый знакомец Алзис пялился на Коршунова с откровенной ненавистью. Коршунов никак не мог взять в толк, почему этот угрюмый парень так злобится. Неужто так из-за той квеманки обиделся? Впрочем, это его трудности. Но раздражает.

Может, пристрелить его? За поясом Коршунова красовался черепановский ТТ (сквозь кольцо пропущен ремешок – не дай Бог потеряется), поэтому он чувствовал себя круче страусиных яиц. Тем более что все серьезное оружие пирующих было аккуратно сложено в избе Фретила: на тризне вооруженным пировать не полагается. Хотя ножи, конечно, были у всех. И у Коршунова. У него был самый крутой нож, поскольку – ТАМОШНЕГО производства. В спаскомплекте Алексей обнаружил пару «ножей выживания»: с кучей полезных вещей в полых рукоятях и устрашающими зазубринами на обухе. Но главным их достоинством были, конечно, не зазубрины, и даже не крючки-иголки в ручке, а невероятной твердости нержавеющая стальюга. Пожалуй, с точки зрения полезности эти штуковины были поценней, чем тесаки-«мачете».

Родич покойника Хундилы сверлил Коршунова взглядом, пока это не заметила Рагнасвинта. Она сразу оживилась. Пихнула Алексея: видишь, мол, как эта немочь на тебя смотрит? Ну не весело ли? И очень звонко расхохоталась. Тут Алзис, который и без того был бледен, и вовсе позеленел, шваркнул об стол недопитую чашу, обрызгав соседа пивом, и сбежал.

Более или менее пристойно вели себя те, кто обосновался во главе стола. Там устроился сам Одохар, а справа от него – Травстила.

Рикс пил относительно немного, а Травстила, хоть и вливал в себя чашу за чашей,

оставался в идеальной форме.

Они беседовали. Причем вполне вероятно, что беседовали – о Коршунове. Алексей пару раз ловил на себе их взгляды. Но самого разговора не слышал. От Одохара Алексея отделяло всего двое: Фретила с супругой, но гам стоял такой, что Коршунов и Рагнасвинту слышал через слово, а понимал – через пять. Впрочем, ее и слушать было нечего. Обычное щебетание...

Как в анекдоте: «А у меня жена – такая умница. И красавица, и по дому все делает, и веселая такая: все щебечет, щебечет, щебечет... идиотка...»

Одно из железных правил, усвоенных Коршуновым в ТОЙ жизни: чем меньше пытаешься вникнуть в смысл того, что говорит женщина, тем лучше для обоих. Главное; правильно улавливать интонацию.

Агилмунд внезапно воздвигся из-за стола, перешагнул через скамейку, подхватил молоденькую квеманку поперек туловища и молодецким рывком вскинул на плечо.

Квеманка запищала и задргала ногами в воздухе. Одежка ее задралась, явив взглядам пирующих не только ноги, но и то, что между ними. Вслед Агилмунду полетело несколько реплик. Очевидно, рекомендации по поводу того, как наилучшим образом употребить аппетитный «десерт». Агилмунд реплики проигнорировал. Пошатываясь – не от тяжести ноши, конечно, а от поглощенного пива, – направил стопы к ближайшим кустам.

Рагнасвинта больно укусила Коршунова за ухо. Как он смеет глазеть на «прелести» какой-то квеманской девки, когда она рядом! Куснула – и тут же принялась ластиться.

А на дальнем конце стола тем временем назрела ссора. Одохаровский дружинник Ахвизра наехал на Книву. Заговорил яростно, обвиняя его в чем-то. Коршунов расслышал имя «Нидада». Алексей знал, что так звали парня, которому перерезали горло на болоте. Почему – еще не разобрался. Что-то, связанное с квеманами и Книвой.

Он еще размышлял, стоит или не стоит вмешиваться, когда Книва что-то брякнул, а разъяренный Ахвизра вскочил и схватил его за горло. Тут уж медлить было нельзя, и Алексей бросился на помощь. С другой стороны на подмогу брату устремился Сигисбарн...

Но быстрее всех успел рикс.

– Ахвизра! Отпусти! – рявкнул он командным голосом.

И Ахвизра с явной неохотой разжал пальцы.

Книва, потирая горло, глядел исподлобья. Волчонок.

– Иди сюда, Ахвизра! Сядь! – Рикс хлопнул рядом с собой по лавке.

– Аласей! – Рагнасвинта повисла у него на локте и затараторила. Насколько сумел понять Коршунов, она советовала ему немедленно прикончить нехорошего Ахвизру, покусившегося на ее родича.

Ахвизра, как раз проходивший мимо, приостановился, поглядел на Коршунова угрюмо... А потом вдруг ухмыльнулся, подмигнул и, показав на Рагнасвинту, сделал неприличный жест. Подруга Коршунова свободной рукой попыталась ответить на оскорбление действием, но Ахвизра ловко увернулся, захохотал и вполне довольный плюхнулся рядом с риксом. И тут же ухватил кувшин с пивом.

– А он прав, – заметил Коршунов. – Пойдем-ка на речку.

Рагнасвинта нахмурила светлые бровки... Потом сообразила, просияла и потащила Коршунова на бережок.

На *это* дело она готова была утром, днем, вечером, ночью – словом, в любое время суток. Но никогда сама не проявляла инициативы, за исключением того, первого, раза. Должно быть, этого требовали местные правила хорошего тона. А традициям здесь, как успел заметить Коршунов, следовали железно. Все. От десятилетнего пацана до самого рикса. Нужно было быть богом или залетным героем вроде Коршунова, чтобы тебе позволили нарушить некоторые из правил. Богом или скалксом.

Глава седьмая Алексей Коршунов. Местные понятия о браке

Просвещал Алексея Книва. Сигисбарн же – присутствовал. Восседал на пеньке с важным видом, молча свидетельствуя истинность сказанного младшим братом.

Итак, все здешние женщины, обладающие гражданскими правами, делятся на три категории: мави, тиви и квено.

Мави – это незамужняя девица. Мужней власти над ней нет, только родительская. Посему она может делать все, что ей заблагорассудится. В рамках дозволенного традицией. Рамки эти довольно широки, но кое-что запрещено. Например, нельзя вольной девице потерять невинность. Потому что после этого она автоматически переходит в одну из двух следующих категорий: становится квено, то есть мужней женой, если совратитель девицы выразит на то свое желание. Или же – тиви, если попользовавшийся девушкой такового желания не выразит. Но он может оставить бывшую девицу при себе. В качестве наложницы. Или не оставить. Опять-таки – на усмотрение совратителя. То есть девица сама остро заинтересована в том, чтобы соблюсти честь, иначе ее социальное положение может существенно упасть, поскольку ярлык «тиви» – это пожизненно. И это не только позор, но и ущемление в правах – и для самой согрешившей девицы, и для ее детей. Ограниченное право наследования, например. Но не следует думать, что любому обольстителю «порча» невинной девушки сойдет с рук. Потому что за каждой здешней девушкой, как правило, стоит род. А родичи могут счесть, что превращение их представительницы в «тиви» является оскорблением рода. Согрешившую могут и убить: как-то казнить с помощью лошадей. Ну и совратителю, ясное дело, тоже мало не будет. Вопрос о том, ущемлена ли честь рода, решает старейшина. Например, если род не Бог весть какой крутой, а совратитель – рикс или выдающийся воин – огласен взять бедняжку в наложницы, так и ладно. Но «тиви» – это пожизненно. В законные жены ее уже никто не возьмет.

Вот, например, Аласейя мог бы Рагнасвинту в наложницы взять. При желании. Поскольку он есть официально признанный «небесный герой», а Рагнасвинту к нему лично батя Фретила заслал. Но Аласейя, к роду Фретила и раньше необычайно расположенный, решил и вовсе беспредельное почтение роду сему оказать: взял девку в законные жены. И это хорошо, потому что крайне своенравна Рагнасвинта. Не то что братьям старшим – отцу с матерью непрерывно перечила. Чтобы такую укротить, настоящий герой нужен: обычному мужу не совладать.

Сказать, что Коршунов удивился, получив эту информацию, – значит, сильно преуменьшить его истинные чувства. Неожиданно узнать, что милая подружка, которую ты рассматриваешь именно в этом качестве и ничуть не более, – является твоей законной женой... Конечно, Алексею хватило ума держать свое удивление при себе. А то ведь оскорбленные родичи и зарезать могут. Или конями стоптать. Предельно деликатно и осторожно Коршунов попытался выяснить, в чем выразилось его согласие взять очаровательную Свинку в законные жены. Выяснил. Выматерился про себя самыми нехорошими словами.

Оказалось, знаком согласия является так называемый утренний дар. Компенсация за пролитие девственной крови. В данном случае – шелковый вкладыш от спальника, так его растак! Муж дает этот самый «утренний дар», а жена приносит приданое, примерно равное по стоимости «дару».

Тут Книва поспешил заверить новоявленного родича, что это самое приданое никто не замылил. Все уже отложено в отдельный сундучок. А ежели Аласейя решит, что мало – они же понимают, как велика цена «небесной» ткани (Сигисбарн энергично кивнул), – то можно и прибавить, нет проблем. Род Фретила – богатый. Вотан свидетель, не пожалеет Аласейя, что с ними породнился.

«А может, все не так уж и огорчительно?» – подумалось тут Коршунову.

Кто он тут? «Небесный герой». Статус, конечно, высокий, но неустойчивый. Насколько знал Коршунов, чтобы стать своим в сообществе подобного типа, надо здесь родиться. Пришелец, проживи он рядом хоть тридцать лет, все равно остается пришельцем. Но если он женат на местной – совсем другой расклад. Да везде так! Хочешь войти в высшую касту:

соединись супружескими узами с тем, кто уже внутри. Иначе так и помрешь нуворишем.

– А как насчет развода? – поинтересовался Коршунов. – Что делать, если взаимоотношения супругов не сложились? Бывает такое?

Бывает, признал Книва. В этом случае жена собирает вещи (приданое и часть нажитого совместно имущества – сколько муж даст) и возвращается к папаше. Тиви она после этого не становится и может вдругорядь замуж выйти за хорошего человека. Но такое редко бывает. Чаще квено не разведенкой становится, а вдовой. Вдова же может наследовать имущество мужа полностью. Но традиция этого не одобряет. Традиция полагает, что жена обязана последовать за мужем. В лучший мир.

А вот для тиви это не обязательно. Хотя ежели захочет – милости просим. Общественное мнение такое решение вполне одобрит.

«Надо будет завещание составить, – сделал заметку в памяти Коршунов. – Ежели со мной что случится, то я настоятельно требую, чтобы Рагнасвинта за мной не последовала». Обоснование какое-нибудь серьезное придумать и Фретилу в свидетели взять. По здешнему образу жизни, грохнуть могут в любой момент. И незачем юной Свинке в его погребальном костре гореть. Ни к чему.

Внезапно в голову Коршунову пришла интересная мысль.

– А сколько у мужчины может быть жен? – поинтересовался он. – Одна? Или больше?

Книва с Сигисбарном искренне удивились.

– Конечно, одна, – последовал решительный ответ. При двух женах как после смерти мужа имущество делить между наследниками? Нет, квено только одна. А вот тиви – сколько потянешь. Вот у Одохара, военного вождя, – две тиви. А у Стайны, вождя мирного, – целых три. Хотя говорят, он, хи-хи, и с одной-то еле управляется. И такому воину, как Аласейя, просто положено тиви иметь. Куда он иначе будет силу свою изливать, когда у квено дни неподходящие или там беременность на последнем месяце?

Тут впервые подал реплику Сигисбарн: мол, можно и без тиви. Можно и рабыню попользовать. Вот он, Сигисбарн, вполне обходится. С рабыней оно даже и проще: подол задрал – и поехали. Никаких хлопот, и от дурного женского нрава ущерба не потерпишь.

Книва возразил, что это у Сигисбарна могут быть с женщинами хлопоты, а у «небесного героя» Аласейи таких проблем в принципе быть не может. Под Аласейей любая женщина змейкой стелиться будет. Вот на ту же Рагнасвинту поглядеть: до чего вреднющая девка, а Аласейе просто в рот смотрит. Аласейя и сказать не успел, а Рагнасвинта уже бежит исполнять.

«Ну Аласейя иной раз и скажет – не поймешь», – возразил Сигисбарн. Но в целом согласился: вышколил Аласейя жену. Причем в самые кратчайшие сроки. Ну так и не удивительно: он же герой.

«Н-да, – подумал Коршунов. – Какие интересные вещи вдруг про себя узнаешь. Самому бы сроду не догадаться».

Глава восьмая Алексей Коршунов. «Одохар зовет!»

Послышался стук копыт. Со стороны поселка наметом подлетел всадник. Осадил, красуясь, точно у ворот.

Агилмунд.

– Аласейя! Одохар зовет! – Подумал немного и добавил: – Хорошо зовет. Приходи! – Развернулся и полетел обратно.

Сигисбарн и Книва проводили старшего брата завистливыми взглядами.

Коршунов озадачился: в каком смысле «хорошо зовет»? В смысле: приходи по-хорошему? Или – с почтением приглашаю?

Решил, что второй вариант ближе. С чего бы рикс стал ему угрожать?

– Я сейчас, – сказал он новообращенным родственникам и зашел в избу – переодеться.

По зрелом размышлении решил снятую с квеманского вождя куртку, местный

«бронежилет», не надевать. И шлем тоже. Нацепил трофейный пояс непомерной ширины, к поясу привесил тесак и «рэмбу», выживательный ножик. На шею хронометр нацепил. На местных жителей хронометр производил убойное впечатление: днем блестит, ночью светится, циферки мигают, стрелки двигаются...

Поверх всего этого «великолепия» накинул плащ из красной парашютной ткани. С точки зрения нормального человека – натуральный клоун, но местным должно понравиться. Им – чем ярче и пестрее, тем лучше. Вот и братья Фретилычи аж рты открыли в восхищении. Эх, им бы телевизор показать или почти новую сотую «авдюху», которую Алексею из Германии полгода назад пригнали... Эх! Да... – Коршунов печально вздохнул.

– Пошли, – сказал он. – Рикс ждет.

Одохар «съехал» с холма и теперь квартировал у Фретилы. Дружинники тоже разбрелись по уцелевшим дворам. Все они были или сами здешние, или родственники здешних. Вот уж воистину родовой строй.

Внешний вид Коршунова риксу понравился. Особенно плащ и хронометр. Плащ восхитил – таких ярких красителей здесь не водилось, а хронометр заинтересовал. Коршунов отметил в уме: надо бы Одохару кусок парашюта подарить.

– Добро тебе, рикс, – поприветствовал Коршунов.

– Добро и тебе, Аласейя.

Домочадцы Фретилы вкупе с прочими любопытными по ту сторону плетня с интересом внимали.

Одохар окинул взглядом «зрителей», хмыкнул:

– Пойдем, Аласейя, – и, со значением: – Это разговор двоих.

Они вышли с подворья, и Одохар решительно направился к холму. Вопреки ожиданиям Коршунова, никто за ними не увязался.

– Ты не нашел своего друга-героя, Аласейя, – утвердительно произнес рикс. – Будешь искать?

– Буду, – ответил Коршунов. – Не сейчас. Позже.

– Понимаю. – Одохар шагал быстро, размашисто, совсем не так, как ходят во время прогулки. Но рикс всегда так ходил. – Понимаю. Ты герой. Но ты – один. Квеманов много. Даже Иббе-вутье не победить всех квеманов.

Коршунов слышал это имя и знал, что вутья – что-то вроде берсерка. Вероятно, рикс сказал ему комплимент.

– Даже герою нужна дружина. Я дал бы тебе воинов, Аласейя, – сказал Одохар. – Я знаю, что ты удачлив. В нищем селении большую добычу взял, пленников всех своих обратно привел.

– Твои воины хорошо бились, – тоже решил польстить Коршунов.

– Они всегда хорошо бьются, – отмахнулся Одохар. – Храбрости воинов мало. Удача вождя нужна. Ты удачлив. Я дал бы тебе воинов, чтобы отыскать твоего друга Гееннаха, но не могу. Я большое дело задумал, Аласейя. Большой поход. Не один я пойду. Другие вожди тоже пойдут. Не одни лишь гревтунги. Герулы пойдут. Боранов позовем. Большое войско поднимем. Богатую добычу соберем. И славу немалую... – Рикс остановился, заглянул в глаза Коршунова: – Пойдешь со мной, Аласейя?

У Коршунова чуть не сорвалось: «Да», но он вспомнил, как Генка когда-то сказал: «Никогда не говори „да“ сразу. Сначала подумай. А если думать не о чем, просто помолчи».

Поэтому Коршунов молчал, и Одохар, видимо, решил, что собеседник колеблется.

– Твой друг – великий воин, – сказал он. – Сам Овида-жрец так сказал. Не станут квеманы такого воина губить. И боги их не станут. Вернемся из похода – сам к квеманам пойду. Не отдадут Гееннаха добром, силой возьмем... Пойдем со мной в бург, Аласейя! Пойдем со мной в великий поход! Я тоже удачлив, но и твоя удача пригодится! Больше удачи лучше, чем меньше! – Рикс улыбнулся. – Что тебе здесь, Аласейя? Вон и родичи твои со мной в бург пойдут. Фретила тебе телегу даст: добро везти. Я слышал, у тебя много добра, Аласейя?

«Интересный вопрос», – подумал Коршунов. Ответил осторожно:

– Кое-что есть. Не так уж много.

Одохар расхохотался.

– Вижу, не зря Фретила с тобой породнился, – заметил он. – Такие, как он и ты, бедными не бывают. Таким люди сами дают и спрашивают: не мало ли дали?

«Твои бы слова – да в уши каким-нибудь питерским банкирам, – подумал Коршунов. – А еще лучше московским...»

Тут он вспомнил, что нет больше ни банков, ни банкиров и от всего прежнего остался только спускаемый аппарат, утопший в здешнем болоте, да Генка Черепанов – неизвестно где... Вспомнил и опечалился. Но виду не показал.

– Благодарю тебя, рикс, за приглашение, – произнес он ровно. – Я поеду с тобой в бург. И в поход с тобой пойду... Если не передумаешь.

– Мое слово крепко, как древко копья Вотана, – с легкой надменностью произнес Одохар. – Иди собирайся. Завтра поутру уходим.

Глава девятая Алексей Коршунов. «Были сборы недолги...»

Самым ценным предметом, оставшимся от ТОГО мира, безусловно, была аптечка. Антибиотики, стимуляторы и транквилизаторы, обеззараживающие и дезинфицирующие средства, витамины, даже сыворотка от змеиного яда. А вот самым ценным с точки зрения мира ЭТОГО, несомненно, являлся парашют. Хотя и прочие предметы были весьма ценными. Например, два отличных компаса. Ножи, фляжки, «пингвин», шестнадцатикратный монокуляр (к счастью, без электроники, голая оптика), спальники, крохотная палатка. И даже кучка вроде бы бесполезной электроники, вроде компактного газоанализатора. Все имущество ОТТУДА, за исключением парашюта, уместилось бы в одном рюкзаке, а весило вообще пустяки. Поскольку те, кто комплектовал снаряжение, боролись за каждый грамм веса. Но кроме имущества «небесного» у Коршунова имелись и «земные» богатства. Трофеи, взятые во время набега на квеманов: тройная доля, причитавшаяся Алексею, формальному командиру. Одного только «сырого» железа – почти три пуда. Железо Коршунов уже «пристроил»: договорился с Травстилой, который тоже ехал в бург вместе с Одохаром. Но доставка – на Коршунове. Еще – приданое Рагнасвинты. Два бочонка, набитых всяческим барахлом, несколько мешков зерна, пудовая «упаковка» меда. Все принято Коршуновым, можно сказать, «по описи». Пришлось. Иначе Фретила обиделся бы смертельно. Так что телега, предоставленная тестем (на время, как было особо подчеркнуто), оказалась нагруженной под завязку. Кроме того, Коршунов обзавелся конем. Коня, крепкого рыжего мерина, сторговали для Коршунова вместе с упряжью Сигисбарн с Книвой. Выглядел мерин так себе, но братья утверждали, что конь хорош. Алексей не спорил: он разбирался в лошадях примерно как братья – в мотоциклах. Стандартную местную упряжь Коршунов дополнил собственным новшеством: стременами. У некоторых дружинников новация вызвала улыбки. Мол, если кто верхом ездить не умеет, так все равно свалится, а от этих висюлек только хуже будет. Нога, например, застрянет... А вот рикса идея весьма заинтересовала. Он даже самолично их попробовал, проехавшись на коршуновском мерине. И заявил, что для обычной езды от стремян проку немного, а вот для боя они могут быть очень полезны: это ж совсем другой удар получается, если ноге есть во что упереться. Одобрил, одним словом.

Утром тронулись. Одохар – впереди. С широких риковых плеч волной – бело-алый плащ из двух сшитых вместе кусков парашюта. Коршунов выполнил данное самому себе обещание. За риксом – дружина. За дружиной – караван. Шесть возов. Вернее, фургонов. Напоминающих те, что Коршунов видел в ковбойских фильмах: солидные деревянные платформы на больших колесах, с «верхом» из толстой кожи. Плюс упряжка из пары лошадей. Фургоны везли квеманскую добычу и кое-какое барахло, переправляемое поселянами в бург. Первым экипажем, набитым имуществом Коршунова, правила

Рагнасвинта. В синем плаще из дареного супругом вкладыша. Сияя, как хромированный чайник.

За первым возом следовал второй. С добром Фретила. И третий – тоже с имуществом «тестюшки». Вторым фургоном правил Книва. Третьим – коренастый квеман, трофейное «имущество» Коршунова. Не то чтобы Алексей рвался в рабовладельцы, но квеман, как выяснилось, не имел ничего против. Больше того, был даже горд, что попал в рабы к самому «небесному герою».

Ехали по дороге, мало чем отличающейся от обычного проселка между какими-нибудь Дьячково и Осинниками. Только колеи поуже: под тележное колесо, а не под трактор. Вокруг шумел лесок, довольно молодой, чирикали птички, в кустах шустрила какая-то мелочь. Да и не только мелочь: нередко пересекали дорогу цепочки «парнокопытных» следов. С дичью тут было все хорошо. Что естественно. Вон сколько места вокруг, а народу – раз-два и обчелся.

Дружинники ехали беспечно: дозоров не высылали, чесали языками, дремали... Ахвизра вон меч взялся шлифовать, который на свою долю квеманского железа сменял. А когда по клинку точильным камнем водят, звук известно какой. Дружинники ворчали, а Ахвизра и в ус не дул. Совершенно безбашенный мужик. Особенно ежели выпьет. Есть такой тип... «искателей приключений», которые, накушавшись, только и ищут, какое бы безобразие учинить. Тем более, Ахвизра, как пояснил Книва, старший в роду. И последний. С тех пор, как Нидаду на болоте зарезали. Так что Ахвизре стесняться некого. Он вообще только Одохара и слушается. Да еще Агилмунда, потому что Агилмунд – посильнее Ахвизры. И ума у Агилмунда побольше, не без гордости добавил Книва.

Когда Коршунову наскучило стучаться копчиком о седло, он перебрался к Книве. Безрессорная телега тоже не «мерседес», но если сесть на мешок с шерстью – вполне терпимо. По пути Алексей попытался прояснить для себя навязчивый вопрос: почему не страдающие трусостью квеманы вдруг так резко сломались и пошли – кто под рабское ярмо, кто и вовсе на тот свет?

Оказалось – элементарно. Потому что исход любой битвы (по местным понятиям) зависит не столько от количества войска или храбрости оного, сколько от благорасположения горних сил к конкретному полководцу и конкретному же военному мероприятию. А божественное благорасположение, в свою очередь, определяется по прогнозам профессиональных предсказателей (жрецов), личному рейтингу полководцев и, главное, по результатам самой акции. Иначе говоря, если ты победил, значит, боги к тебе благоволят. А к противнику, соответственно, нет. И следовательно, ни о каком немедленном реванше или продолжении борьбы и речи нет. Сначала надо реабилитироваться в глазах высших сил. Например, личным участием в погребальной церемонии противника. В качестве жертвы.

«Выходит, если я удачлив, то могу в одиночку победить десятерых, не уступающих мне силой?» – осведомился Коршунов.

«Если твоя удача с тобой – можешь», – последовал уверенный ответ. Но тут же последовало дополнение: только вутья, личность, особо приближенная к богам, набрасывается один на десятерых. Тот же, кто, не будучи вутьей или величайшим воином, попытается проделать подобное, тот просто дурак. И получит соответственно. Ведь все знают: кого боги не любят, того они лишают здравого смысла. О какой же удачливости тут может идти речь? – Книва даже удивился, что Аласейя не понимает таких элементарных вещей.

Конечно, Коршунов отдавал себе отчет в том, что услышанное – изложение местной воинской доктрины в понимании местного же салажонка. Но Книва же не сам все придумал. Нет, такой подход определенно открывал Коршунову отличные перспективы. Особенно если учесть, что сам он, оказавшись в положении кандидата в жертвы, изо всех сил постарался бы унести ноги. Пусть местные боги обижаются: их проблемы. С другой стороны, набрав значительную массу личной харизмы, можно игнорировать мелочи, которые путаются под

ногами. В том числе и «благорасположение» местных богов. Если даже допустить, что они существуют. Анекдот есть такой, про носорога. Носорог очень большой, у него хорошее чутье и слух тоже хороший, и бегают он очень быстро. Правда, зрение у носорога совсем плохое, не видит ни хрена... Но это уже не его проблемы.

С квеманов разговор перешел на более общие темы. О том, где какие народы живут.

Книва, разумеется, был полностью в курсе. Информацией, как всегда, делился охотно. Правда, понимал Алексей не все, но суть, как ему казалось, улавливал...

На восход и отсюда на много поприщ все правильные люди живут. Славные. По понятиям живут и со здешним племенем, тоже славным безмерно, почти что в родстве. А вот на полдень – народишко похуже обитает. Герулы. Ближние герулы – с которыми недавно война из-за оленя приключилась (в ней Книвин братан Агилмунд лично участвовал) – и дальние. Ближние герулы с дальними в постоянном несогласии пребывают. А с Одохаром у них теперь, после хорошей драки, – мир и дружба. На почве планов будущего совместного грабежа. В общем нормальные ребята. От новых родичей Коршунова почти не отличаются. И язык у них нормальный. Человеческий. За герулами, там где вода большая, бораны хищные обитают, жадные – страсть! У этих и речь не людская, и боги неправильные, но сами – с понятиями мужики. Об этом некий Меритойс рассказывал, который у боранов долго тусовался и речь их бестолковую разуместь научился. С боранами у здешних проблем нет, поскольку помыслы алчных боранов на полдень устремлены, а не на полночь. Не сюда то есть. Если от боранов через море плыть – к ромлянам попадешь. Ромляне – народ хилый, мелкий, но многочисленный. И богатств у них много. Потому бораны к ним тянутся, а не к тем, кто от них на полночь. Хотя вот с герулами бораны время от времени сцепляются. Книва в бургe видел двух рабов из боранов. Их у герулов на шкуры сменяли. Тех боранов две зимы назад, когда недород был, в жертву богам принесли. По слову Стайны, вождя мирного. И вняли боги. Стало быть, дошли бораны до наших богов и умолили их к нам снизить...

...На закат – квеманы злобу точат. За квеманами на полночь анты хищные ярость в себе пестуют, с квеманами в пакостности соревнуясь. А на полдень от антов, где земля безлесна, люди кочевые сарматского корня рыщут. И у антов, и у сармат боги свои, и не счесть богов этих.

А если долго-долго идти на закат, на полночь немного беря, то придешь в край, где сидят племена, змей почитающие. От тех племен до Скандзы недалеко.

На полночь же от земель здешних совсем страшные и лютые народы обитают. Лесами их земли покрыты. И жуткие дела в тех лесах творятся. Сказывают люди, что народов и племен там без счета, и богов великое множество. И дики те народы и в убожестве век свой живут. Еле-еле одежду из шкур звериных скроить себе могут, а к стрелам костяные наконечники ладят.

В общем, скрасил Книва Алексею путешествие занятными байками. К сожалению, информация была достаточно расплывчата. И карту по этому описанию составить было абсолютно невозможно. С другой стороны, если ни о боранах, ни о герулах Коршунов в прежней жизни не слыхивал, анты и сарматы вызывали какие-то полузабытые ассоциации.

– Слушай, Книва, а вы-то – кто? – задал Алексей давно назревавший вопрос.

– Мы? – Книва удивился. – Мы – люди.

– Это я понимаю. Вот ты говоришь: квемань, герулы... А себя вы как называете?

– О! – Книва понял, просиял. – Мы – славные! Очень хорошие! Готс! Славные люди мы!

М-да... Славные люди. Можно сказать, славяне. Что ж, судя по месту обитания и быту – похоже. Если исходить из того, что это – прошлое. Вот только язык не похож. Не мог же он настолько измениться. Или – мог? Или это вовсе не прошлое, а хрен знает что?

Ладно, разберемся, успокоил себя Коршунов. Вот до Рима доберемся – и разберемся. И с оленями, и с баранами. Римляне – ребята четкие: письму обучены, хронологии. Дело за малым: собрать армию из здешних вандалов и – дранг нах остен, то бишь вперед на Рим. В

императоры. Согласно Генкиному проекту. В Риме хорошо. Там – куртизанки. Бани там... римские. Эх...

– Книва, а вы, случайно, не вандалы?

Юный родич энергично замотал головой. Нет, не вандалы. Ни в коем случае. Вандалы – они там живут (широкий жест в сторону леса) и люди они нехорошие, хотя и не без положительных качеств. Подрались любят...

М-да...

Глава десятая Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны

Сначала Коршунов увидел башню и только потом – сам город. Бург то бишь. Он стоял на открытом месте, над рекой, отделенный от леса зелеными полосами возделанной земли, которая здорово смахивала на какое-нибудь садово-огородное хозяйство под Питером.

Когда Коршунов был маленьким, его родители как-то взяли участок в таком хозяйстве, соорудили шалаш и убили целое лето, пытаясь взрастить экологически чистый провиант.

Здесь размеры участков были побольше, но сходство все равно было необычайное. Должно быть, из-за ветхих шалашиков и роющих в земле полуголых человечков.

Сам бург – по здешним меркам – выглядел солидно. Основатели его звали толк в фортификации: поставила крепость на высоком мысу, образованном речной излучиной. С трех сторон, в дополнение к укрепленным бревнами земляным валам, возведенным руками человека, добавлялась преграда естественная: уходящий под воду сыпучий склон. С четвертой стороны был выкопан ров, через который был переброшен бревенчатый настил. Над воротами нависала та самая, заметная издалика деревянная башня.

Размеры бург имел весьма скромные, ограниченные площадью мыса, поэтому большая часть построек оказалась вне городских валов. Постройки эти возводились по тому же «типовому» проекту, что и избы в поселке. Отличались они друг от друга только величиной и «степенью износа».

Примерно в полукилометре от города на берегу располагался «порт». Он состоял из обширной поляны, поросшей дикой травой, пяти длинных черных одноэтажных строений и трех деревянных причалов. У одного из них отдыхал кораблик со свернутым парусом, размерами с рыболовный баркас; на других пирсах местное население занималось стиркой. На речном песке сохло около двух дюжин больших и малых лодок.

Отряд заметили. Работавшие на полях прекратили трудовую деятельность. Кто-то выкрикнул приветствие. Коршунов соскочил с телеги, но на коня не сел, пошел пешком. Не из скромности, а потому что на своих двоих чувствовал себя увереннее, чем в седле.

Копыта коней простучали по настилу. Потом по нему прогрохотали колеса телег. Отряд въехал в ворота. Коршунов с интересом осмотрелся. Вдоль стен, изнутри, плотно, один к одному, теснились дома. Между бревенчатых стен оставался узкий, двум телегам не разъехаться, проход. Улочка длиной не больше ста метров трижды изогнулась, прежде чем вывела на открытое место, центральную площадь, одной из сторон которой был здоровенный двухэтажный домина, самое крупное строение из виденных здесь Коршуновым. На другой стороне имелось нечто вроде небольшого рынка. Остальную часть «обрамления» площади составляли высокие заборы, за которыми маячили весьма респектабельные (опять-таки по здешним меркам) здания.

Прибывших встречали. Зеваки, разумеется, как же без них. И официальные лица, которые четко делились на две группы. Одна выстроилась у двухэтажного дома, вторая – вдоль очень солидного забора, за которым тоже имелось весьма респектабельное здание. У первой группы явного лидера не было, зато второй предводительствовал бородастый мужчина шириной и толщиной с небольшой платяной шкаф. Одет сей образец интенсивного питания был роскошно и совершенно не по погоде: в костюме отличной кожи с

тиснением, щедро изукрашенный бляшками и висюльками из драгметаллов. С необъятных плеч ниспадал тяжелый плащ из черного бархата, явно нездешнего происхождения, в мочках ушей имелись золотые серьги, а на голове – бархатная же шапочка с серебряным шитьем, частично прикрывавшая обширную лысину.

Свита «бархатного плаща» состояла из двух категорий лиц: солидных мужчин среднего и пожилого возраста в «цивильной» одежде (хотя большинство – при оружии) и мужчин помоложе и покрепче, облаченных примерно так же, как парни Одохара. Очевидно, личная охрана толстяка.

Дружинники рикса спешили, Коршунов протиснулся вперед в тот момент, когда толстяк зычно провозгласил:

– Рад вновь видеть тебя, Одохар!

– И я рад, Стайна! – Особой радости в голосе рикса не чувствовалось.

Коршунов покосился на Агилмунда. Старший сын Фретилы, подбоченившись, надменно взирал на «охранников» Стайны. С неприкрытым вызовом. И он был не одинок. Подбородок Ахвизры был задран еще выше, чем у Агилмунда. Во взглядах «охранников» особой приязни тоже не читалось.

Тем бо́льшим было удивление Коршунова, когда широкое лицо Стайны вдруг озарилось искренней радостью. И именно в тот момент, когда маленькие, заплывшие жиром глазки остановились на Алексее.

– О! Как я рад! – воскликнул толстяк, устремляясь вперед и заключая опешившего Коршунова в могучие объятия и прижимаясь к его лицу влажной от пота щекой. Объятия разжались, толстяк слегка отстранил Алексея, оглядел его так, словно они были старыми друзьями, не видевшимися лет десять. – Какая честь! Аласейя! Герой, пришедший с неба! Как мы рады! – Он оглянулся, махнул рукой, и хор басов и баритонов «свиты» нестройно загудел: «Рады, рады...»

Цепкий взгляд зажатых между щеками и надбровными дугами глазок остановился на хронометре, в острых, как иголки, зрачках что-то блеснуло... Коршунов даже испугался, что толстяк сейчас сорвет у него с шеи игрушку и быстренько засунет в карман. Но вместо этого Стайна дружески хлопнул Алексея по плечу.

– Добро пожаловать, Аласейя! – провозгласил он, источая радость. – Будь моим гостем, небесный герой! Окажи мне великую честь!

Коршунов слегка растерялся. Имя Стайны он уже слышал раньше и знал, что тот – тоже вождь. И не меньшего уровня, чем Одохар. Но откуда Стайна знает имя Алексея и все прочее? И чему так бурно обрадовался?

– М-м-м... Я не один, – пробормотал он.

– Знаю-знаю! – воскликнул Стайна. – Герой слетел к нам и оказал всем нам великую честь, породнившись с родом моего друга Фретилы. Но должно герою жить в наилучшем доме бурга. А наилучший дом бурга принадлежит мне. Вели родичам своим везти на мой двор твои сокровища, дабы не затерялись они, а сам будь моим гостем, Аласейя! – Цепкие пальцы сжали локоть Коршунова. – В моем скромном жилище тебе будет хорошо! Раздели со мной трапезу, Аласейя! Лучшее в моем доме – твое!

Хм-м... «Скромное жилище» как-то не вязалось с понятием «лучшего дома в бургe». Но Коршунов не рискнул сказать «нет». Кто знает, может, таковы здешние обычаи?

Алексей покосился на Одохара. Лицо рикса было каменным... Зато на физиономии Рагнасвинты, слезшей с телеги и протиснувшейся в первые ряды, читалось неприкрытое удовольствие... И Коршунов принял решение.

– Благодарю тебя! – произнес он торжественно. – Я счастлив разделить с тобой трапезу, Стайна! Только позволь мне сказать слово моим родичам... – Он деликатно освободил локоть, подозвал Книву.

– Вам есть где поселиться в бургe? – спросил Коршунов вполголоса.

Сын Фретилы кивнул:

– Ты хочешь жить у Стайны?

– Пока только пообедать.

– Не вези твое добро в его двор, – совсем тихо проговорил Книва. – Стайна хитрый, а ты щедрый. Твое добро станет его добром.

– Уговорил, – так же шепотом ответил Коршунов. – Забирай Рагнасвинту (Коршунов решил не брать ее к Стайне. Интуиция?) и устраивайтесь. Справитесь?

– Если что – Агилмунд поможет. Подружись со Стайной, Аласейя. Стайна – большой человек. С ним не дружить плохо. Его голос в буре везде слышен.

– Постараюсь. Езжайте.

Тем временем стоявшие у длинного дома смешались с дружинниками, сопровождавшими Одохара, а нагруженные фургоны тронулись, разъезжаясь в разные стороны.

Коршунов улыбнулся Рагнасвинте, кивнув на Книву. И направился к Стайне.

– Я готов следовать за тобой, – сказал он жизнерадостно.

– Это честь для меня! – расплылся в улыбке «большой человек» Стайна. – А где же твое добро?

– Что есть добро? – философски отозвался Коршунов. – Доброта людская – вот ценность!

Данная сентенция поразила Стайну. Он даже не нашелся, что ответить. Только проводил взглядом фургоны.

– Аласейя! – Коршунов обернулся. – Добра тебе, Аласейя! – Рикс Одохар кивнул ему и двинулся к большому дому. Его конь пошел за хозяином, как вышколенная собака.

В следующий миг Коршунова плотно окружила Стайнова свита. Его подхватили под руки и повлекли во двор. Совершенно незнакомые люди выражали необычайную радость от встречи с таким выдающимся человеком, как Коршунов. Любимый родич, возвратившийся после долгих лет отсутствия, не мог бы претендовать на большее. Чем-то эта ситуация была Алексею знакома...

Когда его, чуть ли не на руках, подняли на высокое крыльцо, Алексей вспомнил... Точно! Один к одному.

Дело было в ТОЙ жизни. Как-то подружка затащила Коршунова к одному гуру. А может, и не гуру, а проповеднику. Их, сектантов, столько в Питере развелось – хрен разберешься. Пришли Алексей с подругой на это самое сборище... Войти не успели, как на Коршунова целая толпа налетела. И все целуют-обнимают, радуются безмерно. Просто свадьба с цыганами: «К нам приехал, к нам приехал Лексей Викт-рыч да-раго-ой!» Под белые ручки берут, за стол сажают, кушинькать прямо в ротик кладут.

Коршунов сначала опешил, потом расслабился. Так тепло ему стало, приятно. Все тебя любят, понимаешь, и ты всех любишь тоже. Даже непонятно, как ты без них жил... Ну вроде как в хорошей компании – после второго стакана водки. Но без водки, что характерно. Короче, зацепило Коршунова. И стал он эти сборища посещать регулярно и с удовольствием. Приятно все же, когда тебя так уважают. Еще приятнее, когда полужнакомые, но симпатичные женщины мягкой грудкой к тебе прижимаются, в глаза заглядывают, слова заботливые говорят... А уж гуру этот, прочих «учеников» забросив, часами с Алексеем о жизни толковал. С большим пониманием. И книжку свою Коршунову подарил. С цветными картинками.

И пропал бы будущий космонавт Коршунов ни за грош, если бы не Генка Черепанов, который как раз тогда в гости в Питер приехал. Послушал Генка восторженные дифирамбы Алексея в адрес «замечательных духовных людей», хмыкнул и сказал:

– Познакомь.

Коршунов спросил разрешения у гуру, пояснил, что друг его, военный летчик, без пяти минут космонавт, очень даже заинтересовался...

Гуру тоже заинтересовался и немедленно дал добро.

На следующий день Черепанов нацепил свой парадный мундир с полным набором орденовских планок... И Коршунов получил возможность полюбоваться действием

«возвращение блудного сына» со стороны. Дружный коллектив в лице самого гуру и особо приближенных с радостными восклицаниями и бурными проявлениями любви налетел на Черепанова. Но тот не растаял и не умилился, а отреагировал совершенно неожиданно для Алексея. «Желанный гость» активно включился в процесс. Причем даже активнее хозяев. С радостным рыком «Как я р-рад! Др-руг! Др-ружище!» он облапил сублильного гуру и затряс его, как медведь – незадачливого охотника. Гуру сипел, хрустел ребрышками и пытался вырваться из борцовского захвата. Но у него не было никаких шансов. Когда объятия разжались, коленки у гуру заметно дрожали, а по лицу блуждала отрешенно-счастливая улыбка любителя пива, добравшегося до туалета. А спектакль тем временем продолжался. Выразив «любовь» к учителю, Черепанов взялся за теснившихся вокруг учеников и учениц. Его бас покрыл многоголосый хор славословий, а объятия раскрылись для публики. Особы женского пола были поочередно оттисканы и перецелованы под громогласные заверения в вечной любви. Особы мужского пола были приветствуемы гулками хлопками по спинам и рукопожатиями, после которых нормальное кровообращение восстанавливалось минут через пять. Нельзя сказать, что «сектанты» сдались без боя в этом соревновании «вселенской любви». Но где уж им конкурировать в скорости с пилотом «сушки»? «Излюбленные» до потери ориентации, они остались на «поле боя», а победитель, подмигнув Алексею, подхватил пару самых аппетитных «сектанточек» и двинулся в «помещение для совместных медитаций», где околачивались «неофиты» вроде Коршунова. И навел там такой шухер...

Коршунов осушил чашу и со стуком опустил на стол. Тотчас слева появилась смуглая тонкая рука с ковшом. Пиво, пенясь, полилось в чашу. Алексей быстро оглянулся, но успел увидеть только черную «баранку» косы и полную грудь, обозначившуюся под вышитой тканью рубахи. В следующее мгновение женщина повернулась к нему спиной, наполнила чашу Стаины и собралась уйти, но хозяин поймал ее за пояс и развернул.

– Поприветствуй моего гостя, Стайса! – воскликнул он.

Ее глаза были – как небо. Черное небо. Такое, как за облаками, за стратосферой. Абсолютно черное небо космического пространства. Такого не увидишь, пока не побываешь там. Но если долго смотреть в такие глаза, то покажется, что они не выпуклы, а вогнуты, а их блеск – не отражение света, а сам свет. Но этот взгляд не был долгим. Миг – и глаза спрятались за бахромой ресниц.

– Славы тебе, – тихонько проговорила женщина.

– Миина тиви, – с гордостью сообщил Стайна. «Моя наложница».

– Она – издалека. Очень издалека. Скажи ему, как тебя звали раньше, Стайса! – потребовал он.

– Анастасия. – Она выговаривала слова не так, как другие. И кожа ее была смуглее, и таких иссиня-черных кос здесь не было ни у кого. И такое имя, тоже нездешнее – ТАМОШНЕЕ. НЕ МОЖЕТ БЫТЬ!

Коршунов сглотнул.

– Откуда ты, девочка? – быстро спросил он по-русски.

Не поняла.

Алексей повторил вопрос по-английски. С тем же результатом.

Дикая надежда угасла. Но от этого стоящая перед ним женщина не стала менее прекрасна. И менее желанна.

– Меня зовут Алексей, – произнес Коршунов.

– Алексий? – повторила она. И словно сноп искр брызнул между ними. Она видела. И он видел. Больше никто.

– Аласей – небесный герой! – хвастливо сообщил Стайна. – Он пришел с неба, понимаешь?

Женщина быстро сказала что-то. Не по-здешнему.

– Она не очень умна, – сообщил Стайна. – Но хороша на ложе, а тело у нее нежное, – и разразился короткой речью, из которой явствовало, что Анастасия – специальный подарок Стайне. От далеких друзей, которые ценят и уважают Стайну. И Анастасия – подарок,

выражающий их признательность. Очень дорогой подарок, потому что редкий. У Стайны очень много друзей, потому что со Стайной хорошо дружить и плохо ссориться.

Коршунов делал вид, что слушает. Смотрел на женщину и совершенно точно знал, что она должна быть – его. Что этот хвастливый бочонок сала понятия не имеет о том, чем обладает. У Коршунова даже возникла кощунственная мысль: не предложить ли обменять Анастасию на какую-нибудь из «небесных» игрушек. Например, на тот же хронометр. Но Алексей не предложил. Потому что испугался, что хозяин скажет «нет».

«Я получу ее! – мысленно поклялся Коршунов. – Во что бы то ни стало!»

Даже если для этого придется убить ее хозяина, Алексей ее получит.

Он перевел взгляд на Стайну.

Толстяк продолжал говорить. Липкие жирные губы шевелились, как слизняки, маленькие глазки замаслились. Когда короткие пальцы отрывали кусок мяса и запихивали в рот, речь становилась невнятной и желтый жир тек на бороду.

Коршунову страшно захотелось врезать кулаком в широкую рожу. Вбить в глотку черные зубы...

Чтобы справиться с собой, Алексей отвернулся и так яростно вгрызся в шмат грудинки, словно она была его кровным врагом.

Расправившись с мясом, в два глотка выхлебал чашу.

Анастасии рядом уже не было. Пива ему подлила другая, румяная толстая девка.

Как выяснилось, Стайнова дочь. На выданье. Жаль, что Аласейя успел породниться с Фретилой. А то стал бы, может, родичем самого Стайны. Уж Стайна не поскупился бы. Фретила – муж правильный, но до щедрости Стайны ему далеко. Никого нет в бурге и окрестностях щедрей Стайны. Хоть у кого спроси!

Хозяин широким жестом обвел стол. И толпа прихлебателей в разноголосицу подтвердила: точно, никого нет щедрее Стайны. А кто-то уже поднял здравицу: за щедрого хозяина!

А хозяин, не медля, – за славного гостя!

И напомнил: у него в доме до дна пьют. Знают, что хозяин пива не жалеет, а кто подумает, что жалеет, так хозяин и обидеться может.

«Ах ты зараза! – подумал Коршунов. – Да ты никак напоить меня вздумал! Ну ладно, пивная бочка! Давай, попробуй!»

И всерьез взялся за дело.

Пиво шипело, переливаясь из кувшинов в чаши, а из чаш – в желудки.

После дюжины чаш стали обходиться без тостов. Разом опрокидывали, разом закусывали, разом выходили во двор отлить.

Это уже не пир был – состязание. Оба вошли в азарт. Стайна, похоже, уже и забыл о том, для чего собирался подпоить гостя. Азартен, Парамоша! А может, сам процесс нравится...

Конечно, у толстяка было преимущество минимум в два пуда. Но зато Алексей пивал напитки и покрепче здешнего пивка, да и печень у Коршунова здоровше...

В общем, настал момент, когда Стайна не смог подняться из-за стола. Сделал усилие – и уронил тушу обратно на лавку. Засмеялся, попробовал еще раз – и опять не смог. На широком лице проступило озабоченное удивление. Потом раздался негромкий журчащий звук и потянуло характерным запахом. Впрочем, в пиршественной и без того воняло – будь здоров. И мочой, и блевотиной...

Облегчившись, Стайна грохнул лапой по столу, гаркнул. К нему тут же подскочили, подняли втроем. Хозяин на прощание махнул Коршунову и сообщил, что рад бы еще посидеть с гостем, да ждут неотложные дела... Стайну вывели вон, Коршунов огляделся и обнаружил, что дееспособных за столом больше нет. Кто – под столом, кто – мордой в стол, кто трубно храпит на лавке.

Правда, имелся в зале дееспособный «обслуживающий персонал» в лице «мажордома», пары «половых» и трех «официанток».

«Мажордом» вежливо что-то проговорил. Коршунов ни хрена не понял, но догадался, что тот интересуется, желает ли герой продолжить веселье? Покушать, выпить или, может, девочку, тиви? Так вот они. Герой может выбрать любую...

Алексей поглядел на «девочек» и выяснил, что взгляд его «потерял резкость» и «тиви» подозрительно похожи одна на другую...

Коршунов мотнул головой: отстань. Опрокинул еще одну чашу (Мать их так! Что у них, нормальных кружек нет?). Выбрался из-за стола, вышел во двор, отлил у забора, потрепал по голове зверовидного хундса, подумал, что надо бы идти домой, но никак не мог вспомнить, где его дом...

Поэтому он вернулся обратно и поинтересовался у «метрдодея», нельзя ли в этой гостинице снять комнатушку.

Тот оказался совсем тупой, по-русски ни бум-бум. Пришлось показать знаками: мол, хочу в койку.

Доперло. Понял, пенек старый, обрадовался. Жестами показал: счас исполним. Кликнул двух хануриков, те деликатно взяли Коршунова под локотки, повели куда-то наверх...

Очнулся Алексей от приятного ощущения. Обнаружил, что сидит, привалившись спиной к стене. Что он – без штанов, в одной рубахе и ноги его – в кадушке с теплой водой. И моет их какая-то белобрысая...

Коршунов с трудом удержался от того, чтобы снова выпасть в приятное небытие. Было что-то важное... Что?.. Вспомнил! Пистолет!

С трудом разлепил веки, огляделся... А, вот он! Все барахло тут. Разложено на соседней лавке... Алексей с облегчением вздохнул и провалился в качающуюся бездну.

Глава одиннадцатая Алексей Коршунов. Гостеприимство мирного вождя Стайны (продолжение)

Она пришла, когда в узком окне зажглись звезды. Тяжелые косы упали на грудь Алексею. Широкая лавка скрипнула, когда теплое мягкое тело прилегло рядом, и гладкая щека прижалась к шее Коршунова.

– А?.. Кто?.. – Хмель еще не выветрился из головы, мир качался, а темнота завивалась спиралью.

– Тш-ш... – Маленькая, пахнущая мятой ладошка прижалась к губам.

– Настя? – прошептал он.

– Йа-а-а... – Она потянула его к себе, прижалась всем телом: лицом, грудями, лоном, коленями... И как-то сразу оказалась под ним, а он – в ней, и лавка уже яростно скрипела и раскачивалась, и протяжные сдавленные стоны подхлестывали: быстрее, быстрее...

И когда он содрогнулся в последний раз и обмяк, влажное тело выскользнуло из-под него, и через пару мгновений у рта оказалась кружка с чем-то прохладным и кисловатым. Коршунов начал пить... И кажется, даже и не допил. Уснул.

Проснулся уже поздним утром. За окном галдели незнакомые голоса, звенел бубенчик. Хрипло заорал петух.

Голова не болела, но тело было вялым и каким-то неприятно легким. Сквозь веки пробивался свет, но глаза открывать не хотелось.

Рядом кто-то спал. Женщина. Что-то несильно давило на горло. Коршунов пошарил рукой: коса.

Настя!

Глаза моментально открылись...

Коса была не черная. Пшеничная...

Коршунов осторожно приподнялся, повернулся.

Рядом, подложив под щеку свернутую рубаху, посапывала незнакомая девка. Толстощекая и веснушчатая. Большие груди с махонькими сосками лежали одна на

другой, как розовые поросята.

В первый миг Коршунов почувствовал не разочарование, а облегчение. Он не помнил, что было ночью. И хорошо, что то, о чем он не помнил, было с этой незнакомой девушкой, а не с ней. Это было бы все равно что после бутылки «Смирновской» проглотить бокал восхитительного старинного вина, которое достается всего-то раз или два в жизни. Жахнуть залпом – и закусить вялым грибочком.

Как выяснилось, ночевал Коршунов не в самом доме, а во флигеле. На втором этаже. Во дворе пахло навозом. На скамеечке у крыльца восседал Стайна. Нехорошо было Стайне. Похмельюга мучила. Вокруг него хлопотала Анастасия. Окунала в бадейку тряпочку, прикладывала к вискам хозяина, смачивала загорелую лысину. Улыбнулась Коршунову. Официально. Но у Алексея все равно в груди екнуло. Вся она была такая ладная, аккуратная, чистенькая. Даже на ногах не здешние чуни, а изящные плетеные сандалии.

– Здоровья тебе, – произнес Стайна. – Как ночь?

– Хорошо.

– И я – хорошо. – Он похлопал Анастасию по бедру. – Есть хочешь? Пить?

– Да. – Коршунов пнул свинью, которая вознамерилась пожевать его штанину.

– Иди в дом. – Стайна вяло махнул рукой. – Там все... – и закрыл глаза.

Коршунов мог бы его вылечить. Одной-единственной таблеткой. Но почему-то не хотелось.

Позавтракав (явно объедками вчерашней обжираловки), Коршунов опять вышел во двор. И узнал, что по его душу уже дважды приходили. Один раз – Книва, другой – посыльный от Одохара.

Алексей обдумал, кому следует отдать предпочтение, и остановился на Книве. Совесть Коршунова мучила: бросил их в чужом городе. Пусть даже и родичи у них тут...

Вопрос: как их теперь искать? Городишко, конечно, маленький. Небось и тысячи жителей не наберется, но все же...

Проблема решилась легче легкого.

Стоило выйти на «площадь», и среди болтавшегося там народу Коршунов углядел знакомую рожу Одохарова дружинника.

Дружинник время проводил не праздно: обучал молодое поколение благородному искусству боя. Выглядело это так: учитель, голый по пояс и босой, с топором в одной руке и щитом в другой, подвергся яростным нападкам четырех подростков с палками.

Надо полагать, это было обычное времяпрепровождение, поскольку зрителей было немного и их средний возраст колебался в районе шести-семи лет.

Зато около длинного двухэтажного дома тусовалась целая толпа и парилось на солнышке не меньше десятка лошадей.

Коршунов не без удовольствия понаблюдал, как матерый профи несуетливо «держит» четверых щенков, поднимающих тучу пыли и активно мешающих друг другу. Потом окликнул дружинника.

Тот покосился: кто, мол, зовет? Узнал Коршунова. Прекратил тренировку.

– Книва. Где? – спросил Коршунов.

Конечно, в последнее время он поднаторел в языке, но предпочитал простоту речи всяким лексическим изыскам.

– Книва? – Дружинник пожал плечами.

Алексей решил уточнить вопрос:

– Родичи Фретилы где? Знаешь?

Дружинник огляделся, поманил одного пацаненка.

– Из рода Фретилы, – сказал он.

Пацаненок энергично закивал.

– Где твой дом – проводи, – потребовал Коршунов, стараясь почетче выговаривать слова.

Пацаненок махнул грязной лапкой и запыхнул через площадь. Алексей последовал за

ним.

Дорога не заняла много времени. Искомый дом прилепился к городскому валу. Двери – нараспашку. Изнутри – знакомый пронзительный голосок. Рагнасвинта. Коршунов замедлил шаг – и вот она! Вышла наружу с двумя кожаными ведрами – и попалась.

Запищала радостно, бросила ведра, повисла на шее. Тут же отпустила, бросилась обратно в дом с воплем: «Аласейя! Аласейя пришел!»

Старшим в здешнем роду оказался младший брат Фретины, слегка омоложенная копия коршуновского свежее испеченного теста. Разумеется, женатый. Разумеется, с целой прорвой детей, старший из которых оказался ровесником Книвы.

К Коршунову Фретилин брозар отнесся с крайним почтением. Наверняка Книва со Свинкой наболтали с три короба про «небесного героя».

После степенного ритуала знакомства Алексею предложили откусать. Он не отказался. Сели за стол. Чуть погодя явился еще один Фретилин брозар. Молодой, но уже исполненный до краев чувства собственного достоинства. Правда, обитавший с семейством вне стен крепости, что по местным меркам – не слишком престижно. Престижно не престижно, а бочонок пива брозар приволок.

«Эдак я тут совсем сопьюсь», – подумал Коршунов. Но с выпивкой пришлось погодить.

Едва разлили по емкостям, в избу ввалился Агилмунд. Разъяренный. Покрыв родичей местным эквивалентом матюгов. Они тут, понимаешь, квасят, а рикс Одохар ждать должен?

Брозары дружно возразили племяннику, что им Одохар – не указ. Пусть дружинниками своими командует.

Агилмунд пришел в совершенную ярость, но брозары не испугались. Они все по обычаю делают, и нечего тут орать.

Опасаясь, что и до драки может дойти, Коршунов решил вмешаться. Поинтересовался, в чем, собственно, дело? Что-то серьезное?

Оказалось, да. Герульское посольство у рикса сидит. Видал Аласейя герульский корабль, что в порту стоит? Да, помнит. Если под кораблем имеется в виду тот пузатый баркасик. Так вот, на корабле этом не товары привезли, а полномочный посол прибыл. От герульского вождя со смешным именем Комозик. Союзника в будущем великом походе. И сидят теперь достойные люди, Одохар с послом, и ждут. (И Стайна с ними. Но Стайна пусть подождет, ему не вредно.) А эти недостойные выдергиватели сорняков (кивок в сторону брозаров) смеют задерживать Аласейю за своим обшарпанным столом! Когда судьба великого похода решается!

– Понятно, – сказал Коршунов, поднимаясь со скамьи. – Спасибо, почтенные, за хлеб-соль. Пошли, Агилмунд.

Глава двенадцатая Алексей Коршунов. Герулы

Посольство принимали в том самом длинном двухэтажном строении.

Этот дом не был домом Одохара. Это была «дружинная» изба, местные казармы. Дом Одохара стоял слева, отделенный от дружинной избы каким-то сараем. Конюшней, как позже выяснилось.

У дружинной избы толпился народ, но Агилмунд энергично распихал тех, кто стоял на дороге, обругал молодого парня с копьём, рассеявшегося на крыльце, за беспорядок и потерю бдительности, ввел Коршунова внутрь, быстрым шагом миновал пару помещений, а у входа в третье остановился и пропустил Коршунова вперед.

Посольство принимали здесь. Сидели по лавкам: местные – у одной стены, гости – у другой. Вид посланцев Коршунова удивил. Мягко говоря.

Нет, одеждой и телосложением они не слишком отличались от здешних вояк. Разве что имели каждый по две косы. Но не это было удивительно, а то, что щеки и скулы герулов были нежно-зеленого цвета. Как белые штаны, в которых по свежей травке поерзали.

В остальном же – ничего особенного. Рослые бородатые мужики. Первый – постарше;

официальный посол, так сказать. Двое других: сопровождающие. Один – угрюмый мордоворот: борода – от глаз, кулачищи – с пивную кружку. Второй – пошустрей, худощавый, какой-то хищно-агрессивный. Коршунову герулы сразу не понравились. Особенно шустрый.

Помимо зеленомордых герулов, в помещении присутствовали военный вождь Одохар и мирный вождь Стайна.

«А ведь мог бы предупредить!» – недовольно подумал Коршунов.

Впрочем, ладно. Толстяк все еще маялся синдромом бодунца, а глазки заплыли так, что их и вовсе не видно.

Кроме вождей, в зале находилось еще человек десять, но Коршунов знал только Ахвизру и первого сподвижника Стайны Вилимира. Этого со вчерашней пьянки запомнил.

Коршунову предложили почетное место: между Стайной и Одохаром. Агилмунд устроился справа от рикса.

Герулы Алексея проигнорировали. Они вели себя так... Ну примерно как американцы – в нашем трамвае. Или новые русские – в американском кабаке. То есть как будто кроме них вокруг людей нет. Исключительно обслуживающий персонал.

Одохар подождал немного и разразился высокопарной речью. Краткой историей чудесного появления «небесных героев». Не обошел вниманием ни «железное вместилище», ни последующие подвиги Коршунова с Черепановым. По его версии, Черепанов, охваченный лютой яростью, остановить себя не смог и продолжал гнать подлых квеманов. А Аласейя вот решил к славному походу присоединиться. Поскольку особым покровительством водных божеств пользуется и вообще удачлив крайне: с жалкого квеманского поселка одного только железа три воза взял, не считая прочего.

Герулы впечатлились. Двое. Третий, тот, что особенно не понравился Коршунову, с ухмылочкой осведомился: а где нынче то вместилище железное, на котором «небесные герои» прилетели?

Получил ответ, что вместилище утонуло в болоте. Кивнул с таким видом, словно уличил присутствующих в мелком воровстве. Затем поинтересовался: видел ли вместилище сам Одохар или с чужих слов говорит?

Рикс врать не стал: признался, что лично вместилища не видел. Зато великий герой Аласейя подарил ему часть небесного паруса, который то вместилище по небу влек. Цвета снега и крови. И плащ свой продемонстрировал.

Плащ был осмотрен с должным уважением, и два герула опять одобрительно кивнули. А третий, усмехнувшись, заметил, что ткань эта подозрительно смахивает на ту, которую ромлянам с восхода привозят. И еще вопрос: что ж это за небесное вместилище такое, что в болоте топнет? Это же вроде как вода, что огнем горит. Небывальщина.

И на Коршунова уставился. С вызовом.

«Ах ты поганец! – подумал Коршунов. – Сейчас я тебе устрою небывальщину!»

Развязал мешочек с аптечкой, зажигалку достал (самый подходящий момент, чтобы маленькое чудо устроить), налил в колпачок спирта, щелкнул...

Публика ахнула. Кроме недоверчивого герула. Этот пренебрежительно заявил, что горит вовсе не вода. Масло вон тоже горит – никто ведь не удивляется.

И свел эффект к нулю.

А затем поинтересовался: так почему же все-таки вместилище утопло?

Все уставились на Коршунова. Надо было что-то придумывать...

– Не утопло оно, – неторопливо, со значением произнес Алексей. – А спрятано. От чужих. Чтoб бeды нe было.

Тут вмешался Одохар. Заявил, что и без вместилища им есть где богатырей размещать. В каждом селе – изба богатырская. В такой вот избе герои и жили с почетом, пока по дальнейшей жизни не определились: Гееннах – квеманов гонять, Аласейя – в поход геройский. Под парусом цвета снега и крови, коий дивное вместилище по небу нес.

Въедливый герул на некоторое время примолк: переваривал сказанное, потом нашел к

чему придаться: а что, спросил, те, кто в богатырской избе жил до Аласейи с Гееннахом, куда их переселили?

Вместо Одохара ответил Агилмунд. Мол, он сам родом из этого села, в курсе дела. Никаких проблем с поселением героев не возникло, так как со времен Иббы пустует у них в селе богатырская изба.

– Ага, – оживился хитрый герул. – Нету, значит, больше богатырей в селе. Перевелись, что ли?

Чем дальше, тем меньше этот парень нравился Коршунову. К тому же оказался, поганец, умом очень изворотлив. Просто не по-здешнему.

– Другие времена – другие богатыри! – осадил его Алексей. – Каждому овощу – свое время.

Черт, похоже, зря сказал. На надменной роже проявилось явное удовлетворение. Он наклонился к старшему, прошептал что-то.

Старший герул с важностью кивнул.

– Хотелось бы знать, – произнес он надменно. – Как зовут небесного героя?

– Аласейя. – Одохар был несколько удивлен.

Въедливый опять наклонился к уху старшего.

Тот выслушал и уточнил вопрос:

– Как звали героя там... откуда он пришел?

По интонации можно было без труда понять, что «небесное» происхождение Коршунова поставлено под сомнение.

– Отец назвал меня Алексей, – ответил Коршунов, поскольку не видел смысла скрывать.

Молодой герул ухмыльнулся и снова пошептал послу.

– А как зовут почтенного отца?

– Виктор.

– О-о! – изрек молодой герул. – А скажи мне, Алексей... – Тут он сделал многозначительную паузу. – Почему у твоего отца – ромлянское имя? Он – ромлянин?

Коршунов начал догадываться, к чему клонит герул.

«Нет, брат, так дешево ты меня не купишь», – подумал он.

– Нет, у моего отца не ромлянское имя, – он усмехнулся. – Это у твоих ромлян – имя, *похожее* на имя моего отца. – Он сделал поправку на местный менталитет: – Наш род древнее.

– И каково же имя твоего рода? – осведомился герул.

– Коршун! – рявкнул Алексей по-русски, поскольку не знал местного слова. И пояснил, чтобы его поняли: – Большая птица. Хищная. Черная. С во-от таким (изобразил рукой) клювом.

Одохар одобрительно кивнул. Агилмунд задрал кверху подбородок: вона какой крутой тотем у нашего родича. Только нахальный герул не уgomонился:

– А от кого сей славный род происходит? От зверя, от героя? Или от бога? А ежели от бога, то каково его имя?

– От бога! – отрезал Коршунов. – Но имя его назвать нельзя. Если имя его просто так назвать – беда будет!

Сказано же: не произноси имя Господа всуе!

– А имя первого предка можно произнести? – по-прежнему упорствовал герул.

– Можно. Кроманьонец его имя.

Герул наморщил лоб и наверняка подыскал бы еще какой-нибудь вопрос, но вмешался его старший сородич.

– Довольно, – сказал он. – Наш рикс Комозик спрашивает: сколько воинов придет с риксом Одохаром?

– Три или пять сотен, – твердо ответил Одохар. – Или больше.

– А сколько мешков зерна возьмет Одохар, чтобы кормить своих воинов, когда пойдут они по герульским землям и по землям боранов? – осведомился герул.

Одохар поглядел на Стайну. И герульский посол тоже поглядел на Стайну. Стайна же с ответом не торопился. Улыбался безмятежно, словно разговор его даже и не касался.

И в этот момент Коршунов понял сразу три важные вещи.

Первое: все присутствующие прекрасно понимают главное военное правило: солдат должен быть сыт. Потому что голодный солдат воюет вяло, а вот грабит, напротив, очень активно.

Второе: обеспечением военных кампаний ведает не Одохар, а Стайна.

И наконец, третье: Стайна этого похода не хочет. А почему не хочет, тоже нетрудно догадаться. Потому что неудачный поход принесет ему убыток, а удачный укрепит популярность военного вождя. Соперника.

Молодой герул, тот, который докапывался насчет происхождения Коршунова, сдвинул брови. Не нравилось ему молчание Стайны.

– Я найду, чем накормить воинов, – решительно заявил Одохар. – Надо – копьем добуду.

Молодой герул хлопнул себя по колену и заухмылялся. Понравился ему Одохаров ответ. А послу, напротив, не понравился.

– Что же, у бурга нет припаса, чтобы кормить своих воинов? – спросил он, поглядывая то на Стайну, то на Одохара. – И разве у рикса нет добычи, чтобы обменять на зерно?

– Ты подал мудрую мысль, Голос Комозика, – сказал Одохар. – У меня есть добыча, взятая у квеманов. Я отдам общую долю тебе. А ты отдашь нам зерном, когда мы будем на ваших землях.

– Ты не можешь отдавать общую долю! – возмутился Стайна. – Общая доля принадлежит бургу! Таков закон!

– Закон таков, что бург должен кормить своих воинов! – отрезал Одохар. – Если бург не кормит воинов, воины кормят себя сами.

– Я лучше знаю, что говорит закон! – Стайна побагровел. – Я – хранитель Закона!

– Ты хранитель собственного брюха! – заорал Агилмунд.

В перепалку тут же включились все присутствующие, кроме герулов и Коршунова. Часть – на стороне Стайны, часть – на стороне Одохара. Оба вождя вскочили с мест...

А герульский посол, морда зеленая, глаза потупил, но чувствовалось: доволен.

Поорали, поразмахивали руками... И успокоились. Решили сделать перерыв на обед.

Глава тринадцатая Алексей Коршунов. Еще один пир у Стайны

Обедали у Стайны. В уже знакомом Алексею помещении с узенькими окнами и бесконечно длинным столом. Коршунов сел между Агилмундом и Ахвизрой. Собственно, сначала его пытались устроить на стороне Стайны, между его прихвостнями, но Коршунов решительно заявил, что желает сидеть рядом с родичем Агилмундом.

За обедом Алексей даром времени не терял: попытался прояснить товарно-денежный расклад в бурге. Ему очень не понравилось то, что гордый рикс Одохар, оказывается, находится в материальной зависимости от мирного вождя. Коршунов вырос в мире, где принцип «кто платит, тот и заказывает музыку» действовал практически всегда. Алексей принялся выпытывать у Агилмунда, кто есть кто, и получил малоутешительную информацию. Оказалось, что в местном оркестре Одохару принадлежит всего лишь партия первой скрипки. А роль дирижера отведена мирному вождю Стайне. Именно он «держал» бурговскую «казну» и пускал ее в оборот. И «верховное судейство в последней инстанции» осуществлял тоже Стайна. Правда, обычай не поощрял воинственные действия мирного вождя. Но именно не поощрял: твердого запрета не было. Поэтому один из сравнительно недавних «больших походов» возглавил «изнывающий от удачи» мирный вождь. Поход этот закончился неудачей, еще более укрепив местных жителей в убеждении, что мирный вождь должен заниматься исключительно мирными делами. С коими Стайна справлялся неплохо. Его оборотистость признавали даже дружинники Одохара. Правда, Ахвизра проворчал, что не дело мирного вождя и хранителя Закона (верховного судьи то бишь) торговлей

заниматься и богатством кичиться. С другой стороны, свои обязанности Стайна выполнял – придраться не к чему. Земли под пахоту и выпас распределял по справедливости, судил строго по законам отцов. А что ловок был торговаться и оттого богател, так и богатства бурга от Стаиновой ловкости умножались. Но это как раз и было причиной недовольства Ахвизры. Дружинник полагал, что для бурга полезней, когда богатства добывают копьем, а не торговлей.

Обосновывал логично: ежели имущество честным трудом нажито, то подобно тучной корове, на пастбище откормившейся, голодного хищника привлекает. А ежели задрал медведь быка и к берлоге сволок, так на быка этого никакой волк не покусится. Охота ему о медвежьих когти бока драть!

Коршунов, рожденный в более цивилизованном обществе, в котором капитал сам по себе был силой, понимал, что в его мире «путь торговца» является более эффективным способом преуспевания, чем «путь воина». Не факт, что в этом мире дела обстоят по-другому. Так что, возможно, Черепанов был не прав насчет «полководца». Если «торговец» Стайна объективно сильнее «воина» Одохара, то не предпочтительнее ли стать «торговцем»?

Ум Коршунова был отточен таким образом, что должен был постоянно переосмысливать ситуацию при появлении новых фактов. Это был его способ двигаться к цели: не тупым упорством, а гибким познанием. В общем, ничего удивительного для ученого-физика, пусть даже и не блиставшего гениальностью. Именно в силу подобного образа мыслей Алексей и хотел вникнуть в здешние товарно-денежные отношения. Чтобы разобраться.

По мнению Ахвизры и Агилмунда, с накоплением и распределением богатств все было элементарно. Накапливаться оно должно было у врагов, а распределяться между друзьями по принципу «пришел-взял-поделил». Оба не скупились на примеры эффективности такого подхода. Одним из таких примеров, кстати, был совместный налет на квеманское городище. Наличие же у противника того, что «берут», по мнению дружинников, не зависело от объективных и материальных причин, а зависело исключительно от удачливости налетчиков. Не то чтобы объективные факторы совершенно игнорировались, нет. Время года, например, принималось во внимание. Считалось, что в поход лучше идти осенью, когда урожай собран, то есть свои полевые работы закончены и на чужих землях с провиантом проблем не будет. Использовалась также разведывательная информация. Если где-то богатств поднакопилось, надо бы поделить. Лучше, впрочем, не делить, а все забрать. Подчистую.

Нет, все-таки кое-чем этот расклад напомнил Коршунову Россию. Россию бандитскую, если быть точным. Но он старался не подбирать аналогии, а просто накапливать факты. Аналогии и клише – опасная вещь, поскольку приводят к выводам «очевидным», но неправильным. Например, если пользоваться аналогиями, то Стайна выглядит демократически избранным мэром, а Одохар – главным бандюком, использующим «народные» средства для личного обогащения путем грабежа, от которого бургу, конечно, перепадает кое-что, но зато грозят серьезные неприятности со стороны этих самых соседей. А вот по мнению Ахвизры, неприятности со стороны соседей начнутся как раз тогда, когда Одохар перестанет их грабить. И в этом тоже есть логика. Опять-таки, процент от добычи попадает в «городской фонд», коим почти единовластно распоряжается мирный вождь, лишь изредка советуясь со старейшинами, которые, что характерно, Одохара недолголюбивают, поскольку военный вождь «отвлекает» их сыновей от землепашества и втягивает в военные авантюры... И с этой точки зрения Стайна выглядит кем-то вроде вора в законе, контролирующего общак, а Одохар – главой бандитской группировки из «новых». Короче, аналогии – опасная вещь, так что Коршунов решил пока от них воздержаться и, выбирая «лагерь», к которому стоит примкнуть, руководствоваться исключительно здравым смыслом, собственными целями и личными симпатиями. Он допускал, что «путь торговца» может оказаться более простым, более быстрым и менее кровопролитным, чем «путь воина». При этом его изначальный потенциал «торговца» стоит достаточно высоко – благодаря парашюту и прочим вещичкам, коих в здешнем мире и быть не может. В то время как его «военный»

потенциал основывается главным образом на искусственно раздутой славе «небесного героя», а в честном бою тот же Ахвизра разделяет Алексея, как повар – барашка. Но вот беда: не нравился Коршунову Стайна. Ну не нравился, и все тут. А Одохар, напротив, нравился. И парни, которые его поддерживали, тоже были Алексею симпатичны.

Коршунов предполагал, что Одохара поддерживает молодежь, а Стайну – старшее поколение. Оказалось: не совсем так.

Бург контролирует определенную территорию, на которой располагается десятка два сел. Некоторые из этих сел поддерживают Одохара, некоторые – Стайну. Вернее, оба вождя предпочитают набирать дружинников в разных поселках. Самих дружинников это вполне устраивало, поскольку давало дополнительный повод для драки. Ахвизра тут же принялся рассказывать, как он этой весной отметил во-он того облома. И показал пальцем на одного из Стайновых парней. Тот заметил и отреагировал соответствующим жестом: мол, имел он таких, как Ахвизра, по трое за раз.

Ахвизра моментально вскочил со скамьи... И плюхнулся обратно: Агилмунд рванул приятеля за рубаху и зашипел злобно, чтоб перед герулами не позорился.

– Ха! – буркнул Ахвизра. – Это перед кем, перед Скулди? Да я с этим Скулди...

– Закрой рот, – посоветовал Агилмунд. И, обращаясь к Алексею, пояснил, что Ахвизра собой любой пир украсить может. Поскольку, выпив, агрессивен становится и непременно потеху устроит: или драку затеет, или поломают что-нибудь. Но сейчас не пир, а деловой обед, посему веселиться еще не время. Не из-за Скулди, конечно. Скулди – свой парень. А вот сам посол, который Голос Комозика, – еще тот фрукт.

– Скулди – это кто? – спросил Коршунов.

– Да вон он! – Агилмунд показал на того герула, который в дружинной избе так упорно придирался к Алексею и сейчас время от времени зыркал на Коршунова весьма недоверчиво. Возможно, Ахвизра с Агилмундом были с ним в приятелях, но на Алексея это приятельство точно не распространялось.

Тут все политические мысли вылетели у Коршунова из головы, потому что в комнате появилась Анастасия. Вернее, появились сразу три женщины, причем разодетые и увешанные украшениями по самое никуда. Но одна была – пожилая мордастая тетка, а вторая – помоложе, но ничем не примечательная, разве что беременностью.

Выяснилось, что мордастая тетка – Стайнова законная супруга, а беременная – вторая наложница. Вернее, первая. Со старшинством тут дело обстояло строго. Все расписано по обычаю. Без записей, правда, но каждый пункт в «документе» о правах, и особенно о праве наследования, оговаривался подробнее.

Законной супруге освободили местечко около Стайны. Познакомили с послом...

А Анастасия уселась рядом с зеленомордым герулом Скулди и принялась с ним болтать. Да не на здешнем языке, а на... Ни фига себе! Раньше Коршунов этот язык только в виде пословиц слышал: зи вис поссум парабеллум, или там: омниа миа мекум порта ¹⁴. Генка Черепанов – большой любитель был (и есть, хочется верить) древнеримской мудрости. Так и сыпал латинскими поговорками. Но то – поговорки, а тут – вживую. Латынь. Однако! Ай да герул! Ай да Анастасия! С другой стороны, раз есть Рим, так и латынь, естественно, должна быть. Но все равно удивительно.

К удивлению, впрочем, примешивалось еще одно чувство: острое желание взять зеленомордого за косы и треснуть мордой об колено.

– Э-хэй, Аласей! – Агилмунд хлопнул Коршунова по спине. – Ты погоди яриться! Нехорошо это сейчас!

– Что? – Алексей уставился на старшего сына Фретины.

– Гневаться погоди, говорю! – сказал Агилмунд. – Нельзя тут.

– А я что, гневаюсь?

¹⁴ «Хочешь мира – готовься к войне», «все свое ношу с собой» (лом. лат.).

– А то! Я помню! Ты сначала так сделал... – Агилмунд скорчил рожу. – А потом квемана убивать начал. Еле удержали тебя, помнишь? Зачем так на Скулди глядишь? Скулди – правильный герул. Он Комозику говорит: «С Одохаром в большой поход идти надо». Комозик его слушает. Убьешь Скулди – Комозик в поход с нами не пойдет – на нас пойдет. Никудышная битва выйдет. Настоящую добычу на Комозике разве возьмешь?

– Уговорил, – хриплым голосом проговорил Коршунов. – Пусть живет твой Скулди.

И снова поглядел на Анастасию. И та, словно почувствовав этот взгляд, повернула голову, встретилась глазами с Алексеем и медленно так, словно со сна, – ему улыбнулась.

Глава четырнадцатая Алексей Коршунов. Локальные войны поаборигенски

Питерская июльская ночь. Уже не белая, но и не августовская темная. Большая комната. Все тонет в полумраке, лишь смутно белеет выложенная белым изразцом печь. Вокруг тонко звенят невидимые комары.

Откуда столько комаров? На террасу, что ли, дверь осталась открыта, оттуда летят?

Нет, закрыта. Ах, вот оно что. Марля на окне разорвана, здесь они в комнату и проникают.

За окном ветер шевелит листьями старой черемухи.

Эта комната похожа на другую, в другом доме, где прошло детство. Но это не та комната. Другая.

Алексей встает, идет к письменному столу. Зажигает настольную лампу. В круге света – лист бумаги, испещренный китайскими иероглифами. Трактат о великом походе...

Стоп! Он же не знает китайского. Здесь что-то не так!..

Нет, все правильно. «Великий поход». Это название китайской ракеты-носителя. Она вывела на орбиту «Шеньчжоу-3». Китайский пилотируемый корабль. Они должны с нами связаться...

Алексей просыпается. И сразу же тошнота подкатывает к горлу, встает вязким комом. И перевернутое лицо командира:

– Леха! Связь!..

Связь! Ее нету... И командира нет. Только то самое чувство безысходности двоих, запертых в герметичной консервной банке на околоземной орбите...

Алексей просыпается. На этот раз – по-настоящему. Черт бы побрал эти проклятые сны!

И комаров. Здесь их тьма-тьмушая. Бург стоит на берегу реки, вот и летят. Днем еще ничего, а ночью спасу нет. Правда, комары здесь ленивые и простодушные. Звенят громко, усаживаются нагло. Не в пример питерским подвальным, хищным и беззвучным, которых ничто не берет...

Рядом заворочалась Свинка, подползла поближе, руку Алексея нашарила, ухватила и задышала ровно. Суший ребенок. Особенно когда спит. Трудно с ней. Вернее, когда спит – как раз легко. Кожа нежная, пахнет хорошо, молчит... Еще бы о той, другой, не думать. Ничего. Пару месяцев осталось перекаптоваться. А там – в поход. В великий поход. За великой славой. Так говорил Одохар. Вчера.

Но сначала надо пару локальных войн провести. Ближним соседям силу показать. Это тоже Одохар говорил. Присутствия герулов не стеснясь.

Впрочем, войны здесь все какие-то несерьезные. Тоже убивают, но все равно несерьезные. Больше всего это напоминает бандитские разборки в России где-нибудь в начале девяностых. Количество участников примерно такое же. Да и вообще, здешние дружинники во многом «братков» напоминают...

Нет, вранье! Сходство поверхностное. Здесь все на другом держится. Без гнили и без подстав. Вождь любому дружиннику доверяет безоговорочно, тот – соответственно – вождю. Остаться в живых, если вождь рядом убит, бесчестье такое, что с ним жить не положено.

Вот, к примеру, тут недавно Оленья война была, так ее называют. О ней уже и песни поют. Врут, естественно. Фольклор и есть фольклор. Но у Коршунова – из первых рук информация. От Агилмунда с Ахвизрой, непосредственных участников. Повод у войны был абсолютно бредовый. Одохар позапрошлой осенью отправился с традиционной инспекцией: земли свои объезжать. До условной южной границы доехал, а там – вроде нейтральной полосы. Ничейный лес. А за лесом уже герульская территория. Короче говоря, Одохар в тех краях был, и приспичило ему в нейтральном лесу поохотиться. И надо же такому случиться, что и герульский Комозик (с ударением на втором слоге) тоже в это время свои земли объезжал. Что тоже нормально, поскольку обычаи и у тех и у других – примерно одинаковые. Так что неудивительно, что Комозик тоже на охоту отправился. И тоже на нейтральные земли. Дальше – как в анекдоте. Или, вернее, как в балладе. Погнались два вождя за одним и тем же оленем – и столкнулись. Всадили в несчастное животное несколько метательных предметов. Животное околело, но что именно стало причиной смерти: копье Одохара или стрела Комозика – вот тут вышли разногласия. Оба вождя – в амбиции. Схватились. Но в тот момент у Одохара двойное численное преимущество было: пришлось Комозику со своей дюжиной бойцов отход произвести. А Одохар – на крыльях победы – на герульскую территорию проник и ближайшее село пограбил. Само собой, Комозик этого так не оставил и тоже село спалил. Чужое, естественно. И началась войнушка. С год где-то тянулась. Сожгли несколько сел, порубились дружинами в свое удовольствие, а потом помирились. Итог: около сорока убитых с обеих сторон, материальный ущерб и умножение песенного фольклора. И родившийся в хмельных головах замирившихся риксов замысел великого похода. На ромлян, естественно. Ромляне со всех точек зрения – самые аппетитные. Есть чем поживиться, а убивать совсем не умеют: погрязли в «мирных» трудах.

Правда, почему-то так выходило, что били «мирные» ромляне воинственных героев минимум два раза из трех, но вожди, планирующие походы, как правило, уверены, что они попадут в удачливую треть.

Комозику готовиться к походу существенно проще, поскольку он у герулов – единственный вождь. Было два, но второго Комозик убил. Одохару сложнее: у него Стайна имеется. Одохар с удовольствием решил бы проблему – по соседской модели. Но для этого нужно основание. Такое серьезное основание, чтобы общество одобрило устранение мирного вождя. А не то вслед за Стайной самого Одохара устранят. Соберут тинг, то бишь всеобщее законодательное собрание, оно же – верховный суд и верховный исполнительный орган в одном лице. Заслушают стороны, проанализируют факты, и если выйдет по обычаю, что не прав Одохар, значит, не быть больше Одохару риксом. И вообще не быть.

Интересно, а вот на Руси во времена былинных богатырей – как оно было? Отчитывался ли Илья Муромец перед народом за то, что Соловушку отгундохал? Или Идолищу поганому макушку проломил? Наверняка ведь отчитывался. И полное одобрение получал. Возможно, и премиальные. И от Владимира Красное Солнышко, и от благодарного народа. Только в былинах об этом деликатно умалчивается.

Хотя былины – вещь темная. У Коршунова ТАМ сосед был. Молодой поэт лет сорока пяти. Так он где-то вычитал, что Владимир непосредственно от Ильи Муромца произошел. А тот – от древних готов. Мол, дед Святослава, Игорь Рюрикович, слишком стар был, чтобы сына зачать. Ну и Илюша ему маленько пособил в этом деле: «победил» разок-другой его жену, княгиню Ольгу, коя, сиречь, змея. По отдаленным псковским предкам. Потому и в былинах пишут: победил Змею Илюша... Или Добрыня. Коршуновский сосед тоже не очень хорошо все помнил, поскольку хоть версию эту ему самый настоящий былиновед-филолог излагал, но в особых условиях – в «скворешне» ¹⁵.

Вот забавно, если он, Коршунов, в прошлом оказался – да еще в то самое время. Нет, сомнительно. Илья Муромец, может, и былинный персонаж. Вымышленный. Но вся эта

¹⁵ Психиатрическая больница им. Скворцова-Степанова в Санкт-Петербурге.

история с русскими князьями-варягами как раз здесь, в Приднепровье, и развивалась. А о Рюрике—Игоре—Владимире никто и слыхом не слыхал. А ведь это не такие персоны, о которых можно не слышать, будучи неподалеку. С другой стороны, может, это не ТА Земля... Или история, хм... альтернативная, потому и славян здесь нет. А местные аборигены по быту вряд ли от славян отличаются. Хотя Алексей, конечно, не спец. И Черепанов тоже. (Эх, Генка, Генка! Где теперь тебя искать?) О себе Коршунов точно знал: он вряд ли способен варяга от вандала отличить, или там гота от древнего новгородца. А может, это готы и есть? Те самые, от которых, по версии былинника из дурки, Владимир Святой попозже произойдет? М-да... Без привязки ко времени трудно.

«Одно утешение,— подумал Коршунов.— Рим здесь есть. Вот соберем рать (тысячи полторы отморозков, по здешним меркам — огромное войско), пойдем в большой поход, возьмем этот самый Рим и определимся, какой век на дворе».

Некстати вспомнилось, как Черепанов насчет римских легионов говорил. Мол, в стандартном легионе примерно шесть тысяч человек и срок службы «призывника» — двадцать лет. А за двадцать лет можно даже из интеллигента-задохлика крутого спецназовца натаскать. Если выживет. Но ведь били же и местные римлян... Иногда.

С этой успокоительной мыслью Коршунов и уснул.

Глава пятнадцатая Алексей Коршунов. «Мы придем!»

Каждое утро Коршунов с Книвой отправлялись купаться. Вернее, купался Алексей, а Книва сидел на берегу и глядел с завистью. Коршунов уже знал, что по местному обычаю купаться нынче нельзя аж до конца месяца. Ему хватило ума не уговаривать Книву лезть в воду: местные и так поглядывали косо. Но сам удержаться от такого соблазна Алексей не мог.

В это утро они возвращались обратно мимо причалов. Герульский кораблик стоял на прежнем месте. Алексей охотно разглядел бы его поподробнее, но не знал, как к этому отнесутся хозяева. Сами герулы на корабле не жили, устроились в одном из домов поблизости. Как выяснилось, эти дома специально строили для торговых гостей. Книва сообщил, что по осени здесь — большая «международная» ярмарка. Большая и «международная» — по местным масштабам. Приезжают в основном свои, из селений, находящихся под «протекторатом» бурга. Да еще герулы. Других мало, потому что герулы не любят пропускать чужих купцов через свои земли. Они вообще купцов не любят. Поскольку боятся, что не купцы это, а шпионы.

«Будто иным народам другого дела нет, как за герулами следить»,— пренебрежительно бросил Книва. С интонациями старшего брата Агилмунда. И с теми же интонациями продолжал: мол, тот же Скулди говорит, что прежний поход неудачен оказался из-за того, что ромляне о нем заранее узнали. А какая, собственно, разница? Вот они тоже знали, что квеманы на них напасть могут. Ну и что? Разве это помешало квеманам напасть? И побили бы их квеманы, кабы не Аласейя с Гееннахом. Коли удачи нет, так ее нет. И шпионы тут ни при чем.

Голова Книвы была забита романтикой. И это при том, что он уже успел поучаствовать в двух настоящих сражениях. Представления о том, как надо воевать, Книва черпал главным образом из застольного бахвальства родичей. К герулам же относился с недоверием. Это сейчас с ними мир, а полтора года назад война была. Эти герулы вообще...

Тут Книва замолчал, потому что сверху навстречу им рысцой спускался по тропинке герул. Из посольского сопровождения. Не Скулди, а третий. Коршунов про себя называл его Минотавром. Поскольку сходство герула со вставшим на задние ноги быком было несомненно.

Увидев поднимающихся Коршунова с Книвой, зеленомордый даже и не подумал притормозить. Тропинка шириной в полметра шла вдоль края сыпучего откоса. Слева — обрывчик, справа — крутой склон, поросший чертополохом. В принципе, можно было

разминуться. Но наглый герул вел себя так, словно он на тропе один. Спускался вприпрыжку. Книва поспешно подался в сторону. Коршунов дороги уступать не собирался, вот еще! Но он в последний момент сообразил, что здоровенный, в центнер весом, герул просто его снесет, – и тоже подался в кусты... А когда пыхтящий герул козлом проскакал мимо, Алексей сказал: «Ой!» – и словно бы невзначай, поскользнувшись, толкнул герула плечом. И герул, хоть и был на четверть тяжелее, не удержал равновесия и кубарем полетел с откоса. Только ноги да косы в воздухе замелькали.

Ничего страшного не случилось. Склон мягкий. Так что, прокатившись метров двадцать, герул хлюпнулся в камыши и завоzilся там, злобно ругаясь.

Книва поглядел на Коршунова с восхищением, а тот пожал плечами: мол, ничего особенного.

Они отправились дальше, но едва успели подняться наверх, на дорогу, когда сзади послышался топот.

Разъяренный герул, пыхтя как распаленный бегемот, надвигался на них. Книва, слегка побледнев, взялся за нож.

– Не надо, – остановил его Коршунов. – Не лезь.

У герула тоже был нож (как у любого взрослого мужчины), но коли уж герул за нож не схватился, лучше без оружия обойтись. Тем более что это было выгодно в первую очередь Алексею.

Герул, потный, запыхавшийся, красный как вареный рак, в разговоры вступать не стал: молча бросился на Коршунова, норовя сгрести в охапку. Алексей нырнул ему под колени, но бросок получился «грязным». Герул сшиб Коршунова с ног. Хотя и сам на ногах не устоял, нырнул с разбегу мордой в землю – и тут же вскочил... Правда, на секунду позднее, чем Алексей. Этой секунды Коршунову хватило, чтобы впечатать подошву в поясницу герула, обтянутую широким поясом. От удара спина герула прогнулась, а сам он вынужден был пробежать несколько шагов... Ему не повезло: наступил на развязавшийся шнурок «чуни» и растянулся в полный рост. Второй раз подняться Коршунов ему не дал. Прыгнул сверху, уперся коленом, поймал руку на болевой.

Герул рвался и ревел, как паровозная сирена. Алексей выкрутил ему руку так, что у нормального человека уже давно бы кость выскочила из суставной сумки, а мозги вырубались от болевого шока. Но то – у нормального...

В трубный рык герула вплелся предупреждающий окрик Книвы. На помощь сородичу бежали еще двое зеленомордых. Блин, эти ребята еще и с оружием!

Коршунов отпустил своего противника, вскочил на ноги.

– Дуй за подмогой! – крикнул он Книве.

Но парень не сдвинулся с места. Герой, блин!

Спешившие на помощь подоспели, как раз когда противник Коршунова поднялся с земли. Скулди и еще один, которого Алексей раньше не видел.

Противник Коршунова провел пятерней по лицу, поглядел на ладонь. Ладонь была частично зеленой, частично красной. Трудно не ободрать физиономию, дважды пропахав носом землю.

Коршунов ждал. Даже два герула с ножами – это уже перебор. А три, из которых один – с топориком, а второй – с тесаком в полметра длиной...

Если бы этот упрямец Книва не топтался рядом, Коршунов попросту сделал бы ноги. Но бросать парнишку – нехорошо. Может, удастся разойтись мирно?

Противник Алексея еще раз поглядел на свою руку... И вдруг с места прыгнул на Коршунова, ухватил его за рубаху и заехал в ухо.

– Ах ты гад! – по-русски заорал Алексей и снизу врезал герулу по челюсти. От души врезал, аж лязгнуло. Жаль, борода самортизировала.

Герула шатнуло. Рубаха затрещала. Но упорный герул ее не выпустил, потянул Коршунова к себе, разворачивая и прицеливаясь, как половчее схватить Алексея за горло. Коршунов охотно позволил себя развернуть. Более того, сам закрутился и с поворота локтем

вставил в солнечное сплетение. И – как раз тот случай, когда выгодно иметь рост поменьше, – макушкой в подбородок.

Дальше стало легче, поскольку герул «поплыл». Он все еще цеплялся за рубаху Коршунова (таки порвал, гад!) и даже пытался бить свободной рукой, но это уже были так, козьи потягушки. Удары Алексей наносил исключительно по корпусу. Он помнил о двоих приятелях противника, которые пока не вмешивались. Не хотел их провоцировать. Но и по корпусу, даже такому, о который только стальные трубы гнуть, тоже можно работать эффективно. Если умеючи. Алексей умел. Сначала сбил герулу дыхание. Потом отработал серию в печень. И снова – в солнечное сплетение. Герул оказался мощен. Коршунов лупил по нему, как по «груше», а он все равно стоял. Сначала даже отмахивался кулачищами, потом просто стоял. Секунд десять, не меньше. Но удары в печень коварны. Сначала вроде ничего, а потом так скрутит... В общем, Алексеева рубаха расплзлась, лишив герула последней опоры, и тот медленно завалился на травку.

Его приятели повели себя весьма достойно. Попрятали оружие и наблюдали с большим интересом.

Когда же противник Коршунова вышел из игры, никто ему выражать сочувствие не стал.

Скулди с большим интересом уставился на Коршунова. Потом ухмыльнулся.

– А со мной? Будешь? – осведомился он.

– Давай, – согласился Коршунов.

Конечно, Алексей подустал, но Скулди выглядел куда менее «солидно» (в плане размеров и массы), чем первый противник. Для Коршунова, с его навыками рукопашной, здешний «деревенский драчун» – сущие пустяки.

Скулди расстегнул пояс, передал сородичу. Затем стянул через голову рубаху. М-да, мужик крепкий, ничего не скажешь. Поджарый, жилистый. И весь торс – в татуировках. Тут тебе и змеи, тут тебе и корабль под парусом, и надписи какие-то...

Коршунов слегка расслабился. Видал он местных драчунов: пока размахнутся – три раза высморкаться можно. И едва не словил нокаут. Хорошо, успел нырнуть в последний момент: кулак только по голове чиркнул – и тут – в корпус. Аж ребра затрещали. Ничего себе! Вот тебе и деревенский драчун!

Алексей быстренько ушел в сторону и набрал дистанцию. Нет, этот парень точно учился морды бить. Тут тебе и стойка (незнакомая, но вполне грамотная), и организация движений. Но теперь Коршунов был готов, и его было не так просто достать. Поначалу сам он от атак воздерживался, ушел в защиту, выжидая, когда можно будет поймать Скулди на встречном. И опять едва не проворонил – на этот раз подсечку. Ах вот как! Значит, мы и ногами умеем работать! Нет, в технике Скулди определенно чувствовалась школа. Но до настоящего мастерства герул не дотягивал. Иначе пришлось бы Алексею кисло. А так он поиграл минутку-другую на жестких блоках и установил, что «арсенал» приемов у Скулди весьма ограниченный. И против японо-китайских штучек, против прыжковой техники, против хапкидошных захватов, в которых Алексея в свое время очень неплохо поднатаскал Черепанов, отработанной защиты у герула не было. Хоть и ловок был Скулди, как кошка, – не помогло. «Раскачав» противника длинной серией разнообразных ударов, Алексей обошел-таки его со спины, сбил толчком под колено, притиснул к земле, зафиксировал на полминуты, чтобы герул прочувствовал ситуацию, – потом отпустил.

Скулди встал, неторопливо отряхнулся, окинул Коршунова цепким подозрительным взглядом. Так бабка-кухарка небось на заре технической революции глядела на поставленный в барской квартире телефон. Ясно, что придется теперь жить в одном доме с этой говорящей штуковиной, но... Может, треснуть по ней шваброй и сказать, что само разбилось?

Под этим пристальным взглядом Алексей вдруг очень остро почувствовал, что он и Скулди принадлежат к разным культурам. И Коршунов со всеми своими мордобойскими навыками, скалолазаньем, прыжками с парашютом, пистолетом в запачке и

свежеприобретенным умением убивать ближних – по-прежнему отвратительно цивилизованный и интеллигентный кандидат физико-математических наук из хорошей семьи. Да, он может надавать Скулди по морде и даже убить, если достаточно разъярится... Но перед ним стоит чистокровный, урожденный варвар. Которому вовсе не нужно разогревать себя гневом, чтобы смахнуть кому-то голову. Этот здоровенный парень с зелеными скулами, ровесник Коршунова, возможно, знает куда меньше Алексея, но ничуть не глупее. И если он сочтет *целесообразным* расчленив Коршунова на заготовки для лангета, то он так и сделает. И сомнений или угрызений совести при этом он испытает не больше, чем домашний песик, хрумкающий «педигри». Вспомнился почему-то выдавленный Агилмундом глаз квемана...

Отвратительное чувство неуверенности после очевидной победы настолько взбесило Коршунова, что ему удалось сделать достаточно свирепое лицо, чтобы неподобающая «небесному герою» слабость не стала явной. Он окинул герула столь же надменным оценивающим взглядом и гордо выпятил обросший густой щетиной подбородок.

Чертов герул покосился на своего кореша с ободранной мордой.

– Алексей, сын Виктора, готовься! Мы придем к тебе. Я и Кумунд! – Скулди кивнул на Минотавра. – Мы придем, *Алексий*. Жди!

Глава шестнадцатая Алексей Коршунов. «Контрразведчик»

Они пришли.

Время выбрали удачное: когда в доме, кроме Коршунова, были только детишки да беременная жена Фретилина брата. Остальные – в поле.

Строго говоря, и Коршунову тоже следовало в поле быть, но выяснилось, что в поле от Алексея толку – ноль. Не обучен он здешним сельскохозяйственным работам. Это, впрочем, никого не удивило. Где бы Аласейе научиться землю возделывать, если он с неба упал? Вместо «небесного» неумехи в поле трудился добытый «героем» в бою квеман-скалкс. Скалкс – раб по-здешнему, но квеман рабством своим не слишком был опечален. Поскольку был не урожденным рабом, а взятым в бою. Следовательно, его рабский статус – явление временное. И окружающие свободные это признавали. Ну попал мужик в рабство. Пустяки, дело житейское, с каждым может случиться. Команду над квеманом взяла Рагнасвинта. Поскольку из ее мужа рабовладелец оказался никакой, да и хозяйство ему – по барабану. Рагнасвинта последнее очень не одобряла, но смирилась. Трудно ожидать нормального поведения от человека, который с неба рухнул. Ничего, она, Рагнасвинта, с хозяйством разберется. Пусть муженек на нее положится, а сам тащит в дом побольше военной добычи да еще скалксов пяток. Тогда можно будет со Стайной через Фретила договориться и распахать большой луг за излучиной... Коршунов в планы своей квено не вникал. Поскольку сельским хозяйством заниматься не собирался. И в бурге обитать до старости не планировал. Если уж не удастся вернуться домой, то хотелось бы переместиться в более цивилизованное место. Алексей отдавал себе отчет в том, что долго жить в бурге он не сможет. Со скуки сдохнет.

Хотя сейчас ему было совсем не скучно. С такими-то гостями.

Пришли они, как и обещано, вдвоем. Скулди и Кумунд. Кумунд вошел первым. Коршунов, который в это время сидел за столом и занимался составлением словаря, вскочил.

Ссадины на физиономии звероподобного Кумунда подсохли, щеки опять жизнерадостно вызелены. Но морда – мрачно-торжественная. Как на похоронах. Костюм парадный: куртка с тиснением, цепи-браслеты-побрякушки, пояс, шитый серебром, естественно, кинжал, секира, шлем под мышкой: снят из вежливости, когда его хозяин через порог переступал. Но Алексей уже знал, что это проявление уважения к дому, а вовсе не к Коршунову. В одной руке – шлем, в другой – кожаный мешок. И то и другое Кумунд плюхнул на стол. В мешке булькнуло.

– Хайре, Алексей! – на пороге появился Скулди. Тоже в парадном. Даже еще покруче:

вместо топора – меч, пояс не серебром украшен, а золотом. И шлем не такой, как у Кумунда, тоже золоченый. И – знакомый шлем, черт... Такой знакомый шлем, но не вспомнить, где видел.

Скулди осклабился и разразился длинной тирадой... Кажется, на греческом.

Алексей покачал головой: не понимаю.

Скулди ухмыльнулся еще шире. Его приятель, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на лавку. Лавка жалобно пискнула.

– Радуйся, Алексей, сын Виктора из рода Черных Орлов, прилетевший из дальней земли Байконур! – провозгласил Скулди с откровенной насмешкой и тоже уселся.

Бесцеремонно взял блокнот, поглядел, хмыкнул.

Коршунов вежливо отобрал у него блокнот, спрятал.

– Здравствуй, Скулди, – сказал он. – Здравствуй и ты, Кумунд. Что это ты принес? – кивнул на мешок.

– Тебе понравится, Алексей.

Появилась Фретилина невестка. Несмотря на огромный живот, двигалась она проворно. И в отличие от Алексея знала, как следует принимать гостей.

На столе появились берестяные кружки, каменной твердости печенье, сыр.

Скулди развязал мешок, наклонил. Из мешка полилось. В кружки. Нечто сине-фиолетовое.

– Пей, Алексей!

Коршунов с сомнением поглядел на жидкость. Доверия она не внушала.

– Не бойся, Алексей, сын Победителя ¹⁶, – насмешливо произнес Скулди. Подхватил кружку, опрокинул себе в глотку. Поставил и снова налил. – Пей, хорошее вино.

Алексей взял кружку. Вкус пойла вполне соответствовал его виду. Кислый сушняк с мерзостным привкусом. От бурдюка, должно быть.

Видимо, своего ощущения от дегустации Коршунов скрыть не сумел, потому что Скулди заботливо поинтересовался:

– Не нравится?

– Редкая дрянь, – честно сказал Коршунов. – Вылей ее в яму. Будем лучше пиво пить, я скажу, чтоб принесли.

Скулди с Кумундом переглянулись...

– Чтобы ромлянин сказал: вино вылей, – такого быть не может, – заявил Кумунд.

– Сам знаю, – буркнул Скулди. – Семь зим провел среди них. – Подмигнул Коршунову: – Верю теперь, что ты – не ромлянин, Алексей! И рад этому, потому что вижу: славный ты воин. Не хотелось бы поступать с тобой как с врагом.

Коршунов молчал. Переваривал.

Потом не нашел ничего лучшего, как задать дурацкий вопрос:

– А как бы ты поступил с врагом, Скулди?

Тот ответить не успел: перебил Кумунд:

– Известно как: поспрошать строго и... – универсальный жест – ладонью по горлу.

– Думаешь, это понравилось бы Одохару? – спросил Коршунов.

– Одохар знает, – последовал ответ Скулди. – Я ему сказал, что к тебе иду: вызнать, не лазутчик ли ты ромлянский. Одохар сказал: «Иди». Ты похож на ромлянина, Алексей. – Скулди вроде как извинялся. – Имя у тебя аттическое, эллинское, имя твоего отца – ромлянское. Речь нашу знаешь плохо. Держишься чудно¹⁷. И сам – из рода Орлов ¹⁷. Мы большой поход готовим, Алексей. Новый поход. А прежний без славы закончился. Потому

¹⁶ Виктор – Победитель (лат.).

¹⁷ Орел – самый известный символ Римской империи. Российский двуглавый – того же происхождения. С тех времен, когда Римская империя делилась на Западную и Восточную.

что знали о нем ромляне. Все знали. И встретили нас наготове. Эй, баба, неси пиво! Славно, Алексей! По глазам вижу: тоже спросить меня хочешь? Спрашивай.

В общем, много интересного узнал Коршунов. Перед ним сидел человек, который семь лет провел в Римской империи. Которая оказалась действительно империей. Богатой, огромной, централизованно управляемой и ведущей активную внешнюю политику. Хитростью и силой. Эти семь лет Скулди воевал за ромлян. Наемником в составе вспомогательного отряда. Потом командовал разведгруппой. Воевал с какими-то карпами, до особых чинов не дослужился, но добычу взял, по местным меркам, неплохую. И существенно расширил кругозор, потому, будучи доверенным лицом герульского рикса Комозика, возглавлял у последнего внешнюю и внутреннюю разведку. С обязанностями справлялся неплохо. Например, информацию о падении спускаемого аппарата получил даже раньше Одохара (интересно, кто настучал?) и сразу обеспокоился. Потому что из своих контактов с римлянами вынес две вещи: глубокое убеждение в их неисчислимых богатствах и почти мистический ужас перед их возможностями. Ничуть не сомневался, что ради внедрения агентуры хитроумные ромляне могут даже богами прикинуться. Так что касательно «небесных героев» у них с Комози́ком изначально подозрения имелись. И решить вопрос следовало незамедлительно: Одохар, доверчивая душа, вполне способен шпионов в дружину принять и даже возвысить.

За эдаким светским разговором они приговорили бочонок пива литров на пятнадцать, и расслабившийся Коршунов вспомнил анекдот про шпиона, которого пять лет готовили в ЦРУ, а потом внедрили на Полтавщину. И вошел этот шпион в хату, вербовать местного самогонщика, и говорит:

«Добрыдень, диду! Мэнэ Грицько Мигун звать. Продай горилкы!» – и протягивает червонец.

«А доллары в тэбэ е?» – интересуется дед.

«Звидки ж в мэнэ доллары?» – разводит руками шпион.

«Ну як же? – удивляется дед. – Ты ж мериканьський шпиен!»

Тут шпион удивился не на шутку и интересуется, как же дедок его так с ходу расколос: ведь и язык изучил, и обычаи...

«Та ты ж нэгар!» – говорит дед.

Вспомнив эту поучительную историю, Коршунов решил, что следует указать славному парню Скулди на его ошибки.

– Не станет хороший лазутчик в чужую одежду рядиться, – сказал Алексей. – И с неба падать не станет. И вид у него должен быть не диковинный, а самый что ни на есть обыкновенный. Незаметный.

– Вовсе нет! – протестовал Скулди. – Наоборот.

Пояснил: у них тут любой посторонний сразу на виду, поскольку все друг друга знают. Поэтому для шпиона как раз логично богом прикинуться. Вроде бы и новый, а и не человек.

Но кандидат физико-математических наук Алексей Коршунов в логике был посильнее дикого герула и живенько объяснил, что задача шпиона – информацию передавать. А как ее передать, если ты на виду? Да и как ее собирать – тоже вопрос.

Насчет информации Скулди отчасти согласился, но сказал, что деятельность шпиона может и иначе проявляться. Например, посорить рикса Комозика и рикса Одохара. Тогда и похода не будет.

Коршунов вспомнил про Оленью войну и заявил, что риксы и без римлян горазды ссориться. И пример привел.

Оказалось, неудачный пример. Поскольку лично Скулди был почти уверен, что оленя этого, из-за которого драка началась, как раз римляне и подсунули.

Ладно, залили разногласия еще одной порцией пива.

Вернулись с сельских работ владельцы дома, но мешать мудрой беседе не посмели. Только сам хозяин, Фретилин брат, с особо приближенным к «небесному герою» Книвой в уголке пристроились.

– Нет,– сказал Коршунов.– Ежели бы я захотел сведения о вас получать, я бы чужого человека присылать не стал.

– А что бы ты сделал? – заинтересовался Скулди.

– Завербовал бы кого-то из местных! Заинтересовал или подкупил.

– Это как же?

– Да просто. Вы с ромлянами торгуете?

– Мы – да! – гордо ответил Скулди.– Они,– кивок в сторону Фретилина брата,– нет. Ромлянские товары им мы привозим.

– Ты и Кумунд?

– Нет.– Скулди брезгливо скривился.– Мы – не торговцы. Другие герулы торгуют. И здесь, и с ромлянами.

– Не важно. Главное, чтобы связь была. Кто торгует – тот выгоды ищет. Какая разница, чем торговать?

– Точно! Правильно, Аласейя! – поддержал Коршунова простой парень Кумунд, который, не стесняясь, то и дело наливал себе, вне очереди, из бочонка.– Торгаш все продаст!

– Вот именно. В том числе и новости.

– И новости! – пьяно провозгласил Кумунд.– Точно!

– Например, новости о новом походе на ромлян!

– А ведь верно! – воскликнул Скулди.– Ведь верно, Алексей! Говори дальше!

– Что говорить?

– Ты мудр! – уважительно произнес герул.– Подскажи, как узнать, кто ромлянам тайны продает?

– Элементарно, Ватсон! Отследить, у кого капитал неожиданно вырос! – по-русски проговорил Коршунов, засмеялся и повторил по-здешнему: – Очень просто. Посмотреть надо, у кого непонятно как богатства умножились.

– Мудро,– одобрил Скулди.– Просто по-ромлянски мудро... – Он устремил на Коршунова пронзительный взгляд.– Ну-ка спой, Алексей! Спой, как вы в Байконуре поете!

– Зачем?

– Послушать хочу!

Действительно в голосе Скулди нехорошо звякнул металл или показалось?

Но почему бы и не спеть благородному дону для другого благородного дона, если тот просит?

Коршунов задумался... А потом встал и грянул «Боже, царя храни!»

Не потому, что монархист, а просто в голову пришло.

Хорошо исполнил. Зычно и с душой, прослезился даже. Хотя дома сроду не пел царского гимна. Тем более, в Байконуре.

Герулов пробрало. Скулди обниматься полез. Бормотал в ухо:

– Прости, Алексей! Опять про тебя нехорошо подумал: уж так ты по-ромлянски мыслил. Но теперь вижу: не ромлянин ты. Родную ты нам песню спел, сразу видно. А язык – незнакомый. Немного на язык боранов похож, но не их язык...

– Никаких это не баранов язык! – возмутился Коршунов.– Натуральный русский, зеленая ты морда! – и тут же сообразил, что говорит не то, что следует. К счастью, всю тираду он тоже по-русски произнес, так что у Скулди не было повода обидеться.

Потом они еще много песен спели. На разных языках. И еще: Коршунову очень хотелось Скулди про Анастасию спросить: кто она? Откуда он ее знает? Но не спросил. Не настолько он пьян был, чтобы с малознакомым человеком такие разговоры вести. Тем более, Скулди этот – не простак. С ним ухо остро держать следует...

Глава семнадцатая Алексей Коршунов. Тренировка

Утром приехали родичи: Фретила со своими. Барахла привезли – воров десять. В

братнем доме Фретила тут же повел себя по-хозяйски. Оказалось, дом этот – Фретилин. Поскольку Фретила в роду – старший. Есть, правда, еще какой-то дядька в каком-то селе, который возрастом старше Фретила, но он «неправильного» происхождения – от тиви рожден, а не от квено законной. В общем, с тех пор, как помер папаша (из-за которого, как выяснилось, Фретила из бурга и отчалил), Алехин тесть все собирался в бург приехать да в наследство вступить. Вот и приехал.

Средний брат (без звука) собрал вещички, домочадцев и отбыл в другой дом – где обитал третий брат, младший. А тот, в свою очередь, подальше от бурга отъехал, поскольку и там тоже у рода недвижимость имелась. Богатый род у Фретила, ничего не скажешь.

Кстати, Фретила с собой и Алафриду привез. Передал с рук на руки здешним родичам. Приняли ее хорошо. От Хундилы кое-какое добро осталось, так что не пропадет теперь девка. Вернее, уже не девка, а тиви. Ежели так случится, что встретятся Аласейя с Гееннахом, пусть скажет Аласейя: мол, не бросил Фретила в беде Гееннахову тиви, помог. Позаботился.

Заботливый тестюшка сразу по прибытии развил бурную деятельность: припахал на работы по обустройству всех, включая Коршунова. Но совершил стратегическую ошибку: отстранил Агилмунда от руководящей работы по разгрузке и отправил чистить лошадей. Причем именно *чистить*, а не *руководить* чисткой. Забылся папаша. Не учел, что зазорно лучшему десятнику рикса собственноручно таким ничтожным делом заниматься. Да он, Агилмунд, и свою *боевую* лошадь не всегда сам чистит. А тут драить каких-то обозных кляч!

Изложив все это батьке, Агилмунд от работы самоустранился. Более того, отстранил от работ Сигисбарна и Книву. Заявил, что забирает их с целью тренировки. Фретила попытался протестовать, но Агилмунд поставил вопрос ребром: хочет Фретила, чтобы его сыновей в бою как ягнят зарезали? Если хочет, тогда пускай. Не станет их Агилмунд бою учить. Пусть их убьют. Только он, Агилмунд, о смерти их матери сообщать не собирается. Пусть Фретила сам к ней придет и скажет: вот, Брунегильда, убили твоих сыновей, потому что я, Фретила, не дал сыну своему Агилмунду, воину знатному, братьев бою обучить. Вот и убили сыновей твоих, Сигисбарна и Книву.

Фретила такой демагогией было не сокрушить, но речь Агилмунда вовсе не к нему адресовалась, а к матери. Брунегильду же никто не назвал бы покладистой. Натуральная бой-баба, которой лучше поперек дороги не становиться и в дискуссии с ней не вступать. Мужу, конечно, она особо не перечила. Не принято здесь мужьям перечить. Нравы патриархальные: можно и схлопотать. Но если дело касалось ненаглядных детишек...

Короче, сплюнул Фретила себе под ноги и разрешил. Бери кого хочешь, сынок, и проваливай с глаз долой. И без тебя дел неспорот.

Разумеется, Коршунов тоже к Фретилам присоединился. Уж кому-кому, а ему потренироваться с местным оружием было остро необходимо. Но только как бы это сделать, чтоб славу «небесного героя» в грязюку не уронить?

Агилмунд и Алексей ехали верхом. Коршунов уже наострился: ляжек не стирал и спину коню – тоже. И седло у него теперь было лучше: удобное, с высокими луками и другой формы, чем у местных. Седло он сменял у Ахвизры на несколько квадратных метров «небесного паруса». Ахвизра сам предложил. Присовокупив к предложению ироничный комментарий про «свинью на заборе». Седло было трофейное, и дружинник требовал за него кусок в десять шагов длиной. «Из моего седла ты, Аласейя, и захочешь – не вывалишься!» – утверждал он. Коршунов уже знал, что поторговаться – одно из первейших местных развлечений. Не столько даже ради наживы, сколько – красноречием поблистать. Сошлись на «двух шагах», но чтобы Ахвизра отмерял. Он и отмерил: на каждом шаге едва на шпагат не садился, чуть не упал. Присутствовавшие при этом Сигисбарн и Книва всласть повеселились. Но сейчас им было не до смеха. Агилмунд погнал их «с полной выкладкой» рысью, километра четыре. Когда выехали на симпатичную полянку, одежда на братьях стала – хоть выжимай.

Спешились. Передохнули. Ничего, ребята молодые: Книве вот всего четырнадцать. Тощая длиннорукая жердина с белым пухом на подбородке. В движениях некоторая щенячья неловкость, но жилист и вынослив. И цепок. (Фактура, идеальная для скалолаза, профессионально отметил Коршунов. Еще бы растянуть его немного...) Реакция, глазомер – все при нем. С тридцати шагов копьем в цель попадает. Насмерть. Воспоминание об этом беспокоило Коршунова. В сознании не укладывается, что этот худощавый улыбчивый пацан – прирожденный убийца. По законам того времени, из которого пришел Коршунов, Книву следовало бы срочно изолировать от общества. Но *это* общество вполне одобряет мальчишку, который убивает без малейших эмоций и вдобавок отрезает убитым головы. На сувениры.

Тут Алексей ошибался. Как он впоследствии узнал, здешнее «общество» не вполне одобряло то, что Книва убивал врагов. Но потому лишь, что не прошедший посвящения паренек был не защищен от посмертной мести убитых и их потусторонних покровителей. Причем вовсе не из-за того, что они могут повредить самому Книве. Это, как говорится, его личные трудности. Но Книва был частью рода и частью общества. Он мог «навести» на общество разгневанных «мстителей» и принести обществу вред. За такое карали беспощадно, потому что в этом обществе действовали законы муравейника: личность – ничто, род – все. Но выдающихся личностей род поощрял. Поскольку они были полезны роду. Поэтому выдающийся убийца (врагов, разумеется) Книва был уже отмечен теми, кто понимал. А вопросы очищения... Любой родич Книвы, облеченный покровительством Вотана или иного скорого на расправу бога, вполне мог очистить Книву, «переключив» возмездие убитых на себя. А это вполне реально, потому что кровь одна, а «мстители» в первую очередь на кровь ориентируются. А коли ты посвящен, то стоит лишь сделать пару-тройку простых магических процедур, напоминающих богу-покровителю о том, что его адепт нуждается в защите... И на пути жаждущих крови душ-мстительниц встает сущность, неизмеримо более великая. Настоящий бог в полный рост, напившийся свежей жертвенной крови и мгновенно впадающий в ярость оттого, что кто-то рискует посягнуть на *его имущество* ! Да за такое...

Правда, «безграмотное» с магической точки зрения убийство, совершенное, например, в священном месте или в запретное время, может затронуть интересы таких же божеств. Но ведь и с божествами можно договориться. Лестью, угрозами, подкупом... Для этого и специалисты имеются: жрецы. Договорятся и очистят. По крайней мере, общество очистится, если не удастся отмолить конкретного согрешившего индивидуума. Так что и у Книвы были все шансы стать «искупительной жертвой» собственного проступка. Но коли сказал Овида: «Книва чист», – стало быть, так и есть. И не будет у общества проблем с потусторонним миром. А с посюсторонним... Придут мстители-кровники – разберемся. Это уже не жрецов дело, а воинов. И в этом случае даже щенок Книва имеет право колоть и резать в свое удовольствие. Если, конечно, его самого не нанижут на копьцо...

А вот Сигисбарн – уже не щенок. Молодой мускулистый пес. Ловкий, подвижный, безжалостный. И тоже с опытом человекоубийства. Схватись он по-настоящему, на копьях, с тем же Коршуновым, еще неизвестно, кто кого. Высокий, сильный, ловкий. Здесь такие парни вдвоем кабана берут, а втроем – медведя. Тем не менее в сравнении с настоящим профессионалом-воином Сигисбарн – такой же щенок, как Книва. Коршунов и раньше имел возможность в этом убедиться, но только теперь увидел, насколько велика разница.

Братья вооружились: Агилмунд – деревянным мечом, Сигисбарн и Книва – боевыми рогатинами с широкими наконечниками. Такими и колоть, и рубить можно. Если умеючи. Агилмунд осклабился и предложил родичам себя прикончить. Братья энергично взялись за дело. С точки зрения Коршунова у них получалось неплохо, но как-то так вышло, что копья у них перепутались, после чего Сигисбарн получил по ребрам, а Книва – очень больно – по мягкому месту. Пока обучающиеся терли подшибленные места, Агилмунд «выставил оценки»: Книве – хорошо, Сигисбарну – неудовлетворительно. Коршунов озадачился: на его взгляд, Сигисбарн работал точнее и энергичней. Это оказалось не важно. Главное: Сигисбарн

– посвящен в воины, а Книва – нет. Вот когда Книву посвятят вскорости (у парня аж глаза загорелись!), тогда и спрос с них будет одинаковый. С этими словами Сигисбарн вручил братьям по здоровенному (раза в два больше коршуновской трофейной секиры) топору, вооружился кондово сработанным щитом и своей деревяшкой и опять дал добро на убийство. Братья еще более рьяно взялись за дело. Казалось, через полминуты от щита ничего не останется... Тем не менее на нем не появилось даже приличной зарубки. При этом Агилмунд даже не особо двигался, наоборот, его «противники» метались вокруг, ухали, подпрыгивали и совершали массу активных телодвижений. Коршунов наблюдал очень внимательно. Запоминал движения, стойки, то, как следует держать оружие. Он умел улавливать движения, но нужна была практика. А предложить Агилмунду поработать и с ним было стремно. Потому что даже Книва был опытнее, чем Алексей. Не хотелось ронять авторитет «небесного героя». Очень не хотелось. Тем более – послушав, как комментирует Агилмунд воинские качества своих братьев. Определения типа «гнилое пугало», «воронья пожива» и «две коровы на сносях» были самыми мягкими.

Алексей и не решился бы, но Агилмунд предложил сам.

Он объявил перерыв. Совершенно обессиленные братья повалились на траву. А Коршунов рта открыть не успел, как десятник рикса уже направлялся к нему с секирой в одной руке и своей деревяшкой в другой.

– Держи,– деловито сказал он, протягивая Алексею секиру.– Нападай! – и сразу: – Стой! – хотя Коршунов еще даже толком замахнуться не успел.

– Не так держишь,– пояснил Агилмунд. И показал как. И эдак. И жестким хватом, и мягким, когда рукоять свободно скользит в ладони.

Потом поглядел на Коршунова внимательно и показал, как рубить. Как менять направление удара, как «колоть» краем лезвия и блокировать топором. Каждое движение – несколько раз. Сначала медленно, потом быстрее. Заставлял Алексея повторять, исправлял ошибки. В общем оказался вполне толковым инструктором. Впрочем, и Коршунов все схватывал на лету. Тело у него было тренированное, с координацией – никаких проблем. Правда, мозоли натер, но это пустяки.

В общем кончилось тем, что Агилмунд дал братьям «автономное» задание, а сам занялся исключительно Коршуновым. При этом никаких острот в отношении ученика не позволял, а уж Алексей вообще помалкивал. Сбылись самые худшие его опасения: теперь Агилмунд наверняка знал, что никакой Коршунов не герой, а полный лох во всем, что касается «благородного воинского искусства» нашинковать своего ближнего.

Посвятив Коршунову львиную долю времени, десятник рикса вспомнил и о братьях и взялся обучать их пользоваться щитом. Опять посыпались комментарии вроде «трехногого шелудивого борова» и «умирающей от парши шавки». Громоздкий щит то и дело вываливался из рук обучаемых, оказываясь на траве. Или на траве оказывались сами обучаемые, а щит располагался сверху. И создавалось полное ощущение, что без этого оружия защиты парням было бы намного проще защищаться. И опять Агилмунд похвалил Книву и отругал Сигисбарна. И на обратном пути Сигисбарн волок и полупудовый щит, и еще килограммов тридцать всякого барахла, а Книва бежал налегке: всего лишь с копьем, топором и пятикилограммовым петухом-тетеревом, которого сам же и подбил ловко пущенным камнем.

Коршунов ехал рядом с Агилмундом и с беспокойством ждал, что тот скажет по поводу Алексея «умения» владеть оружием.

И дождался.

Глава восемнадцатая Алексей Коршунов. Двуногий талисман

– А ты ловок, Аласей,– одобительно произнес Агилмунд.– Хороший воин, оказывается.

Коршунов уставился на него в полном недоумении.

– А я думал – неумеха ты, – продолжал Агилмунд.
– Думал? – удивился Коршунов. – То есть ты и раньше знал, что я... Не очень?
– Не очень? – Агилмунд негромко засмеялся. – Что я, слепой? Не видал, что ты меч будто мотыгу держишь? А копьём шуруешь – как баба в печи кочергой. Это ж каждый видит, у кого глаза есть.

– То есть и Ахвизра?..

– Конечно!

– И Одохар?

– А Одохару даже смотреть не надо. Он и так увидит. По шагу хотя бы.

Коршунов некоторое время переваривал услышанное. Потом спросил:

– А когда Одохар мне предлагал в поход с ними идти – он знал?

– Ну, Аласейя... – Агилмунд поглядел на Коршунова как на слабоумного. – Это же Одохар. Рикс. Конечно, он знал.

Алексей еще пару минут переваривал информацию.

Они выехали из леса. Впереди блеснул синий изгиб реки. Кони перешли с рыси на шаг.

– Но зачем риксу нужен такой воин, который не умеет копьё держать толком? – наконец спросил Коршунов.

– Да какое Одохару дело, как ты копьё держишь? – в свою очередь удивился Агилмунд. – Не нужно Одохару твое копьё, что, у нас своих копий нет? А вот удача твоя... Это да! Это нам нужно! Ха! В большой поход! С небесным героем! Под небесными парусами! Цвета снега и крови! Ах-ха! – Он толкнул коня пятками и пустил его легким галопом. Коршунов сделал то же, чтобы не отстать. Топот и пыхтение «пехоты», изо всех сил старавшейся не отставать от всадников, стихли в отдалении. Алексей догнал Агилмунда.

– Значит, я неумеха?

– Я ошибся, Аласейя! – заявил старший Фретилич. – Ты не неумеха. Сегодня я это понял.

– Да ну? – не без иронии отозвался Коршунов.

Его очень утешило, что от него не ждут фехтовальных подвигов. Но нельзя сказать, что ему очень льстила роль «талисмана». Отчасти потому, что он помнил, как поступают с талисманом, который перестает «работать».

– И что же ты понял?

– Да то, что и раньше мог понять. Догадывался. Когда мне говорили, как ты в гнев камнем огонь и гром из земли высекаешь. Ты – воин. Только привык к другому оружию. Не такому, как наше. Верно?

– В общем да, – осторожно ответил Коршунов.

– Ха! А ты и впрямь в гнев гром и огонь метать можешь?

– Иногда, – еще более осторожно ответил Коршунов.

Он помнил, сколько у него патронов, и не собирался устраивать демонстраций. Без необходимости.

– Ха! А Ахвизра, чурбан, говорил: вранье! Покажешь?

Коршунов покачал головой.

– Нельзя, – сказал он. – Сейчас нельзя.

– А когда будет можно? – Глаза Агилмунда горели совершенно детским восторгом.

– Это редко бывает, чтобы можно. Редко, но бывает... – Подумал немного и добавил: – Но говорить об этом нельзя. Беда будет. Ты понял, Агилмунд?

– Ха! Конечно, понял! – Он коснулся рта пальцем и подмигнул.

Доволен. Теперь у них с Аласейей – общая тайна. Тайны же тут любили все. Тайны, тайные знаки. Коршунову об этом еще Черепанов говорил. Мол, даже Травстила с Овидой, серьезные люди, исподволь сигналами обмениваются. Даже показывал какими. Ну просто как дети.

– Все же, Агилмунд, я бы хотел и вашим оружием научиться пользоваться, – сказал Коршунов.

– Научишься,– успокоил его риксов дружинник.– Ежели ты уже воин, так с любым оружием освоишься. Ты быстро научишься, я видел, как у тебя выходит. Вот Скулди говорил: ему ромлянское снаряжение тоже сперва непривычно было, а потом привык. А со Скулди ты, вижу, уже подружиться успел?

– Вроде того.

– Это хорошо. Скулди при Комозике – как я при Одохаре.

– Да? – Коршунов поглядел на своего родича с большим интересом.– Скулди сказал, что его главное дело... (Как бы это поточнее выразиться?) Новости для Комозика собирать.

– Ха! «Новости»! Не новости! – Агилмунд поднял палец.– Не только новости. Все знать про всех, что риксу надобно.

– И ты знаешь? – спросил Алексей.

– Ясно, знаю! – самодовольно ответил старший сын Фретины и коршуновский шуринок.– И про того же Скулди, и про Комозика, и про каждого дружинника герульского! Все! Не сомневайся! У меня там... – тут он осекся и сказал, откашлявшись: – Ты, конечно, родич мне, Аласей, и небесный герой, но все же пока не в дружине нашей. Лучше тебе того не знать, как я вести узнаю. Еще проболтаешься Скулди тому же...

– Ты меня что, болтуном считаешь? – недовольно спросил Коршунов.

– Да не обижайся ты! Не в том дело. Не обижайся!

– Ладно, забыли,– отмахнулся Алексей.– Ты мне вот что скажи: Скулди считает, что прошлый большой поход нехорошо кончился из-за ромлянских соглядатаев. И этот тоже может провалиться. Из-за того же. А что считаешь ты?

– Глупости! – отрезал Агилмунд.– Скулди как у ромлян пожил, так ему всюду ромлянские козни чуются! Не было тогда с нами настоящей удачи – вот и побили нас. А теперь у нас удача есть. Вот ты хотя бы!

Но Коршунов не был так уверен в своих способностях универсального «талисмана». Опасения герула показались ему вполне оправданными. И следовательно, имелась необходимость в поддержке Одохара. И Агилмунда, коли уж тот действительно заведует Одохаровой разведкой. Но чтобы привлечь его на свою сторону, нужны были аргументы. Аргументы, значимые именно для Агилмунда.

– Что есть мерило удачи? – спросил он.

– Слава,– не раздумывая ответил родич.– Богатство.

– Велика ли слава ромлян?

– Да уж не мала.

– А велики ли их богатства?

– Ха! – в глазах Агилмунда вспыхнула ничем не прикрытая алчность.

– Так какова же мера их удачи? – вкрадчиво спросил Коршунов.– Велика ли?

Агилмунд не ответил. Думал.

– Помнишь, ты говорил мне: лишая удачи, боги наделяют неудачника слепотой. И он, идя в бой, не видит настоящей силы врага?

– Помню,– ответил десятник рикса.– И что же?

– А то, что сила не только в числе воинов, а удача в битве может выглядеть и так, что ты знаешь о враге все: какова его сила, когда он хочет напасть, куда ударит... И ждешь его там, где он не ждет тебя встретить. Это ведь тоже удача, Агилмунд, верно?

– Пожалуй.

– Но это – *создаваемая людьми* удача, Агилмунд. И лазутчики ромлян как раз и могут создавать такую удачу. Они не надеются на то, что боги все сделают за них. Они действуют, Агилмунд. А боги любят тех, кто действует!

– Я понял,– сказал Агилмунд.– Я сказал Одохару: пусть Скулди ищет ромлян в бурге Комозика. У нас нет ромлян.

– А тех, кто служит ромлянам?

Агилмунд пожал плечами:

– Откуда они возьмутся? Зачем нашим людям губить собственную славу?

– А ты подумай о тех, кто не хочет, чтобы поход увенчался успехом?
– Таких у нас нет! – убежденно ответил Агилмунд.
– Да неужели? – усмехнулся Коршунов. – Если поход будет победоносным, Одохар станет сильнее. А если – нет? Неужели никто в бурге не хочет, чтобы Одохар стал слабее?
С мозгами у риксова десятичника было все в порядке. Сразу сообразил.
– Ты хочешь сказать, что Стайна может служить ромлянам? – недоверчиво проговорил Агилмунд. – Стайна? Хранитель Закона? Мирный вождь?
– Не сам Стайна, конечно. Но, может, кто-то из его людей? Кто-то из тех, кто торгует с герулами? Кто-то из тех, кто возит товары на юг...
– Чего ты хочешь? – быстро спросил Агилмунд. Он был человек практичный.
– Скулди сказал, что будет следить за такими людьми на земле Комозика. Но здесь – не его земля. И у него нет здесь своих людей... В достаточном числе. А у тебя – есть. Сделашь?
– Нет, – отрезал Агилмунд. – Нашим людям и без того хватает дел. Комозик – единый вождь, а у нас не так. Но я скажу о твоих мыслях Одохару. Это все.
Они были уже в полукилометре от ворот бурга.
А в бурге как раз начинался народный суд.

Глава девятнадцатая Алексей Коршунов. Суд Стайны

Агилмунд судом не заинтересовался. Он был человек занятый, на службе. А Коршунов с младшими Фретилычами остановились поглазеть.

Здесьний суд оказался серьезным мероприятием. Целым театральным представлением.

Подмостками служила центральная городская площадь. Она же – зрительный зал. Действующими лицами были: Стайна (верховный судья), Вилимир (присяжный заседатель) – солидный мужчина с зычным голосом. Вилимир – Стайнов первый приспешник. И дом Вилимира – рядом с домом мирного вождя. И сам Вилимир – всегда рядом со Стайной. Можно сказать, глашатай при мирном вожде.

Кроме Стайны и Вилимира – два Стайновых дружинника. Судебные приставы.

Разумеется, присутствовали истец и ответчик.

И свидетели. Человек тридцать. В основном родня истца и ответчика.

Имелось также вещественное доказательство: килограммов двадцать свиной колбасы.

Суть дела была такова.

Жила-была некая свинья. И забрела она на огород к ответчику. И убил ее ответчик, и сделал из нее фигурирующую в качестве доказательства колбасу.

Факт умерщвления и происхождение колбасы ответчик не отрицал. Но утверждал, что имел на вышеописанные действия полное право, поскольку покойница уже хаживала на его огород. Истец же настаивал, что данная свинья посетила чужой огород впервые, а до этого хозяйство ответчика проинспектировала похожая на покойную, но тем не менее совсем другая свинья.

Что же гласит Закон? А Закон, устами своего хранителя Стайны, утверждает, что свинью, единожды нарушившую девственность чужих посевов, надлежит изгнать за пределы территории, а хозяину ее выразить устное порицание. И только свинью-рецидивиста допускается вывести в расход и использовать по прямому свиному назначению. Скажем, пустить на колбасу.

Далее последовало собственно судебное разбирательство, задачей которого было установить идентичность первой нарушительницы с той, которая уже ничего не сможет нарушить, кроме, может быть, пищеварения при неумеренном потреблении колбаски.

Суд заслушал свидетелей (мнения разделились) и затребовал дополнительных доказательств: живую свинью, которую прочили в первые нарушительницы, и шкуру погибшей. Доказательства были представлены и внимательно изучены. С точки зрения Коршунова, все здешние свиньи если чем-то и отличались, то только худобой и

прожорливостью. Причем не друг от друга, а от свиней, которых он видел до того, как попал сюда. Но оказалось, что каждая здешняя свинья обладает яркой индивидуальностью и неповторимым набором личных качеств. Изучив доказательства и еще раз заслушав свидетелей, суд (в лице Стайны) встал на сторону ответчика. Посему колбаса, шкура и прочее остались в его собственности. Истцу же, для покрытия судебных издержек, велено было после сбора урожая принести мешок зерна. Решение было оглашено Вилимиром. Все, кроме истца и нескольких его родичей, были полностью удовлетворены. Особенно ответчик, который от щедрот своих подарил суду некоторое количество «вещественных доказательств».

Глава двадцатая Алексей Коршунов. «Хорошие люди – готьёс!»

Все-таки выяснил Коршунов, что это за народ. В неторопливой беседе с родичами Фретилычами выяснил. И как только они с Черепановым сразу не сообразили? Ведь и раньше местные на четко поставленный вопрос: «Кто вы такие?» – давали такой же четкий и недвусмысленный ответ. Вернее, смотрели на тебя, как на идиота, а потом соображали: ты же, Аласейя, из края далекого, оттого и не знаешь элементарных вещей. Люди мы. Хорошие люди. Славные. А «хороший» – по-здешнему «готс». И все, тупик.

Но как только Коршунов поднабрал словарного запаса и освоился, то сумел из тупика выбраться. Люди, мол, это да. Дело понятное. Мы вот у себя в Байконуре тоже люди. И герулы – люди. Вот хундс мохнатый – это не «люди», понятно. А между людьми ведь тоже есть различие? Конечно есть, согласились с ним. Вот мы – хорошие люди, а герулы... Ну теперь мы вроде с герулами друзья, но все равно: герулы – они герулы и есть.

Ну да, соглашался Коршунов, про герулов понятно, а все-таки какие именно вы люди? Ах вот ты о чем? – наконец до его собеседников дошло. – Мы те люди, которые гревтунги. А есть еще и тервинги. Они тоже «готьёс», славные, значит, ребята. Если на закат солнца идти – как раз к тервингам и придешь. Мы, значит, готьёс гревтунги, а они – готьёс-тервинги.

Вот тут наконец до Коршунова дошло. Готы! Почему вот только на исконно славянских землях готы живут? Ну еще скифы там или анты... Впрочем, познания Алексея в древней этнографии оставляли желать. Зато он хорошо помнил, что готы Рим взяли. Вместе с вандалами. Или после вандалов. Или до. Или гунны. Короче, доигралась загнивающая империя и пала под натиском варваров. Вот этих самых ребят, с которыми Коршунов пиво пьет и беседы ведет неспешные. А славяне, вероятно, потом появились. Может, от этих же готов. А что? Определенная связь имеется. Тервинги и гревтунги.

«Терва» означает лиственное дерево. Тополь, береза, липа – это все терва. Стало быть, тервинги это те, кто по лиственным лесам живет. Древляне, выходит. А «гревта» означает камень или булыжник. И широкое поле, особенно если оно с холмами и перелесками – тоже.

Вот и получается: древляне и поляне. Аккурат как у нас, в Древней Руси.

В конце июля (двадцать третьего числа, если ориентироваться по коршуновским часам, а еще точнее – в ночь с двадцать второго на двадцать третье) Одохар со своими дружинниками отбыл в неизвестном направлении. Со всеми тремя Фретилычами. Дом опустел. Вернее, заполнялся теперь только звонким голосом Рагнасвинты и визгливым – ее мамыши. Изредка – баском Фретилы. По утрам. С восходом все уходили в поле, прихватив скалксов: двух квеманов и еще одного, пожилого мужика неизвестного происхождения. Коршунову оставляли обед. Который он съедал в одиночестве. Вернее, в компании трех хундсов: лохматого дворового и двух охотничьих сук Книвы и Сигисбарна. Суки тоже скучали.

Днем бург пустел. Только на подворье Стайны кипела жизнь. Стайна сельским хозяйством не занимался, хотя, насколько было известно Коршунову, имел изрядно земли – и вблизи города, и пару хуторов подальше. На земле Стайны было кому трудиться, пока мирный вождь занимался «общественной» деятельностью. О своем богатстве Стайна Коршунову рассказывал еще тогда, когда Алексей у него в гостях бывал. Не то чтобы

хвастался: давал понять, что сила у него, Стайны, есть. И немалая. Надеялся мирный вождь, что, выбирая между ним и Одохаром, Коршунов предпочтет все-таки Стайну. Алексей его не разубеждал. Чтобы иметь повод появляться в доме мирного вождя. Агилмунду со Скулди намекнул: мол, разведку веду. Насчет римской агентуры. Но себя не обмануть. На подворье мирного вождя он таскался исключительно ради того, чтобы увидеть Анастасию. Однако недавно Коршунову дали понять, что видеть его более не рады. Вилимир-сосед так прямо и сказал:

– Ты, Аласейя, больше к Стайне не приходи. Не будет тебе рад Стайна, мирный вождь.

Сказал Вилимир, но кому в бурге не известно, что Вилимир – голос Стайны. Грубый и зычный.

Причину немилости Алексей выяснять не стал. Понадеялся только, что она – в его последнем разговоре с Одохаром. Хоть и говорили они один на один и в собственном доме Одохара. Очень не хотелось бы, чтоб такой причиной оказалась привязанность Алексея к Анастасии.

Может, и хорошо, что все кончилось так. До того, как ситуация вышла из-под контроля. Уж слишком желанна стала для Алексея эта женщина. И интуиция подсказывала: он тоже ей симпатичен. По меньшей мере. Но ничего хорошего из взаимного притяжения между Коршуновым и чужой наложницей – по местным понятиям, «собственностью» мирного вождя – выйти не могло. Кроме больших неприятностей.

Покинутый Фретиличами и Скулди, который еще раньше уплыл домой, пообещав вернуться примерно через месяц, Коршунов тем не менее времени зря не терял. Родичи в поле, а он – на коня и, бродом, за речку. Там было хорошо. Заливные луга, трава по плечи. И коню раздолье, и Алексею. Каждый день он часов по шесть упражнялся с оружием. Когда невмоготу становилось – делал перерыв, купался в теплой водичке и – снова за дело. Пока тело трудилось, голова была свободна. И думалось хорошо, особенно в воде. Или в седле. А подумать было о чем. О будущем, например.

За день до отъезда Коршунова пригласил к себе Одохар. Не в дружинный дом, домой пригласил.

– Про друга твоего, небесного героя Гееннаха, новости есть,– сказал он.

– Какие? – внутри у Алексея екнуло.

– Непонятные. У квеманов говорят: жрецы новое место для святилища ищут. Мол, осквернил прежнее друг твой Гееннах. И Гееннах тоже ищут – найти не могут.

У Коршунова отлегло от сердца. Молодец Генка! Навел шороху! И особенно молодец, что живой!

– Откуда сведения?

– То тебе знать не обязательно,– сказал рикс.– Но сведения верные. Скажи, не мог небесный герой Гееннах обратно в Байконур улететь?

Коршунов покачал головой.

«Надо же! – подумал Алексей.– Какие интересные подробности о командире выяснились».

– Ладно,– кивнул Одохар.– Если на наши земли выйдет Гееннах – я узнаю. Хуже – если к антам выйдет. Анты чужих не привечают и умом недалеки. Могут и не признать небесного героя. Хоть и говорил мне Фретила, что силен Гееннах безмерно и корень его огонь, но многочисленны анты... Числом же и огонь остановить можно... – Помолчал немного и добавил: – А воду нельзя. Хочу тебе корабль подарить, Аласейя.

Коршунов изо всех сил попытался скрыть изумление. Поистине то был день новостей.

– Новый корабль. Его срубили для тебя и скоро пригонят в бург. Но парус ты должен поставить сам. Из небесной ткани. Согласен?

– Согласен,– не раздумывая, ответил Коршунов.

Он помнил насчет «парусов цвета снега и крови», о которых было объявлено герульскому послу.

В общем, было о чем подумать «небесному герою Аласейе». Например, о том, что

Одохар, оказывается, даже среди «злокозненных» квеманов имел информатора. И о том, что простота здешней жизни – кажущаяся. По крайней мере та игра, которую ведет рикс, значительно сложнее и активнее, чем предполагал Коршунов. Просто Алексею позволяют видеть лишь незначительную часть процесса. Кусочек внешней оболочки. Даже герул Скулди наверняка куда более осведомлен о делах Одохара. Ясно одно: рикс – не только умный мужик, но и искушенный. Просто так ничего не делает. А о том, что делает, зря не болтает. Правитель. Хотя народу здесь – всего ничего. Тысяч десять, по коршуновским прикидкам. И все всех знают, что естественно при такой малочисленности, и живут патриархально, по прадедовским обычаям... Однако закулисная жизнь кипит вовсю. Ну да разве в численности населения дело? В обычной коммуналке на три-четыре семьи такие, бывает, интриги заворачиваются... Не любят люди жить просто. Скучно им. В жизни – как в науке. Это ведь только кажется, что в физике все по правилам-законам. Самый же вкусный для ученого кусочек – когда законы нарушаются. Вернее, *уже* написанные законы нарушаются. Когда в общей картине образуется неясность, щелочка. И сквозь эту щелочку можно за изнанку заглянуть... И новый закон открыть. М-да... Воистину познание есть змея, ловящая собственный хвост. И все же скучал Коршунов без своей родной кристаллографии.

Задумавшись, не заметил, как подъехал к бургу.

Ворота городка были гостеприимно распахнуты. Стражи – никакой. Хотя – от кого стража? От внезапного нападения? Так откуда оно возьмется, внезапное? Хоть и обширны окрестные леса, да вряд ли можно скрытно к бургу подойти. Наверняка в лесах этих у бурга наблюдатели имеются. Те же охотники... С другой стороны, сумели же они тогда внезапно напасть на квеманское городище? Но ведь бург полутора десятками не возьмешь, это ясно. А незаметно провести сотню-другую захватчиков – это уже сложнее.

Хотя, в принципе, можно. Выслать вперед дозоры, разведчиков. Подойти скрытно. А от ближайшего леса до бурга – всего-то километра два. Если верхом: три-пять минут хорошей скачки...

Тут все «стратегические» мысли вылетели из головы Коршунова, потому что он увидел Настю.

Конь запнулся – так резко Алексей дернул поводья.

– Славы тебе, Аласейя. – Она посторонилась, давая Коршунову проехать, да так неловко, что пошатнулась и едва не упала с настила в ров.

Не упала, успела ухватиться за ногу всадника, а всадник, наклонясь, поймал тонкое запястье с соскользнувшей к локтю змейкой золотого браслета.

– Прости, Аласейя, мою неловкость!

– Нет, это ты прости меня, Анастасия! – Смуглые пальцы женщины уже разжались, но всадник по-прежнему удерживал тонкую руку. – Я не очень хороший наездник! – Он улыбнулся.

– Разве воин может быть плохим наездником? – улыбнулась она в ответ.

– Там, откуда я родом, ездят не на лошадях, а на... – Алексей искал подходящее слово, – колесницах. Огненных колесницах, – уточнил он.

Это не было враньем. Двигатель внутреннего сгорания как-никак.

– О-о-о! – поверила она или нет, неизвестно, но взглядом выразила восхищение. – По небу?

В общем его слова даже не прозвучали необычно. Здесь принято преувеличивать. Фантазировать, так сказать. В здешних байках побитые враги множатся и превращаются в шестируких великанов. Причем рост и количество рук напрямую зависят от возраста рассказчика и объема выпитого пива.

– И по небу, – кивнул Коршунов. – На больших колесницах. С крыльями. И не только воины – все. Даже дети. – Руки ее он так и не отпустил, но она словно и не замечала этого.

– Верхом?

– Нет, в чреве. Наши колесницы столь стремительны, что верхом не удержаться.

– В чреве? – Она задумалась. – Как на корабле?

– Примерно.

– Мне бы хотелось полетать по небу,– проговорила она застенчиво и совершенно по-детски затрепетала веками: огромные глаза в черной бахrome выгнутых ресниц.

– Может быть... – Коршунов бросил быстрый взгляд по сторонам: они были одни. Ни одного человека ближе трех сотен шагов, открытые ворота, пустая пыльная улочка...

– Может быть, когда-нибудь... – Он низко наклонился в седле и коснулся губами узкой мягкой ладони.– Анастасия... Настя...

Глава двадцать первая Книва. Посвящение

Книва просидел в яме целую вечность. Совсем окоченел. Очень хотелось есть. А пить совсем не хотелось. Овида сказал: «Воду не пей. Плохая». Это он про ту воду, что в яме скопилась. Как будто Книва совсем дурак. Станет он воду пить, от которой мочой воняет! Сколько тут до Книвы сидело, воинское посвящение принимавших? И все в эту воду облегались.

Книва вздохнул. А как хорошо мечталось, когда на капище ехали! Агилмунд, Сигисбарн, сам Одохар с дружиной, даже Травстила-кузнец. Еды привезли полные мешки, пива. По дороге еще свинью добыли, с поросятами...

Все на капище пошли, а Книву Овида-жрец за руку – да в лес. Глаза тряпкой завязал и до самого вечера по чащобам водил. Книва все ноги сбил сослепу.

Наконец сюда привел его Овида. К яме. Щит плетеный, дерном прикрытый, с ямы снял. Раздеться велел и вниз прыгать. Книва разделся и прыгнул. Хоть страшно было: яма-то ловчая, раз щитом прикрыта. Большая: на медведя или, может, тура. А в ловчей яме и кол может быть... Страшно, но прыгнул. Стараясь ближе к стенке упасть. Напрасно боялся – не было кола в яме. Воды вонючей – на ладонь, да еще на ладонь – грязи.

– Целый? – спросил сверху Овида.

– Целый! – бодро ответил Книва.

– Ну тогда сиди. Воду не пей. Плохая.

– А долго сидеть? – спросил Книва.

– Пока я не приду... Или еще кто.– При этих словах Овида хохотнул недобро, как филин ухает, да щит на яму надвинул, осыпав Книву землей.

Ушел Овида.

А Книва остался.

И сразу есть захотел.

Представилось, как на капище воины пируют. Свинью на вертеле жарят, а со свиньи жир капает и на камнях шипит.

А в лесу уже и ночь наступила. Это Книва только по звукам, что сверху доносились, понял; в яме-то всегда ночь. Ноги от воды немеют. Особенно когда на корточках сидишь. Мошки какие-то вьются, кусают. Плохо Книве. Страшно. Может, о нем забыли? Может, кземаны напали на капище и побили всех? Овида-жрец сказал: «Сиди, пока я не приду». А ежели он и вовсе не придет? Ежели он нарочно Книву в яму скинул, чтобы богам подземным потрафить? Зря, что ли, сказал жрец: или я приду, или еще кто?

Страшно Книве. У него с подземными богами – старые счеты. Думал Книва: очистили его тогда, на болоте, Каумантиир Гееннах с Аласейей. Ан нет, оказывается. Только вот сейчас сообразил Книва: не могли они его очистить, раз не боги они, а чужие герои. Были б свои – другое дело. Но ведь чужие. Разве их Вотан с Доннаром услышат? Вспомнил тут Книва, как Аласейя его все в реку звал, а Книва не шел: боялся обычай нарушить. А ведь наверняка Аласейя его не просто так звал. Понятно теперь: помочь хотел. Хотел, чтоб речной бог, здешний, с которым дружен Аласейя, Книву от нечистоты избавил. Не понял Книва. А теперь – поздно. Потому, может, и не взяли на капище Аласейю. Чтоб Книве помочь не мог.

Долго сидел Книва. И стало ему казаться, что из земли в яму скребется кто-то. Шуршит в земле, стену толкает. И грязь под ногами вроде шевелиться начала. Понял Книва: это

«нижние» злые духи носами острыми землю точат, к нему рвутся. Только вода их не пускает. Знает вода, что покровительствует Книве Аласейя, вот и не пускает подземных. Хотел Книва Доннара с Вотаном о помощи попросить, но вспомнил: не воин он. Нет у него права к воинским богам обращаться. Тогда с отчаяния Книва в голос Аласейю позвал. Может, услышит Аласейя и выручит? Больше ведь некому...

Видно, услышал все же Аласейя, потому что перестали духи в земле скрестись. Может, ушли. Или затаились. Или за подмогой отправились. В земле ведь много кто живет. И боги малые, и духи, и хольды черные, которые с людьми схожи, только что ростом малы. Ежели хольда в нужную ночь поймать и спросить правильно, он тебе все клады земные показать может. А ежели неправильно спросишь – хольд тебя чародейством опутает и на сорок зим под землю уведет. Войдешь юношей, а выйдешь седым стариком... Тут спохватился Книва: о чем думает, под землей сидя? И совсем ему нехорошо стало: весь испариной покрылся, даже мерзнуть перестал ненадолго.

...Сколько еще времени прошло – неведомо. Но устал Книва бояться. Присел опять на корточках и в дрему погрузился. Дрема – не сон. Дрема – это когда в засаде сидишь, дичь стережешь. Глаза и уши открыты, а мыслей совсем нет. Если зверь не придет, можно с полудня до заката так просидеть – времени ушедшего не заметить... Так сидеть Книву Сигисбарн учил. А Сигисбарна – Фретила. А Фретила – предки. Предков же ласка учила. Ласка у рода Фретила – покровитель. Потому никому из рода Фретила ласку убивать нельзя. Только ласка – глупый зверь. Беспамятный. Это плохо. Зато отважна и свирепа ласка без меры. Это хорошо. Зверь-покровитель – он весь род бережет. Но только род – не отдельного человека. Человеку же боги пособить могут. Но у богов людей-просителей много, а у Зверя – только один свой род. Потому для рода Зверь полезнее.

Задремал Книва, но, конечно, услышал, как наверху крышка сдвинулась. Очнулся, встать хотел, да не смог: ног не чувствовал. А наверху темно было. И воздух свежий сверху пошел. Потом из темноты голос Овиды раздался. Окликнул Книву Овида. Но не по имени. Не отозвался Книва. Овида ему еще прежде сказал: нельзя отзываться. Тогда сверху веревка с петлей упала. Книва ее на себя надел, затянул под мышками. Овида его наверх и вытянул.

Стоять Книва не мог: ноги совсем скрючило. Так и лежал на траве, клубком свернувшись, покряхтывал от боли.

Овида щитом яму прикрыл, Книву поднял, на плечо положил и понес. Как поросенка.

Книва молча лежал: помнил, что говорить ему нельзя.

А Овида его на озеро принес. Там уже ждали. Трое в шкурах звериных и личинах из звериных черепов.

Они его тоже спрашивали, но Книва молчал. Хотя по голосу узнал одного: Травстилу. Он молчал, тогда его бить начали и в воде топить. Но он все равно молчал, только раскашлялся, когда воды хлебнул. Потом трое его на траву положили и стали с Овидой переговариваться. На незнакомом языке. Потом Овида рядом присел и сам стал Книву мучить: ноги Книвины мять. Очень больно было, но Книва только зубами скрипел: терпел. Овида же мазь достал пахучую и с ног до головы этой мазью Книву натер. От мази Книве сначала горячо стало, а потом кожа онемела совсем, а в теле легкость необычайная возникла. Вскочил на ноги Книва и запрыгал по траве. И закричал на непонятном зверином языке. И убежать хотел, но поймали его, петлю на туловище накиннули и через лес повели. А Книве так весело было, как никогда в жизни. И страшно убежать хотелось, но веревка не пускала.

Привели Книву в особое место. Там огонь горел. И много людей было. Все – с оружием.

Пока шли, веселье из Книвы вышло, и все чувства обострились. И голоса людские сделались тягучими и непонятными.

Трое в личинах поставили Книву в круг, и в кругу все запели разом. От звука этого ум у Книвы помутился. Упал Книва наземь и лежал на земле, содрогаясь и голову руками прикрыв. И не видел, что над ним творили...

Поднял Книву Ахвизра. Книва узнал Ахвизру и удивился: и тому, что Ахвизра его

поднял, и тому, что он опять лица людские различать может.

Ахвизра же его к себе на колени положил. И Овида рядом присел и питьем огненным Книву поил. От питья того внутри Книвы огонь стал. И боль такая, словно пылающие угли во чрево сыпали. Но Книва выпил все. До капли.

А потом закричал и умер.

И в иной мир попал. Там пусто было: только воды морские – до горизонта. Книва моря не видел никогда, но понял, что море. И стоял Книва на воде ровной, хотя вокруг волны кипели. И тень на него падала: как огромное крыло. Посмотрел Книва вверх – и небо увидел. Цвета огня и снега, снега и крови. Тех самых цветов, что у паруса были, который вместилище Аласеи по воздуху нес. И понял Книва, что туда он попал, откуда небесные герои прилетели. В Байконур. И возрадовался. И сразу Голос услышал. И говорил ему Голос важное...

А потом очнулся Книва и понял, что не умер он. Что лежит он на шкурах волчьих, а голова – на коленях у Ахвизры. И вокруг – воины стоят. Все знакомые. И Агилмунд, и Сигисбарн. И Одохар суровый. А рядом с Книвой, на коленях, Овида-жрец стоит.

– Что сказали тебе боги, рысенок? – спрашивает.

Догадался Книва: уже можно ему говорить. И хотел ответить, что ему Голос вещал... И понял, что позабыл все. Ничего не помнит. Только море и небо красно-алое. И заплакал Книва от горя.

Не знали воины, почему плачет Книва, но никто не засмеялся. Только Ахвизра руки Книвины сжал крепко. Сочувствовал.

Ничего не сумел вспомнить Книва из того, что Голос говорил. Помнил только, что тот все время позади звучал, как Книва ни поворачивался, тщась бога воочию увидеть.

Но объяснил Овида: хорошо это, что бог ему не показался. Потому что это чужой бог, не Доннар и не Вотан, и не Фрей веселый. От лика чужого бога и ослепнуть можно. И еще это значит: будет бог сей всегда за спиной у Книвы. Хранить его будет и на врагов направлять. И в большом походе бог этот с Книвой будет.

Еще сказал Овида, что Доннар с Вотаном тоже с ними в поход пойдут и с чужим богом они – в дружбе, иначе не перенесли бы Книвину душу в Байконур.

И еще сказал Овида, что Книва теперь – воин. И на руку Книвы показал. Увидел Книва, что на коже его воинский знак наколот. И узнал, что это Ахвизра собственноручно знак наколот, и стал теперь Ахвизра Книве вроде отца или брата старшего. Будет учить его бою, как раньше Агилмунд учил. И еще – языку тайному, знакам особым и всему, что настоящий воин знать должен. А Ахвизра рядом сидел, кивал и усмехался.

И хорошо стало Книве оттого, что он – воин. И что Ахвизра больше убить его не хочет. И оттого, что теперь точно его Одохар в дружину возьмет. А потом вспомнил Книва Нидаду, Ахвизрова брата, и снова опечалился и заплакал. Но опять не смеялся никто, а Овида после сказал: не зорно воину от печали нестерпимой плакать. Или от радости. Хорошо это и богам приятно. Ибо эти слезы – совсем не те, что от боли, обиды или страха текут. Вот и Ахвизра нередко от печали бороду слезами мочил. И кивал Ахвизра, соглашаясь.

И вспомнил еще кое-что Книва и спросил: что ему с квеманскими головами, в прежних битвах добытыми, делать? Тех, что *прежнему* Книве принадлежали?

Овида задумался, а потом засмеялся и сказал: выкинуть их – и все дела. Не отыщут более Книву мстительные квеманские духи. А отыщут – пусть на себя пеняют. Ибо воин теперь Книва, и покровители у него – не квеманским чета.

А голов воин Книва еще немало добудет, потому что славный герой выйдет из Книвы. Это сам Одохар сказал, и все с Одохаром согласны.

И понял Книва, что такое настоящее счастье.

Глава двадцать вторая Алексей Коршунов. Зуб Алзиса

Дернула нелегкая Коршунова Свинку на променады вывести. Честно говоря, его совесть

мучила. Из-за Насти. Хоть и не было у них ничего. Но Коршунов вполне отдавал себе отчет: не потому не было, что женат он, а потому что не срослось. Пока. Но срастется непременно. Потому что никуда им друг от друга не деться. Потому что Судьба. Потому что хоть и чужая женщина, а все равно. И наплевать, что чужая. И наплевать, что будет, потому что голова кругом идет, едва к ней прикоснешься. То есть – влюбился, как школьник. Нет, покруче. Потому что школьник – он *легко* влюбляется, а матерый мужик вроде Коршунова – ох тяжело. Таких, как он, купидонова стрела навывлет бьет. Намертво.

Но совесть все равно мучила. Рагнасвинта, девочка юная, прилепилась к нему тоже всерьез. И первый он у нее. И законный. Хоть и случайно вышло, да малышке откуда знать, что случайно? Нехорошо это: свое счастье на чужой беде строить. Тем более что и счастья может не быть. Настя – не его женщина. И черта с два ее этот чертов кабан Стайна отдаст! Пристрелить его, что ли?

В общем оторвал от сельскохозяйственных работ Аласейя – небесный герой женушку свою законную. И вывел ее, Рагнасвинту Фретиловну, шестнадцати лет от роду, на прогулку. По городской площади, мать ее так. Может, купить чего или так пройтись.

А площадь была пустынна. Жара, пыль. Никого. Только один «лоточник», мужичок не из бурга, приехавший из какого-то дальнего села, разложил на рогожке поделки: упряжь, ремешки, пояса...

И тут – будто ждали. Вышла со двора Стайны целая толпа. Сам хозяин, прихлебателей с полдюжины, охранников четверо.

И тотчас один из прихлебателей к Коршунову подбежал. Мол, мирный вождь желает с небесным героем о делах перемолвиться.

– Ты тут пока постой, солнышко, – сказал Коршунов Рагнасвинте. – Приглянется что – бери.

Впрочем, знал, что лишнего Свинка не купит. Бережлива. Чтоб не сказать больше.

Стайна ходить вокруг да около не стал. Сразу к делу перешел, слов впустую не тратя.

– Продай мне небесный парус, Аласейя, – сказал мирный вождь. – Я тебе настоящую цену дам. Такой никто не даст. Только весь продай. Золотом заплачу. Вес за вес. Больше только за ромейские паволоки ¹⁸ дают.

«Ах ты хитрая бестия, – подумал Алексей. – Вес за вес. При том что парашютный шелк и не весит почти ничего, о чем тебе, толстяк, прекрасно известно».

– Не думаю, что это хорошая цена, – сказал Коршунов. – Сколько, ты говоришь, за паволоки дают?

– Один вес против трех, – неохотно проговорил мирный вождь. Наверняка занизил.

Коршунов пожал плечами:

– А ты мне – один против одного предлагаешь. За *небесную* ткань. Но за *хорошую цену* я, может быть, продам тебе немного. Или обменяю... – У него мелькнула шальная мысль. Махнуть! Шелк – на Анастасию!

– Мне нужно все, – заявил Стайна. – Только все.

– Все не получится, – развел руками Коршунов. – Часть паруса мне самому нужна. Но я тебе хороший кусок продам. Такой, что все твоё подворье вместе с домом накрыть можно.

– Нет! – безапелляционно заявил Стайна. – Ты продашь мне весь небесный парус. Если цена моя кажется тебе малой, назови свою. Знай, Аласейя, за *весь* парус я ничего не пожалею. Назови цену! Что пожелаешь в доме моем – твоим станет.

«Знает? – подумал Коршунов. – Про нас с Настей? Эх, зачем я только пообещал Одохару!»

– Не получится, – сказал Алексей с искренним сожалением. – Я дал слово.

Если бы он точно знал, что Стайна согласится на обмен... Нет, все равно нельзя. Это

¹⁸ Паволоки – шелка. Тут – не совсем точно. Шелк в Римской империи не производили, а привозили с Востока.

значит предать Одохара. Даже если плюнуть на последствия такого действия, все равно. Не по-мужски это.

– Я знаю, что ты обещал Одохару, – спокойно сказал Стайна. – Я освобожу тебя от твоего слова. Я вправе. В этом бурге я – хранитель Закона. Не Одохар.

Ответил Алексей не сразу. Тут следовало подумать.

– Не могу, – наконец произнес он. – Не в Одохаре дело. В моем роду такой закон: не давши слова – крепись, а давши – держись. Нет, Стайна, по-твоему не получится. Я сожалею...

– Ты говоришь «нет» мне, Аласейя? – В голосе Стайны прозвучало удивление.

– Я говорю тебе, что не могу принять *это* предложение, – дипломатично ответил Коршунов. – Сделай мне другое, и я постараюсь сказать тебе «да».

Стайна задумался. Он сверлил Алексея своими прозрачными глазками и, можно поклясться, интенсивно пытался отыскать в его словах второе дно.

Коршунов отвел взгляд от широкого, лоснящегося от пота лица, повернул голову: как там его Свинка?..

Ну вот! На минуту одну оставить нельзя!

Рядом с Рагнасвинтой топтался какой-то длинный парень. Говорил ей что-то настойчиво, за руку взял. Рагнасвинта руку выдернула, выкрикнула что-то резкое. Парень тоже голос повысил...

– Мне нужно отойти, – сказал Коршунов.

– Мы не договорили, – с нажимом произнес мирный вождь. Он тоже смотрел в сторону Алексеевой квено. Видел. Но или ему было безразлично, что там происходит... Или, наоборот, не безразлично.

– Позже, – бросил Коршунов.

Один из парней Стайны встал у Алексея на пути, но Коршунов оттолкнул его в сторону, потому что в этот момент длинный снова схватил Рагнасвинту за руку...

Двадцать метров – это даже не расстояние. Коршунов пролетел его за три секунды и с ходу, ребром ладони, ударил длинного в основание шеи. Тот, не пикнув, повалился в пыль.

– Ты – в порядке? – спросил он свою квено. – Что ему было нужно?

– Ему?.. – Свинка в восхищении взирала на Алексея. – Что ему было нужно...

– Да!

– Но, Аласейя, это же... – Тут в глазах ее что-то мелькнуло, Коршунов мгновенно развернулся.

Черт, это же Алзис! Морда перекошена, поднимается с земли, а в руке уже ножик в полруки длиной.

А за спиной – Стайна со своими. И, похоже, вовсе не собирается вмешиваться. Улыбается добродушно-покровительственно, типа: играете, мальчики? Ну играйте, играйте.

Окружающее отпечталось в глазах Коршунова, как объемная картинка. Оскал, движение, нож... А туловище Алексея уже начало клониться в привычном развороте, и нога сама пошла на удар...

Мощно, с проносом, сбоку – по оскаленным зубам.

Алзиса опять швырнуло мордой в пыль. Коршунов выпрямился, выхватил из чехла собственный нож...

Стайна выкрикнул что-то резкое, и его охраннички моментально пришли в движение: повыдергивали топорики, встали между Алексеем и Алзисом. Что ж вы, хлопчики, только сейчас спохватились, а?

А мирный вождь по-прежнему благожелательно улыбался: мол, ничего личного, порядок есть порядок. Убивать никого не будем, но ежели кто желает...

Коршунов не желал. Не тот у него уровень, чтобы схватиться с оружием с четырьмя профи. А за пистолет хвататься – повод не тот, чтобы светить «секретное оружие».

Алзис поднялся. Сначала – на карачки, потом – на ноги. Красавец: глаза в кучку, морда в грязи и пыли. Постоял немного, потом наклонился (едва не упал), поднял нож. Подержал в

руке немного, спрятал. Выплюнул на ладонь зуб, поглядел тупо...

– Дай мне, – потребовал Стайна.

Отобрал зуб, спрятал. Интересно, зачем?

Глава двадцать третья Алексей Коршунов. Зуб Алзиса, акт второй

Зачем Стайна прибрал Алзисов зуб, выяснилось очень скоро. Когда от мирного вождя прибыл посыльный и сообщил: законность действий Коршунова в отношении пострадавшего Алзиса подвергнута сомнению и требует судебного разбирательства.

Суд же назначен на следующее утро.

Вечером состоялся «семейный» совет. Председательствовал Фретила. Выказал полное одобрение действиям зятя. Выказал недовольство мирным вождем. Оказывается, он успел пообщаться со Стайной с целью перенести судебное заседание. Стайна отказал. При этом высказал крайнее недовольство зятем Фретила.

– Чем ты его обидел? – строго спросил старейшина.

– Небесный парус отказался продать, – ответил Коршунов. – Весь – и за бесценку.

– Правильно отказал, – одобрил бережливый Фретила.

Но родичи погрустнели. Полагали: очень нехорошо, что Стайна сердит на Аласейю. И что суд будет проводиться в отсутствие Агилмунда и Сигисбарна. Сыновья Фретила, будучи одновременно родичами подсудимого и «штатными» дружинниками Одохара, могли привлечь к разбирательству военного вождя. У остальных такого права не было, а следовательно, у Одохара не было формального права выступить на судебном разбирательстве. Даже если бы и был в буре Одохар.

Коршунов забеспокоился и попытался выяснить, что ему грозит в случае осуждения. Оказалось, ничего особенно страшного. Придется заплатить за выбитый зуб верегельд, то бишь штраф. Причем размер штрафа в данном случае строго определен и не так уж велик.

Алексей сразу успокоился и сказал, что это пустяки и нечего беспокоиться. Заплатит он сколько нужно. Что у него, денег нет, что ли?

Оказалось, что дело вовсе не в штрафе. Дело – в принципе. В ущербе чести. В утрате родом Фретила неких непонятных Коршунову бонусов на будущем тинге. В том, что выплата штрафа наносит ущерб коршуновскому статусу «небесного героя», и получается, что он, «небесный герой», оказывается *должен* какому-то паршивому Алзису, у которого теперь, после гибели Хундилы, и родичей приличных нет. Короче, осуждения Аласейи допустить никак нельзя. А в отсутствие Агилмунда и Сигисбарна позиция рода Фретила существенно ослаблена. Тем более, и рикса Одохара в городе нет. Следовательно, решение полностью зависит от произвола Стайны. А мирный вождь свою позицию уже обозначил.

Короче, дела плохи. Фретила, конечно, послал человека на капище: по возможности поторопить своих. И он очень рассчитывал на «перенос разбирательства». Но Стайна отказал, и все теперь зависит от того, как поведет себя на суде сам Аласейя. Тут все с надеждой поглядели на Коршунова, а тот совсем растерялся, поскольку понятия не имел, каким должно быть его поведение. Признать свою вину? Послать Стайну на три буквы? Еще раз дать по морде ублюдку Алзису?

После окончания семейного совета Коршунов попробовал прояснить этот вопрос у Фретила. Тот сразу надул щеки и, сочась важностью, произнес речь по поводу «чести и достоинства» рода вообще и «небесного героя Аласейи» в частности. Много громких слов – и ничего полезного. Глава рода просто не понимал сути вопроса. И не желал понимать. Как не желал понимать, что есть некие элементарные вещи, о которых здесь знает каждый сопляк, а «небесный герой» и понятия не имеет.

Коршунов плюнул и прекратил расспросы. Эх, был бы рядом Книва, тот бы все растолковал просто и доходчиво.

В печали и растерянности Коршунов отправился спать. Но вместо сна ему пришлось вкушать «семейной жизни»: развлекать Рагнасвинту. Развлекать же ее можно было двояко:

вести с ней «благочинную беседу» или трахаться. От «благочинных бесед» со своей квено у Коршунова ныли зубы. Не то чтобы она была полной дурочкой, но теперь, когда смысл ее «щебетания» стал внятен Алексею, он уже не мог умиляться. «Славная наивная девочка» оказалась донельзя меркантильной и вдобавок страшно высокомерной по отношению ко всем, кроме себя и мужа. Нечто подобное Коршунов уже испытал, когда, овладев разговорным английским, послушал как-то любимые рок-хиты своей молодости. Короче, слушать Свинкину болтовню, состоящую из безудержного хвастовства и планов по использованию будущей коршуновской добычи, в нынешнем настроении Алексея было совершенно невозможно. И предаваться телесным утехам тоже стало нелегко. Во-первых, вокруг полон дом народу. Во-вторых... Во-вторых, в самый неподходящий момент возникло перед глазами тонкое лицо Анастасии и... Одним словом, беда. Хоть бы скорей в поход уйти...

Глава двадцать четвертая Алексей Коршунов. «С Вутьи спроса нет!»

Все было похоже на тот, первый суд. По поводу свиной колбасы. Но еще торжественнее: помимо скамьи для Стайны и «заседателей» на площадь выволокли двурылого деревянного уродца: местное судейское божество.

Распределились: слева – Алзис с кучкой свидетелей, «очевидцев» из свиты Стайны. Справа – Коршунов с Фретилой и прочими родичами мужского пола. Их набралось человек десять, в большинстве – пожилых мужиков. Молодые с Одохаром на капище отправились.

«Зрителей» набежало полная площадь. Еще бы: и развлечение, и уважительная причина увильнуть от сельхозработ.

Рагнасвинта присутствовала, но в числе зрителей. Выпустить ее в качестве свидетельницы было рискованно. Такого наговорит...

Первое слово предоставили «потерпевшему», то бишь Алзису.

– Я,– сказал «потерпевший»,– стоял спиной, ничего не видел. И тут меня кто-то ударил сзади. Я упал. Тогда увидел, что напал на меня Аласейя. Я начал подниматься – он меня снова ударил. Зуб выбил (Вилимир продемонстрировал выбитый зуб) и убить хотел, но вождь Стайна рядом оказался: не дал меня убить.

– Так было дело? – спросил Стайна Алзисовых «свидетелей».

– Так! Так! – загудели они.– Подскочил сзади... Ударил... Потом еще ударил... Зуб...

– Кто другое видел? – спокойно спросил «хранитель закона».

– Я! – выкрикнул Фретила.– Не так все было!

– Ты *сам* видел? – ласково осведомился Стайна.

– Нет,– буркнул Фретила.

– Очень хорошо, достойный Фретила,– еще ласковее проговорил мирный вождь.– А то ведь и я там был, как ты знаешь. И все видел. А тебя, достойный Фретила, не видел.

– Раз ты все видел, так должен знать, что...

– Я, достойный Фретила, *должен* суд вершить. А не свидетельствовать. Не может хранитель Закона как свидетель говорить. Так по обычаю нашему следует, и это все знают. Верно, люди?

«Люди», толпа зрителей, одобрительно загудели. Коршунов оглянулся и увидел в первых рядах знакомые физиономии. Все как один – сторонники Стайны. Многих он за столом мирного вождя наблюдал, когда в день приезда у Стайны на пиршестве надрался.

В сравнении с этой толпой «группа поддержки» Алексея выглядела довольно жалко.

«Черт,– подумал Коршунов.– А ведь тут что-то нехорошее затевается. Этот хитрожопый судья какую-то гадость задумал. Точно!»

– Кто видел не то, что сказал Алзис? – рявкнул Вилимир.– Пусть говорит.

Братья Фретила вытолкнули мужика, у которого Рагнасвинта поясok выбирала.

– Ты видел? – Глазки-щелки мирного вождя прицелились в торговца.– Сам?

– Сам,– пробормотал тот, глядя в землю.

– Что ты видел? – в мягком голосе Стайны еле-еле, но почувствовалась угроза.
– Этот... Алзис, он с дочкой Фретила говорил, – пробормотал мужик.
– Громче! – потребовал Стайна. – Люди должны слышать.
– Алзис говорил с дочкой Фретила, – погромче повторил мужик.
– С квено Аласейи! – рявкнул Фретила.
– С квено Аласейи... – покорно повторил мужик, бросил на Стайну тревожный взгляд, но тот кивнул великодушно: мол, продолжай.
– Говорил, значит, с квено, а этот чужак...
– Аласейя, – мягко поправил судья.
– Аласейя, да, ну он, значит, подскочил, и Алзис этот упал.
– Значит, ты тоже видел, что Аласейя ударил Алзиса сзади и тот упал? – щурясь, как довольный кот, осведомился Стайна.
– Как ударил – не видел. Только как Алзис упал.
– И как Аласейя ударил Алзиса второй раз – ты тоже не видел? – вкрадчиво спросил Стайна.
– Не, это я видел, – сказал мужик.
– Значит, – подхватил Стайна, – ты видел то же, что и остальные. И то же, что сказал Алзис?
– Ну... Да. Только он про эту... квено не сказал.
– Хорошо, – не стал спорить Стайна. – Алзис, что ты можешь сказать про квено?
– Я разговаривал с ней, – сообщил Алзис.
– Видел ли ты ее раньше? Знаком ли с ней? – осведомился Стайна.
– Ну да. Я ее знаю. Мы – из одного села. Я разговаривал с ней, а тут этот вутья...
– Во-от! – перебил Стайна и поднял большой палец. – Ты точно сказал, Алзис! Именно так! Вутья! Один лишь вутья может без причины на человека наброситься. Все это знают...
Площадь одобрительно загудела.
– С вутьи же – какой спрос? – добродушно-снисходительно произнес Стайна и ласково улыбнулся Коршунову. – С вутьи спросу нет, верно?
Снова одобрительные возгласы.
«К чему он клонит? – подумал Коршунов. – Конечно, „спросу нет“ – это хорошо, но с чего он такой добрый?»
Алексей покосился на Фретила: Фретила стоял как в воду опущенный.
– Аласейя – не вутья! – выкрикнула вдруг Рагнасвинта. – Аласейя – небесный герой! Ты сам вутья, Стайна!
Поднявшийся ропот мирный вождь успокоил жестом.
– Правильно, женщина, – сказал он. – Аласейя – небесный герой. К богам приближенный. Кто же есть вутья? Тот, кто божественной яростью обуян. Потому и не удивительно, что вутья – Аласейя. И Гееннах, который с ним вместе был, – вутья. Знаем же мы, что Гееннах ныне квеманов губит в неисчислимом множестве, ярость небесную смирить не в силах! Вот и говорю я вам: вутья Аласейя не в себе был, когда на Алзиса напал, и нельзя в том его винить, ибо то есть божественная ярость. Но Алзис пострадал, и потому верегельд ему следует. И неправильно будет, если он в ущербе останется. Потому должно роду Фретила, с вутьей Аласейей породнившемуся, сей верегельд заплатить!
– Не бывать этому! – яростно выкрикнул Фретила, но его голос потонул в одобрительных возгласах сторонников Стайны.
– ...А вутью Аласейю следует из бурга изгнать, – продолжал как ни в чем не бывало мирный вождь. – И от селений людских его тоже следует гнать, ибо опасен вутья людям. Пусть он в лесах с медведями борется или, как Гееннах, квеманов губит, а не нас, гревтунгов славных. Ибо ясно вижу я теперь: опасен Аласейя! – и закричал с драматическим пафосом: – Безмерно опасен Аласейя! Гоните же его прочь, люди! Гоните!
От такой подлости у Коршунова даже в ушах зашумело.
«Ты, сука, еще не знаешь, как я опасен, – подумал он яростно, нащупывая на поясе

пистолет.— Ты еще не знаешь...»

Чужие пальцы сомкнулись на запястье Коршунова. Как клещами сжали. Алексей быстро повернулся...

Глава двадцать пятая Алексей Коршунов. Божий суд

Чужие пальцы сомкнулись на запястье Коршунова. Как клещами сжали. Алексей быстро повернулся...

Рядом стоял Травстила. На заросшем буйным волосом лице — спокойствие. Такое же каменное, как его хватка.

— Не надо, Аласейя,— негромко произнес кузнец.— Не надо. Все обойдется. Оглянись.

Коршунов послушно оглянулся и увидел, что подступившие было к нему парни Стайны подались назад, а сквозь толпу уже протискиваются, раздвигая ее грудями коней, свои: Агилмунд, Сигисбарн, Ахвизра... И Одохар. Но рикс спешил в стороне, а родичи попрыгали с коней рядом с Алексеем. Травстила как-то незаметно отодвинулся, а на его место встал Агилмунд. А рядом — Сигисбарн. И Книва — почему-то плечо к плечу с недолюбливавшим его Ахвизрой, который и вовсе не из Фретилова рода, но встал слева от Коршунова. И, оказавшись между здоровенными Агилмундом и Ахвизрой, Коршунов почувствовал себя так, словно подросток сантиметров на пять и на столько же в плечах раздался. Его окатил крепкий мужской дух: острого конского пота, нагретой кожи, разгоряченных тел. Ахвизра толкнул Алексея локтем в бок, и Коршунов увидел на его здоровенном бицепсе свежую татуировку: рогатую бычью голову.

— Ну-ка, ну-ка, Стайна, повтори, за что ты намерен изгнать моего славного родича?

Голос Агилмунда был звонок и весел, словно речь шла об удачной шутке.

И Коршунову стало совсем хорошо. Чертовски приятно чувствовать себя частью целого. Частью сильного и гордого содружества, которое называется — род. И которое не только всегда готово защищать своего, но и защитит, можно не сомневаться.

Но Стайна не смутился и не испугался.

— Да,— сказал он.— Я намерен изгнать твоего родича, потому что так гласит закон.

— Да что ты говоришь? — насмешливо воскликнул Агилмунд.

— Закон гласит: вутья должно изгнать, ибо опасен он для людей и должен жить со зверьми дикими, с ними же и ярость утоляя вдали от селений людских.

— И кто же тут вутья? — осведомился Агилмунд.

— Вутья — твой родич Аласейя,— спокойно ответил Стайна.— Тебя не было в бурге, Агилмунд, ты не знаешь. А мы знаем, мы видели, как без явной причины набросился Аласейя сзади на человека и убил бы, кабы моих дружинников оружных не увидал, не испугался и не образумился.

Агилмунд расхохотался, и Ахвизра вторил ему зычно, как жеребец. И даже Одохар усмехнулся в бороду.

— Воистину ты, Стайна, мирный вождь,— отсмеявшись, заявил Агилмунд.— Только тот, кто никогда не видел вутьи, может сказать, что вутья ИСПУГАЛСЯ! Жаль, что не скамар¹⁹ ты, Стайна. Умеешь ты народ повеселить.

— Ты не забывайся, Агилмунд! — рявкнул Вилимир.— С хранителем Закона говоришь! Как смеешь говорить: «Стайна — скамар»?

— Разве я так сказал? — деланно удивился Агилмунд.— Это ты, Вилимир, говоришь, что мирный вождь Стайна — *скамар*. Я же сказал, что Стайна — *не скамар*. Так я сказал. Но если ты говоришь, что хранитель Закона Стайна — *скамар*...

— Я не говорил, что Стайна — скамар! — заорал Вилимир.

— Да? А разве не ты сейчас кричал: «Стайна — скамар»? — Агилмунд развел руками.—

¹⁹ Скамар — бродяга, скоморох.

Ну, Вилимир, это же все слышали. Твой голос трудно не услышать, Вилимир, когда ты кричишь на весь бург: «Стайна – скамар!»

Вилимир вскочил в бешенстве.

– Я НЕ КРИЧАЛ: «СТАЙНА – СКАМАР!» – заревел он.

– Ну вот опять, – заметил Агилмунд, когда эхо Вилимирова вопля улеглось. – «Стайна – скамар». Это твои слова, Вилимир. «Стайна – скамар». С таким громким голосом лучше бы тебе выбирать слова, Вилимир. Не стоит кричать «Стайна – скамар» так, что даже в ближних селах слышно...

Глаза Вилимира налились кровью, рука нашарила рукоять ножа... Он даже на миг дар речи утратил...

А Агилмунд спокойно развивал тему:

– Мы-то знаем, Вилимир, что мирный вождь Стайна – не скамар. И вряд ли тебе кто поверит, Вилимир, когда ты кричишь, что Стайна – скамар. Но все же лучше бы...

Тут Агилмунд умолк, и меч его будто сам выпрыгнул из ножен в руку. Потому что Вилимир бросился на обидчика с кинжалом в руке.

– Держите его!!! – гаркнул Стайна, и двое дружинников успели перехватить разъяренного Вилимира на полпути.

Впрочем, возможно «по дороге» Вилимир и сам одумался, сообразил: набрасываться с ножом на полностью экипированного дружинника в «тяжелом» вооружении – чистое самоубийство.

Вилимира усадили на скамью, а Агилмунд, очень довольный, спрятал меч.

– Ну скажи, Стайна, разве Вилимир – не вутья? – спросил он. – Взял да и набросился на человека, который всего лишь повторил его слова: «Стайна – скамар». – Последнее Агилмунд выговорил с особым смаком. В толпе захихикали.

«Похоже, кличка приклеится», – злорадно подумал Коршунов.

Стайна обжег сына Фретилы столь яростным взглядом, что, будь мирный вождь пирокинетиком, Агилмунд вспыхнул бы факелом.

– Нет, Вилимир – не вутья, – сухо произнес Стайна. – Ты взбесил его своими насмешками.

– Ты говоришь о том, что я повторял его слова «Стайна – скамар?» – невинно поинтересовался Агилмунд.

Теперь засмеялось уже человек десять, не меньше.

– Оставим Вилимира, – отрезал мирный вождь. – Сказанное им не имеет значения. Мы говорим об Аласейе.

– Хорошо, – согласился Агилмунд. – Оставим Вилимира. Это очень хорошо, что рядом оказались твои дружинники, Стайна. А то мне пришлось бы убить Вилимира. Причем из-за не имеющих значения слов «Стайна – скамар».

Народ веселился вовсю.

– Ты! – взревел Вилимир.

– Молчи! – гаркнул Стайна. – Ни слова, Вилимир!

– Правильно, – поддержал Агилмунд. – А то еще начнет опять кричать: «Стайна-скамар»... – Половина толпы уже стонала от хохота. Даже собственные дружинники Стайны с трудом сдерживали улыбки. – И, знаешь, Стайна, я уже не стану с ним спорить. Ну скамар и скамар. От скамара тоже польза бывает. Спойт там на пиру или спляшет. Конечно, Вилимир – твой друг и ему лучше думать, что говорит... Но он так вспыльчив. А я не хочу платить за него верегельд.

Стайна спокойно выслушал (железное терпение у мужика), подождал, пока толпа отсмеялась, а потом сказал:

– Вилимир, возможно, не сдержан, но он не напал на тебя сзади, без причины, как это сделал Аласейя.

– Не верю, – покачал головой Агилмунд. – Скажи мне, родич Аласейя, почему ты напал на Алзиса?

Прежде чем Коршунов сумел сформулировать подходящий ответ, раздался пронзительный голос Рагнасвинты:

– Потому что этот дурак Алзис схватил меня!

Внезапно над площадью повисла тишина. Алексей сообразил, что большинство присутствующих понятия не имеют о поведении Алзиса. А Коршунов-то полагал, что это всем известно...

– Я ему говорю,– звонко зачастила Рагнасвинта,– не трогай меня. Отпусти! Мой муж Аласейя убьет тебя! А он...

Тут кто-то из родичей изловчился и заткнул ей рот, пока она не успела сказать лишнего, а в напряженной тишине Агилмунд четко, раздельно произнес:

– Скажи мне, родич мой Аласейя, ПОЧЕМУ ТЫ НЕ УБИЛ АЛЗИСА?

– Его защитили дружинники Стайна,– честно ответил Коршунов.

– Г-р-рм! – откашлялся Одохар.

Пришло его время вмешаться.

– Верно ли, Стайна, что твои дружинники вступились за Алзиса, схватившего квено Рагнасвинту? – недобрый голосом осведомился Одохар.– Что говорит закон о том, кто покушается на чужую женщину?

– Повинен смерти! – ответил Стайна.– Но я не *видел*, что Алзис *хватал* квено Рагнасвинту. Я *видел*, как Алзис *разговаривал* с квено Рагнасвинтой, а это законом не возбраняется.

– Кто станет слушать женщину? – подал голос второй «присяжный».– Только дурак.

– Есть ли свидетели того, что Алзис *схватил* квено Рагнасвинту? – громогласно поинтересовался Стайна.

Свидетелей не нашлось. Коршунов мог поклясться, что кое-кто из Стайновых дружинников видел, как обстояло дело, но решил держать язык за зубами.

– Никто не видел,– удовлетворенно констатировал Стайна.

Но тут снова подал голос Одохар.

– А видел ли кто, что Алзис *не хватал* квено Рагнасвинту? – спросил рикс.– Кто видел это и готов подтвердить перед богами? – кивок на двурылого истукана.

Таких тоже не нашлось.

– Что говорит закон? – поинтересовался Одохар.

– Закон говорит: за выбитый зуб следует выплатить верегельд в размере... – начал Стайна, но Одохар перебил.

– Я не говорю о зубе,– заявил рикс.– Я говорю о покушении на чужую женщину. А за это не верегельд следует, а смерть. Что скажет хранитель Закона?

«Оба они с удовольствием порвали бы друг другу глотки,– подумал Коршунов.– Но вынуждены соблюдать правила игры. Политика, блин».

– Покушения не было,– возразил Стайна.– Никто не утверждает этого, кроме виновного перед судом и его жены.

– Но никто не утверждает и обратного,– заметил Одохар.– Что говорит закон?

– Алзис,– обратился Стайна к «истцу», уже наверняка жалеющему о том, что ввязался в это разбирательство.– *Хватал* ли ты квено Рагнасвинту?

– Не хватал я ее,– буркнул Алзис.– Ну, может, дотронулся... Случайно.

– А знал ли ты, что квено Рагнасвинта – квено Аласейи?

– Знал. Только прежде того Фретила мне ее обещал,– еще более мрачно проворчал Алзис.

«Так,– подумал Коршунов.– А я-то думал, чего это паренек на меня волком глядит?»

– Врешь, щенок! – закричал Фретила.– Не обещал я тебе Рагнасвинту!

– Тихо! – тоже повысил голос Стайна.– Не о том речь. Значит, ты *не хватал* квено Рагнасвинту?

– Нет,– глядя в землю буркнул Алзис.

«Ничья,– подумал Коршунов.– Пат».

Но он ошибался. Здешний закон предусматривал и такую ситуацию.

– Есть кто-то, оспаривающий слова Алзиса? – провозгласил Стайна.

– Я! – немедленно заявил Коршунов.

Агилмунд дернул его за руку: «Молчи!»

Стайна не успел отреагировать, как вперед шагнул Ахвизра.

– Я оспариваю, – с ленцой проговорил дружинник. – Ты врешь, Алзис, собачий сын.

Он вразвалочку приблизился к истукану, порывшись в поясном мешочке, нашарил кусочек серебра и вложил в один из «ртов». Потом повернулся к Алзису, ухмыльнулся.

Алзис заметно побледнел.

– Струсит, – шепотом проговорил Сигисбарн. – Куда ему драться с Ахвизрой!

– Нет, – тоже шепотом возразил Книва. – Откажется – тогда ему точно худая смерть будет. Лучше уж от секиры. А может, Стайна за него своего бойца-судильщика поставит...

Алзис беспомощно поглядел на мирного вождя.

– Ну, – впервые Стайна не смог скрыть раздражения. – Ты готов?

Алзис, помявшись, все же подошел к истукану и сунул что-то во второй «рот».

«Дуэль, – подумал Коршунов. – Божий суд. Кажется, их на перекрестках устраивали?»

Насчет перекрестков он, видно, напутал. Потому что никуда они не пошли.

– Дайте ему топор, – велел Стайна. – И щит.

Алзису вручили требуемое. Ахвизра снял шлем и куртку с железными нашлепками. Чтобы все было по-честному. Если можно назвать честным поединок европейского чемпиона по боксу с перворазрядником-юниором.

Зрители раздвинулись, освободив пространство.

Ахвизра перекинул щит за спину, поплевал на ладони. Боевой топор в его правой руке казался почти игрушечным.

– Иди ко мне... щенок, – вполне добродушно проговорил он. – Я тебе ушки подровняю.

Алзис не заставил его повторять. Сорвался с места, бросился вперед, замахиваясь...

Ахвизра сдвинулся в сторону (самую малость), без малейшей торопливости, неспешно перебросил топор в левую руку и так же неторопливо, совсем несильно сунул обушком, мимо края щита, в физиономию противника. Раздался неприятный скрежещущий звук – и Алзис оказался на земле. Дружинник Одохара наступил ему на правую руку, вырвал из нее оружие и отбросил в сторону.

Затем засмеялся и так же неторопливо вернулся на свое место около Коршунова.

– Зря пожалел, – вполголоса проговорил Агилмунд.

– Он в роду последний, – так же тихо ответил Ахвизра. – Как я. Пусть живет.

– Его ж по закону лошадьми разметать должно! – вмешался Книва.

– Цыть, – оборвал его Ахвизра. – Это не тебе, а Стайне решать.

– Изгнание, – сказал Агилмунд. – Мой пояс против твоей уздечки с подвесками? Идет?

– Размечтался, – усмехнулся Ахвизра. – Давай я – за изгнание, а ты – за смерть. Годится?

Агилмунд покачал головой.

И оказался прав. Стайна действительно приговорил Алзиса к изгнанию. По той же формуле, какую он цитировал, объявляя Коршунова вутьей.

С начала судебного разбирательства до объявления приговора и его (немедленного) приведения в исполнение прошло чуть больше часа.

Весьма производительна здешняя Фемида. И эффективна. Главное – встать на нужную чашу ее весов.

Глава двадцать шестая Алексей Коршунов. Человек Одохара

Итак, все точки над «і» расставлены. Алексей официально стал человеком Одохара. Обряд совершен, договор «составлен», «служебная площадь» для проживания выделена: половина домика позади местной «казармы» – дружинной избы. Вообще-то жить в дружинной избе почему-то считается более почетным, но Коршунову не положено, так как

он женат. Поэтому и получил автономную жилплощадь: однокомнатную и с «удобствами» во дворе, но зато – с отдельным входом и кладовкой. Счастливая Рагнасвинта принялась немедленно благоустраивать жилище. В ее понимании это значило: набить его под завязку всем, что удастся раздобыть. Коршунов тоже внес свою лепту: смастерил печку. Нормальную, с дымоходом. В молодости он пару месяцев помогал печнику, так что кое-какие навыки были. Сперва он не знал, где взять качественный кирпич. Но потом вспомнил, что в списке его знакомых имеется кузнец.

«Городская» кузня Травстилы располагалась поблизости от пристани. Так что найти кузнеца было легко.

Травстила в помощи не отказал, более того, проявил интерес. И к самой печке и к «чертежам», которые рисовал Коршунов угольком на доске. Идея изображать изделие, перед тем как его изготовить, очень интересовала Травстилу. Еще с тех пор, как второй «небесный герой», Гееннах, набросал ему схему самострела. Кстати, и самострел был почти готов. Но Травстиле пришлось его отложить и заняться изготовлением более традиционного оружия. До тинга оставалось всего ничего. А после тинга войску следует спешно собираться – и в поход. Чтобы поспеть вовремя к месту общего сбора – путь не близкий.

Пришла весточка от Скулди. Мол, все в порядке. Скоро, мол, будет. А как дела в бургe у гревтунгов? Есть успехи в деле, о котором они толковали?

Успехов не было. Коршунов установил постоянное наблюдение за подворьем Стайны и самим мирным вождем – с помощью проинструктированных Книвой пацанов из своего рода. Но особых результатов не ожидал, поскольку посторонних в бургe практически не было. Даже герулы отбыли. И все местное население было при конкретном деле. Страда как-никак.

Коршунов присутствовал при открытии этого «мероприятия», весьма торжественном и структурно невероятно сложном. В мире этих самых «славных людей» было такое количество божеств, духов и прочих нежитей, что даже кандидату физматнаук с ходу не разобраться. И каждое inferнальное существо следовало задобрить (угovorить, запугать), чтобы посевная-пропoлочная-уборочная прошла путем. И ничего не перепутать, иначе – беда. Созревание зерна рассматривалось, как многостадийный процесс, где за каждую стадию: прорастание, завязывание семени, созревание – отвечало отдельное божество. А ведь было и множество сопутствующих факторов: дождь, например, или вредители. Ошибка в любой из стадий вела к фатальному результату, а сам результат, по местным установкам, зависел не столько от физических усилий, сколько от магических. При том, что пахали ребята – будь здоров. От зари до зари. А «оборудование» у них было – смех один. Попробуй попаши целину деревяшкой, пусть и обитой железом. Впрочем, и урожаи здесь были – соответствующие. Сам-три – уже неплохо. Кабы не лес по соседству, совсем бы народ оголодал.

Коршунов тоже трудился. Но не на уборочной, а с боевым железом. Так наострился, что даже против Агилмунда стоял. Секунд тридцать.

Только Агилмунд да Книва в бургe и остались из близких родичей. Фретила с прочими на время в покинутое село отъехали. Собрать, что посеяно. И Рагнасвинту с собой забрали. С коршуновского разрешения.

Зато после уборочной в бургe должна была собраться прорва народу. Во-первых, тинг – всеобщее племенное собрание. Во-вторых, торговые гости наехать должны были, поскольку параллельно с тингом имела место быть большая ярмарка.

К тингу или немного раньше должны были поспеть Одохаровы «корабли». В том числе и персональное судно Коршунова. Любопытно, как оно выглядит?

С Одохаром Алексей, даже ставши дружинником, виделся редко. Дружина хоть и считалась «регулярным» подразделением, но по армейским законам не жила. Никаких ежедневных общих построений, караулов и прочего. Рикс с приближенными занимались таинственными делами, остальные же, в большинстве, на время сменили боевое оружие на мирный инструментарий. В страду каждая пара рук – на счету.

Анастасию Коршунов в последнее время вообще не видел. Он узнал, что Стайна

отправил свою третью тиви на какой-то удаленный хутор. Кем-то вроде управляющей. Алексей томился и скучал, но активных действий предпринять не решался. Главным образом, чтобы Настю не подвести.

Но случилось так, что инициативу проявили за Алексея. В узком переулке повстречался Коршунов с той толстой девкой, с которой переспал по пьянке в доме у Стайны. Девка улыбнулась кокетливо и преградила Коршунову путь.

Алексей тоже улыбнулся и вознамерился протиснуться между девкой и стеной, когда румяная красотка сказала магическое слово:

– Стайса!

Оказалось, девка – служанка Стайновой наложницы. И попутно – ее доверенное лицо. Помнит Анастасия о небесном герое. И скучает. И желает видеть. В одну из ночей, когда луны на небе не будет.

– И где же я ее найду? – спросил Коршунов, даже не подумав о том, что приглашение может быть ловушкой. Отчасти потому, что ему очень хотелось увидеть Настю, отчасти – из-за абсолютно бесхитростной физиономии посланницы.

Оказалось, действительно, живет теперь Анастасия на хуторе. За лесом. Недалеко в общем. И дорога лесная туда ведет, так что – и найти просто, и верхами проехать легко.

– Что хозяйке сказать? Придешь? – спросила девка.

– Приду, – сказал Коршунов. – Обязательно.

До новолуния оставалось меньше недели.

Глава двадцать седьмая Алексей Коршунов. Размышления о социологии, экономике и контрразведывательных мероприятиях

После суда, на котором Коршунова едва не объявили вутьей, Алексей стал осторожнее. А заодно узнал, что посягательство на чужую женщину резко не одобряется. Ну и ладно. Кто не рискует... Да и в порядках здешних Коршунов теперь получше разбирается. Если даже и прихватят – сумеет отбрезаться. Хотелось бы верить, что сумеет. Да и не до него сейчас Стайне. Скоро будет тинг. На тинг сойдутся представители всех родов, старейшины селений и прочие почтенные господа.

Род (куни – по-здешнему) – основа этого общества. Каждый здесь принадлежит к тому или иному роду. Вот он, Коршунов, принадлежит к роду Фретины, и это хорошо, потому что безродный здесь был бы полностью лишен гражданских прав. Чем сильнее род, тем авторитетней индивидуум. Подчинение вертикальное. Слово старейшего в роду – закон. Проступок (или заслуга) члена рода распространяется на весь род. На род же переносятся и все имущественные взыскания. Если индивидуум не может сам покрыть расходы, то дефицит покрывается из имущества общего, коим единолично управляет старшина рода. Это удобно. Для торговли, например. Если член рода «берет кредит» и по объективным причинам (например, из-за насильственной смерти) вернуть его не в состоянии, кредит выплачивает род. Это дело чести. Род платит штрафы (вроде верегельда за убийство), мстит за оскорбления, а также является сдерживающим фактором для своих отдельных членов. Правильный гот ведет себя правильно в первую очередь потому, что хочет пристойно выглядеть в глазах родственников. Если член рода совершил нехорошее и приговорен к изгнанию, род вправе от него отказаться. По принципу: «Если рука твоя ведет себя плохо – отруби ее напрочь». Если род с решением суда не согласен, он может отправиться в изгнание в полном составе. Тогда это уже не изгнание, а переселение. Кстати, отдельный индивидуум тоже может отделиться. Скажем, с женой и детьми. Как Фретила в свое время. В этом случае старейшина выделяет ему часть общего имущества. Сколько сочтет нужным. Может и ничего не дать. Аналогично – приданое. Но тут совсем ничего не дать нельзя. Другие стыдить будут. Еще один способ «выйти» из рода – войти в дружину кого-нибудь из вождей. Хотя в этом случае разрыв еще меньше, чем в случае «отделения хозяйством». Да и сами вожди стараются набирать дружинников из одних и тех же родов. Например, род Фретины

поставляет человеческий «материал» Одохару. На службе у Стайны родичей Коршунова нет. Такое разделение – не закон, не правило и не обычай, поскольку «противостояние» вождей – вещь сравнительно недавняя. Раньше военный рикс строго ходил под мирным вождем. Последний решал все дела со старейшинами селений, в том числе – кто и сколько «рекрутов» на военную службу направит. И какое «служилым» содержание следует, тоже мирный вождь решал. Собственно, он и сейчас все решает. Формально. Но многое помимо него делается. У Одохара есть собственный авторитет, собственный капитал и несколько сильных родов, на поддержку которых он может рассчитывать. И в жизни, и на тинге. Формально тинг – высший законодательный и исполнительный орган. Он многое может. Например, запретить Одохару идти в поход. Если найдется соответствующий закон. Если же закона не найдется, то запретить поход тинг права не имеет. Даже если большинство представителей родов – против. Тут не демократия, а типичная анархия. Не хочешь идти в поход – не ходи. Но если тинг поход одобрил, а конкретный род участвовать в нем не желает, вполне могут в трусости обвинить. И заклеить позором. И даже штраф назначить за недостаточную воинственность. Не нравится? Свободны. Земли вокруг много. Собирайте вещички – и шагом марш под покровительство другого рикса. Или на самостоятельное проживание. Но последнее чревато неприятностями. Особенно если род не слишком силен. Внутри общества сильному слабого кушать не позволительно. А тех, кто вне данного племени, можно употреблять как душе угодно. Если отдача не замучит.

Но на грядущем тинге никаких дополнительных «военных налогов» не будет. Поскольку мирный вождь – представитель «миротворческой» партии. Так что по поводу тинга Одохар весьма беспокоится. И Алексея как козырную карту разыграть намерен. «Небесный герой», баловень удачи, любимец богов и все такое. За Одохаром – поддержка жречества в лице Овиды и «промышленной партии», которую неформально возглавляет Травстила. Ремесленникам, ясное дело, поход выгоден: новые заказы. Но очень похоже, что этих троих: Одохара, Оvidу и Травстилу – связывает еще что-то. Личное. Хотя они и не родственники.

Против похода выступают «сельскохозяйственная партия», возглавляемая Стайной, и «торговая партия», которую Стайна даже не возглавляет, а составляет, поскольку вся торговля в бурге идет через него или через его ставленников. В отличие от Одохара мирный вождь цену деньгам знает. И их силу тоже. Для него богатство – нечто существующее само по себе, и поэтому его можно считать более «прогрессивным», чем рикса Одохара, для которого любое имущество – лишь средство для обеспечения военных мероприятий... С целью захвата еще большего имущества.

Коршунов как-то раз попытался объяснить риксу, чем отличается меновая торговля от нормальных товарно-денежных отношений. Не преуспел. Хотя Одохар выслушал его очень внимательно. Он вообще всех слушал внимательно, не только Коршунова. Особенно если не вполне понимал. Как в данном случае. Ничего не смог объяснить вождю Коршунов. Слишком большой была разница в мировосприятии, да и основами экономической науки Алексей владел слабо. С другой стороны, сопромат и теоретическую механику он знал прекрасно, но применить эти знания было весьма затруднительно. Из-за разницы технологий. И потому еще, что Коршунов был все-таки больше ученый, чем инженер-прикладник. Безусловно, он мог бы ответить на множество вопросов. Но этих вопросов ему никто не задавал. Время для них еще не пришло. А там, где можно было извлечь из будущих знаний реальную пользу, в знаниях самого Коршунова зияли огромные пробелы. Например, он мог бы без труда рассчитать идеальную кривизну лезвия для местной сохи, но понятия не имел, как выглядит плуг. То же и с оружием. Очень трудно рассчитать даже элементарную катапульту, если не знаешь коэффициентов упругости местных материалов.

Но было кое-что вполне применимое. Например, гелиограф. Несколько зеркал из отполированного металла, десятка два заранее оговоренных сигналов – и появляется налаженная связь – получше, чем та, которую можно осуществлять с помощью дымовых

сигналов. Посылать «солнечные зайчики» намного проще и быстрее, чем разжигать костер и манипулировать с ним посредством мокрой шкуры. И еще – знания о шпионаже, хоть и почерпнутые из детективов и фильмов, но вполне актуальные.

Пользуясь рекомендациями Алексея, Скулди вкупе с Агилмундом и Ахвизрой развили бурную деятельность по выявлению имперской шпионской сети. И в течение месяца в самом деле выявили нескольких возможных агентов из тех сородичей Скулди, которые, контактируя с римскими торговцами, неожиданно разбогатели. Один из таких, с несколькими товарищами, все лето жил в длинном доме на пристани. Торговал потихоньку. Общался с разными людьми. Однако он явно был не более чем посредником. По совету Коршунова купчину не стали резать, а установили за ним плотную слежку, которая пока не дала серьезных результатов. Коршунов был уверен, что у римлян в бурге имеется постоянный резидент. Причем – не из последних людей. Впрочем, такой человек мог быть и последним. Эти простые ребята не имели никакого представления не то что о дезинформации, но даже о том, что военные приготовления следует держать в тайне. Вот соберется тинг, назначит дату похода, назначит число участников и средства обеспечения... И с этого момента данные сведения станут общедоступны. И неизвестны только глухим и слепым от рождения. Секретность здесь можно было обеспечить только в локальных военных конфликтах. И то лишь потому, что происходили они спонтанно. Взбредет в голову Одохару пощупать западных соседей-тервингов, сядут дружинники на коней – и вперед. Если обскачат гонца, которого отправит местный соглядатай тервингов (а таковой точно имеется, равно как и соглядатай Одохара – в бурге противника), значит, нападение получится внезапным. Эх, как было бы хорошо к тингу выявить резидента, найти доказательства его деятельности и представить Одохару. В готских законах не было параграфа о шпионаже. Понятно почему. Сегодняшние враги завтра станут лучшими друзьями и союзниками. Вот как те же герулы. С другой стороны, и ежику понятно: если враг предупрежден, значит, и обороняться он будет лучше, и богатства успеет поспрятать. Следовательно, добыча будет меньше, а убитых – больше. А убитые – это внуки и сыновья представляющих на тинге старейшин. Потому им вряд ли придется по душе деятельность шпиона. А уж Одохар сумеет подать новость надлежащим образом. Так что даже Стайне не удастся выгородить поганца. Да и рикс Комозик примет соответствующие меры... А если еще и дезу пустить, что, мол, не пойдут варвары в поход на Рим. Передумали. Тогда вообще красиво может получиться. Дело за малым: выследить и изболтать резидента. И выяснить все его связи. Желательно до тинга. Этакий пустячок...

Глава двадцать восьмая Алексей Коршунов. «Ты пришел!»

– Ты? Ты пришел... – прошептала она, прикасаясь пальчиками к его лицу. – Ты пришел! Как ты отважен! – Мягкие руки дотрагивались до его лба, щек, бороды... Ее запах нахлынул волной: как будто вокруг вдруг закружился ворох жасминовых лепестков. – О Алексей! Это глупость, но я счастлива! Ты пришел! Святой Боже! Ты пришел...

Алексей обнял ее, притянул к себе.

– Как я мог не прийти, если ты позвала меня! – шепнул он в теплое ушко, спрятавшееся в черной волне волос.

– О да... Я звала тебя... Каждую ночь. Ты снился мне... Ты приходил...

Ах, какой у нее чарующий голос, низкий, как будто влажный, с дурманящей хрипотцой.

– Скажи, это ты, Алексей? Как ты нашел меня? Как узнал, что я здесь?

Какой-то еще сохранивший трезвость кусочек коршуновского сознания уловил ее слова, но осмыслил уже тогда, когда отвердевший сосок коснулся волос на его груди, а тонкая нездешняя ткань ее рубашки как будто сама собой скользнула по бедрам вверх...

– Как я узнал? – Он тихонько засмеялся, лаская бархатистую кожу повыше напрягшихся ягодич. – Твоя служанка сказала мне, где тебя искать.

– Служанка?

– Ну да.– Алексей провел языком вдоль гибкой шеи: от выпуклой косточки у горла до пахнувшей жасмином впадинки за мягким ушком.– Чтобы найти тебя, мне не нужен свет луны. Звезд достаточно,– прошептал он.

Внезапно ее ладошки с неожиданной силой уперлись ему в грудь.

– Какая служанка? – спросила она обеспокоенно.– Какая служанка, Алексей?

Тут до опьяненного восторгом Коршунова медленно, сквозь счастливый туман начало доходить нечто очень неприятное.

– Та, которую ты послала ко мне,– механически ответил он.

«Ах ты... Похоже, я попал!»

– Я никого не посылала! – Голос Анастасии зазвенел. Коршунов поспешно накрыл ее рот ладонью, и от этого прикосновения приостывший жар желаний вспыхнул вновь.

«А-а-а... Будь что будет!» – подумал он, снова притягивая ее к себе.

Она сопротивлялась беззвучно... Недолго. Минута – и она уже извивалась у него на коленях, откидываясь назад на сцепленные руки Алексея, метя пол гривой распущенных волос...

Черт! Алексей никогда не думал, что опасность так возбуждает...

Острое ощущение жизни кипело у него внутри, и такой же бешеный ритм (он чувствовал!) яростно пульсировал внутри ее лона. Черная (темнее ночи) грива металась во мраке, хлеща Алексея по лицу, когда Анастасия, вцепившись в его плечи, раскачивалась, как рвущийся с цепи маятник, взлетала и падала, звонко ударяясь ягодицами о его бедра. Казалось, она пытается вырваться из капкана коршуновских рук и вот-вот выскользнет, потому что невозможно удержать дикое пламя... Но в самый последний миг черный поток волос перехлестнул через плечи Алексея, тонкие цепкие руки обвили его, острые зубки впились в мышцу, а живой огонь неистово заплясал, забился, словно в агонии, на его чреслах... Тут уж и Алексей перестал что-либо контролировать и взорвался, как брошенная в костер петарда...

И сразу кто-то заколотил в дверь.

– Открой, госпожа! – потребовал мужской голос.– Открой!

Коршунов дернулся, но Анастасия не отпустила. Обмякшее, отяжелевшее тело ее распласталось, растеклось по его груди и животу, влажный пальчик коснулся его губ: молчи!

– Что тебе нужно, Хвитс? – сонным голосом спросила Анастасия.

– Открой! Мы знаем, что он – у тебя!

– Кто – «он»? – спросила женщина.– Ты дурак, Хвитс! Ты зачем прервал мой сон? Вот я Стайне пожалуюсь...

– Открой, госпожа, или мы сломаем дверь!

В дверь стукнули еще раз – кулаком, а потом добавили чем-то тяжелым.

Дерево захрустело.

«Как удачно, что здесь – двери, а не обычная завеса из шкур»,– подумал Алексей.

Так быстро Коршунов даже на курсантских сборах не одевался.

– Давай, ломай! – крикнула Анастасия.– Увидишь, что Стайна с тобой сделает, когда узнает, что ты ворвался ко мне ночью!

– Он все узнает, Стайса! – выкрикнул другой голос.– Лучше открой! Пусть твой любовник примет смерть как мужчина! Мы убьем его быстро! Эй, ты, слышишь нас?

– Молчи,– прошипела Анастасия.

Но Коршунов и не собирался вступать в дискуссию со стражей. Один раз, когда он пробрался сюда, эти бездельники его проворонили. Почему бы не повторить еще раз тот же трюк?

Пятно окна было чуть светлее, чем темнота в комнате. Коршунов осторожно выглянул...

Ага! Внизу топтались как минимум двое. Старались вести себя тихо, но у одного был насморк, а у второго, похоже, чесотка. Алексея это даже позабавило, хотя его положение

трудно было назвать забавным. До бурга – километров десять, а вокруг полно людей Стайны. И все-таки, черт возьми, он ни о чем не жалел! Разве что о том, что невольно подставил Настеньку. Но ведь не убьет же ее Стайна! Что он, дурак – такую красавицу убивать? Что там у них за посягательство на чужую женщину полагается? Изгнание?

Он осторожно протиснулся в окно, зацепился за выступ, подтянулся – и через пару секунд уже лежал на соломенной крыше. Снизу ничего не заметили. И не услышали.

Анастасия через дверь громко препиралась со слугами. И одновременно очень тщательно вытиралась лоскутом ткани. Закончив, запихнула лоскут в щель между половиц.

За супружескую измену по здешним законам ничего хорошего не полагалось. Жену-изменницу – разметать лошаадьми. Совратитель мог отделаться вирой. Если речь шла о рабыне, дети не имели права наследования. Или же мог быть казнен. Так же, как женщина. Если вина доказана. Мера пресечения устанавливалась судьей. Но муж мог отказаться от виры и мстить, если считал, что судья проявил излишнюю мягкость. Правда, в данном случае, когда потерпевший сам являлся Законом, на благорасположение судейства рассчитывать не стоило.

Вряд ли знание этой части здешнего кодекса порадовало бы Коршунова. Или заставило его быть еще осторожнее, когда он, практически бесшумно, соскользнул с другой стороны дома: сначала – на навес над крыльцом, потом – на землю. У «парадного входа» никого не было. В том числе и собачек. Теперь-то понятно, почему со двора исчезли барбосы. Чтоб раньше времени не спугнуть дичь.

Мимо протопали двое. Остановились у крыльца. У одного – что-то в руках. Подлинней топора, но покороче копья.

– Темно, как у лисы в норе, – пожаловался один.

– Ниче, – успокоил второй. – Я и на звук хорошо бью. – Коршунов услышал, как басом загудела тетива. Значит, лук?

– Ниче! Счас огонь принесут. Хозяин скоро прискачет. Дверь вышибем...

– А чего хозяина ждать? – буркнул второй. – Чего Хвитс тянет? Там на три раза топором тюкнуть...

– А коли нет у ней никого? – возразил первый. – И то: как бы он туда попал, ежели его никто не видал?

– Так он же герой с неба! – возразил второй. – Может, по небу и прилетел?

– Чегой-то никто в бурге не видел, чтоб он по небу летал, – сказал первый. – Ежли он летать умеет, так давно уж улетел – и искать нечего. А коли нет его, а мы дверь вынесем – хозяин нам такого выдаст! Сам как будто не знаешь?

– А ежели нет его там, так чего эта тиви будто под мужиком пицала?

– Да могла со сна пицать, бывает же, а то сам не знаешь? Куда торопиться? Вона уже факелы несут!

Точно, от служебных построек, мельтеша, приближались огни. Коршунов залег в траву (черт, крапива!), приник к бревнам.

Появился третий. Со средствами освещения.

Все трое сгрудились, разжигая факелы от того, который уже горел. Коршунов понял, что лучшей возможности у него не будет. Вскочил, обогнул угол дома и помчался к сараям. Уже у самой цели его угораздило споткнуться обо что-то в траве. Алексей грохнулся в яму, полную тухлой воды, окунулся с головой, вынырнул и...

С-с-с... Б-банг! – посланная на звук стрела врезалась в стенку амбара.

Коршунов осторожно приподнялся. Ничего хорошего не увидел. Двое бежали к нему, третий, стрелок, остался у входа и сейчас выцеливал невидимую дичь. Не слишком осторожный парень. Будь на месте Коршунова местный орел с луком или копьем, он бы стрелка – на счет «раз». Тот был идеально подсвечен воткнутым в оградку факелом.

Один из тех, кто бежал к сараю, споткнулся и уронил факел. Второй, вместо того чтобы бежать дальше, остановился. Коршунов вылез из ямы и прошмыгнул в сарай. Если там найдется сено, то можно в него зарыться и...

Твою мать! Сено в сарае было. И довольно много. Но в этом сене кто-то уже копошился.

– Ну, Хильди, ну дай, ну дай... – бубнил мужской голос. – Ну тебе ж юбку задрать – всего и делов. Ну, Хильди...

Женский голос ничего не говорил, только хихикал. К счастью, эти двое были заняты собственными делами и не заметили вторжения Коршунова. А вот не заметить его преследователей было мудрено.

– Ага! – радостно заревел один из них, широко распахивая двери и обнаруживая человеческое присутствие.

Женщина пронзительно завизжала. Ее соблазнитель вскочил на ноги, схватил какую-то палку... Выбитый факел полетел в сторону. Мужчины сцепились. Женщина продолжала визжать. С перебивами, как противоугонная сигнализация. Коршунов втиснулся под какое-то деревянное сооружение типа кормушки. В сарай ворвался второй «факельщик». Озарил поле боя, гаркнул:

– Хильди, заткнись! Пришибу!

Это сработало. «Сигнализация» отключилась. Следующим действием «факельщика» был точный пинок, после которого сплетение из двух тел распалось.

– Дерьмо козлийное! – заорал «факельщик». – Что вы тут творите? – и тут же: – Да вы, недоумки, амбар подожгли!

Точно, пламя от брошенного факела уже ползло по стене.

Все трое кинулись тушить пожар. Справились. Для надежности еще водичкой залили. Из той ямы, в которой Коршунов только что ванну принимал.

Алексей сидел тихо, разумно предполагая, что после всех произведенных телодвижений эти ребята *здесь* искать его не будут.

Только они успели покончить с пожаром, снаружи раздался топот нескольких десятков копыт.

– Стайна приехал! – гаркнул один из парней, и все, включая девку, тут же выкатились из сарая.

Глава двадцать девятая Стайна. Анастасия. Не только наложница...

Сервы за дверью и под окном внезапно загалдели все разом, потом умолкли. Анастасия услышала, как снаружи заржала лошадь, потом негромкий голос Стайны произнес:

– Стайса, открой. Это я.

Анастасия соскочила с ложа и отодвинула массивную щеколду.

Едва не сбив ее с ног, в комнату ворвались охранники с факелами, мгновенно обшарили все...

– Его нет! – гаркнул Хвйтс.

Стайна неторопливо вошел внутрь.

– Выйдите, – уронил он.

Охранники тут же покинули помещение. Последний воткнул свой факел в паз на стене и затворил дверь.

Стайна молча приблизился к своей наложнице, потянул носом воздух... И внезапно с силой толкнул ее в грудь.

Анастасия отлетела назад, на ложе, опрокинулась на спину, ударившись затылком о бревенчатую стену. Но не вскрикнула.

Стайна рывком задрал рубаху, сунул руку между ног женщины, покопался там, потом понюхал пальцы...

– Он был здесь? – спросил полуутвердительно.

Анастасия села. Поправила рубаху. Молча.

– Я тебя убью, – сказал Стайна. – Сука мокрая.

– Не грози, – ровным голосом произнесла Анастасия. – И не говори глупостей. Ты

ничего мне не сделаешь. И сам знаешь это. Тебе без меня не обойтись.

– Ничего, куплю кого-нибудь другого, кто умеет то же, что и ты. Денег хватит.

Анастасия покачала головой. Волосы цвета воронова крыла накрыли обнажившееся плечо.

– Присядь, – низким вибрирующим голосом проговорила она.

Стайна опустился на постель. Лавка жалобно скрипнула под тяжестью мирного вождя.

Анастасия сцепила руки на затылке, потянулась всем телом...

– Нет, – проворковала она. – Ты не найдешь никого. Нигде, даже в империи. Нигде, мой варвар.

Она вытянула ноги и положила их на колени Стайны. Ее ступни были такие маленькие, а кожа на них такая нежная, что понятно было: эти ножки никогда не ходили по земле босиком. И пахло от них не пылью и навозом, а благовонным маслом.

Масло и притирания для наложницы ежегодно обходились Стайне в сумму, на которую в Мезии можно было купить трех девственниц. Но эта женщина была права. Другую такую, как она, Стайна купить не сможет. Он и эту не покупал. Ему подарили. В благодарность за услугу. В обмен на вовремя сказанное слово. Вот как высоко ценится слово Стайны понимающими людьми. Конечно, Стайса – не только наложница. И дарители учли это. Наверное, они учли то, что после Стайсы любая женщина покажется пресной, как сухая лепешка с дыркой посередине. Если Стайна ее убьет – он потом долго будет вспоминать ее. Но Стайна – мужчина. Вождь. Если он захочет убить свою тиви, то зарежет ее собственноручно. Но сейчас он этого не сделает. Сейчас тиви ему еще нужна...

Стайна с силой сжал ее маленькие ступни. Стайсе было больно, Стайна знал, но лицо ее не дрогнуло. Ее научили переносить боль. И многому другому тоже научили.

Стайна сбросил ее ноги с колен, откинулся и поманил рукой: развлекай меня, тиви...

Наложница легко соскользнула на пол, к его ногам. Она была послушна ему. И нежна. А он – намеренно груб. Потому что она зашла слишком далеко в своей игре с Аласейей. Игре, одобренной Стайной, но... Она зашла слишком далеко. Нет, Стайна больше не сердился – только показывал, что сердит. Ведь Аласейя уже все равно что мертв. Потому что Стайна знает, в чем обвинить этого «небесного героя». Так что даже Одохар не сможет его выручить. Аласейя умрет. Не только потому, что осмелился противоречить Стайне. Еще потому, что он и его небесные паруса «цвета снега и крови» способны привлечь многих к походу, который задумал Одохар. А Стайне не нужен Одохар победоносный. Стайне нужен мертвый Одохар или хотя бы Одохар неудачливый, вдребезги разбитый ромлянами, захваченный в плен, ромлянский раб Одохар... Стайна даже зажмурился от двойного удовольствия: сладких мыслей и нежных прикосновений наложницы к его мощным ляжкам. Да, раб Одохар – это даже лучше, чем Одохар-мертвец. Стайна договорится со своими друзьями и *выкупит* раба Одохара. Вот это будет настоящий *триумф*, как говорят ромляне. Но чтобы все вышло гладко, надо избавиться от Аласейи. Он и впрямь удачлив, этот герой с чужого неба. Но из него течет кровь, следовательно, он смертен. Стайна сейчас был уверен в том, что его удача больше удачи этого Аласейи. «Удача» Стайны сейчас у ног Стайны побуждает крепнуть его мужской корень, а Аласейя кормит комаров в лесу и прячется от Стайновых слуг, как лис – от охотничьих собак. Он, конечно, ускользнул сегодня из ловушки и, скорее всего, ускользнет от посланных в погоню псов: на это его удачи хватит. Но очень скоро Стайна поймает его, заманит, как лиѐса в курятник, и тогда псы Стайны разорвут лиса в клочья.

Стайна зарычал, схватил свою наложницу и подмял под себя. Он, Стайна, будет единственным вождем в бурге! Он достоин!

Глава тридцатая Анастасия. «Герои больше не сходят на землю»

На следующее утро Стайна привез ее в бург. Хотя ночью грозил бросить в яму, где держал провинившихся сервов. Он даже подвел Анастасию к краю ямы и велел сдвинуть

решетку, чтобы она увидела разверстое чрево земли и вдохнула зловоние, исходящее из клоаки. Эти дикие варвары, не звавшие ни письма, ни мудрой философии, носившие грубые одежды и не умащивавшие тела благовонным маслом, пившие пенную бурду вместо разбавленного вина, тем не менее сжигали своих мертвецов и не мыслили себе участи худшей, чем быть съеденными червями, порождаемыми Матерью-Геей для пожирания падали. Но Анастасия не боялась. Она знала, что ее не заруют в землю, ни мертвой, ни живой. Потому что без нее оборвется тонкая нить, натянутая отсюда, из варварских земель, к югу, где обитают цивилизованные народы, где носят тоги, а не штаны и умеют возделывать оливы и лозу Вакха. Без нее оборвется нить, и серебряный колокольчик тревоги не звякнет вовремя. Анастасия знала, что хозяин ее Стайна умен и хитер. Колокольчик должен звякнуть. И она должна еще раз послужить приманкой для странного и прекрасного варвара с родным для нее именем Алексей. Анастасия думала о нем. Непрестанно. Она не могла о нем не думать. Потому что он был прекрасен. Прекрасно было лицо его с глазами цвета зимнего моря и кудрявой бородкой. Прекрасно было тело его, тело воина и гимнаста, – руки Анастасии помнили это тело, каждый завиток волос, каждую выпуклость и впадину. У Анастасии были умные руки массажистки. Они запоминали все, к чему прикасались. Навсегда. Но Анастасия не была массажисткой. Вернее, не только массажисткой. Она была гетерой. Хотя родилась в благородной семье. Правда, ее матерью была рабыня-наложница. Но эту наложницу отец любил больше жены и потому воспитывал дочь как свободную. Как свою законную дочь. Но отец умер от черной лихорадки. И ее сделали гетерой. Из высших. В богатой разноплеменной жаждущей наслаждений Антиохии таких, как она, ценили. За ночь с такой отдавали мешок сестерциев. Она стояла больше квадриги с четверкой прекрасных коней, потому что помимо искусства любви умела вести тонкую беседу, знала наизусть Гомера и Гесиода. Анастасия умела молчать. Но умела и говорить – так, что мужчина чувствовал себя мужчиной. Она знала греческий и латынь, понимала по-сирийски и даже чуть-чуть – по-арамейски. На этом языке с рождения говорил человек, тайно обративший ее в Истинную Веру. Тайно – поэтому Анастасия и осталась в живых, когда в ее городе обезумевшие люди убивали христиан. Ее даже не заподозрили, потому что никто и подумать не мог, что утонченная гречанка-гетера может поклоняться мертвому иудею. Тогда Анастасия спаслась. Но вера ее ослабела, и она вновь обратилась к Фебу и Афродите. Аполлону и Венере, как называют их латиняне. И все было хорошо, и Анастасия почти уже накопила сумму, достаточную для освобождения, когда случилась беда. И ни добрый бог иудеев, ни старые и прекрасные боги эллинов и латинян не защитили ее. Потому что, на беду, еще в доме отца кормилица научила ее языку варваров.

И вот, волею сильных мира сего, она совершила длинный путь и ела теперь грубую пищу дикарей в дымной избе за грубым столом, вместо того чтобы вкушать изысканные яства, лежа в атриуме на ложе, в бесконечно далеком отсюда сирийском городе.

Но Анастасия не роптала, ведь ее учили стойкости. Она не роптала, только иногда беззвучно плакала по ночам, вспоминая густой запах моря и терпко-соленую воду, которая больше никогда не обнимет ее нежное тело. И она уже почти смирилась с тем, что умрет здесь, в этой варварской деревушке, и никогда больше не увидит ни яркой мозаики антиохийских терм²⁰, ни искусной игры мимов в мраморной чаше театра. Не вдохнет возбуждающий запах крови и разгоряченной толпы на гладиаторских играх... Анастасия привыкла, приучила себя к тому, что все лучшее – в прошлом. Но тут появился Он. Удивительный варвар с эллинским именем. О нем говорили: пришел с неба. Поэтому его звали небесным героем. Но времена, когда дети богов бродили по земле, давно минули. Анастасия не верила в то, что говорили варвары. И ее хозяин тоже не верил. Стайна сказал ей, что ложь про небесных героев придумал Одохар. Чтобы заманить побольше дураков в глупый и бессмысленный поход. Анастасия понимала его и соглашалась с ним. Много эпох

²⁰ Термы – бани.

прошло со времен, воспетых Гомером. Герои больше не сходят с небес и не рождаются от смертных женщин. Но как хотелось ей, чтобы это было не так...

Глава тридцать первая Алексей Коршунов. Канун тинга

Они вернулись почти одновременно. Первыми – Фретила с родичами. На следующий день – Скулди с Кумундом. А еще через день появились медленно ползущие вверх по течению пузатые корабли: герульские купцы. И пошло-поехало. Каждый день к бургу подъезжали все новые и новые возы. Каждый день во двор Фретила наведывались дальние-ближние родичи и просто старые друзья. Те, кто успел первым, так и поселились в гостеприимном доме Фретила. А кто не успел, тот, как говорится, опоздал. Но тем не менее гостям всегда рады. Так что теперь у Алексеева тестя с утра до вечера – теплая компания. Рассаживались чинно, попивали пивко, беседовали неспешно, обмениваясь новостями, вспоминая старые добрые... Иной раз специально посылали мальчика за Коршуновым: представить нового родича почтенным гостям, похвастаться: вона какого зятя отхватил Фретила. Причем «небесное» происхождение гостя, восхищавшее гревтунгов помоложе, солидных мужей интересовало не слишком. Мало ли что с неба падает? Дождь, например, или там град. А вот имущество, коим обладал Аласей, – это да. Ткань дивная, штучки всякие диковинные. Фретила не забывал упомянуть, что и в наземной деятельности его зять отличился: вона какую добычу на квеманах никчемных взял. А уж сколько из большого похода привезет – это даже представить невозможно. Коршунов заметил: не просто так тестюшка такие речи заводит: льет воду на Одохарову мельницу. Апеллирует к самому нежному чувству почтенных мужей – жадности. Все сходились на том, что ромляне – полезное племя. Есть у них чем поживиться. Параллельно муссировалась тема: не переместиться ли всем вместе поближе к границам империи. Ходили слухи, что кто-то из западных соседей так и сделал и щедрые ромляне тем даже денег дали: чтоб сидели спокойно и не ходили на имперскую территорию. Беседующие, впрочем, сходились на том, что ежели кто добровольно деньги дает, то этим свою явную слабость показывает. А следовательно, надо такого «щедрого» брать за вымя и доить до отказа. А потом вообще зарезать. На мясо.

Много интересного выяснил Коршунов из этих бесед. И о психологии достойных старейшин. И о здешней этнографии. Например, оказалось, что на сих благодатных землях славное племя гревтунгов сидит от силы лет сто. Отбили эти земли у неких спелов. В тяжелой битве, ясное дело. Спелы были воины страшно могучие, но гревтунги – еще круче. Раздраконили спелов и земли их заняли. Но это недавно было. А вообще готский народ уже давно в пути. А по дороге громят всех почем зря и земли отбирают. Это, можно сказать, исконно готская традиция такая. От пращуров. Давным-давно прослышали еще более славные пращуры нынешних гревтунгов, что есть земли много богаче и плодороднее, чем те, на которых пращуры в то время располагались. И взяли гордые предки копы в руки, погрузились на фургоны и отправились в путь. Была, как оказалось, у предков (а также и у предков предков) заветная мечта о некоей земле обетованной, именуемой Ойум, где жизнь неимоверно прекрасна и удивительна. Вот и двинулось славное племя готьёс из краев полночных в теплые края. Пройдут немного, повоюют всласть – и сядутся на время на отвоеванные земли, каждый раз все более богатые и щедрые. Посидят немного: лет сорок-пятьдесят – и дальше отправляются. А некоторые остаются. Потому раньше все готьёс были одним народом, а теперь – разные. Хотя язык у всех один. Гревтунги – из тех, которым на месте долго не сидится. Считают они, что заветный Ойум, великая готская мечта, – еще не достигнут. А мечта – дело серьезное. Пренебрегать ею не должно. Но и торопиться не следует. Другое дело: не хотелось бы, чтоб иные готские племена (не говоря уж о тех же герулах зеленомордых) раньше до тех легендарных земель добрались и самый жирный кусок отхапали. Посему следует рикса Одохара в его желании пощупать ромлян всеми силами поддержать. А параллельно с этим пусть выяснит рикс, хороши ли земли на юго-западе. И

крепко ли сидят тамошние племена на этих землях? Может, настало время всем гревтунгам сняться с места и двинуть к берегам теплого моря? В конце концов, разве не от соленых морских берегов пришли славные безмерно предки? Правда, то море было похолоднее...

Алексей прикинул и решил, что речь идет о Балтике. Как интересно, однако. Выходит, что предки Фретины, по сути, земляки Коршунова.

К сожалению, у него было не так много времени, чтобы изучать местный фольклор. Надо было форсированными темпами завершать операцию «имперский шпион». Что оказалось чертовски хлопотно. Главным образом потому, что в бурге и окрестностях в одночасье образовалась целая прорва народу. Такая прорва, что места внутри стен не хватало даже съехавшимся на тинг старейшинам родов. И за городскими стенами тоже не хватало места для всех гостей, поэтому на просторном поле сразу за пристанью выросли шатры, поднялись наскоро сооруженные навесы и пошла-поехала мена-торговля. И всем этим ярмарочным столпотворением заправлял мирный вождь Стайна.

А Коршунов с Книвой и дюжиной мальчишек из всех сил пытался уследить за множественными контактами, полагаясь больше на интуицию, потому что за всеми следить было просто невозможно. А Агилмунд и Скулди, к которым Коршунов обратился с мольбой о помощи, сказали, что им сейчас не до этого. Пусть Аласей сам справляется. У них есть дела поважнее. Тинг. Коршунов даже слегка обиделся. В основном на Скулди. В конце концов, это ведь его идея: ловить римских шпионов. Но в принципе и герул, и Агилмунд были правы. До тинга – всего ничего. А ведь именно на тинге будет решаться судьба похода.

Поэтому Коршунов решил поднатужиться и справляться самостоятельно. Завербовал еще нескольких мальчишек. Составил список «подозреваемых» и оперативно проработал «биографию» каждого. Благо, здесь все знали всех.

Наибольшее подозрение вызывал один из Стайновых приказчиков: мелкий человечек в войлочной шапке, какие здесь нередко использовали в качестве подшлемников. Но человечек на воина не тянул, а от прочих отличался тем, что приехал вместе с тремя герулами и привез только три мешка, аккуратно упакованных в просмоленную ткань, и небольшой бочонок. Все это было немедленно доставлено на подворье Стайны. А прибывшие с человечком герулы вообще ничего не привезли, зато в первый же день взяли у того же Стайны три дюжины кип выделанных шкур. Чем расплачивались, никто не видел. Зато все видели, что герулы, нагрузив свое суденышко, уплыть не спешили, а откровенно маялись бездельем.

Коршунов попытался навести о герулах справки у Скулди, но тот только отмахнулся: мол, многочисленны его сородичи, всех не упомнишь.

Это так разительно отличалось от обычных хвастливых заявлений Скулди: «я-все-знаю», что Коршунов решил, что подозрительные герулы – «сотрудники» Скулди. И наблюдение за ними снял. Зато за маленьким приказчиком, наоборот, установил постоянный присмотр.

Это случилось за день до тинга. Такие события всегда случаются в последний момент. И всегда развиваются лавинообразно и сокрушительно.

Глава тридцать вторая Алексей Коршунов. Канун тинга (продолжение)

Началось с того, что маленький человечек в неизменной войлочной шапке в очередной раз проскользнул в ворота Стайнова подворья, но буквально через пару минут выскользнул наружу.

О! Коршунов почувствовал прилив азарта. На поясе человечка появился цилиндрической формы кожаный сверток размером со сложенную подзорную трубу. Быстро, почти бегом, человечек пустился через площадь. К воротам? Коршунов выскользнул из своего укрытия... И тут его ухватили за руку.

Алексей стремительно обернулся, на рефлекс перехватил запястье... Перед ним стояла горбатенькая старушка в ветхом плаще с капюшоном. Из-под капюшона свисали седые

патлы, похожие на козлиную шерсть.

Человечек тем временем исчез в щели улочки. Его еще можно было нагнать...

Но тут старуха приподняла капюшон. Самую малость. Только, чтобы Алексей увидел ее лицо...

– Ты? – прошептал Коршунов.

Анастасия!

– Я.

Коршунов заколебался.

Человечек явно получил нечто для передачи. Это было важно, но...

Но Коршунов остался на месте.

«Книва проследит, – подумал он. – Настя... Наверное, что-то случилось. Наверное, она хочет мне о чем-то рассказать...»

Он обманывал себя и знал, что обманывает. Ему было не важно, что может рассказать эта женщина. Ему была нужна она сама!

– Настя...

– Иди за мной, – шепнула мнимая старуха, выпустила его рукав и заковыляла прочь.

Коршунов последовал за ней. Сердце его сжималось в сладком предвкушении, а ум в полной растерянности пытался строить догадки... Пытался пробиться сквозь эйфорию, напомнить о возможной опасности... Но сердцу было наплевать на опасность. Эта женщина действовала на Алексея, словно наркотик. Весь мир озарялся великолепным сиянием, внутри все вскипало от переполняющей силы. Все вокруг прекрасно и подвластно Коршунову! Какая опасность? Смешно даже! Единственная опасность – потерять эту женщину!

Коршунов шел неторопливым шагом, без труда поспевая за мнимой старухой, мерно тьюкающей посохом. Через площадь, по улице, к воротам.

Играла она очень убедительно. Натуральная бабка, неприметная, серенькая...

На мосту Коршунов все же оглянулся, но ничего подозрительного не заметил. И впереди на дороге – тоже никого. В том числе и человека в войлочной шапке. И Книвы...

А «старуха», заметно прибавив шагу, свернула с дороги и через огороды заспешила к ближайшей рощице.

Коршунов решил, что идти прямо за ней неблагоприятно. Поэтому он шагов через сто свернул с дороги и нырнул за угол чьего-то сарая. Перескочив через невысокий плетень, Алексей перебежал через грядку с проросшей репой, перемахнул через кусты малины...

Сутулая фигурка продолжала двигаться в прежнем направлении.

Миновав огороды, Коршунов оказался на лугу и нырнул в высокую, по плечо, траву. Пригибаясь, он промчался через луг, спустился, цепляясь за кусты, в овраг, пробежал метров двести по каменистому дну и выбрался наверх, существенно опередив Анастасию.

Он перехватил ее уже в роще. Притаился в зарослях, выждал и выпрыгнул прямо на тропинку. Сгреб в охапку.

Женщина вскрикнула от неожиданности... И в живот Коршунову уперлось нечто твердое и острое. Нож!

– Не бойся, это я! – Алексей засмеялся, сбросил с ее головы капюшон. Вместе с седым париком. Запрокинул ее голову, поцеловал жадно... Пальцы женщины разжались, и нож упал на землю. Миг – и ее руки обвились Коршунова. А в следующий миг он уже, подхватив ее на руки, уносил прочь с тропинки в глубину рощи, туда, где пятна тени лежат на ковре из запутавшихся в траве дубовых листьев и даже в июльский полдень прохладно, как середине мая.

Глава тридцать третья Книва. Попался!

Книва увидел, как к Аласеие подошла какая-то старуха. Книва видел эту старуху в первый раз, но не встревожился. Старуха могла оказаться колдуньей, но что может сделать небесному герою Аласеие старуха-колдунья? Да ничего!

Поэтому он продолжал наблюдать и, выждав, когда человек Стайны отойдет достаточно далеко, последовал за ним. Книва не очень спешил, потому что был уверен, что бежит намного быстрее человека Стайны. И не слишком беспокоился, когда, выйдя из ворот бурга, увидел, что человек Стайны уже довольно далеко и со всех ног бежит по дороге. Нет, Книва не побежал за ним. Он помнил, что говорил Аласейя: тебя не должны заметить. Поэтому Книва не побежал даже тогда, когда человек Стайны достиг опушки леса и нырнул в чащу. Уж в лесу-то Книва его не упустит.

Спустя какое-то время Книва очень порадовался, что проявил осторожность. Потому что увидел, как от пристани поднимаются два всадника. Зрение у Книвы было острое, поэтому он сразу узнал их: герулы. Те самые. А кони... А кони у них – из конюшни Стайны. По крайней мере одного, гнедого мерина, Книва узнал.

Герулы на рысях выехали на дорогу шагах в восьмидесяти впереди Книвы, взглянули на него с обычной герульской надменностью и поскакали прочь от города. Но недолго скакали. Свернули в тот же лесок, куда и человек Стайны.

Теперь-то Книва совсем обрадовался. Потому что ясно ему стало, что герулы поехали за человеком Стайны. И еще потому, что опытный охотник может запутать свои следы, а вот два всадника никогда бесследно в чаще не растворятся. Поэтому Книва последовал за всадниками. Это проще. И безопасней: сидя на коне и услышать Книву труднее, а уж нюхом уловить совсем невозможно. Лошадиный запах все перебивает. Поэтому Книва даже и таиться особо не стал, припустил в полную силу и очень скоро догнал герулов. Лес – это не открытое место. В лесу Книва любого верхового легко догонит.

Человек Стайны ждал герулов в хорошем месте. Сразу и не заметишь. Вот и герулы не заметили, проехали бы мимо, кабы человек Стайны их не окликнул.

Один герул спешился, второй остался в седле. Тот, что спешился, вступил в разговор с человеком Стайны. Тот, что верхом, настороженно озирался. Но Книву он заметить не мог. Книва умел прятаться не хуже человека Стайны.

Говорили довольно долго. Потом человек Стайны передал герулу сверток с пояса, а герул передал человеку Стайны большую сумку из желтой кожи.

После этого первый герул вскарабкался в седло, а тот, что следил, наоборот, спешился и направился в сторону Книвы, на ходу развязывая штаны.

Книва удивился. Если герул хотел помочиться, то зачем куда-то идти? Удивился Книва и насторожился. И осторожно, задом, начал отползать прочь. Но отполз совсем недалеко, потому что нечто острое укололо в шею.

Книва замер.

– Перевернись, – велел мужской голос.

Книва медленно перевернулся на спину и увидел зазубренное по краям железко копья. И третьего герула, который это копьё держал. Ну да. Теперь Книва сообразил: герулов-то трое было!

Книва хотел сесть, но герул кольнул его в щеку – и Книва остался лежать. Тем временем второй герул подоспел. Тоже встал над Книвой.

– Ты кто? – спросил тот, что с копьем. – Что тут делаешь?

– Да я... Силки проверить! – нашелся Книва.

– А что таишься?

– А?... Что таился? – Книва изобразил смущение. – Да испугался я, вот и спрятался!

«Убьет, – подумал Книва, глядя на заросшее рыжей бородой лицо герула. – Убьет. И Аласейя ничего не узнает. Кто ему скажет?»

Герул немного отвел копьё, собираясь ударить...

Книва напрягся, приготовившись откатиться в сторону. Но второй герул, угадав его мысли, поставил ногу Книве на горло:

– Лежи!

Подошел человек Стайны.

– Знаешь его? – спросил герул с копьем.

– Знаю,– кивнул человек Стайны.– Из дружины Одохара.
– Такой заморыш?– Губы герула презрительно искривились.– Совсем у вас народ измелъчал, я гляжу. Таких дохляков в дружину берут.
«Ты бы это брату моему сказал,– злобно подумал Книва.– Он бы тебе показал „дохляка“!»
– Да этот недавно взят,– пояснил человек Стайны.
– Ты – дружинник? – спросил Книву герул.
– Да! – Книва попытался гордо выпятить подбородок, но помешала нога второго герула.
– Ага.– Герул опустил копье. Раздумал убивать.
– Вяжи его,– скомандовал он.– С дружинником Одохара мне потолковать интересно.
Книва понял, что лучше ему быть убитым, и, схватив второго герула за лодыжку, дернул изо всех сил. Герул не устоял, полетел навзничь... Книва вскочил, хватаясь за нож... Но рыжебородый, изловчившись, ткнул его древком копья в живот. Книва отлетел назад – в руки еще одного герула.
Человек Стайны бросился на Книву. Книва пырнул его ножом в живот, но попал в пояс из толстой кожи, и нож соскользнул, а герул, который держал Книву, ударил его по затылку. Искры брызнули из глаз Книвы, и тут же новый удар бросил его в темноту...

Глава тридцать четвертая Алексей Коршунов. Что говорит закон...

Их тела обмякли. Последний вскрик растворился в щебете птиц, но сердца еще продолжали колотить в ребра. Коршунов откинулся на спину и лежал, расслабленный, медленно, с наслаждением ощущая, как тает, обращаясь в мягкое тепло, бешеный огонь страсти. Его рука лежала на влажном животе Анастасии, ниже пупка. Алексею было хорошо.

Ладошка любимой легла на его мокрый лоб.
– Не смотри,– прошептала женщина.
Через мгновение она выскользнула из-под его руки. Алексей услышал шорох удаляющихся шагов, но продолжал лежать с закрытыми глазами. Да, ему было хорошо. По-настоящему хорошо...
– А здоров ты с бабами, Аласей,– внезапно раздался знакомый вкрадчивый голос.
Коршунов успел только глаза открыть, вскочить не успел: жала копий уперлись ему в живот и в грудь, а горло прихватила вилка рогатки.
– Или ты только с чужими тиви такой бойкий? – продолжал Стайна насмешливо.
– Только попробуй ей что-нибудь сделать... – прохрипел перехваченным горлом Коршунов.

Стайна засмеялся. И его дружинники, которые прижали Коршунова к земле, тоже захохотали.

– И что будет? – отсмеявшись, поинтересовался Стайна.
Коршунов промолчал. Глупо грозить, когда ты в таком положении.
– Не тревожься,– сказал Стайна.– Я не стану наказывать свою женщину. За что же мне ее наказывать? За то, что вутья-чужак ее насильничал? Вот кабы она сама... Тогда следует по закону ее наказать. И сурово. Но ведь не сама же она с тобой легла. Подстерег ее в роще похотливый кобель и насильничал. Так?
– Так,– выдавил из себя Коршунов.

«Неужели он не видел? – подумал Алексей.– Неужели не понял?»
Очень хотелось в это верить. Раз уж все равно пропадать... Вряд ли он Коршунова живым отпустит...

И тут рядом со Стайной появилась Анастасия. Успела уже накинуть на себя рубаху и плащ, лицо обтереть. Только коса немного растрепалась. Встала рядом со Стайной, обняла, потерлась щекой о плечо толстяка.

– Вот,– Стайна повернулся к ней,– он уже признал вину. Поймал, говорит, насильничал.

– А я тебе говорила.

Нежный голосок теплом отозвался в груди Коршунова. Хотя он уже начал понимать...

– Он признает все, что ты скажешь, господин мой. Так ведь, Алексей? – В голосе слышались молящие нотки.

– Ты... Вместе с ним? – В голове Коршунова не укладывалось, что эта женщина, его любимая женщина, которая минуту назад стонала в его объятиях, попросту заманила его в ловушку. Подманила, как теленка!

– Да, Алексей. А как же иначе? Ведь я принадлежу ему. Или ты забыл?

Коршунов хотел сказать, что он думает по этому поводу, Стайна сделал знак, и рогатка передала Алексею горло. Вместо слов из него вырвался жалкий сип.

– Что ж нам теперь с ним, с насильником, делать? – глумясь, произнес Стайна. – Может, для начала ему корень детородный вырвать? Да прямо сейчас и казнить? Знаешь, Аласейя, что Закон говорит? Закон говорит: «Привязать за ноги к двум коням да и гнать коней, не переставая, пока насильника пополам не разорвет или не побьет до смерти». Именно так и говорит Закон, Аласейя. Уж поверь мне, хранителю. И я, как хранитель Закона, могу прямо здесь вынести тебе приговор. И сделать по сему. И никто мне не скажет дурного. Даже Одохар. Потому что и видаков у меня хватает, и поклянутся эти видаки перед богами, что своими ушами слышали, как без пытки, по собственной воле признал ты, что насильничал тиви мою, Стайсу. Может, мне так и сделать, а то еще прилюдно откажешься от своих слов? Откажешься?

– Что тебе нужно? – прохрипел Коршунов.

– А ничего мне не нужно, Аласейя. – Толстяк прижмурился, как кот. – Даже и не признаешь ты, что силком взял тиви мою, что переменится? Ничего не переменится. Только уже не тебя одного, а двоих вас конями разметают. А Одохар так в твою удачу верил, Аласейя... – Стайна покачал лысой головой. – Так ошибся Одохар! Только и хватило твоей удачи, Аласейя, что квеманское село пограбить да чужую тиви на траву завалить. Что скажешь, Стайса, казним его сейчас? Или на суд тинга представим? Тебе решать. Откажется Аласейя от своего слова – размечут тебя конями. Как по Закону следует. И захочу я помочь тебе, а не смогу. Завтра тинг начинается, серьезное дело. Должен я к тингу готовиться, некогда мне со всякими насильниками возиться. Так что, если скажешь, что веришь ему, посадим его пока в яму. А завтра на суд тинга выставим. Говори, Стайса: завтра или сейчас?

Рогатка давила на горло, два копыта упирались в тело, но руки и ноги Коршунова были свободны.

«Скажет „сейчас“ – рванусь! – подумал Коршунов. – Пусть лучше копытами продырявят».

Терять ему было нечего, и овцой подставлять шею под нож мясника он не собирался.

Глава тридцать пятая Анастасия. «Завтра»

Анастасия ответила не сразу. Стайна был прав: именно ее жизнь и смерть зависели от того, как поведет себя на суде Алексей. Она рисковала всем. И она очень хорошо знала, как мстительны люди. Она действительно заманила Алексея в ловушку. По приказу мужа, но еще и потому что ей так хотелось хоть немного побыть с ним. И она, глупая, почему-то надеялась, что Алексей сумеет спасти и себя, и ее. Он казался ей таким... Настоящим любимцем богов. Почему она не предупредила его? Не потому ли, что обо всем забыла, оказавшись в его объятиях? Теперь его ждет страшная смерть. И она в этом виновата. Наверное, она должна разделить его судьбу. Хочет ли он ее смерти? Хочет ли она умереть?

Их глаза встретились...

«Помоги мне, Господи!» – Анастасия в какой-то миг почувствовала себя так, словно она и Алексей возлежат в атриуме ее домика (чей он теперь?), в далекой Антиохии, у

маленького мраморного бассейна, который кажется пустым – настолько прозрачна вода в нем... Только они вдвоем...

– Что ты бормочешь, Стайса? – недовольно проворчал Стайна.– Громче!

– Завтра,– чуть слышно проговорила женщина.

– Громче! – рявкнул Стайна.

Анастасия знала, что он не хочет убивать Алексея сейчас. Алексей – дружинник Одохара. Одохар может спросить: «Почему ты казнил моего дружинника без моего ведома? Если он виноват, как ты говоришь, почему ты не захотел, чтобы и я услышал от него о его вине?» Нет, Стайне нужно, чтобы тинг осудил *Аласейю, Одохарова дружинника*, того самого *небесного героя*, с которым Одохар так накрепко связал удачу будущего великого похода. Позорная казнь Аласеи станет смертельным ударом для того, что намерен сделать Одохар. После этого мало кто захочет пойти за риксом в великий поход. Именно такого исхода желал Стайна. И Анастасия должна была желать того же. Разве не для этого она живет среди грубых варваров?

Стайна знал, что его тиви знает его намерения. И он был уверен: она не посмеет сказать «сейчас». Разве он – не ее господин? Разве его планы не стоят того риска, которому подвергнется ее жизнь? Там более, Стайна уверен, что Аласейя глуп. Дважды угодил в одну и ту же ловушку. А глупцом управлять легко.

Анастасия понимала, что Алексей не глуп. Он просто думает по-другому. Но она знала мужчин и увидела у него в глазах то, что искала: он – настоящий мужчина и не станет мстить женщине. И еще – его имя. Имя, которое на ее родном языке означает «защитник»...

– Я разделю с ним его судьбу, какой бы она ни была... – прошептала Анастасия по-гречески. И добавила громко, на языке варваров: – Завтра. Не сегодня.

– Хорошо.– Стайна сделал знак Хвитсу, который стоял позади Алексея.

Тот снял с пояса мешочек с песком, наклонился и ударил лежащего по голове. Алексей обмяк.

Вчетвером охранники ее мужа подняли Алексея и закинули его на лошадь. Они увезут его в усадьбу. Там есть яма, куда сажают тех, кто ослушался Стайну. Та самая, которой господин грозил Анастасии. Они бросят Аласейю в яму, но сначала, возможно, будут бить его плетью, чтобы красивое тело Аласеи покрылось рубцами, а дух его ослабел. Завтра, когда избитый, перепачканный нечистотами Алексей предстанет перед тингом, никто не увидит в нем небесного героя. Стайна добьется своего, как добивался всегда. И Анастасия будет по-прежнему служить ему, потому что таков закон мира. Ах, как хотелось Анастасии перерезать заплывшее тремя подбородками горло своего господина! Но она не смела.

Глава тридцать шестая Книва. «Ты крепок, сын Фретины»

Книва очнулся и сразу понял, где он, хотя вокруг было темно. На корабле он был. Слышно было, как снаружи у бортов плескалась вода. Темно и душно. Книва лежал на боку, и бок у Книвы намок. Оттого, что лежал он на дне, под палубным настилом. И еще сверху что-то лежало. Рот Книвы был забит тряпкой и сверху еще одной тряпкой обвязан, чтоб Книва языком кляп не вытолкнул.

Книва лежал. Долго. Потом сверху голоса донеслись. Приглушенные, слов не разобрать. Книва забился, замычал... Без толку. То ли не слышали Книву, то ли не захотели слышать.

Корабль сильно качнуло. За бортом заплескало веселей... И сразу запела, заскреблась о днище вода. Поплыли. Книва догадывался, зачем его увозят. И было ему страшно. И очень обидно. Да и умирать совсем не хотелось. Тем более, так умирать. И еще он боялся, что не сумеет принять смерть как воин, когда начнут пытаться его герулы.

Совсем недолго плыли. Скоро корабль тряхнуло, внизу зашуршало, и Книва понял, что днище скользит по песку. А через некоторое время над ним завозились, что-то тяжелое разбрасывая,– и сквозь решетку настила проник свет. Тусклый. Уже вечер. Или утро?

Двое подняли решетку. Двое герулов. Те самые. Молча подхватили Книву, подняли и через борт перекинули. Книва в воду упал, погрузился с головой, подумал: лучше бы утонуть... Но утонуть не успел. Третий герул его из воды на песок выволок. Кляп изо рта вынул, дал откашляться.

От носа корабля канат шел – к толстому дереву. Книву к этому канату привязали. Как будто он мог куда-то сбежать, связанный. Он сообразил уже, что герулы через реку переправились и еще вниз по течению отошли.

Лежал Книва на песке, а герулы тем временем костер развели, стали уху варить. От запаха у Книвы полон рот слюны набежал.

Но не стали герулы Книву кормить. Поели и сидели у костра, темноты дожидаясь. Известно, ночью люди слабее делаются, значит, и спрос вести ночью лучше.

Стемнело. В камышах лягушки заквакали. Двое герулов спустились к Книве, подняли, поволокли наверх, к костру.

Рубаху Книвину ножами распороли (жалко, совсем новая рубаша), в костер бросили. Со значением: мол, больше тебе рубаша не понадобится. Потом главный герул тем же ножом по Книвиной груди провел, кровь пустил, и сказал:

– Расскажешь нам все, гревтунг, мучить не будем. Просто убьем.

Книва молчал. На костер смотрел. В костре много угольев было. Для Книвы эти уголья. Но вспомнил Книва, как на капище бог с ним разговаривал, вспомнил, как бог Аласейи Книву хранить обещал, и понял, что не даст бог герулам убить Книву. Что испытывает его бог через герулов: крепок ли Книва? Готов ли великую славу вместить?

Поэтому совсем перестал бояться Книва, ничего герулу не сказал, только усмехнулся чуть-чуть. Так и смотрел, усмехаясь, как другой герул уголья из костра выгребает, а третий обувь с Книвы стягивает...

Не обманул бог Книву. Помог. Увидел Книва, как между деревьев тень мелькнула. Герулы тени не увидели. Заняты были. А главный только на Книву смотрел: слабину искал.

«Ищи, ищи, – подумал Книва, улыбаясь злорадно. – Сейчас бог тебя...»

Но это был не бог. Это был еще один герул. Книва его только по зеленым щекам и узнал, потому что все лицо у герула было черным размалевано. Здоровенный герул, с хорошим длинным мечом в одной руке и маленьким кулачным щитом – в другой. Стоял, зубы скаля, пока те герулы, что Книву похитили, уголья кучкой сгребали, а когда один уж собрался ноги Книвы на эти уголья поставить, размалеванный громко откашлялся.

Эти трое аж подпрыгнули, хотели к оружию кинуться, да размалеванный не дал. Одного сразу насмерть зарубил, второго щитом по голове ударил, а третьего, главного, ногой в грудь пнул, отчего тот прямо в костер спиной упал, но тут же, через голову перевернувшись, вскочил... И из лесу еще один герул появился. Еще больше размалеванного. Схватил сородича своего и к себе прижал. Да так, что даже Книва услышал, как у того ребра хрустнули. Но старший герул был настоящий воин, не сдался, а схватился за нож. Только сила есть сила. Огромный перенял руку, сдавил так, будто не пальцы у него, а челюсти волчьи. Затем вынул из пальцев Книвина пыталыщика нож, руку его к березовому стволу прижал и пришил к дереву, вогнав отнятый нож в запястье, точно между костями. Да так все красиво большой герул сделал: не спеша, спокойно. словно не со взрослым воином, а с малым ребенком управлялся. Но похитивший Книву герул тоже красиво себя вел: даже не вскрикнул, когда лезвие руку просекло.

– Скулди! – бросил он, уставясь на первого размалеванного. – Так и знал, что это ты, барсучья отрыжка!

У Книвы сердце прыгнуло от радости. Как же он раньше Скулди не узнал! И Кумунда! Тут же пришла посторонняя мысль: как он силен, этот Кумунд! Скрутил столь сильного мужа, как мальчишку! А Аласейи Кумунда, как мальчишку, по земле ваял! Сколь же велика сила Аласейи!

– Гляди, Скулди! – с угрозой прорычал герул. – Узнает Комозик, что ты его родича...

– А откуда он узнает? – удивился Скулди. – Думаешь, он скажет? – кивнул в сторону

Книвы.— Так он не скажет, верно, парень? — Скулди подмигнул Книве: жуткая гримаса получилась. Хотя и знал Книва, что друг ему Скулди, а внутрь неприятный холод проник. А ведь не испугался Книва, даже когда его жечь собирались.

— Видишь, он не скажет! — засмеялся Скулди. И Кумунд тоже засмеялся басом. Будто пустую бочку покатали.

— Или ты думаешь, этот скажет? — Скулди ухватил и поднял с земли оглушенного герула. Тот неуверенно задвигался, но глаза мутные остались...

— Так и он ничего не скажет Комозику, может, его дух скажет? — Скулди быстрым движением вогнал меч между ребрами сородича. Точно в сердце.— Как думаешь, Кумунд, придет его дух к Комозику?

— Не-а,— пробасил Кумунд.— Его ромлянское золото сразу в хель утянет.

Скулди одобритительно кивнул, присел около Книвы, перерезал веревки.

— А ты крепок, сын Фретилы,— уронил он одобритительно.— Помнишь, Кумунд? Этот ромлянский прихвостень его уже на угли ставил, а он все равно им зубы показывал. Хороша у Фретилы кровь! Если Алексия убьют, я его кveno за себя возьму!

— Не будет этого,— буркнул Книва, растирая руки.— Рагнасвинта тогда вместе с мужем на костер пойдет. Только не убьют Аласейю.

— Я тоже так думаю,— кивнул Скулди.— Ну ладно, некогда нам разговоры разговаривать. Надо дело делать. Кумунд...

Тут пришипленный к березе герул рванулся изо всех сил. Но вырвать руку из пальцев Кумунда не смог. Зато вырвал нож из дерева приколотой рукой. Большого мужества герул оказался. Только не помогло ему это. Кумунд ударил его кулаком в живот, и герула свернуло пополам.

Скулди приблизился к нему, сдернул с его головы ремешок, который волосы удерживал, и перетянул выше локтя проколотую руку.

— Обдери его,— бросил он Кумунду. Так, словно речь шла о поросенке.— А ты (это уже Книве) рассказывай. Только покороче, а то знаю вас, гревтунгов: как начнете, так хорошо, если к зиме конец виден станет.

Хотел ему Книва ответить о гревтунгах... Да вспомнил, что спас его Скулди. Простил герулу глупые слова Книва и начал говорить. Когда он дошел до свертка, Скулди тут же встал и принялся потрошить мешки, сложенные у костра. Нашел, развязал. Внутри оказалась скрученная в трубку тонкая кожа, испещренная загадочными рунами.

Скулди присел у костра, послание изучая. То, что это послание, а не амулет, было сразу понятно. На амулетах столько рун писать не нужно.

— Эллинские,— наконец сказал он.

— Что говорят? — жадно спросил Книва.

Скулди пожал плечами.

— Я их речь понимаю, а вот руны... Ничего, этот скажет,— кивнул на герула, которого Кумунд уже раздел и крепко привязал к дереву.

— Ничего я тебе не скажу! — яростно прохрипел герул.

— А ты как думаешь? — спросил Скулди Книву.

— Не скажет,— уверенно ответил тот.

— А я думаю: скажет,— заметил Скулди, поднимаясь.— Я, когда ромлянам служил, частенько одному человеку помогал. Который для ромлянского рикса языки развязывал. Великий искусник был сей человек. Не было такого, чтоб у него пленник не заговорил. Многому я у него научился. Поди ближе, Книва, поучись тоже. Брата твоего старшего, Агилмунда, я тому искусству научил, и тебя тоже учить буду. Понравился ты мне. Молодец!

Глава тридцать седьмая Агилмунд. Бабушка

— Агилмунд! — громко крикнули с площади.— К тебе бабушка!

Десятник высунул голову из окна.

Несколько дружинников развели костер прямо на площади, рядом с дружинным домом, и варили похлебку. Около них отирались мальчишки и пара девок. Девки были незнакомые. Видать, их родичи на тинг привезли: женихов поискать.

– Какая такая бабушка? – гаркнул Агилмунд.

– Твоя, чья еще! – Троих молодых из десятка Ахвизры вопрос Агилмунда очень развеселил.

Но сын Фретины уже заметил неподалеку горбатенькую старушку. Очень похожую издали на бабушку Стилихо, которая в квеманский набег в Хундилиной избе сгорела. А из Агилмундовых бабушек одна жива была, да ростом и телом побольше – мать Брунегильда в нее пошла. А вторая уж двадцать зим как померла. Агилмунд же тогда сам мал был, и потому та бабушка ему тоже большой казалась. А она, выходит, махонькая...

– Иду! – крикнул Агилмунд.

Не из тех он был, кто испугается духа. Тем более, духа собственной бабушки.

Разговор «бабушки» с внуком оказался недолгим. И, вернувшись в дом, Агилмунд первым делом натянул поддевку, а на поддевку – кожаный жилет с железными бляшками. Поверх нацепил широченный боевой пояс с мечом, сунул в петли пару метательных ножей.

– Уходишь? – лениво осведомился Ахвизра.

– Да, – кивнул Агилмунд. – И ты тоже.

– Куда это? – У Ахвизры не было ни малейшего желания куда-то идти этой ночью. Завтра – тинг. А перед тингом лучше хорошенько выспаться. Мало ли что...

– Бабушка ко мне приходила...

– Да-а? – удивился Ахвизра. – А я думал: мои шутят.

– Нет. – Агилмунд присел около растянувшегося на лавке Ахвизры. Ножны его меча негромко звякнули. – Да только бабушка – не моя. Так что мы с тобой, Ахвизра, сейчас наведемся в одно место. И немного повеселимся.

– Да? – Ахвизра оживился. – К девкам?

– Стал бы я для девок всю эту сбрую надевать? – фыркнул Агилмунд.

– А почему нет?

– В такую жару!

– Тоже верно. – Ахвизра сел. – Дело спешное?

– Верхами за полночи обернемся, если хорошо выйдет.

– Кого еще взять? – Ахвизра уже обувался.

– Сами управимся. Я только Сигисбарна прихвачу. Пусть учится. Сигисбарн! – гаркнул Агилмунд. – Эй, ты! Ну-ка найди мне Сигисбарна.

– Ага. – Ахвизра затянул шнурок куртки. – Одохару сказать надо?

– Нет. Не до нас ему. Он с полудня со старейшинами заперся.

– Так и сидят? – удивился Ахвизра. – Ну ладно, пойду седлаться.

Вопросов он больше задавать не стал. Все, что требуется, Агилмунд расскажет по дороге.

Ворота этой ночью не запирались: тинг. Три всадника беспрепятственно покинули бург. Они объехали стороной большую поляну, где стояли шатры тех, у кого у бург не было родни или кто не захотел в такую теплую ночь ютиться под крышей. Когда огни костров остались позади, всадники прибавили ходу: дорога позволяла.

– Ну, – сказал Ахвизра, поравнявшись с побратимом. – Рассказывай, что у нас за веселье будет?

* * *

Скулди не сумел узнать, что написано в послании. Не потому, что не умел спрашивать. Нет, спрашивать он умел. Увидел Книва: многому научился Скулди у того ромлянина. Лунный серп за деревья уплыть не успел, а пленник уже болтал, как две девки у колодца. Жаль только, что знал герул совсем немного. Поручено было ему (и уже не в первый раз)

взять послание и передать своему родичу, который к ромлянам с товарами пойдет. Не знал он и о том, кто писал. Но знал, что дело – тайное, поэтому проявил осторожность: пустил своих людей вперед, а сам задержался. И увидел Книву.

У Скулди и Кумунда была лодка. Поэтому трех мертвецов сложили на их же корабль, а корабль подожгли. Все трое ведь умерли в бою, с честью. А что один был пленен и заговорил, так у Скулди и межевой камень заговорил бы. Из имущества ничего не взяли. Скулди сказал: хорошо хоть, ни один из убитых с ними в родстве не состоял, очищения не требуется. А вещей им брать все равно нельзя. Книве – можно, но это тоже нехорошо будет, потому что жизнь Книвы сейчас Скулди принадлежит и за все, что Книва сделает, Скулди отвечает.

Это герульский обычай такой. Если герул кому жизнь спас, то спасенный ему – как дитя становится. Герул опекать его должен. Все шиворот-навыворот у этих герулов. А вот у родичей Книвы – все правильно. Если спас кого, то не ты спасенному, а спасенный тебе обязан. И по справедливости должен спасителю подарок сделать. Так что, когда возьмет Книва добычу у ромлян, непременно лучшее Скулди подарит. По *своему* обычаю.

Скулди с Кумундом подожгли корабль и оттолкнули от берега. Это было хорошее погребение. Даже лучше, чем развеять пепел над землей. Скулди сказал: если его убьют, он тоже хочет, чтобы его над водой сожгли. И Агилмунда о том попросит, когда спасенного Книву «дарить» ему станет.

Но когда они вернулись в бург, то Агилмунда там не нашли. И Ахвизры. И где они – никто не ведал.

* * *

– Собачки у них две,– прошептал Ахвизра, прислушиваясь.– Бойцовые собачки. Ромлянские.

Месяц только что спрятался – не видно ни зги. И они спрятались – за изгородью, с подветренной стороны. Как раз и ждали, пока луна зайдет.

– Это хорошо, что бойцовые,– заметил Агилмунд.

– Почему? – шепотом спросил Сигисбарн, тиская древко копья.

– Потому что обычная шавка брехать начнет, а бойцовая – кинется.

– И чего? – Сигисбарн никогда раньше не имел дела с ромлянскими псами.

– А ничего,– последовал ответ.– Волк пошустрей будет. Хотя эти – побольше. Ладно, пошли.

Два друга одновременно перемахнули через изгородь, беззвучно приземлились на ноги по ту сторону и бросились вперед. Сигисбарн замешкался, но перебрался через преграду так же бесшумно. Для человека. Собаки, ясное дело, слышали. Топот, рычание, справа-впереди – хрусткий удар топора... Внезапно нечто более темное, чем темнота, совершенно бесшумно возникло перед Сигисбарном. Вспыхнули два красных уголька – и... Сигисбарн принял пса на щит – как удар топора. Сшиб в сторону и тут же, наугад, ткнул копьем. Почувствовал упругое сопротивление – отдернул назад, пока не застряло. И тут же – хруст, короткий визг и тишина. Кто-то, Агилмунд или Ахвизра, подскочил и добил зверя.

Бегом пересекли двор. Впереди возникла громада дома. Изнутри – ни звука.

– Спят,– прошептал Ахвизра.

– Или ждут,– тоже шепотом отозвался Агилмунд. Достал три белых лоскута, один повязал на руку, два других раздал товарищам. Сигисбарн восхитился предусмотрительностью брата.

– Ты – у входа,– велел ему Агилмунд.– Ахвизра, пошли.

Не более чем на ладонь сдвинув skóry у входа, оба дружинника проскользнули внутрь.

Сигисбарн ожидал криков, звона железа... Но никаких звуков боя не было. Ничего. Время шло... Ничего. Только под крыльцо ежик шмыгнул. Домашний, наверно.

Сигисбарн уже всерьез беспокоился, когда внутри застучало о кремень кресало и брат его окликнул:

– Заходи!

Боя не было. Была резня. Четверо мужчин и две женщины. Мужчины были из дружины Стайны. Всех прикончили спящими. Только один из мужчин был в одежде. Его, верно, сторожить оставили, а он понадеялся на псов.

– Вояки, – пренебрежительно бросил Ахвизра.

Он отыскал факел, зажег от масляного светильника и вышел во двор.

Яму нашли за домом, быстро нашли. По запаху.

– Аласей! – наклонившись, позвал Агилмунд.

Внизу заворочались.

– Пошел прочь, козлиное дерьмо! – пробурчали снизу.

– А ведь уйду! – посулил Агилмунд. – А ты так и будешь здесь сидеть.

– Агилмунд? Ты? – Аласей явно обрадовался. Но тут же добавил: – Тише, услышат.

Ахвизра хихикнул.

– Я духов не боюсь, – сказал Агилмунд. – Сигисбарн, открывай.

Сигисбарн быстренько скатил с решетки валуны, сдвинул ее в сторону и аккуратно опустил вниз лежащий рядом шест с поперечинами.

Аласей выбрался наружу. Пахло от него, как от свиньи.

– Цел! – Агилмунд звонко шлепнул его по спине.

Аласей зашипел:

– Легче! Мне вроде ребро сломали...

«Плохо», – подумал Сигисбарн.

Сломанное ребро может что-нибудь внутри проткнуть – и пропал воин.

– Ну-ка стой! – невзирая на протесты, Агилмунд быстро ощупал родича.

– Целы, – сказал он с облегчением. – Иди сполоснись, там бочка у дома. Одежа где твоя?

– Стайновы люди забрали.

– Сигисбарн, иди поищи, – скомандовал Агилмунд. – И ты, Ахвизра, тоже иди. Глянь, чего там взять стоит...

Сигисбарну уходить не хотелось, но Ахвизра подпихнул его в спину: понял, что хочет Агилмунд с родичем с глазу на глаз поговорить.

Аласей тем временем добрался до бочки, полез внутрь, расплескивая воду, окунулся с удовольствием, аж закричал. Агилмунд еще раньше заметил: любит воду Аласей. Без воды беспокоиться начинает, чесаться. И запах от него гуще становится. Трудно ему зимой будет, когда река замерзнет.

Аласей высунул голову из бочки.

– Как вы меня нашли? – спросил.

Чудной он все-таки.

– Галка насвистела. – Агилмунд услышал, как в доме что-то опрокинулось, и тут же смех Ахвизры раздался.

– Книва вернулся?

– Книва? – Агилмунд насторожился. – Я не видел.

– Та-ак! – Аласей рывком выбросил тело из бочки, обрызгав Агилмунда. – Вы верхами?

– Три лошади есть.

– Три?

– Сигисбарн и пробежаться может. – Агилмунд фыркнул.

Но мысленно признал: недодумал. Надо было четвертую лошадь взять.

– Если Книвы нет – это плохо, – сказал Аласей. – Он за одним человеком пошел. Очень подозрительным. Так что давайте-ка вы с Ахвизрой обратно в бург, а мы тут как-нибудь с Сигисбарном сами...

– Нет, – отрезал Агилмунд. – Ты говори.

– А что говорить? – Аласейя хмыкнул, мотнул головой, стряхивая воду. – Попался, как рыбка на приманку. Даже и говорить не хочется.

– Рассказывай, – бесстрастно произнес Агилмунд.

И Аласейя рассказал.

– Лучше бы ты ее просто убил, – выслушав, заметил сын Фретины. – Тогда бы заплатили виру, и все. За тиви вира небольшая положена. А за насилие – много хуже.

– Интересные у вас законы... – пробурчал Аласейя.

– Наши законы – от пращуров, – строго ответил Агилмунд. – За такое – лошадьми разметать. Всегда так было. И правильно.

– Да она сама...

– Сама – и того хуже. Жену и новую завести можно, а каково узнать, что сын твой – и не твой вовсе.

– Нет, ну какая дрянь... – пробормотал Аласейя.

– Не ругай ее, – сказал Агилмунд мрачно. – Это она мне сказала, где ты.

– Она?! – Аласейя аж подпрыгнул, схватил Агилмунда за плечи. – Она сказала? Где она, Агилмунд? Что с ней?

– У Стаины в доме, где ж ей быть в такой час, – проворчал Агилмунд.

– Бес! Как я хочу ее видеть... – пробормотал Аласейя.

Вот дурной!

– Ты беса не зови, – предостерег Агилмунд. – Не то придет. А Стаису свою ты увидишь. Завтра на тинге. Когда тебя судить будут.

– Но... Почему судить? Вы что, меня тут оставите?

«Точно дурной, – подумал Агилмунд. – Или его так крепко по голове стукнули, что все перемешалось? Ну и народ у них в Байконуре! Каково их риксу с такими? Хотя у них и рикс, должно быть, такой же. Сильно, знать, им боги благоволят и удачи им отмеряют полные возы. Не то давно пожгли бы враги их Байконур».

– Не оставим тебя, Аласейя, – сказал вслух. – Если б оставили, Стаина, может, тебя на тинг и не поволок бы. Сам прикончил.

– Вот уж нет. Он же сам меня на тинге и судить собирается.

В доме опять что-то грохнуло.

– Шевелись там! – сердито крикнул Агилмунд. – На тинге судить, говоришь? Вот как?

Из дома появились Ахвизра с Сигисбарном. С полными мешками. Под мышкой у Сигисбарна – Аласейева одежда.

– А нож мой? – спросил Аласейя.

– Нету. – Ахвизра попытался развести руками, да мешки мешали.

– Ну-ка дайте глянуть... – Агилмунд решительно высыпал добычу.

Пока Аласейя одевался, сын Фретины быстро отобрал то, что можно было признать как Стаиново, и велел отнести в дом.

Затем щедро плеснул маслом на крыльцо, бросил факел. Пламя медленно поползло по перильцам. Сырое дерево.

– Уходим, – скомандовал Агилмунд.

– Нет, погоди! – вмешался Аласейя. – Хочешь, чтобы никто не догадался, что вы меня выручили?

– Хочу. – Агилмунд поглядел на Аласейю. У того в глазах металось лижущее крыльцо пламя. А лицо сияло. Вспомнил Агилмунд, что дивно хитроумен бывает Аласейя. Хотя иной раз – дурнее мальчишки Книвы.

Аласейя бросился в дом, выволок наружу одного из Стаиновых людей, принялся вытряхивать из одежды.

Пламя наконец поднялось, поползло по стене, добралось до соломенной крыши и сразу взметнулось ввысь.

Аласейя, ободрав убитого, свернул одежду в ком и метнул в огонь. Ухватил мертвеца за руки, поволок, споткнулся, едва не упал. Ахвизра тут же подскочил, помог. Интересно было

Ахвизре, что Аласейя задумал.

Вдвоем они дотащили мертвеца до ямы, в которой Аласейя сидел, уронили вниз, лица в сторону отворачивая. Потому что близко от дома была яма и жар от огня сильный был.

Аласейя к амбару кинулся, охапку сена приволок, швырнул между ямой и домом, потом еще одну. Жердей сверху накидал, так, чтобы яму прикрыли. Большую кучу накидал: Ахвизра с Сигисбарном ему помогали. Занялось все быстро. Будто погребальный костер над поганой ямой разожгли.

Аласейя встал рядом с Агилмундом, дышал тяжело, но доволен был сверх меры. А Сигисбарн еще не понял, что Аласейя задумал. Сообразил, только когда Ахвизра сказал:

– Стайнов-то прихвостень статью – точь-в-точь Аласейя.

Дом пылал так ярко, что светло вокруг стало, как днем.

Тут до Сигисбарна дошло. Засмеялся Сигисбарн, а Агилмундов взгляд на мертвого пса упал. Схватил Агилмунд дохлого пса за ноги, раскрутил и тоже в огонь швырнул, а Ахвизра – второго.

Ничего не скажешь, хитер Аласейя. Приедет утром Стайна, а вместо дома – пепелище жаром пышет. Даже если и вытащит Стайна из ямы, из-под угольев обгорелый труп, пусть-ка догадается, что не Аласейя это.

Хорошо задумано, однако поспешить надо. Беспокойно на сердце у Агилмунда: как бы с Книвой тоже беды не случилось!

Глава тридцать восьмая Алексей Коршунов. Единство мира

Лошади двигались гуськом по тропе, которую со всех сторон обступили деревья. Время от времени Коршунову приходилось нагибаться, «ныряя» под низко нависшую ветку, которую он скорее чувствовал, чем видел. В лесу было совершенно темно. Зато он был полон самых разнообразных и чарующих звуков: стонов, уханья, писка, шорохов и скрипов. Алексей погрузился в некое мистическое состояние. Он был одновременно и отдельной живой сущностью, и неразрывной частью этого мира. Он физически чувствовал свою связь: с лошадью, чье тепло он ощущал коленями, с воздухом, овевающим лицо, с деревьями, вросшими в нетронутую человеком землю, и с самой землей, запах которой чуял и которую ощущал каждый раз, когда с ней соприкасалось копыто его лошади. В эти, еще не кончившиеся, невероятно длинные сутки с Алексеем произошло нечто, отодвинувшее на задворки мир, в котором он жил прежде. Человек, рожденный в двадцатом веке, ушел в прошлое, а тот, который родился сегодня... Он был в большей степени Аласейей, чем Алексеем Коршуновым. Потому что Аласейя мог принять как должное мгновенный переход от любви к предательству, из объятий прекрасной женщины – в полную зловонной жижи яму... И от предательства – к верности, смывающей мерзость, как вода – нечистоты. До сегодняшнего дня он, несмотря ни на что, подсознательно не воспринимал необратимость происшедшего. Это была словно бы некая игра, в которую он играл с этим удивительным миром. Сейчас Алексей понимал разницу между тем, как воспринял «переход» он сам, и тем, как отнесся к нему Черепанов. Это была разница между глупым котенком, оказавшимся в незнакомом месте и полагающим, что все вокруг существует для его игры, и осторожным котом-одиночкой, случайно оказавшимся на чужой территории и отлично знающим, что место на этой территории надо *завоевать*. И это было важнее превосходства в силе, хитрости или знаниях. Коршунов помнил, какой простой казалась ему поначалу даже здешняя война. Напали – отбились. Сами напали – побили. И остается только пожинать плоды; добычу и славу. Все было просто, и, объясняя тому же Скулди элементарные вещи, Коршунов чувствовал себя просто интеллектуальным гигантом... И оказался совершенно никудышным сыщиком и еще более никудышным интриганом. Потому что он не понимал, что движет этими людьми. Не понимал, почему Анастасия сначала предала его, а потом выручила. Не понимал, почему Агилмунд с Ахвизрой с такой готовностью бросились его спасать и без малейших сомнений прикончили немало людей, *тех, кого они давно знали и*

которые были своими , ради того, чтобы вытащить из неприятностей *в общем-то чужого* для них человека. И, узнав, что спасали его зря (Агилмунд с ходу объяснил, что с точки зрения здешнего суда Алексей виновен без вариантов, а не явиться на суд – позор), ничуть не огорчились. И как дети радовались придумке с брошенным в яму трупом. И тут же лучшие риксовы дружинники, настоящие, без дураков, мужчины, Ахвизра с Агилмундом, совершенно как дети, разыграли сценку: как удивится Стайна, когда увидит живого Алексея. А то, что немногим позже Коршунова размянут лошаадьми, – это не так уж важно.

«Я никогда этого не пойму, – решил Алексей. – Все, что я могу, – принять их такими, какие они есть. Так же, как они приняли меня...»

Глава тридцать девятая Травстила. «Не важно – что, важно – как»

– Гляди, – сказал Травстила, – вот сюда упираешься ногой, потом... р-раз! – Короткая спинка, проложенная закаленными железными пластинами, выгнулась, крючок опустился, зацепив тетиву, толстую, вдвое против обычной. Короткая толстая стрела тоже была необычной, и граненый наконечник.

– А как бьет? – спросил Одохар, разглядывая хитрую штуку.

– Вот так. – Травстила приложил к плечу деревянный упор, похожий на седло и так же, как седло, обитый кожей.

Раздался звонкий щелчок, почти слившийся с глухим ударом, когда дивная стрела воткнулась в стену.

Одохар подошел, поглядел. Стрела вошла в бревно почти на ладонь. Бревно треснуло. Одохар взялся за стержень, потянул... Стрела не поддавалась.

– Со ста шагов – щит и чучело в воинской одежде, – сказал Травстила. – Навылет.

Он взялся за хвостовик стрелы, расшатав, выдернул, потрогал наконечник, сказал:

– После каждого выстрела подтачивать надо.

Овида приблизился к столу, взял в руки оружие, повертел, попробовал пальцами натянуть тетиву – не вышло. Овида удивился. Взялся по-настоящему, аж мышцы на шее вздулись... И все равно самую малость не хватило. Овида покачал головой, прижал ногой петлю, ухватился за рычаг, но не рванул, а потянул медленно, как Травстила делал...

– Легко как, – опять удивился он.

– Стрелять тоже легко, – сказал Травстила. – Целить легче, стрела ровнее идет, и ветром почти не сбивает, тяжелая.

Я вот что мыслю, – продолжал он. – Небесные герои такими машинами (слово «машина» он произнес по-ромлянски) слабость свою исправляют. А как ловко выдумывают – диву даешься.

– Но польза с того есть и нам, – заметил Одохар. – Те петли для ног, какие Аласея себе сделал... Я велю каждому сделать. Коленьями, ясно, держаться на коне привычней, но коленом так не упруешься. На петлях этих даже и встать можно, а тогда и копьём ударить сподручней, и рубить сверху...

– Предки наши без этого обходились, – проворчал Овида. – С такой снастью и воинов воспитывать ни к чему. Нынче твой, Одохар, воин мешок с полсебя весом между коленьями удержит и копьём в щит попадет за сорок двойных шагов, а с этим... – Жрец кивнул в сторону самострела. – С этим любой неуч воином станет. С этим даже женщина тебя, Одохар, побить может.

– Да ладно тебе, старый, ругаться, – махнул рукой Травстила. – Видал я такие штуки у ромлян. И большие, и малые. Большие еще годятся в дело, а малые... Пока тетиву накрутишь... – Травстила изобразил, как вращает вороток, – тебе три раза глотку перережут.

– Но это... – Овида хлопнул по столу. – Это другое. Раз – и все.

– Да не важно это, – опять отмахнулся Травстила. – Не это важно.

– А что? – спросил Одохар.

– Не важно, *что* там у них в Байконуре делают. Важно – *как* . Вот я, к примеру,

когда трудную вещь кую, которая из многих частей состоит, каждую часть по очереди делаю. И проверяю, совпадет иль нет. Иной раз легко выходит. Когда духи нашепчут и все разом увидится. А бывает, полный месяц провозишься. И помощникам не поручишь: скуют кто во что горазд. А у этих – по-другому. И Гееннах, и Аласейя – они сперва изобразят, потом посчитают что-то... Да так хитро считают, что я сперва думал: ворожба это на рунах. Но порасспросил: говорят – не ворожба. Потому как при ворожбе, сами знаете, боги разное говорят, а у этих всегда одно и то же выходит. И всегда правильно выходит. И не только с оружием. Вот я намедни лемех сделал: не такой, как всегда, а такой, как мне Аласейя изобразил... И лучше этот лемех моего. Сам пробовал. А ведь меня отец учил, а отца – дед. Это же – *тайна* кузнечная. И других тайн Аласейя много знает, и не тайна для него это вовсе. Только рассказать о них он не может. Язык наш плохо еще знает. Но я ведь не боюсь, Овида, что, вызнав мои тайны, всякий сможет железо ковать. А потому не боюсь, что Аласейя может что хочет делать – его духи не тронут. А другого, кто посвящение не прошел, – погубят. Так что зря ты боишься, Овида, что женщины вместо мужчин воевать станут. Не быть женщине воином, ежели ты, Овида, ее в воины не посвятишь. А ты, я думаю, этого делать не станешь, так, Овида?

Одохар улыбнулся, а Овида нахмурился:

– Не того я боюсь, что женщина воином станет, а того, что убивать она станет, как воин. И нечистота мир наполнит.

Он сделал рукой отводящий знак, и остальные не медля сделали то же.

– Я понял, – после долгой паузы медленно проговорил Травстила. – Я не буду делать новые вещи.

– Да, – кивнул Овида. – Ты понял.

И тут, словно знак окончания разговора, снаружи раздался голос, выкликающий Одохара.

Трое разом поднялись, на краткий миг соединили руки. И вышли из комнаты. Овида – последним. У дверей жрец махнул рукой – и восковая свеча на столе погасла. Темнота скрыла все, в том числе и дивное оружие, сработанное Травстилой. О нем даже не вспомнили.

Глава сороковая Алексей Коршунов. Совецание

– Не спать мне и в эту ночь, – пробормотал Одохар, потирая виски.

– Я тебе снадобье дам, – прогудел из своего угла Овида. – Всем дам, не бойсь.

В самой большой комнате риксова дома тесно. Собралась уйма народу, да и народу не маленького. Сам рикс, Агилмунд, Ахвизра, Травстила-кузнец, семеро старейшин, на чью поддержку на тинге рикс твердо рассчитывал. В их числе – Фретила. Поближе к отцу, по привычке, устроился Книва. Особняком расположились герулы: Скулди с Кумундом. Еще несколько человек, о которых Коршунов ничего не знал.

История Аласейи была рассказана Агилмундом. Под таким углом, что на встречу с Анастасией Коршунов отправился исключительно из интересов дела. Одохара это вряд ли обмануло, но старейшины, кажется, поверили. Никто не удивился. Как понял Коршунов, от него ожидали еще и не таких выходов. Многие в бурге воспринимали Коршунова как юродивого. Вернее, как человека, непосредственно и непрерывно контактировавшего с высшими силами. Правда, в отличие от всяких вутьев коршуновское безумие считалось «контролируемым» и потому полезным. Те же, кто знал больше, тоже относились к его «необычным» поступкам спокойно. Принимали как данность. Никто его не ругал. Как не стали бы ругать топор, которым в запальчивости отрубили лишнее. Другое дело, что сам Коршунов чувствовал себя прескверно. Свой «полководческий» имидж он видел несколько по-другому. Обсудили, прикинули, что лучше бы и впрямь Коршунов убил гречанку. Подумаешь, тиви. Хоть самого Стайны, хоть кого. Боги поведением Коршунова оскорблены не были. Это Овида засвидетельствовал. И на тинге то же скажет, коли спросят. Но есть еще

Закон...

Единственный способ обелить Алексея – это опорочить Стайну. Трудно это будет, потому что у Стайны на тинге – мощная поддержка. Если Алексей будет «отстранен», на походе можно поставить жирный крест. При этом не важно, каким образом Коршунова «отстранят»: размечут лошадьми или просто изгонят, как Алзиса. Конечно, Одохар может пойти в большой поход и без поддержки тинга, но тогда с ним пойдет одна лишь дружина, да и ту толком снарядить не удастся. И другие племена, увидев, что мало людей у Одохара, тоже не пойдут. Да и сам Одохар трижды подумает... Один раз ведь поход уже провалился.

– Потому что ромлян известили! – заявил Скулди. – А теперь – не вышло!

Из сумки было извлечено послание. Оно пошло по рукам. Коршунов тоже его подержал... Буквы были знакомые. На греческие похожи. «Мю», «ню», «кси», «дельта» «эпсилон»... Как всякий физик, Коршунов с греческими буквами сталкивался, но связать буквы в слова, а слова – в текст даже и не пробовал. Среди остальных тоже не нашлось способного разобрать написанное. Овида знал, как и положено жрецу, родные руны. Травстила их тоже знал. Немножко. Других грамотеев в доме не было.

По часам Коршунова до рассвета оставалось часа два. И столько же длилось совещание. Единственное «дельное» предложение последовало, как ни странно, от Книвы. Парень предложил Коршунову соврать «под присягой». В ритуал суда входила дача показаний «пред лицом богов». Никто из местных в такой ситуации лгать не рисковал. Даже если боги и не покарают ослушника немедленно, то все равно найдут способ расквитаться. Они, боги, как известно, крайне злопамятны. Но Коршунов, как человек со стороны, перед здешними богами ответственности не несет...

Поглядели на Овиду: Овида промолчал. Значит, можно попробовать.

На том и порешили: Аласейе до времени не показываться. Одохару же вести себя так, словно он ничего о вчерашних событиях не знает. Когда Стайна сделает ход, на арену выйдет Коршунов и попробует отвести удар.

До этого времени Агилмунду следует изловить и допросить «человека в войлочной шапке». Скулди предъявит «послание» и сообщит, что ему передал его доверенный сородич, заверив, что сие есть донесение ромлянам о грядущем походе. Глядишь, и удастся переиграть мирного вождя. Судя по лицам участников совещания, никто в это особенно не верил. Но отступать тоже никто не собирался. В заключение Овида заварил какую-то траву с весьма неприятным запахом и оделил отваром всех присутствующих. По утверждению жреца, сей напиток вполне заменял сон. Коршунову тоже было предложено, но он отказался. Стимулятору из аптечки он больше доверял. Да и обезболивающее не помешало бы. У Алексея болело все, что может болеть. Кроме души. Душу его исцелило известие, что именно Анастасия позаботилась о его спасении. Он, в свою очередь, поклялся, что завтра сделает все, чтобы отвести от нее беду. Даже если это будет стоить ему жизни... Впрочем, жизнь эту он тоже просто так отдавать не собирался.

«Только попробуй! – мстительно подумал он о Стайне. – И о-очень пожалеешь!»

Оружие на тинг брать не полагалось. За этим специально следили, но у Коршунова имелось свое оружие, секретное. Называлось: ракетница. При выстреле в упор – довольно неприятная вещица. Жалко, что ТТ к Стайне попал. Очень жалко!

Глава сорок первая Алексей Коршунов. Великий тинг

Книва примчался, когда время подбиралось к одиннадцати.

– Быстро, Аласейя! – задыхаясь, крикнул он еще с порога. – Быстро! Одохар зовет!

Коршунов был готов. Только плащ накинуть оставалось. Рагнасвинта и накинула. Алый плащ, роскошный. Конь был оседлан заранее. Идти, конечно, всего ничего, но верхом – лучше. Солидней. Здесь, как, впрочем, и везде, внешняя респектабельность была большим плюсом. Особенно если учесть, что большая часть тинга Алексея еще не видела.

Взобравшись на коня, пустил его рысью. Книва поспедал следом, ухватившись за

стремя.

Приехали. Поле кишело народом. Под тысячу, не меньше. Но середина была пуста. В середине расположились старейшины и наиболее почтенные мужи. И оба вождя, разумеется.

Коршунова увидели издали. Это была хорошая идея – прибыть верхом.

Белый в яблоках конь, крупный, боевой, подарок Одохара, грудью раздвинул толпу, «наружный» ее слой, состоящий из молодежи, женщин и тех, чей ранг был невысок. Вторая «линия», оцепление, расступилась сама. Коршунов ловко соскочил на землю, отстегнул от пояса меч. Меч, как и коня, ему подарил Одохар. Вчера. И пояс, шитый золотом, – тоже... Коршунов торжественно вручил меч одному из тех, кто должен был поддерживать порядок. Дружиннику Одохара, кстати.

Выполнив необходимые формальности, Алексей неторопливо прошел в центр круга, степенно поклонился: тингу, старейшинам, Одохару, Стайне...

На Стайну было приятно посмотреть: мирный вождь выглядел удивленным. Мягко говоря.

«А ты как думал, гад? Решил: сгорел я в твоей яме?» – злорадно подумал Коршунов. Сохраняя, впрочем, на лице достаточно торжественную мину.

Он уже успел увидеть выложенные на траве собственные вещи: трофейный меч, нож, пистолет в самодельной кобуре, хронометр...

«Надо же, – подумал Коршунов. – Даже хронометр не заначил!»

Алексей сразу отметил пространственное разделение партий. С одной стороны – приверженцы Одохара, с другой – Стайны. Последних – существенно больше. К облегчению Алексея, Анастасии в этой группе не было. Впрочем, женщин вообще не было внутри меньшего круга.

– Надо же! – раздался зычный голос Агилмунда. – Аласей! Живой! Кого же ты спалил в своей яме, Стайна? Уж не того ли, кто насильничал твою тиви?

Но мирный вождь уже опомнился. Он – крепкий орешек.

– Тебе лучше знать, Агилмунд, – степенно ответил он. – Потому что раньше много непонятного для меня было в этом пожаре, а теперь многое понятным становится. И думаю я, что дом мой сожгли те, кто Аласейю из ямы вытащил. Думается мне, это ты, Агилмунд! – Палец мирного вождя указал на Одохарова десятника. Но тот нисколько не смутился.

– Значит, ты, Стайна, утверждаешь, что это я сжег в твоей яме неведомо кого? – осведомился Агилмунд. – А я утверждаю, что это ложь. Бери меч, Стайна, и пусть боги решат, кто прав. Хотя, сдается мне, боги не сумеют разглядеть воина под тем салом, которым ты оброс.

Тут же вперед сунулся кто-то из дружинников Стайны, крича, что он готов прямо сейчас доказать Агилмунду... Сторонники обеих партий разом заорали, и некоторое время над полем разносился только этот галдеж и карканье обрадованных ворон, которые, естественно, не могли проигнорировать такое скопление народа, сулившее в перспективе им, воронам, роскошное пиршество.

Усилиями обоих вождей через некоторое время толпу удалось успокоить.

Вопрос об обвинении Агилмунда в поджоге был снят. Вернее, его замяли. И возвратились в прежней теме: насилию над тиви мирного вождя. Совету были повторно предъявлены доказательства: меч, пояс и прочее, взятые Стайной с места преступления. Как обвиняемый собирается объяснить этот факт?

Да легко.

– Купался я, – равнодушно сказал Коршунов. – Все знают: я люблю купаться.

Тут он сделал паузу, чтобы обитатели бурга вслух подтвердили это заявление. Пусть привыкают реагировать словом «да» на его высказывания.

– Вчера купался, – продолжил он, получив «подтверждение». – А кто-то вещи мои украл.

Тут Алексей сделал паузу. Чтобы у слушателей успела зародиться мысль, что раз вещи украдены, значит, нынешний их обладатель – вор. Но не настолько длинную паузу, чтобы

Алексея успели перебить.

– Да, украл. Но не думаю, что это был почтенный Стайна. Да, я знаю, что желанны для Стайны мои богатства, но не стал бы он их воровать. Разве может украсть уважаемый всеми мирный вождь Стайна? Разве кто-то осмелится сказать, что Стайна – вор? Нет, не может украсть мирный вождь Стайна. Но напутать – может. Вот однажды он уже напутал, когда судил меня за то, что защитил я свою квено Рагнасвинту. Но понял вовремя мирный вождь Стайна, что ошибается. И не вутья тот, кто защищает свою квено, а правильный муж. Понял – и изгнал Алзиса, посягнувшего на чужую тиви. Умен Стайна, а умному человеку не стыдно признать, что он ошибается. Вот и сегодня вновь напутал Стайна с ямой, пожаром и всем остальным. Думается мне, именно вора, мои вещи укравшего, Стайна в своей яме держал и думал, что я это. Но я не сержусь. Наоборот, спасибо тебе, Стайна, что сохранил мои вещи. Что лежат они сейчас у всех на виду. А ведь мог бы сказать Стайна, что сгорели они... А сейчас я хочу их забрать.

В первую очередь Алексея интересовал пистолет.

– Нет, пусть пока полежат, – возразил Стайна. – Потому что эти вещи я сам взял у тебя, когда ты меня бесчестил, на мою тиви возлеги! И в том у меня свидетели есть!

Все, дипломатические экивоки кончились. Пошла игра в открытую.

Из «группы поддержки» мирного вождя выдвинулся Хвйтс. Один. Почему один? В то время как в «захвате» принимало участие минимум трое... Остались в резерве или...

Тут Коршунов сообразил, почему «отсутствуют» двое других.

– Свидетели? – усмехнулся он. – Да? Пока я вижу только одного твоего прихвостня, Стайна. А где остальные?

– Сгорели, – буркнул Стайна. – В моем доме.

– Какой удачный пожар, – усмехнулся Алексей. – Как раз те сгорели, кто должен был свидетельствовать против меня. А может, больше никто из твоих людей, Стайна, не согласился соврать по твоему приказу?

– Хвйтс! – гаркнул Стайна.

– Призываю богов в свидетели! – рявкнул Стаинов слуга. – Я видел, как этот Аласейя возлежал с тиви Стайсой!

– А я... – Коршунов тоже повысил голос, – призываю богов в свидетели того, что ты – лжец!

Краем глаза он увидел, как напряглось лицо Книвы. Обеспокоился парень: как боги реагируют?

Боги, естественно, молчали. Гром с ясного неба не грянул, и солнышко светило по-прежнему ярко.

– Голос Аласейи – против голоса Хвйтса, – громко произнес Одохар.

– И еще – мой голос! – заявил Стайна.

– Ты не можешь свидетельствовать, – холодно произнес Одохар. – Ты – хранитель Закона.

– В этом деле – нет! – выкрикнул Стайна. – В этом деле я не хранитель Закона, а тот, чья честь затронута.

– Ты сказал? – осведомился Одохар.

– Да! – Стайна кивнул Вилимиру.

Но тот не успел подать голос. Поднялся «первосвященник» Овида, скрестил могучие руки на груди.

– Я буду хранителем Закона! – гулким басом ухнул он, и по толпе прокатился одобрителный ропот. Действительно, кто как не верховный жрец достоин...

Стайна, который явно рассчитывал «провести» на место судьи своего «заместителя» Вилимира, бросил на жреца сердитый взгляд, но протестовать не посмел. Овида был в большом авторитете и не демонстрировал явно свою приверженность Одохару. А то, что они часто общались, никого не удивляло. Главному жрецу и военному вождю есть что обсудить.

– Хорошо, – бросил Стайна. – Мой голос, голос Хвйтса и голос моей тиви – против

голоса Аласейи. Стайса!

Два охранника Стайны помогли женщине протиснуться сквозь толпу, чье возбуждение нарастало с каждым мгновением.

– Этот человек свершил над тобой насилие? – строго произнес Стайна.

Женщина бросила быстрый взгляд на Коршунова, потупилась и чуть заметно кивнула.

– Так было! – торжественно произнес Стайна. – Станешь ли ты, Аласейя, утверждать, что эта женщина возлегла с тобой добровольно?

– Нет, – мрачно ответил Коршунов.

Он помнил, что ему говорили о местном законодательстве.

– Он признал свою вину! – торжественно провозгласил Стайна. – Овида! Что гласит Закон?

– Пойдите! – сквозь толпу протискивался Ахвизра с двумя герулами. Они приволокли кого-то, с расквашенной физиономией. Приглядевшись, Коршунов не без труда узнал в избитом того мужичка «в войлочной шапке». Но сейчас головного убора на нем, конечно, не было.

На герулов народ взирал неодобрительно, на мужичка – с интересом.

– Ты, Стайна, служишь ромлянам! – гаркнул Ахвизра.

Мирный вождь прищурился и скривил губы в усмешке. Он не собирался оправдываться. И это была верная политика, потому что народ встретил заявление Ахвизры без доверия. Смешками.

Но Ахвизра уступить не собирался.

– Вот этот человек взял у тебя послание для ромлян! – заявил Ахвизра. – Он этого не отрицает. А ты?

– Что – я? – Глазки Стайны совсем утонули в сале щек.

– Ты не отрицаешь, что дал этому человеку послание, чтобы тот передал его герулам, а те – ромлянам? Вот это послание! – Ахвизра взмахнул над головой трофейным манускриптом.

– Где ты это раздобыл, Ахвизра? – спокойно спросил Стайна.

– Я дал ему! – заявил Скулди. – Я отнял его у твоих посланцев и отдал его Ахвизре. Ты предатель, Стайна! Этот человек, – Скулди пнул избитого, – сказал, что получил его от тебя! И не раз получал! Ты предупредил ромлян о великом походе! Ты повинен смерти, Стайна!

Толпа отреагировала очень неодобрительно, и Ахвизра похлопал Скулди по плечу: притормози немного.

– Не тебе, герул, решать на нашем тинге! – заявил Стайна.

– Ты прав, – неожиданно поддержал его Одохар. – Но мне хочется услышать, Стайна, что написано в этом послании. Ты ведь не отрицаешь, что это *твое* послание? Или отрицаешь?

– Не отрицаю, – охотно согласился Стайна.

«Уж очень легко согласился, – подумал Коршунов. – Потому что он уверен, что мы не сможем прочесть написанное? Или потому, что в письме не содержится никакой компрометирующей информации».

– Да, я знаю, что написано в этом послании, – сказал мирный вождь. – Потому что его писала моя тиви Стайса, а я говорил ей, что писать. И ты прав, Ахвизра, это послание ромлянину. Моему *рабу* – ромлянину, который торгует моими товарами и тем, что принадлежит бургу. В нем написано, что мой раб должен продать и что должен купить. Ты сказал, Ахвизра, что я служу ромлянам. Но ты ошибся. Это мой раб-ромлянин служит мне. Пусть тот из вас, кто способен прочесть послание, сделает это и тем докажет мои слова. – Он неожиданно повернулся к Скулди: – Я слышал, что ты, герул, знаешь по-ромлянски и по-эллински. Читай же!

– Я не умею читать их руны, – неохотно признался Скулди. – Язык понимаю, да. И ромлянский, и аттическое наречие, на котором говорит твоя тиви. Но рун не знаю.

– Что ж, – усмехнулся Стайна. – Тогда тебе, Одохар, придется *поверить* мне. А сейчас

хочу, чтобы Овида все-таки сказал свое слово. Коли уж этот человек, Аласейя, чьей удачей так хвалился уважаемый Одохар, прилюдно признал, что совершил насилие над моей тиви...

– Ничего я не признавал! – воскликнул Коршунов, которому неожиданно пришла в голову новая мысль. – Я лишь признал, что твоя тиви возлегла со мной не по собственному желанию!

Над тингом прокатился ропот. Коршунов их заинтриговал. Но он не спешил объяснять свои слова. Пусть интрига созреет.

– Сейчас ты скажешь, что это боги повелели тебе возлечь с моей тиви! – усмехнулся Стайна. – Похоже, ты совсем не боишься богов, Аласейя. Я думаю, ты просто глуп.

– А я думаю, что это ты глупец, Стайна, если сравниваешь себя с богами! – возразил Коршунов. – Потому что это ты, Стайна, велел своей тиви возлечь со мной! Станешь ли ты это отрицать?

– Не стану, – сказал Стайна. – Твой разум помутился, и это всем ясно. Я не стану спорить с помешанным. Зачем мне отдавать свою тиви такому, как ты?

– Затем, чтобы сорвать великий поход, задуманный Одохаром! – торжественно провозгласил Коршунов. – Затем, что ты служил и служишь ромлянам, Стайна! Затем, что это ромляне подарили тебе тиви Стайсу, мирный вождь Стайна!

Толстяк пожал плечами – мол, на такой бред и возразить нечего. Но «картинка» уже сложилась в сознании Коршунова. Очень логичная картинка.

– А подарили ее тебе ромляне для того... – Алексей сделал театральную паузу, – чтобы она записывала тайные послания на своем языке. Послания для ромлян. Послания, которые никто не сможет прочесть.

Стайна улыбнулся. Персонально Коршунову.

«Говори, родной, говори. Выговорись как следует перед тем, как тебя привяжут за ноги к лошадиным хвостам. Все равно *никто* не сможет прочесть то, что написано в письме. А без этого все твои заявления – пустое сотрясение воздуха».

«Если это письмо и впрямь всего лишь указания приказчику – я пропал», – подумал Коршунов. Но отступать ему было некуда.

– Но ты ошибся, Стайна! – провозгласил Алексей. – Я *могу* прочитать твое письмо!

Стайна вдруг напрягся, бросил быстрый взгляд на Анастасию. Та ответила ему еле заметным отрицательным движением головы: подтвердила, что Коршунов ни бум-бум в греческом.

Но этот обмен знаками принес Коршунову немалое облегчение. В письме точно что-то было.

– Я не знаю этого языка, – заявил Алексей. – И тебе это известно, Стайна. Но я *знаю* эти руны. И я смогу сложить из них слова. И думаю, слова эти будут понятны Скулди. И Скулди переведет их всем.

Глава сорок вторая Алексей Коршунов. «Марку Аврелию Клавдию, легату в Мезии...»

« – от вождя славных гревтунгов – привет! » – произнес Коршунов. И понял, что начало послания в переводе не нуждается.

Но тем не менее Скулди «перевел» его со всем старанием.

Письмо было написано по-латыни, но греческими буквами. Ну, блин, шифровальщики!

Пока Коршунов разбирал следующий кусок, перекрывая сдержанный ропот собравшихся, подал голос Фретила:

– Не знали мы, Стайна, что у тебя в рабах сам повелитель Мезии. То-то не хочешь ты, чтоб мы на ромлян в поход шли. Еще обидим твоего *раба* – ромлянина ненароком.

– А верно! – поддержал отца Агилмунд. – Коли ты так велик, Стайна, может, без битвы одаришь нас ромлянскими богатствами.

– Лучше – землей, – сказал один из старейшин. Его Коршунов видел на вчерашнем

совете у Одохара.— Говорят, за Данубием ²¹ земля хороша.

Лицо мирного вождя стало мрачнее тучи.

— Дальше,— потребовали из толпы.— Аласея, дальше толкуй, что там сказано!

«Надо же! — подумал Коршунов.— Какое доверие к печатному, вернее, написанному слову! Как это знакомо. И никто даже не усомнился, что я читаю правильно. Знал бы раньше...»

Он откашлялся и произнес следующую фразу, на этот раз совсем непонятную, но Скулди перевел ее без особого труда. И дело пошло.

«Марку Аврелию Клавдию, легату в Мезии,— от вождя славных гревтунгов — привет! Сообщаю тебе, что грозные соплеменники мои вкупе со свирепыми герулами кровожадного рикса Комозика имеют намерение с наступлением осени вновь нарушить установленные границы между нашими землями. Я же, как и было уговорено между нами, и как и положено мне по моему высокому рангу мирного вождя, блюду мир между нами и, как и ранее, прилагаю все силы, чтобы весь могучий народ гревтунгов не принял участия в этой войне. Тех же немногих, кто осмелится переплыть Данубий или же достичь побережья Эвксинского Понта, ты, мой уважаемый друг, встретить как подобает и избеж полностью и беспощадно, ибо это те, кто причиняет беспокойство не только тебе, но и твоему другу мирному вождю Стайне. Позже я извещу тебя о времени и численности сего войска, а также о том, какой путь они выберут, чтобы нарушить твои границы».

Несколько раз Коршунова прерывал ропот собравшихся, но Одохар поднимал руку — и ропот стихал. Никто, даже явные сторонники Стайны, не пытались поднять бучу. Вероятно, и им было интересно, что еще поведаст их лидер «своему другу» римскому легату.

«...Прежде я уже сообщал тебе о павшем с небес вместилище с двумя существами, именующими себя героями из Байконура. Ныне одно из существ пропало в квеманских лесах, а другое намеревается возглавить непотребное действие, кое худшие из моих соплеменников именуют „великим походом“. Называет себя существо сие „Аласея“, что на языке нашем обозначает „Великая вода“, а настоящее его имя — эллинское и звучит „Алексий“, а отца этого существа именуют „Виктор“, что и вовсе есть имя ромлянское. И слава сего Аласеи в народе велика, а ярость против ромлян — еще более велика, и многие пойдут за сим Аласейей и великий ущерб причинят твоей провинции, а возможно, и всей вашей земле, поскольку подозреваю я, что сей Алексий, сын Виктора,— из числа внутренних врагов вашего Императора. Но ты, друг мой Марк Аврелий, можешь быть уверен, что твой друг Стайна сделает все, чтобы устранить сего Алексия, хотя задача сия тяжела, ибо безмерно хитер и могуч сей герой. Надеюсь, и ты, друг мой, не оставишь Стайну, мирного вождя славных гревтунгов, в своей поддержке и не допустишь, чтобы алчные торговцы ваши брали мои товары по тем ценам, что дают герулам, а давали за мои кожи и воск настоящую цену и деньгами, и тканями, и всем, чем столь щедро обеспечена ваша славная Империя».

Ниже следовал отпечаток стилизованной лошадиной головы — личная печать Стайны.

Скулди произнес последние слова, и над тингом нависло напряженное молчание.

Нарушил его рикс Одохар.

— Что скажешь, Стайна? — жестко произнес он.— С твоих ли слов это написано?

— Ложь это! — выкрикнул Вилимир.

И, смешавшись, опустил голову под тяжелым взглядом Одохара.

— Да,— медленно проговорил Стайна, неторопливо окинув взглядом замершую толпу.— Да, это написано с моих слов. Я знаю, что делаю. Я, мирный вождь, знаю, что лучше для нашего народа. Не воевать. Разве бург не стал богаче с тех пор, как я стал вождем? Разве кто-то умер от голода? Разве мой суд хоть раз был несправедлив? Ты, Одохар, хочешь воевать. И рикс герулов Комозик тоже хочет воевать. Мирный вождь герулов не хотел — и Комозик убил его. Ты тоже хочешь убить меня, чтобы я не мешал тебе воевать, потому что в войне

²¹ Данубий — Дунай.

приумножается твоя слава и твое богатство. Но в мире приумножается богатство всех гревтунгов. Поэтому легат Аврелий – друг гревтунгов, а ты, рикс Одохар, – нет. – Голос Стайна постепенно набирал силу, и никто не осмеливался его прервать.

«Он выкрутится!» – подумал Коршунов с ужасом и восхищением одновременно.

– Я хочу, чтобы каждый славный гревтунг стал богат и дети его не умирали голодными зимами. Я хочу, чтобы сыновья отцов жили и благоденствовали, а ты хочешь, чтобы их убивали ради твоей славы, Одохар!

– Ты стар, Стайна! – закричал Ахвизра. – А я молод! Я хочу славы, а не твоего жирного брюха!

– Твои родичи, Ахвизра, тоже хотели славы, – спокойно ответил Стайна. – Где они нынче?

– В Вальхалле! – воскликнул Ахвизра.

– Возможно, – согласился Стайна. – Но здесь ты – последний в роду, Ахвизра. И сыновей у тебя нет. Ты пойдешь за славой – и найдешь ее. Возможно. А твой род исчезнет, и некому будет помянуть твоих предков, Ахвизра. Кто хочет для своего рода такой славы? Кто?

Ответа не было. Даже Ахвизра молчал.

– Вот правда, – сказал Стайна. – Одохар возьмет ваших сыновей и поведет их на ромлян. И ромляне убьют их. Как уже убивали. Даже если ты вернешься со славой и добычей, Одохар, ты оплатишь ее кровью гревтунгов. Поэтому я не хочу твоего большого похода, Одохар! – Мирный вождь повернулся к вождю военному. – Ромляне и так дадут нам все, что мы пожелаем. И не потребуют цену крови. Вот правда, которую ты не желаешь видеть, Одохар. Но тинг ее услышал.

– Да, – спокойно отозвался Одохар, и Алексей понял, что рикс несколько не обескуражен речью противника. – Я услышал твою правду. Но почему я услышал ее только сейчас, когда тинг узнал о твоих сношениях с ромлянами?

– Я всегда был против похода. И этого, и прошлого. И тебе это известно! – с достоинством произнес Стайна.

– Да. Ты не хочешь нашего похода. И твой друг, римский легат, тоже не хочет нашего похода. Он не просто похода гревтунгов не хочет, а удачного похода гревтунгов. Он совсем не против, чтобы наша кровь пролилась на берегах Данубия, но он не хочет, чтобы наши сундуки наполнились ромлянскими сокровищами, чтобы мы все одевались в ромлянские ткани, как одеваешься ты, Стайна, хранитель Закона, более озабоченный не правдой, а умножением собственных богатств. И чтобы наш поход не был удачным, римский легат готов уделить тебе, Стайна, толику того, что мы бы отняли у него силой. А ты, Стайна, готов заплатить ему за это нашей кровью, кровью тех, кто пойдет в этот поход и угодит в сети ромлян, которые связал для них ты, Стайна! Ты великий торговец, Стайна, потому что заплатил ромлянам за свое нынешнее богатство кровью тех, кто ходил со мной в прошлый поход! Но тебе мало, и теперь ты опять готов заплатить ромлянам нашей кровью за свой барыш! Ты получишь золотом за кровь тех, кто пойдет со мной, попадет в ловушку, подстроенную ромлянами с твоей помощью, Стайна! Вот настоящая правда, и ты – не хранитель Закона, а торговец кровью гревтунгов!

– Но это ты поведешь их на смерть! – закричал Стайна.

– Да! Я! Я поведу их! И моя кровь прольется рядом с их кровью! А ты останешься тут, в безопасности. Ты – не гревтунг! Ты не славный охотник, что берет кабана на копье, рискуя жизнью. Ты – трупный червь, который жиреет на отбросах! Кабан ли убьет охотника, или охотник – кабана, трупный червь всегда в выигрыше. Ты червь, Стайна! Опарыш! Слушайте меня, люди! Хотите, чтобы опарыш был вашим вождем? Чтобы славные законы гревтунгов сменились законами опарышей?!

– Ты лжешь, Одохар, бешеный волк! – заорал, надрываясь, Стайна, и его сторонники тут же подхватили лозунг своего вождя. – Ромляне втопчут тебя в грязь! Тебя и Комозика! Вся твоя удача – чужак из железного горшка! – Он театрально выбросил руку, указывая на

Коршунова.— Вся его удача — бесчестить чужих женщин!

Тысячная толпа с удивившей Коршунова быстротой разделилась на две примерно одинаковые части. Многие столь же быстро похватили оставленное поблизости оружие...

«Мой выход!» — подумал Коршунов, выдергивая из-за пояса ракетницу и нажимая на спуск.

Грохнуло. Красная сигнальная ракета с шипением прочертила дымную полосу над головами сторонников Стайны.

Конечно, они не разбежались в ужасе. И даже особенно не испугались. Но своей цели Алексей достиг: на пару секунд все участники назревающей драки закрыли рты и уставились на него.

— Прежде чем резать друг друга, славные гревтунги,— надменно произнес Коршунов в наступившей тишине,— спросите у хранителя Закона, что есть правда!

От подобного заявления опешили даже сторонники Стайны.

Только Вилимир с детской непосредственностью заявил своим зычным голосом:

— Но ведь хранитель Закона уже сказал!

— Нет,— качнул головой Коршунов.— Сказал тот, кто недавно прилюдно отказался от того, чтобы его считали хранителем и судьей. *Хранитель Закона Овида, скажи: в ком правда?*

Овида, который все это время неподвижно сидел на земле, скрестив ноги, неторопливо поднялся. Неспешно огляделся, тронул золотой амулет на груди, прикрыл глаза... А потом произнес четко и так громко, что его услышали абсолютно все:

— Прав Одохар!

Глава сорок третья Книва. Новый вождь

И едва вымолвил эти слова Овида-жрец, как у всех, кто вокруг Стайны стоял, руки опустились. И многие из них от Стайны отошли, только те остались, кто ему родич, кто в доме его жил и кто от богатства его кормился. Но из последних тоже многие отошли, потому что вспомнили: негоже хранителю Закона богатством расти. Мирный вождь не для того поставлен, чтоб богатства множить, а чтоб обычай беречь. Потому сразу все поняли, что не прав Стайна. А Одохар прав, потому что вождь военный для войны избирается: чтобы врагов бить, славу множить и добычи ратной полные возы нагружать. Потому прав Одохар, что в большой поход зовет, а Стайна не прав, когда походу этому противится.

Так складно разъяснил все Овида-жрец, словно боги ему в уши шептали. А может, и шептали, кто знает?

И еще сказал Овида-жрец, что нельзя больше Стайне мирным вождем быть, потому что неправильный он вождь.

Тут кое-кто закричал: «Нет! Стайна хорош!»

Но Овида рывкнул, как он один умеет, так, что в чреве у тебя все переворачивается и уже ни спорить, ни ратоборствовать не хочется. И сказал Овида: кто не согласен — пусть выйдет и встанет перед тингом, как Аласейя — небесный герой стоит, тот, что в гневе огонь мечет и от чьей ярости земля, как сырая хвоя, дымится. Пусть встанет да и скажет громко: не прав Овида! Не ты — новый хранитель Закона, прежним хранителем Стайной объявленный! Не ты — хранитель Закона, а я!

Никто не вышел.

Может, кто из молодых, дерзких и встал бы, да всем молодым Овида воинское посвящение дал. Им с Овидой спорить — не удаль, а позор. И закричали люди: «Ты — хранитель Закона, Овида! Ты — мирный вождь наш!»

Но не захотел Овида быть мирным вождем.

— Меня боги избрали им служить,— сказал он.— А вы, люди, другого изберите! Вот того же Фретилу. А я, *временный* хранитель Закона, свое право судить и обычаи наши от прашуров беречь — ему отдаю.

И простер руку к Фретила и провозгласил:

– Встань, Фретила, хранитель Закона!

И встал Фретила. И закричали все, что хотят его мирным вождем. А Книва стоял и не знал: радоваться ему или печалиться. Потому что знал: крут нравом отец его Фретила, суровым он будет вождем. И не важно, что Книва теперь у Одохара в дружине. Скажет Фретила: нужен мне Книва в бургe – и останется Книва в бургe. И без него в большой поход пойдут.

Алексей Коршунов

Это был блестящий ход, и Алексей не без гордости думал, что именно он подсказал его Овиде. Но и Овида не сплеховал. И даже походя комплимент Коршунову отвесил: насчет огненного гнева. Хотя Алексей был абсолютно уверен, что жрец прекрасно знает источник «огненной ярости».

На Стайну было жалко смотреть. Он собственными руками передал другому меч правосудия. А когда пожелал вернуть его обратно, получил шиш.

Более того, стоило Овиде открыть рот и объявить порицание Стайне, как «группа поддержки» последнего мигом растаяла. Причем отошли от него даже его личные дружинники.

А уж когда Овида во всеуслышание объявил, что должность мирного вождя для него – *понижение*, Алексей тут же мысленно окрестил жреца «серым кардиналом». И еще более Коршунов утвердился в этой мысли после того, как тот провел в «мэры» Фретила. Спору нет, Алексеев тесть – человек авторитетный, и Одохар его поддерживает...

Коршунов бы очень удивился, узнав, что Одохар вовсе не стремился увидеть Фретила в роли мирного вождя. То есть Фретила, конечно, лучше Стайны, и род его накрепко связан с Одохаром, и править с ним вдвоем... В том-то и дело, что вдвоем. А Одохар хотел бы – один. Как Комозик. Фретила – друг. Но упрям и себе на уме. И обычай старый хорошо помнит. А по старому обычаю мирный вождь *выше* вождя военного.

Глава сорок четвертая Алексей Коршунов. «Подарок» Стайны

Тинг прошел. Народ разъехался. Стайна перестал быть вождем. Но к некоторому удивлению Коршунова, никаких дисциплинарных мер к бывшему мирному вождю применено не было.

Народ разъехался, но не весь. Кое-кто из молодых, желавших принять участие в большом походе, остался. Их сразу отдали под начало Ахвизры. Муштровать. Уровень подготовки ополчения примерно соответствовал уровню, который был у Сигисбарна до начала спецкурса у старшего братца. В течение ближайшего месяца должны были подтянуться и остальные, от пяти до десяти сотен. Точно никто не знал, поскольку участие в походе – дело добровольное. Зато с припасом проблем не было. Бургские закрома, спасибо Стайне, были полны, да и ополчение прибывало не голышом, с амуницией и провиантом. Набор был типичный: копье, щит, боевой топор, нагрудник из толстой кожи, шлем. У некоторых еще и луки. Многие – верхом. Припасы везли на фурах. Те, что были с конными, а не воловьими упряжками, должны были тоже принять участие в походе. Три бургские кузницы работали круглосуточно: не все ополченцы были полностью экипированы, и те, у кого была возможность, желали сменить прадедовское копье на более современное, Или поменять кожаный или бронзовый шлем на железный. Никакого единообразия не было и быть не могло. О своем вооружении каждый заботился сам. Но Алексей имел возможность оценить воинственность «славных гревтунгов»: ни один из ополченцев не явился с косой или «домашним» топором. У всех было боевое оружие, пусть и разного качества. А кое у кого даже мечи имелись.

Единственное, что было поставлено из рук вон, – тактическое взаимодействие. Да и вообще любое взаимодействие. Оно ограничивалось тем, что группа родичей старалась держаться вместе. Ни регулярного строя, ни даже простого понятия о боевом построении.

Индивидуально – да. Индивидуально каждого натаскивали управляться с оружием и быстро бегать с полной выкладкой или скакать верхом, по возможности не падая с коня. Но, с точки зрения Коршунова, это было не войско, а вооруженная толпа. Даже личная дружина Одохара была не лучше. Но Алексей помалкивал. И изо всех сил совершенствовался во владении холодным оружием. Придет время (хочется верить!) и для большего, а пока следует научиться работать железом не хуже риксовых дружинников. Хотя бы не хуже. А сейчас в дружине Одохара была по крайней мере дюжина бойцов, в единоборстве с которыми Алексею, что называется, ловить нечего. И еще с полдюжины – в дружине мирного вождя Фретила. И человек пять – из охранников Стайны, которые остались с прежним лидером, несмотря на утрату им полномочий. Почему бы и нет? Даже перестав занимать «государственную» должность, Стайна продолжал оставаться самым богатым человеком в бурге. И по-прежнему почти вся торговля бурга шла через него. Коршунов попробовал обратить на это внимание тестя, но оказалось, что Фретила полностью в курсе и, более того, сам попросил Стайну вести торговые дела бурга, поскольку у бывшего вождя это получается очень хорошо. Святая простота! Втолковать Фретила, что укрепление Стайны подтачивает его собственную власть, было невозможно. Ну как же! Фретила ведь *избрали* в вожди старейшины гревтунгов! А Стайна – кто? Да никто он теперь!

Даже Одохар, который был существенно дальновиднее Фретила, вдруг взял да и помирился с бывшим соперником. Какие-то у них совместные делишки завелись... Словно и не было противостояния на тинге. Словно бы и не уличили Стайну публично в шпионаже в пользу вероятного противника. Бред какой-то! И об Анастасии ничего не известно...

Зато Рагнасвинта ходила счастливая и еще более важная: непраздна! Но для Коршунова ее беременность – лишний повод для беспокойства. Следовало ожидать, что при здешнем уровне медицины роды – довольно рискованная процедура. С другой стороны, народ тут на удивление здоровый, а женщины весьма плодовиты. Не захирел еще генофонд. Да и как ему захиреть, если все слабое на корню отсекается. Ладно, с этим, скорее всего, обойдется. Но Анастасия...

Тревожно было Коршунову. И обратиться за помощью было не к кому. Скулди опять уплыл домой. Агилмунд... Агилмунду Стайна кольчугу подарил. Дивной работы, двухслойную, с зеркалом золоченым, а на зеркале – зверь страшный, слон называемый. О!

Точно, слон. Коршунов поглядел на великолепную чеканку, изображавшую голову слона с задранной хоботом, и понял, что просить родича прояснить ситуацию с Настей не стоит. Не поймет его родич.

Пришел корабль, который был торжественно обещан Коршунову Одохаром. Корабль – громко сказано. Пятнадцатиметровая лодка на шесть пар весел, выдолбленная из цельного ствола, с короткой мачтой и двумя рулями: один – на корме, другой – на носу. Флагман победоносной флотилии Одохара. Смешно, ей-богу. Ну да, по речке и на таком плыть можно. Но если рикс планирует на ней морскую экспедицию совершить... Черное море – оно, конечно, не Тихий океан. Но Коршунов помнил, какие там шторма в октябре-ноябре бывают. На таком корыте – только крабов кормить.

Короче, не радужное было настроение у небесного героя Аласеи. Но он не предавался унынию. Гонял себя до двенадцатого пота. Осваивал арбалет, который ему сделал Травстила по черепановскому (эх, Генка!) заказу. Убийственная машинка получилась. Коршунов сварганил к нему что-то типа прицела. После трехдневной тренировки Коршунов научился попадать за сто шагов в неподвижную мишень величиной с ладонь. А с оптикой, в качестве которой служил подсоединяемый монокуляр, – вдвое дальше. Правда, если сильного ветра не было. Грозное оружие получилось, покруче ТТ. Хорошо бы еще по движущимся мишеням потренироваться... Скоро такая возможность представится. Одохар на днях большую охоту запланировал. Облавную. С практической целью: пополнить продовольственные запасы военной экспедиции. Об этом Коршунов от Книвы узнал, а тот – от Ахвизры. Самого же Алексея как-то от дел «высшего командования» мягко отодвинули. Обидно. Все-таки это

благодаря ему и шпионскую сеть разоблачили, и Стайну скинули, и Фретила в вожжи вышел... Фретила, впрочем, тоже к разработке будущих военных планов не привлекали. Зато Овида-жрец постоянно возле Одохара отирался, кардинал серый, мать его... Может, это он рикса против Коршунова настраивает? Очень может быть. Не зря же и Травстила Алексея сторониться стал. А ведь какие у них с кузнецом совместные планы были по совершенствованию вооружения...

Коршунов упражнялся с мечом во дворе, когда прибежал мальчонка с вестью от Книвы.

Остановился, запыхавшийся, в пыли, но проникнутый важностью поручения.

– Аласейя, Книва сказал: от Стайны бабу привели. Поганку ромлянскую. Одохар ее казнить будет. Книва за тобой послал! Вот!

Коршунов, как был, босиком, без рубахи, с мечом в руке, – так и кинулся со двора. Пронесся по узкой улочке – встречные шарахались в испуге. Еще бы! Голый, красный, разъяренный герой с оружием наголо!! Кто-то крикнул сзади: «За риксом послать! Вутья!»

Алексей выскочил на площадь из боковой улочки – прямо в толпу. Расталкивая бесцеремонно, протиснулся вперед...

«Не успел!» – мелькнуло в голове.

Дружина рикса стояла в две шеренги. Сам Одохар – у крыльца дружинного дома. Вокруг, в беспорядке – толпа.

А его Настя, в изодранном платье, со связанными руками, уже бежала... Убегала! Все быстрее... Кожаный ремень, натянувшись, увлекал ее за всадником, за конем, который шел пока еще крупной рысью, а не галопом, потому что в бургте тесно, не разогнаться в бургте, зато за воротами... Окровавленная мертвая кукла, волочащаяся за скачущим конем, подпрыгивающая на буграх, бьющаяся о камни...

Настя споткнулась...

– Аласейя! – закричал кто-то, но Коршунов уже отшвырнул стоявшего на пути дружинника, другой сам отпрыгнул, увидев обнаженный клинок.

Чья-то рука цапнула Коршунова за руку, но соскользнула с потной кожи.

– Стой! – закричал он по-русски, забыв, что понять его не смогут. – Стоять, сука!

Всадник оглянулся: лицо знакомое, кто-то из Стайновых... Скривил рожу, хлестнул коня, Настя снова споткнулась (у Коршунова заглодело внутри), но сумела, выправились...

Алексей на бегу метнул меч, целя в спину всадника. Он не думал о том, что потом придется отвечать за убийство. Он знал только одно: *это* надо остановить. Копьем Алексей попал бы, но меч – не копье. Коршунов промахнулся. Зато без меча он побежал быстрее. А всадник, наоборот, сбавил, въезжая в проулок...

Алексей успел в последний момент, обогнал Настю, перехватил ремень и тут же уперся, рванул на себя, уже жалея, что бросил меч и перерубить ремень нечем. Конь дернул – их швырнуло в сторону, ударило о бревенчатую стену. Настя вскрикнула.

Всадник еще раз обернулся: Коршунов признал его: Хвитс! Ну сука...

Слуга Стайны ощерился, попытался развернуть коня, но в проулке было слишком тесно. Конь ударил задними ногами – Алексей увернулся и использовал рывок для прыжка. В следующий миг он уже сидел на крупе позади всадника, выворачивая у него из руки нож.

Хвитс бешено сопротивлялся, конь под ними, стиснутый между стенами, бился и лупил копытами в бревна. Больше всего Коршунов боялся, что они свалятся оба и конь понесет, увлекая за собой Настю.

Хвитс держался на лошади крепко, как клещ, и изо всех сил лупил Коршунова локтем левой руки. Но Алексей боли не чувствовал, жал, пока в правой руке врага не хрустнуло. Пальцы Хвитса разжались.

Коршунов перехватил нож и полоснул по ремню... И в этот же момент Хвитс изо всех сил ударил пятками в брюхо коня, и тот рванулся вперед.

Алексей не удержался, полетел на землю и так треснулся спиной, что воздух из легких выбило напрочь, а в глазах потемнело.

Прошло, наверное, несколько секунд, пока в голове у него прояснилось.

Первое, что он увидел: маленькая ножка Анастасии, разбитая до крови, и пара кожаных шнурованных сапог сорок пятого размера.

В следующий момент Алексея схватили за руки и рывком поставили на ноги. Коршунов узнал одного: дружинник Одохара, из молодых, и еще двое незнакомых. Алексей криво усмехнулся... И тут же получил кулаком в живот.

Бил незнакомый. Перекошенная от ярости рожа... Коршунов не стал разбираться, из-за чего его так невзлюбили. Он сделал вид, что удар «прошел»: разинул рот, задержал дыхание... И очень качественно заехал агрессору в пах. Потом влепил пяткой в свод стопы (жаль, что босиком!) одного дружинника, треснул затылком в нос второго, вырвался и обнаружил, что к нему бегут, с самыми черными намерениями, еще человек десять. Он глянул на Настю: женщина пришла в себя и отползла к стене. Хорошо, может, не затопчут. И как назло, ничего подходящего, даже палки кривей...

Хорошо хоть, то были не дружинные. Но их было много и все как на подбор – крепкие ребята. За ножи не хваталось: орудовали кулаками и дубьем, поэтому секунд десять Коршунов выстоял, даже ухитрился вырубить парочку... А потом в толпе мелькнуло оскаленное бешеное лицо Агилмунда...

«Теперь все!» – подумал Алексей, на собственной шкуре узнавший, на что способен старший брат Книвы.

Это было действительно все. Потому что вокруг сразу стало совсем пусто. Нападавшие отпрянули, как стая шавок при появлении волка.

– Ну зачем ты прибежал? – проворчал Агилмунд, покосившись на Коршунова через плечо. – Какой дурак тебя позвал?

Коршунов промолчал.

Так они и стояли вдвоем, у бревенчатой стены, пока, раздвинув толпу, к ним не вышел Одохар.

– Отойди от него, Агилмунд, – бросил рикс.

Агилмунд подчинился, но уронил многозначительно:

– Аласейя – мой родич, рикс!

Вождь кивнул.

Ясно, что Агилмунд – в своем праве. Родича следует защищать всегда. Независимо от обстоятельств. Сначала защитить, а потом разбираться, кто прав.

Вперед протиснулся Ахвизра, за ним – Книва. Встали за спиной Одохара. За ними – еще с полдюжины дружинников. Выстроились цепью. Толпа охотно подалась назад, уступая место профессионалам. Многие из добровольных помощников правосудия уже испробовали на себе коршуновские кулаки.

Алексею почему-то вспомнилось, как он точно так же прижимался к стене, когда его пытались убить из-за черепановского Буратино. Тогда он был – один против всех. А сейчас...

– Почему ты не дал ее казнить, Аласейя? – строго спросил рикс. – Ты, мой дружинник, поступил против моего слова...

– Почему ты не позвал меня, вождь? – непочтительно перебил его Коршунов. – Почему ты решил казнить ее, не спросив, что я об этом думаю?

– Потому что я – рикс, – сухо ответил Одохар. – Этого достаточно.

– Есть закон, – напомнил Коршунов. – И есть судья в бурге.

– Не для моей рабыни, чья вина объявлена.

– Она – твоя рабыня? – изумился Коршунов.

– Моя, – сказал Одохар. – Стайна подарил ее мне. Он знал, что она недолго проживет в моем доме. Ее вина известна. И тебе, Аласейя, она тоже известна. Эта женщина предавала всех. Она умрет.

– Нет! – перебил Коршунов. – Она не умрет. И я хочу, чтобы ее вина была объявлена при мне! Потому что я не знаю за ней такой вины, за которую следовало бы казнить только

ее! Подумай, Одохар! Крепко подумай!

– Ты мне угрожаешь? – совершенно будничным голосом поинтересовался Одохар, но Алексей не обманулся. В этот миг его жизнь висела на волоске.

Краем глаза он увидел, как Агилмунд, будто невзначай, положил руку на оголовье меча, покосился на Ахвизру, потом повел глазами в сторону Книвы...

Вновь накатило теплое чувство: свои – рядом и защитят. Сейчас. А что – потом?

– Я *прошу*, вождь Одохар, – спокойно и веско уронил Коршунов. – Ты – рикс. Но я хочу услышать тебя и хочу быть услышанным. Разве это не мое право?

Одохар медлил...

Он был неглуп. И умел при необходимости обуздывать свои чувства. Среди его соплеменников это было довольно редкое качество. Коршунов знал, что нужен Одохару. Но не настолько, чтобы ради этого ронять свой авторитет. В конце концов, под парусами цвета снега и крови не обязательно должен стоять небесный герой Аласея. Героя не будет, но шелк останется. С другой стороны, Аласея – не просто небесный герой и кувшин с удачей. Он еще и родич мирного вождя (ох, не зря Одохару не понравилось избрание Фретила!), и родич первого из его дружинников, и... Нет, придется сохранить Аласею жизнь. Пока. Но у Одохара хорошая память и хорошее терпение. И он дождется времени, когда можно будет расквитаться с собственным дружинником, который из-за бабы пошел против своего вождя!

– Хорошо, – кивнул рикс. – Ты услышишь, в чем ее вина. Но она умрет, если ты не убедишь меня, Аласея, в том, что этой женщине стоит сохранить жизнь. Я дал тебе слово, что ты пойдешь со мной в поход на ромлян. Но твоя смерть освободит меня от моего слова. – Тут он не сдержался, бросил презрительно: – Если ты желаешь умереть *вместе с моей рабыней* – ты умрешь. Агилмунд, заведи эту женщину и проследи, чтобы она не сделала еще какую-нибудь гадость. А ты, Аласея, вернись домой, приведи себя в подобающий вид. Потом приходи – я тебя выслушаю. – Одохар сделал знак, чтобы Коршунову вернули меч. – И не разбрасывайся больше моими подарками, – добавил вождь. – Не то у меня пропадет желание что-то тебе дарить.

Глава сорок пятая Алексей Коршунов. «Подарок» Одохара

Они собрались в доме Одохара. В большой комнате на первом этаже, где висели посеченные щиты Одохаровых предков, а у холодного очага расположились и мрачно взирали на гостей закопченные истуканы местных богов. Собрались втроем: Одохар, Агилмунд и Коршунов. Неглупо со стороны Одохара. Если Коршунов скажет лишнее, то этим еще более восстановит против себя Агилмунда.

Старший сын Фретила уже высказал Коршунову все, что он думал по поводу его поведения на площади. И напомнил, что род, принявший Аласею, может точно так же и выкинуть его к чертовой матери.

– Это не тебе решать! – запальчиво выкрикнул Книва, который при любых обстоятельствах неизменно принимал сторону Аласеи. – Не ты старейшина!

– Не я, – согласился Агилмунд. – Фретила. Но Фретила велит Аласею забыть об этой женщине и принести подарок Одохару за нанесенную обиду. Ведь Аласея не позволил Одохару наказать свою собственную рабыню. А когда Аласея откажется выполнить волю старейшины (а он откажется, верно?), то, дурачок Книва, отец наш изгонит его наверняка! Мне по сердцу твой буйный нрав, Аласея! Но вижу, что ты прикипел сердцем к этой тиви, а она хитра, как лиса, и глядит сразу на четыре стороны. И ты не смиришь ее, как смирил сестру нашу Рагнасвинту, потому что даже Стайне не удалось ее смирить, а Стайна – покрепче тебя.

– Не уверен. – Коршунов усмехнулся. Он уже успокоился. И несколько не жалел о том, что сделал. Потому что действовал правильно. По-черепановски. Сначала любыми средствами пресечь агрессию и сохранить жизнь любимой женщине. Ну а потом можно и подумать, как договориться с Одохаром. Тем более, кое-какие идеи у Алексея имелись. О

том, как повернуть дело так, что не только о рабыне заботился небесный герой, но еще и об успехе будущего похода. А заодно показать Одохару, что Алексея можно использовать не только в качестве знамени и вождь совершенно напрасно «вычеркнул» его из списка своих советников.

Вот поэтому сейчас перед риксом сидел не тот Аласейя, который противостоял вождю на площади, а совсем другой. Дружелюбный и рассудительный.

– Итак, в чем же ее вина, *мой* рикс? Уж не в том ли, что по воле своего повелителя эта женщина писала письма нашим врагам? Или, может быть, ее вина в том, что она, опять-таки по воле своего *тогдашнего* повелителя Стайны, возлегла со мной, чтобы погубить и меня, и себя, и наш поход? Давай забудем о том, что она же и спасла меня. Забудем об этом и станем помнить только о ее вине. Да и есть ли вина? Можно ли наказывать рабыню за повиновение хозяину, если сам хозяин остается безнаказанным? Разве по Закону хозяин не отвечает за действия своего раба? Если убийца твоего родича пришлет тебе свой меч, которым совершил убийство, неужели ты согласишься покарать меч вместо убийцы?

– Если меч достоин того, чтобы стать верегельдом, конечно я его возьму, – не задумываясь, ответил Одохар. – Это справедливо. Но я понимаю тебя, Аласейя. Я не могу покарать Стайну, потому что этому еще не пришел срок. Вот когда мы вернемся с победой... – тут он оборвал себя и вернулся к прежней теме. – Стайна – змея. И он прислал мне не меч, а свой ядовитый зуб!

– Вот и отлично, – заметил Коршунов. – Почему бы нам самим не использовать этот зуб? Я говорю сейчас не о тиви Анастасии, рикс, а о ядовитом зубе. Почему бы нам не смочить его ядом свои стрелы?

Одохар покачал головой:

– Это стрела, которая ранит не только врага. Даже Стайне она служила скверно. Даже хитреца Стайну она предала, когда ей представилась возможность.

– То есть ты хочешь наказать ее за то, что она пришла мне на помощь? – осведомился Алексей. – Не только мне – нам?

– Я вижу, – сказал рикс, – что эта женщина очаровала тебя. Она умрет, и чары спадут.

– Эх, Одохар... – Коршунов покачал головой. – Неужели ты забыл, *кто я* ?

– Даже бога можно очаровать, – вмешался Агилмунд. – А ты точно очарован, Аласейя! Вот скажи, как рикс может *использовать* эту рабыню, кроме как на своем ложе?

– Скажу, – усмехнулся Коршунов, хотя мысль об Одохаре и Насте – в одной постели ему совсем не понравилась. – Скажу. Например, она может написать письмо ромлянам, с которыми так дружен Стайна.

– Она уже написала, – буркнул Агилмунд. – Предлагаешь отправить ее послание ромлянам?

– Предлагаю, – кивнул Коршунов. – Только не то, а другое. В котором будет написано, что мы погрязли в распрях. Что Одохар с Комозиком сцепились и не пойдут в поход. Или еще лучше: напишем, что поход будет. Что несметная сила собирается вторгнуться в империю, и ромлянам следует собрать побольше войск, чтобы встретить нас...

– Это еще зачем? – возмутился Агилмунд.

«Все-таки для начальника контрразведки мой шурин слишком простодушен, – подумал Коршунов. – Скулди уже догадался бы».

– А потому, что мы в послании укажем одно место вторжения. – Алексей усмехнулся. – А сами ударим совсем в другое. И ромлянских войск там уже не будет. Угадай – почему?

– Неплохо. – Рикс оценил идею раньше Агилмунда. – И поэтому ты не дал мне ее убить?

– Не только. – Коршунов улыбнулся. – Но разве настоящий воин способен забыть о славе ради женщины? Но если вместе с женщиной выплескиваешь из чаши победу... *Нашу* победу, рикс!

Одохар покачал головой.

– Ну и родич у тебя, Агилмунд, – заметил он. – Воистину хитрее ромлянина.

– Скажи это Скулди, – отозвался старший Фретилич. – Ему понравится. Он только и

знает, что ромлянских хитростей искать.

– И он прав, – жестко, совсем другим тоном произнес рикс. – Теперь мы это знаем. Он прав, и ты прав, Аласейя. Этой женщине стоит сохранить жизнь. Ты нашел слова, которые меня убедили.

Поздним вечером того же дня, когда на подворье Фретины, куда Алексей с Рагнасвинтой заглянули патриархально поужинать, псы во дворе залились лаем, а в ворота кто-то постучал.

Книва, младший из мужчин, пошел открывать. Минуту спустя он появился, растерянный и озабоченный.

– Аласейя! Тебе дар от рикса!

Тут он посторонился, пропуская внутрь еще одного человека.

В сених было темно, но Коршунов узнал бы ее даже в абсолютной темноте.

Рикс Одохар нашел, как использовать ядовитый зуб и при этом самому уберечься от яда. И вдобавок отблагодарить дружинника за перспективную идею. Он всегда был практичен, военный вождь гревтунгов.

Единственное, что поначалу беспокоило Коршунова: как отнесется к «подарку» Рагнасвинта. Но Алексей беспокоился зря. Его *квено* отнеслась к появлению у мужа *тивы* вполне одобрительно. Как и положено по местным нравам. Чем больше у мужика наложниц, тем выше его статус. А чем выше статус мужа, тем выше он и у жены. А жена у Аласейи только одна – Рагнасвинта.

Вместо эпилога «Чтобы главное помнить и чтоб все остальное забыть...»

Это были слова из какой-то совсем старой песни. Коршунов стоял на носу собственного корабля, чудного судна с двумя носами, выдолбленного из цельного древесного ствола. Над головой Алексея вздувался пузырь из парашютного шелка, «небесный парус цвета снега и крови». Парус первого из двадцати трех таких же корабликов. То был «победоносный флот» славного рикса Одохара. Его сухопутная армия – четыре с половиной сотни всадников, примерно столько же пехоты и длинная вереница фургонов – двигалась сушей. По местным меркам, то была грозная армия, и здесь, на герульских землях, ее сопровождал полусотенный отряд дружинников рикса Комозика. Так, на всякий случай. Предупреждать местных жителей, что не враг идет, а союзник. Да и самому союзнику тоже время от времени не вредно напомнить, что он – *союзник*.

Коршунов стоял на носу и зорко высматривал мели, которых здесь, в устье, было немало. У него было отличное настроение, потому что жизнь была прекрасна и удивительна. Потому что у него была Анастасия, а все проблемы бурга в бурге и остались. Единственное беспокойство – будущий поход. Настя многое успела рассказать Алексею, пока их неторопливые корабли плыли вниз по реке, которую Настя называла – Борисфен. Она многое рассказала ему, прекрасная гречанка из римской провинции Сирия. О себе, о своей жизни, о виллах из мрамора и светлого туфа, о праздниках, о мудром философе из Александрии, о том, как по приказу Императора убивали христиан, и о том, как убивали в великом городе Риме самого Императора. Это был рассказ о жизни великолепной греческой гетеры, чья судьба была так похожа на судьбу ее родины, проглоченной римским львом и привнесшей в Империю Силы и Закона толику Мудрости и Красоты. Греция дала Риму то, что наполняет жизнь воина смыслом. То же давала сейчас Коршунову Анастасия. Но не только это. Слушая ее, Алексей зримо представлял себе мир, в котором она жила. Мир Великого Рима. Великолепный Колизей, раскинувшийся на полконтинента. И «великий» поход варваров теперь казался Алексею походом кучки обнаглевших муравьев, вознамерившихся захватить пятидесятитысячный стадион в разгар финального матча.

Но сегодня был последний день их плавания по спокойной реке, называвшейся ТАМ, откуда пришел Алексей, Днепром. И в этот последний день, прежде чем солнце миновало

макушку неба, Коршунов изменил свое мнение. И изменил его потому, что за очередной излучиной взгляду его открылось потрясающее зрелище. Огромное поле, сплошь заставленное шатрами и палатками, заполненное телегами и загонами для лошадей и скота, кишачье людьми... Такого столпотворения он не видел еще с ТЕХ времен, и Алексея проняло. И он наконец понял, почему рикс гревтунгов Одохар называл будущий поход Великим.

Конец первой книги

Постскрипtum

На просторной поляне неподалеку от заросшего лесом пологого холма расположилось около двух десятков вооруженных людей. Бо́льшая часть их отдыхала, меньшая несла караул у двух больших клеток, связанных из ошкуренных древесных стволов. В клетках сидели двое голых мужчин. По одному – в каждой. Они были похожи, эти двое: оба невысокие, мускулистые, с квадратными лицами. Разве что у одного волосы светлее и не так густо покрывали тело, как у второго.

– Ты кто? – спросил тот, что посветлее. – Ху а ю?

– Эго? – спросил второй. – Я? Я – кентурион ²² первой когорты первого фракийского легиона Гонорий Плавт Аптус. Ты понимаешь латынь?

Первый мотнул головой:

– Латынь – нет. Тебя – да, кентурион Плавт.

– А тебя как звать? – Кентурион дополнил вопрос жестом.

– Геннадий. Подполковник Геннадий Черепанов.

– Геннадий Кереп... Как?

– Черепанов. Церебра... – Мужчина постучал себя по голове.

– А-а! Череп! Понимаю! – Римлянин ухмыльнулся, и его собеседник тоже ухмыльнулся. Очень похоже.

Их настрояние не понравилось одному из сторожей.

– Молчать! – крикнул он и совсем уже собрался ударить светловолосого древком копья, но встретился с ним глазами... И передумал.

– Что, Череп, пришло наше время умирать? – спросил римлянин. – Верно?

– Мори? Нет! – Светловолосый мотнул головой. – Не знаю, как ты, а я бы еще пожил! Эго витус, Гонорий! Эго... – Он на секунду задумался, подыскивая подходящее слово... Спирометр... Респиратор... – Эго спира, Гонорий!

– О-о! – Кентурион засмеялся. – Славно, Череп! У тебя отвратительная латынь, но я вижу: ты философ. Dum spiro, spero! ²³

– Примерно так. – Геннадию была знакома эта поговорка.

– А как насчет этого? – Римлянин хлопнул по деревянной решетке.

– Это? Это – ерунда! – по-русски сказал Черепанов и показал, как ломает палку о колено. – Вот с этими, – жест в сторону караульщиков, – посложнее.

Кентурион понял.

– Я бы с ними разобрался, – сказал он на своем языке. – Будь со мной мой меч...

– Гладиус не обещаю, – по-русски отозвался его собеседник. – Но что-нибудь мы тебе подберем, Гонорий Плавт. Что-нибудь подходящее... Мы еще с тобой повоюем. Милито, Плавт! Пара беллум!

²² Ошибочно принято читать латинское «с» как «ц». Отсюда цесарь, Цицерон, центурия. Но большинство специалистов полагает, что правильнее читать ее как «к».

²³ Пока дышу – надеюсь.

– Я-то всегда готов, Череп,– отозвался римлянин.– Лучше умереть в бою, чем сдохнуть у ног их поганых богов!

– Нет,– покачал головой подполковник Черепанов.– Это – не лучше. Лучше – когда они сдохнут, а вот мы с тобой еще проживем немного...